

*К*РЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ 2025 **ТОМ 10** № 4

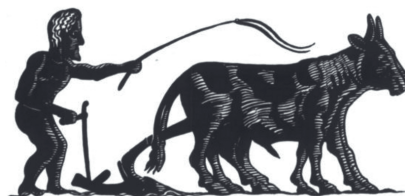
Издается с 2016 года

Выходит 4 раза в год

ISSN 2500-1809

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
Центр аграрных исследований

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Регистрационный номер
ПИ № ФС77-65824
от 27.05.2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Дж. Пэллот, председатель, Оксфордский университет (Великобритания)

А. М. Никулин, главный редактор, РАНХиГС

М. Г. Пугачева, ответственный секретарь, НИУ ВШЭ

И. В. Троцук, заместитель главного редактора, РУДН, РАНХиГС

И. А. Кузнецов, РАНХиГС

О. Виссер, Институт социальных исследований (Нидерланды)

П. Линднер, Франкфуртский университет (Германия)

Т. Г. Нефедова, Институт географии РАН

О. П. Фадеева, ИЭОПП СО РАН

Н. И. Шагайда, РАНХиГС

С. Шнайдер, Университет Риу-Гранди-ду-Сул (Бразилия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А. И. Алексеев, МГУ им. М. В. Ломоносова

В. Б. Безгин, Тамбовский государственный технический университет

С. М. Боррае Дж., Институт социальных исследований (Нидерланды)

С. Вегрен, Южно-Методистский университет (США)

В. Г. Виноградский, РАНХиГС

А. В. Гордеев, Государственная Дума РФ, Российская Академия Наук

А. В. Гордон, ИНИОН РАН

В. А. Ильиных, Институт истории СО РАН

Ким Чан Чжин, Университет Сунгконгэ, Сеул, Южная Корея

В. В. Кондрашин, Институт российской истории РАН

А. А. Куракин, НИУ ВШЭ, РАНХиГС

С. Ленц, Институт социальной географии (Германия)

Ш. Мерль, Билефельдский университет (Германия)

А. В. Петриков, Всероссийский институт аграрных проблем и информатики им. А. А. Никонова

Е. Потехина, Варминьско-Мазурский университет (Польша)

А. Д. Радыгин, РАНХиГС

Судхир Кумар Сутхар, Университет Джавахарлала Неру (Индия)

В. Я. Узун, РАНХиГС

Цзинцон Е, Пекинский аграрный университет (КНР)

Д. Челетти, Падуанский университет, Падуя (Италия)

АДРЕС РЕДАКЦИИ

119571, Москва, проспект Вернадского, 84, корпус 3, офис 2003

Телефон: +7-499-956-95-56

Web: <http://peasantstudies.ru>

УЧРЕДИТЕЛЬ

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Редактор веб-сайта Е. С. Никулина; Корректор И. Е. Кроть;

Дизайн: Издательский дом «Дело», РАНХиГС

В оформлении издания использованы гарнитура Old Standard, А. Крюков;

Картина «Лето». Кустодиев Б. М. 1918. Государственный Русский Музей.

Санкт-Петербург

© РАНХиГС, 2025

Теория

- Merl S.* Collectivization and socialist agriculture (1917–1992):
Revised comparison of the Soviet and East-European experience.
Part III. Stabilization of collective farms, industrialization and
collapse of socialist agriculture (1960–1992) 6
- Кузнецов Е. А., Михайловская В. А.* Туристические промыслы
и «право на город»: конструирование локальной идентичности
в постсоветском Сортавала через доступ к туристическому ресурсу 40

История

- Исянгулов Ш. Н.* Семейные разделы в южноуральской деревне
во второй половине XIX — начале XX века 72
- Чемакин А. А.* «Беломахновцы»: крестьяне-повстанцы Север-
ной Таврии и Русская армия в 1920 году 92
- Аблажей Н. Н., Косицын М. А.* Колхозы и земельный вопрос:
отчуждение и землеустройство в зонах затопления Обской
и Иртышских ГЭС в 1950-е годы 116
- Канищев В. В.* Научное наследие В. П. Данилова и современное
крестьяноведение в Тамбовской области: к 100-летию ученого 135

Современность

- Шагайда Н. И., Терновский Д. С.* С огорода в поля: непростой
путь картофеля 146
- Черепанова Е. А., Широкова П. А., Назаренко Г. А.,
Прусизин О. Е., Крутов О. Д., Александров Е. А.,
Колдобская Н. А.* Влияние «эффекта колеи» на адаптацию
старопромышленных районов Нижнего Поочья к меняющимся
экономическим условиям в постсоветский период. 165
- Лялина А. В., Волошенко К. Ю., Плотникова А. П.* Миграция
в сельской местности Калининградской области: масштабы
и география потоков 185
- Сагдиева Э. А.* «Малая родина» в большом городе: роль землячеств
в формировании идентичности (на примере Республики Татарстан) 208
- Ишмухаметов Р. Р.* Роль родителей в обеспечении
устойчивости сельских школ (результаты разведывательного
исследования в Республике Башкортостан) 230
- Батурина О. С.* Взаимосвязь экономического и духовно-
аксиологического аспектов в жизни российского села
(поисковый проект в региональном «кейсе») 246

Рецензии

- Куракин А. А.* Состояние сельского модерна в современной Индии 260
- Зубков А. Н.* Между «агентами модернизации» и крестьянской ини-
циативой: неразрешенные вопросы истории российской кооперации 271

Научная жизнь

- Юбилей В. А. Ильиных. 279

Russian peasant studies

Vol. 10. 2025. No 4

Published since 2016, frequency—four issues per year

EDITORIAL BOARD

J. Pallot, Chairman, University of Oxford (UK)

A. M. Nikulin, Editor in Chief, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

M. G. Pugacheva, Executive Secretary, Intercenter, HSE

I. V. Trotsuk, Deputy Editor, RUDN University, RANEPA

I. A. Kuznetsov, RANEPA

O. Visser, Institute of Social Studies (Netherlands)

P. Lindner, University of Frankfurt (Germany)

T. G. Nefedova, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences

O. P. Fadeeva, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences

N. I. Shagaida, RANEPA

S. Schneider, University of Rio Grande do Sul (Brazil), RANEPA

ADVISORY BOARD

A. I. Alekseev, Moscow State University

V. B. Bezgin, Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation

S. M. Borrás Jr., Institute of Social Studies (Netherlands)

A. V. Gordeev, State Duma of the Russian Federation, Russian Academy of Sciences

S. Wegren, Southern Methodist University (USA)

V. G. Vinogradsky, RANEPA

A. V. Gordon, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

V. A. Il'inykh, Institute of History of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences

Kim Chang Jin, SungKongHoe University, Seoul, South Korea

V. V. Kondrashin, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

A. A. Kurakin, Higher School of Economics (HSE), RANEPA

S. Lentz, Institute of Social Geography (Germany)

S. Merl, University of Bielefeld (Germany)

A. V. Petrikov, Alexander A. Nikonov Russian Institute for Agrarian Issues and Information Science

E. Potekhina, University Warmia and Mazury (Poland)

A. D. Radygin, RANEPA

Sudhir Kumar Suthar Jawaharlal Nehru University (India)

V. Ya. Uzun, RANEPA

Jingzhong Ye, Beijing Agricultural University (China)

D. Celetti, University of Padua, Padua, Italy.

CONTACT DETAILS

Mailing address: Office 2003, 84 Vernadskogo prosp., 119571, Moscow, Russian Federation.

Phone: +7-499-956-95-56

Web: <http://peasantstudies.ru>

FOUNDER

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

TABLE OF CONTENTS

THEORY

<i>Merl S.</i> Collectivization and socialist agriculture (1917–1992): Revised comparison of the Soviet and East-European experience. Part III. Stabilization of collective farms, industrialization and collapse of socialist agriculture (1960–1992)	6
<i>Kuznetsov E.A., Mikhailovskaya V.A.</i> Tourist industries and the “right to the city”: Constructing local identity in post-Soviet Sortavala through the access to tourism resources	40

HISTORY

<i>Isyngulov Sh.N.</i> Family divisions in the South Ural village in the second half of the 19th – early 20th centuries	72
<i>Chemakin A.A.</i> “White Makhnovists”: Peasant rebels in Northern Taurida and Russian Army in 1920.	92
<i>Ablazhey N.N., Kositsin M.A.</i> Collective farms and land question: Land alienation and management in flood zones of the Ob and Irtysh hydroelectric power stations in the 1950s	116
<i>Kanishchev V.V.</i> Scientific legacy of V.P. Danilov and contemporary Peasant Studies in the Tambov Region. On the centenary of the scholar	135

THE PRESENT TIME

<i>Shagaida N.I., Ternovsky D.S.</i> From garden to fields: The difficult path of the potato	146
<i>Cherepanova E.A., Shirokova P.A., Nazarenko G.A., Prusikhin O.E., Krutov O.D., Aleksandrov E.A., Koldobskaya N.A.</i> The impact of path dependence on the adaptation of old-developed industrial regions of the Lower Oka Region to changing economic conditions in the post-Soviet period . . .	165
<i>Lialina A.V., Voloshenko K.Yu., Plotnikova A.P.</i> Rural migration in the Kaliningrad Region: Scale and geography of flows	185
<i>Sagdieva E.A.</i> “Small homeland” in the big city: The role of regional communities in identity formation (on the example of the Republic of Tatarstan)	208
<i>Ishmukhametov R.R.</i> The role of parents in ensuring sustainability of rural schools (results of an exploratory study in the Republic of Bashkortostan).	230
<i>Baturina O.S.</i> The relationship of economic and spiritual-axiological aspects in the life of the Russian village (an exploratory project in a regional ‘case’)	246

REVIEWS

<i>Kurakin A.A.</i> Rural modernity in contemporary India	260
<i>Zubkov A.N.</i> Between “agents of modernization” and peasant initiatives: Unresolved issues in the history of Russian cooperation.	271

SCIENTIFIC LIFE

<i>V.A. Ilyinykh’s anniversary</i>	279
--	-----

Collectivization and socialist agriculture (1917–1992): Revised comparison of the Soviet and East-European experience.

Part III. Stabilization of collective farms, industrialization and collapse of socialist agriculture (1960–1992)

S. Merl

Stephan Merl, DSc (History), Professor, Bielefeld University, Universitätsstr., 25, 33615 Bielefeld, Germany. E-mail: stephan.merl@uni-bielefeld.de

Abstract. To reassess collectivization and socialist agricultural policy, it is necessary to keep the whole period in view, distinguishing the following phases with basically different political approaches: (1) collectivization under Stalin as based on class war and peasant subjugation to transfer capital from agriculture to industry; (2) collectivization under Khrushchev, striving to complete it, although this policy was basically put in question (in 1953 in the Soviet Union and in 1957 in the GDR and Hungary); (3) efforts to stabilize the economically weak collective farms in the 1960s after finishing collectivization and replacing Khrushchev; (4) the final turn to modernization of agriculture expecting economies of scale through different concepts of industrialization in the 1970s; (5) the failure of these concepts causing a cost trap and enforcing the rehabilitation of small-scale private agriculture in the 1980s. The two first parts considered collectivization in the Soviet Union and Eastern Europe under Stalin and Khrushchev; the third part focuses on the attempts to stabilize collective farms and to finally begin modernization to create industrial agriculture. Due to the myth of agricultural mechanization under Stalin, modernization in socialist countries started only in the 1970s, two decades later than in the West. However, modernization was carried out in the same way as collectivization before — “on the cheap” (agricultural machinery and equipment were below the Western standard). Moreover, by order from above, huge investment was wasted on changes in the size of production units despite economic necessity. Although since the 1970s, most heads of large farms were highly qualified, the command economy did not allow them to manage farms based on their competence. Ruling parties kept control over agriculture and set prices. In the 1980s, when fighting against the cost trap of socialist agriculture, they paradoxically returned to the support of cost-efficient small agricultural production that Stalin and Khrushchev had tried to liquidate. Although the bulk of the workforce was satisfied with working conditions and payment on large farms, agricultural enterprises suffered economically from extreme inefficiency. Only after the fall of socialist regimes did agricultural enterprises manage to prove their competitiveness in the market by finally gaining access to high-quality inputs.

Key words: collective farms, socialist agriculture, industrialization of agriculture, modernization, Soviet Union, Eastern Europe, Kadar, Brezhnev, Ulbricht, Grüneberg, mechanization, private plots, economies of scale

EDN: ARKNVZ

In the Soviet Union and Eastern Europe at the end of collectivization, collective farms were still economically extremely weak and unable to pay decent wages and provide benefits equivalent even to the low-level of state farms. Collective farms lacked sufficient machinery and equipment to ensure complex mechanization. After collectivization and replacement of Khrushchev, it was necessary to stabilize collective farms first — before starting modernization to create industrial agriculture in the 1970s: the capital flow had to be returned to agriculture in the form of huge state investment, and Stalin's ban on non-agricultural activities for collective farms had to be lifted as it hindered the necessary integration of agriculture with the up- and down-stream sectors of industry.

This part focuses on the enormous efforts that were necessary to stabilize collective farms and then to start modernization of agriculture two decades later than in Western Europe (Wädekin, 1978). First, I will describe the basic policy changes made for stabilization of collective farms: their enlargement, improvement of payment and social-security systems to make work bearable, training of managers and providing skilled labor indispensable for modernization, lifting of Stalin's ban on non-agricultural activities, huge state investment in agriculture and supply of enough machinery and equipment. Second, I will consider concepts of industrial agriculture for the selected countries (GDR, Hungary and the Soviet Union), which were to bring agricultural production closer to upstream and downstream sectors of industry (production of inputs for agriculture, processing, storage and trade of agricultural products) by developing cooperation and integration between enterprises. Third, I will explain why all such concepts led to the cost trap — they ignored the specifics of concentration in agriculture and spent money on ineffective investments). Fourth, I will focus on the following paradox: socialist agriculture started with the intention to liquidate private production but in the 1980s promoted small scale private production as more cost effective than large socialist farms. Finally, I will assess the fate of socialist agriculture after the collapse of socialist regimes, summarizing its advantages and disadvantages.

Stabilization of collective farms in the 1960s after the end of collectivization

Size of collective farms

Collective farms organized during collectivization campaigns were in general small — several hundreds of hectares and often only one village. In the GDR, some villages had two or three small collective farms of different types.

In the Soviet Union, the enlargement of collective farms by amalgamation began in 1950 under pressure from Khrushchev, who

expected economies of scale from such enlargement. After Stalin's death, he restarted the campaign but combined it with turning enlarged collective farms into state farms. Except for Hungary (1956), most socialist countries started amalgamation only after finishing collectivization. Finally, the Soviet Union and the Balkan states with especially extensive use of land had the largest agricultural enterprises. More industrialized countries as the GDR and the Czech part of Czechoslovakia used land more intensively, which determined smaller farms and 3,000–5,000 hectares considered as their optimal size. Hungary and Poland were in the group of medium-sized farms. Until the mid-1960s, the average size of the collective farm in the Soviet Union and Bulgaria was 6,000 hectares; in the GDR, it increased from 240 to 930 hectares (1960 and 1976), in Czechoslovakia — from 400 to 2,000, in Hungary — from 700 to 3,000 (Wädekin, 1978: 38–40, 44–47).

In most countries, collective farms were smaller than state farms and less equipped, which was especially true for the Soviet Union, although the average size of soviet state farms decreased from 1960 to 1976 from 26,000 to 18,000 hectares due to the transformation of collective farms into state farms under Khrushchev. In Romania, the average size of state farms increased from 3,000 to 5,000 hectares, in Bulgaria — from 5,000 to 6,000, in Czechoslovakia — from 3,000 to 6,000, and in Hungary — from 2,500 to 6,000. In the GDR, state farms (mostly experimental or special enterprises) were the smallest and increased only from 600 to 1,100 hectares (Wädekin, 1978: 38–40).

The share of state farms varied greatly across countries. In the Soviet Union, due to Khrushchev's transformation, their share increased from 37% in 1960 to 64% in 1976, in Czechoslovakia — from 15% to 20%, in Bulgaria — from 7% to 16%, in Poland — from 11% to 16%, and in Yugoslavia — from 5% to 12%. In Romania and Hungary, the share of state farm remained at 12% to 14%, and it was the lowest in the GDR (increase from 6.2% to 7.5%) (Wädekin, 1978: 38–40)¹.

Transformation of economically weak collective farms significantly increased losses of state farms in the Soviet Union due to the low procurement prices paid by the state. In addition, the state had to pay wages to the previously unpaid members of collective farms (Wädekin, 1978; Merl, 2020; Merl, 2021). The achieved “economies of scale” was insignificant. Only one aspect of Khrushchev's plan

-
1. Accordingly, the share of collective farms decreased: in the Soviet Union — to 34%, in Bulgaria — to 65%, in Czechoslovakia — to 61%. However, this share increased in countries in which collectivization was not or had just been finished in 1960: in the GDR — from 73% to 82%, in Hungary — from 49% to 70%, and in Romania — from 50% to 54%. The share of the private sector decreased in the GDR from 19% to 9%, in Hungary — from 32% to 15%, in Romania — from 20% to 16%, in Czechoslovakia — from 17% to 8%, while in Poland and Yugoslavia this share remained above 80%, and in Bulgaria increased from 9% to 10.5% (in the Soviet Union only 1.4% of agricultural area).

was better justified: less collective farms meant less need for reliable chairmen, primary party members; to strengthen collective farms, Khrushchev sent 50,000 skilled workers to the countryside, which was to secure Party's control and improve management.

*Wages on collective farms and the end of discrimination
against the peasantry*

The need to increase the income of collective farmers was realized by all Soviet leaders after Stalin's death. But nobody, including Khrushchev, had an idea how much it would cost and how long it would take to increase rural incomes to at least the level of wages at state farms. Although the agricultural producer prices doubled in 1954², the impact on raising the value of labor was insignificant, and under Khrushchev wages grew quite slowly.

By forcing collective farms to immediately to pay for the MTS-machinery, Khrushchev achieved a new reduction of collective farmers' income (Bronson/Krueger, 1971; Wädekin, 1978: 187–188; Merl, 2002: 212–225). Most East European countries made greater progress in improving wages, especially the GDR and Czechoslovakia due to a shortage of agricultural workers. Almost all countries used a system of remuneration based on labor units, which meant distribution according to the “remainder principle”, which was introduced under Stalin in the 1930s and only at the end of the agricultural year ensured a “distribution of gains” based on the labor units earned (very low and uncertain income, cf. Part I).

The first step to improve remuneration system was the “advanced payment” one or several times a year before the final “distribution”, which was introduced in the Soviet Union in 1933/1934 (cf. Part I). Many East European countries introduced “advanced payments”, first one or several times a year and finally monthly. In the GDR, since 1959 up to 70% of planned distribution was paid in advance; Hungary allowed advanced payment in 1951, and in 1955 collective farmers got the right to demand it; Romania allowed advanced payment in the 1950s to distribute up to 50% of the expected money income in advance, Poland — up to 60%. In the Soviet Union since the mid-1950s, 50% of the expected money distribution was paid in advance (Wädekin, 1978: 114–123; Wädekin, 1974: 235). After 1953, most countries started to gradually substitute payment in kind by cash payment. In Hungary, until the early 1960s, monthly salaries

2. Grain prices increased sevenfold, meat prices — fivefold, and milk prices — threefold. In 1954, tractor drivers were included in the state list of paid workers at the MTS and got monthly wages. Nobody had an idea about the level of prices necessary to cover the full costs of production, since under Stalin labor costs were ignored.

were quite rare and were finally introduced only in 1966 — based on roughly 80% of the calculated yearly wage (Swain, 1985: 37–50).

Another way to improve remuneration was a guaranteed minimum for the labor unit. In the Soviet Union under Stalin, such a minimum was paid in cash only to tractor drivers and then to chairmen, which reduced distribution among other members according to the remainder principle (Merl, 1990b, 96–120, 166–81). Since 1954, the GDR paid the guaranteed minimum for the labor unit in fully socialized collective farms. The state had to subsidize these payments, as hardly any collective farm had sufficient income. After the end of collectivization, in 1962 the GDR replaced the minimum wage for labor units by the guaranteed minimum income of 3,120 marks a year. Collective farmers earning more than 8,000 marks were taxed on a progressive scale (Wädekin, 1978: 182).

Only in the GDR collective farmers reached the level of payment of industrial workers already in 1964, while in the early 1970s income inequality among state farmers in Romania, Soviet Union and Bulgaria remained. In Hungary, additional income from the allowed family work on private plots partially compensated for low payments in collective farms (Wädekin, 1978: 182). For a long time, Hungarian collective farms benefited from the peasant “self-exploitation” on private plots by not paying sufficient wages to their members, who received relatively attractive and predictable rewards from work on their plots (Swain, 1985: 6–7, 51–79)³. In most countries, it took until the mid-1970s to provide collective farmers with monthly wages and of the same level as state farmers. It took even longer to reach the same level of wages as workers in industry or transport, if it was achieved at all. In the Soviet Union, this happened only in the 1980s, in Hungary — in 1977, when monthly wages replaced payment by labor units⁴, which once again proves how deplorable the level of payments was during collectivization.

Low incomes in collective farms were partly determined by their inability to provide work for all members throughout the year — most of them only received seasonal work. To what extent collective farms were unable to provide their members with work (until they were prohibited from non-agricultural activities) is evident from the very low number of requested “minimum labor days”. When they were first introduced in the Soviet Union in 1939, only 60–80 labor days were required, while in

-
3. Family labor on private plots was intended not so much for profit maximization as for balancing the use of the outputs, independent of national labor costs, and disadvantages of having no labor at all: “Wage costs are not taken into account” (Swain, 1985: 2–6).
 4. After the end of collectivization, from 1961 to 1968, wages on Hungarian collective farms improved and since 1968 were considered production costs. Since 1977, social mobility had declined, and collective farms achieved relative stability (Swain, 1985: 4, 53).

the GDR and Czechoslovakia in the 1950s — 150 labor days, in Poland — 100, in Hungary — 80 in 1951 and 120 in 1955. After Stalin's death, collective farms were often allowed to set the minimum number of labor days (Wädekin, 1974: 80, 114–132); however, collective farms were never obligated to provide full-time jobs to their members (Wädekin, 1974: 109). In the Soviet Union in the 1970s, the average collective farmer had only 200 labor days, in Romania — even less (Wädekin, 1978: 183–184). In Hungary, collective farms employed only 59% of men and 12% of women full-time; therefore, most young men left for the industry — by 1967, the average age of collective farmers reached 54 years. Thus, labor on the relatively non-mechanized household plots was no longer considered a threat to cooperation" (Swain, 1985: 83–85). Mechanization increased the seasonality of work even more.

Legal discrimination of collective farmers — a unique feature of the Soviet Union: they were deprived of passports after the 1932 famine, and 1936 "Stalin's" constitution explicitly excluded them from the state social security system. Both types of discrimination ended in the 1960s — 1970s.

In addition to improving the wage system, the state gradually included collective farmers in the state social security system. In this respect, the Soviet Union lagged significantly behind Eastern Europe. It was not until 1964 that Khrushchev finally introduced old age pensions for collective farmers. In general, their old age pensions were lower, and in the Soviet Union even significantly lower than those of industrial workers, and often a minimum period of membership in the collective farm was required.

Some East European countries like the GDR initially included collective farmers in the state social security system (including healthcare), but until 1959 with lower social benefits. Czechoslovakia included collective farmers in the state health insurance system in 1953 and in other forms of social security — in 1962. Hungary started to include collective farmers in the social security system with introducing old-age pensions (for those who joined before 1960), and later expanded the system to all, but the social security system in the field of healthcare and maternity was introduced only in 1966, social benefits were improved in 1968 and reached the level of industrial workers in 1977 (Swain, 1985: 39–40). In Yugoslavia, old-age pensions were introduced in 1954 (in 1961 combined with pensions paid to other workers), in Bulgaria — in 1957, in Poland — in 1962, in Romania — in 1966, in Albania — in 1972. In Bulgaria, until 1959 distribution of old-age benefits depended on the land brought in (Wädekin, 1978: 193–194).

Modernization and skilled workforce: how mechanization changed labor

In the 1960s, the real start of mechanization and modernization changed the demand for labor: new occupational categories emerged

and the need for skilled labor increased rapidly. Stalin's combination of collectivization with "class war", followed by Khrushchev's fight against small private agricultural production, promoted not only in the Soviet Union but in all collectivizing East European countries more flexible and better prepared agricultural systems. Unlike Western countries⁵, the available labor force on collective farms could not satisfy the need for skilled workers, which is why such workers were brought to the countryside (Swain, 1985: 83–113).

Excess of unskilled labor in collective farms had negative consequences for modernization: as cheap unskilled labor was in excess supply (except for the GDR and the Czech part of Czechoslovakia), farms experienced less economic pressure to replace labor with capital. While in the West an increase in labor costs determined complex mechanization, there was no such pressure in most socialist countries, which slowed down complex mechanization (cheap unskilled labor could be used for loading and other manual work) and started de-peasantization — collective farmers were turned into agricultural workers and lost overview over of production. Almost all socialist countries had to bring in qualified labor from outside countryside, which created serious and practically insurmountable problems, for instance, in the Soviet Union remote rural areas did not have a developed infrastructure, which made them unattractive. Skilled workers could find work everywhere, and among those trained for jobs in agriculture the turnover rate was extremely high, for instance, in the Soviet Union tractor drivers trained in the 1960s–1970s left their job after only 11–13 months (Merl, 2020; Merl, 2021). The situation was less dramatic but still difficult in countries like the GDR with the well-developed rural infrastructure. A detailed study (Swain, 1985) on this issue was conducted only in Hungary, which is why further I will focus on the Hungarian case; however, all socialist countries had similar problems when starting agricultural modernization.

Collective farmers can be divided into "mobile" members, able to use their skills everywhere, and "immobile" members, unskilled and fit only for manual labor. Among the "mobiles", there was a high staff turnover. In Hungary, among those working with machinery and chemicals, in the administration and management, a high share worked in the position for less than three years; many "immobile" members were allowed to work on their plots, which were mainly pensioners, especially women (Swain, 1985: 93–104).

Nowhere were skilled workers willing to work for labor units that had no or indefinite value. Already in the 1930s, Soviet collective

5. In Western countries with private family farms, skilled labor was recruited from farms: younger family members were flexible, capable and willing to acquire the skills necessary for modernization and development of private farms.

farms had to hire a limited number of skilled workers needed (Merl, 1990a: 383). After the liquidation of the MTS, collective farms had to employ skilled workers and pay them wages in cash. With the development of mechanization, the number of hired workers increased dramatically: thus, in Hungary in 1961 collective farms had to hire 10,000 skilled workers, in 1967 — 200,000; about 40% of them were permanent employees (Swain, 1985: 37–50, 85–88).

Managers for enlarged collective farms

Under Stalin, heads of (chairmen) of collective farms were usually political cadres or workers sent from outside by the party, i.e., they knew practically nothing about agriculture. After Stalin's death, the situation changed radically: the share of collective farm chairmen and state farm directors with higher specialized education significantly increased. In Hungary, since 1957, directors were more often selected by members rather than “elected”: local farmers, who had successfully developed their farms, were often elected to management positions. In the late 1960s, with the enlargement of collective farms and the transition to industrial agriculture, the situation changed again — now leadership positions required a thorough training, increasingly in higher education institutions. Training “on-the-job” could no longer provide necessary qualification and knowledge. Thus, the generation of successful middle peasants was being replaced by young, highly qualified, technically and politically educated managers: “a new stratum of technical experts” became chairmen of state and collective farms (Swain, 1985: 116, 114–129).⁶

Even in Hungary, the party retained significant control over the selection of chairmen, which was most efficiently exercised through their appointment. With the change of the statute in 1967, chairmen won control over daily economic activity on their farms — decided on methods of implementing plans and had freedom on decisions concerning labor (including its manipulation) (Swain, 1985: 182, 17–20). However, despite the intentions of the New Economic Mechanism, managerial autonomy remained limited in some areas, as the government maintained strict control over investment funds and capital flows (Swain, 1985: 11–16, 133–161).

In 1968, when farms became autonomous cooperatives, many heads had a university or technical college degree, while in 1960, only 4% had a high school diploma (43 % in 1974) (Swain, 1985: 116–

6. Swain analyzed the extent to which farm management was limited from below (1985: 149–159): the general meeting was rather a theatrical event to show and celebrate consensus. At board meetings, even important financial decisions were generally made without discussion. Only at workplace meetings, the management had to convince members with veto power.

122)⁷. Upward social mobility from ordinary members to managers of collective farms was almost impossible after 1968. In 1974, a “triple requirement” for management positions was introduced: political suitability, academic and political qualifications, managerial abilities. Thus, the party introduced special requirements to political and educational qualifications of farms’ heads, which ordinary members could not meet. Until the late 1970s, “cooperative farm management” was a separate body consisting of carefully selected specialists capable of organizing the efficient operation of large farms (Swain, 1985: 117, 128–129)⁸. In Hungary, farm management was also a man’s world — only 8% of chairmen were women (Swain, 1985: 119–122). Among senior managers (except for financial managers), younger people often were better qualified than the older ones. The most qualified young managers were highly mobile and had high turnover: in top and middle management, 46% of chairmen, 65% of chief agronomists, 50% of financial managers and even 81% of middle managers had less than five years of experience in their positions (Swain, 1985: 124–126).

The end of Stalin’s ban on non-agricultural activities in collective farms

Under Stalin, non-agricultural activities were not allowed for collective farms: otherwise, they would cease agricultural production, which would only bring them losses due to the low state prices for producers. This ban was copied in the collective farm statutes of all East European countries even under Khrushchev⁹. As before collectivization many small farmers received income from non-agricultural activities, this ban worsened the income and employment situation in collective farms (Wädekin, 1978: 265–275).

Only in the 1960s, after collectivization was completed, the ban was lifted. In Hungary until 1966, despite underemployment, only 1% of collective farmers were engaged in non-agricultural activities (Wädekin, 1978: 238; Swain, 1985: 141). After the ban was lifted in 1967, the situation changed: in Hungary and most other countries, agricultural producer prices were kept low, while non-agricultural activities were better paid. Therefore, the lifting of the ban had an unexpected effect: cooperative farms started competition with industrial enterprises for skilled industrial labor (Swain, 1985;

7. In 1968, still 52,5% of chairmen were former farmers and had no special education.

8. Control was ensured by informal networks; only the party issued the necessary “certificate of trust”, and a third of chairmen hold party positions.

9. Cf. Part I: the artel statute of 1935 mentioned only the task to develop handicraft and cottage industry, in 1952 it banned non-agricultural, side activities for collective farms. In the GDR, the 1959 statute allowed processing and construction activities for farms (Wädekin, 1978: 124).

Varga, 2021). Instead of recruiting their unskilled unemployed workers, many farms employed qualified specialists from outside for highly profitable non-agricultural activities. Thus, from 1968 to 1970 processing increased by 113%, construction — by 165%, other industrial activities — by 110%, and direct marketing to consumers — by 47%. Without strict state regulation, cooperative farms could offer qualified workers higher wages than the industry, which is why farms were criticized by the “industrial lobby” accusing them of “private enrichment”. Some heads of cooperative farms were brought to criminal responsibility, and in the 1970s show trials followed (Varga, 2021: 232–241, 282–283). The Hungarian government banned the “poaching of labor” from industrial enterprises and the leasing of collective farmers to industrial enterprises (Swain, 1985: 140–146).

Production and marketing of non-agricultural products significantly raised incomes of the Hungarian cooperative farms: in 1973, they received 21% of their income from non-agricultural activities and 9,8% — from industrial activities; in 1980, they still provided 4.4% of total industrial production, 6.5% — of construction and 9% of food processing. In all countries non-agricultural activities reduced the labor out-migration and allowed collective farms to provide their members with more stable work and wages (Wädekin, 1978: 281; Swain, 1985: 140–146). In the Soviet Union, the ban on non-agricultural activities for collective farms was lifted after Khrushchev’s replacement — non-agricultural activities in the countryside received support, especially in construction.

*Delivery of machinery and equipment and state investments —
from “collectivization on the cheap” to “mechanization on the cheap”*

In the 1960s, despite propaganda, official statements and dominance of large enterprises, mechanization in all socialist countries lagged significantly behind mechanization in the West, even compared to family farms (Wädekin, 1978: 12–17). Except for the GDR, in all countries fixed capital per worker in agriculture was lower than in industry and construction (Wädekin, 1978: 161; Merl, 2021).

To reduce this gap, the Soviet Union needed large state investment and an increased supply of mechanized traction power, machinery and modern equipment. The supply of machinery and equipment did increase sharply, but in most countries their quality lagged behind Western standards. The Soviet Party and Gosplan tried to save on the high costs of building new production lines and factories for the production of specialized, high-quality equipment by ordering other industrial branches to engage in the production of agricultural machinery as a sideline. From this primarily livestock production suffered, including the supply of fodder (Merl, 2021; Wädekin, 1978: 166–167). The need for internal transport, extremely important

for large agricultural enterprises, was often ignored (Merl, 2020; Merl, 2021), which contributed to the waste of scarce resources: the production and supply of low-quality equipment was also financed, although this did not lead to the necessary increases in efficiency and productivity to compete with the West. While the replacement of Khrushchev put an end to “collectivization on the cheap”, most socialist states, following the example of the Soviet Union, replaced it by “mechanization on the cheap”. Only Hungary chose a different path and imported highly efficient Western machinery, which led to impressive increases in crop yields, especially for corn and grains.

Until the early 1960s, in all socialist countries capital input in agriculture was below the share of agriculture in the total net product. The redistribution of capital to industry continued in the 1950s but on a much lesser scale than under Stalin. Only after the end of collectivization and the replacement of Khrushchev, the flow of capital changed direction, and investment in agriculture increased to stabilize collective farms and begin modernization (Wädekin, 1978: 131–132). In all countries, agriculture turned from a supplier of capital to industry to a net receiver. The most significant growth in investment in agriculture was observed in Czechoslovakia and Hungary; the GDR kept investment in agriculture at a high level until 1973; Hungary reached the peak of investment in 1969–1971. In the Soviet Union, significant net investment in agriculture started only under Brezhnev. After 1970, Poland, Czechoslovakia and the Soviet Union further increased agricultural investment (Wädekin, 1978: 122–123). In most countries in the early 1970s, significant investments were made in improving soil quality, equipment for industrial animal husbandry, greenhouses, feed mills, warehouses, and so on.

Some of the investments were wasted, as they were used primarily not to improve production efficiency but to constantly change the size of production units, replacing only previously unnecessary buildings. Under collectivization, much of the capital stock of private farms that had fallen into disuse was replaced. The enlargement of collective farms required new investments to replace the existing farms, corresponding to their size. When at the turn of the 1970s the countries started to implement their models of industrial agriculture, a large part of investment was again used to build production facilities on a new scale. Despite a significant increase in investment, production did not increase accordingly (Wädekin, 1978: 126–130, 135–136)¹⁰.

10. The change of the production unit size had little effect on yields and efficiency. A craze began for the huge and spectacular. Limits were set not so much by the lack of funding as by the insufficient capacity of the state-owned industry. The low quality of the machinery caused problems and the lack of spare parts. In all countries, construction materials were in short supply.

In the 1970s, all socialist countries finally started modernization of agriculture in the interests of agro-industrial cooperation and integration — horizontal cooperation and more challenging vertical integration of agricultural enterprises with up- and downstream industrial branches, and in this respect the GDR and the Czech part of Czechoslovakia were pioneers. Only Bulgaria, producing large quantities of perishable food (fruits, vegetables) and processed products like tobacco and wine, joined the middle group together with Hungary, while the Soviet Union and Romania were far behind, although in the late 1920s the Soviet Union had been a leader in industrial agriculture. The construction of first agro-industrial complexes had started in 1930–1931 but was never finished, as Stalin did not provide the necessary financial support and even separated processing from agriculture to make it a state monopoly with high profits for the state budget (Merl, 1985: 363–369; Merl, 2022)¹¹. The step to vertical integration was connected (except for Poland and the Soviet Union) with creating ministries responsible not only for agriculture but also for input-production, procurement and processing industries. The Soviet Union followed only in 1985 with the creation of Gosagroprom (Wädekin, 1978, 265–298; Merl, 2021).

The optimal size of large farms depended on infrastructure: only the GDR, Czechoslovakia and parts of Poland and Hungary had a developed infrastructure — economic, social, communicative, and transport). Much of the Soviet Union lacked developed infrastructure. The economic advantage of large production units reached its limits with certain sizes, especially as in-farm transport costs increased with the size. While in the West, the concentration was more oriented toward the market and its stabilization, socialist countries primarily aimed at increasing the capacities of production. Except for Hungary, the impulses for enlargement were from above, not from farms (Wädekin, 1978: 290–293). Another task was to harmonize property forms with the beginning of industrialization of agriculture. Since 1971, the GDR formed large production units, in which previous state and collective farms worked together, trying to unify wage and bonus systems. Hungary kept the autonomy of state and collective farms until the mid-1970s, and Romania throughout the entire period, while Czechoslovakia focused on contracts for integration (Wädekin, 1978: 282–289). The Soviet Union lagged behind with harmonization, since Khrushchev supported the transformation of collective farms into state farms.

Eastern European countries and the Soviet Union especially lagged behind the West (and American agribusiness) in the upstream vertical

11. For the concepts of industrial agriculture of Chayanov's group see Part I.

integration of agriculture into agricultural machinery production, chemical industry and other input-producing branches, which affected primarily animal husbandry. In 1975, the share of industrial livestock holdings in Bulgaria was 20% for slaughter pigs, 50% for slaughter poultry, and 25% for eggs; in Czechoslovakia — 83% for milk cows, 48% for cattle, 38% for pig fattening and 94% of laying hens. In 1975, the Soviet Union had only 668 large fattening units producing 2.5% of beef and 4% of pork. In addition, some collective and state farms kept large numbers of cattle and pigs. In the GDR, poultry industry played a leading role, producing 54% of poultry on industrialized farms (Wädekin, 1978: 278–280).

Further I will describe the transition to industrial methods of production in the GDR¹², based on the most radical concept, and in Hungary that used Western technology with temporary impressive success.

*GDR: industrial agriculture with separate crop production
and animal husbandry*

In 1963, Ulbricht declared the intention to switch to industrial methods of production, i.e., agriculture should be linked to industrial branches, therefore, the living conditions in the countryside should be harmonized with those in urban areas (Bauerkämper, 2002: 194–205). The concept development took time. The transition to a new agricultural structure started with administrative reorganization and consolidation of collective farms — integrated large enterprises were to cooperate.

The administrative reform started in 1963. Following Khrushchev's rapid reorganizations of replacing ministries by "councils", the GDR replaced its Ministry of agriculture and forests by Agricultural council that was supposed to manage agricultural production, working together with the committee for agricultural procurement and the agricultural bank. In 1968, to link agricultural production with processing, councils for agricultural production and food industry (RLN) were established, combining agricultural councils with the first level of processing and with committees for agricultural procurement. RLN were responsible for comprehensive management of production, procurement and processing of agricultural products. As the administrative turn to "councils" did not solve any problem, in 1971 the GDR replaced councils by the Ministry of agriculture, forest and food industry.

12. See, e.g.: DDR-Handbuch, 1985: 9–31, 783–812; Agrar-Fachtagung, 1989: 107–121; Hohmann, 1983. I also refer to my lecture on „Agrarsoziale Systeme der sozialistischen Länder Osteuropas" at the Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität (Bonn) in the winter term 1990/1991.

After the abolition of compulsory deliveries in 1963, the GDR introduced the contract system for the delivery of agricultural products to the food industry. In 1964, the number of plan criteria for farms was reduced to the indicators of market production, investment and supply of fertilizers, on which collective farms were to make their delivery plans. When the plan was accepted, the collective farm was to sign contracts with the food industry. To take into account the specifics of the agricultural production circle, annual plans were replaced by two-year planning, based on the production level of the previous year. In 1964, the system of double prices (lower for compulsory deliveries and higher for free deliveries) was liquidated for crop and poultry production, in 1968 — also for animal husbandry.

Thus, in the 1960s, the GDR replaced administrative planning with more economic regulations but under the state control. For some products, compulsory deliveries were kept, and the state insisted on control over prices. As the prices did not provide incentives to increase production, in 1971 the state returned plan indicators for sugar, milk, meat and eggs (Wädekin, 1978: 231–234).

In principle, prices should cover production costs and provide certain profit (about 40%) to ensure capital accumulation for investment (Wädekin, 1978: 194–222)¹³, which is why the GDR increased the agricultural producer prices: in 1955, they were 20% above such prices in West Germany, in 1971 — 80% above, although inflation in the GDR was lower. This data reflects a significant increase in costs, as prices for equipment and agricultural machinery rose in 1966. In practice, the concept that farms were to ensure necessary investments themselves did not work. Moreover, some collective farms still needed state subsidies to pay the guaranteed minimum to their members.

The implementation of the new structure of agrarian enterprises began in 1967/1968 with the declared goal of concentration, specialization and knowledge intensification of production. Concentration was to be based on both horizontal and vertical cooperation: cooperative associations (KOG) united enterprises in special production branches, especially animal husbandry. This horizontal cooperation contributed to the economies of scale and delivered large volumes of standardized products for the processing industry and trade. In addition, cooperative unions (KOV) were to support the KOG through vertical links with the processing industry. Based on long-term contracts, the KOV were expected to deliver standardized products according to the assortment set by the processing industry but considering (which differed the previous inflexible compulsory deliveries) the wishes and needs of industry and consumers. In addition, central planning should be replaced by a network of contractual relationships.

13. In theory, agricultural producer prices should cover the “average costs of production” (including wages) and provide about 40% “profit” for capital accumulation for investment.

Horizontal cooperation brought together different types of enterprises, since there was pressure to change the structure of production due to the decision to deliver machinery systems only to enterprises consisting of 4 to 10 units, which determined the enlargement of production units. In land reclamation, construction and animal husbandry, cooperatives were created through joint investments by participating enterprises. Until the end of the 1960s, cooperation covered all branches of production. De jure enterprises kept their independence but organized and planned the joint use of their machinery; thereby councils served as institutions of coordination and control.

Under the influence of the Central Committee Secretary for Agriculture Grüneberg, the 8th SED-Party congress in June 1971 made the concept of large industrial production mandatory in agriculture, rejecting giant collective farms and insisting on cooperation as the main way. Animal husbandry and plant production were to be divided into specialized enterprises, which meant the third change of agricultural production units in a decade and implied the need to adapt stables and other constructions to the new size.

Grüneberg justified the concept by the supposed law of development, according to which in agriculture large-scale production had to replace small-scale production due to the concentration of land and means of production in connection with the specialization of enterprises. In this sense, agriculture would benefit from the economies of scale through serial or mass production. Grüneberg declared four goals: separation of animal husbandry and plant production in agricultural enterprises, reduction of per unit costs by producing in large quantities, increase in profitability and labor productivity. In 1974, new norms for the size of specialized units were published: stables for 1,930 milk cows and for fattening 24,000 pigs; in plant production, one main fruit/product should be produced on 5,000 to 6,000 hectares; for suitable vegetables and fruits, industrial production should start; special services like fertilizing, plant protection and transportation should be provided for several production units by specialized brigades or enterprises.

Grüneberg expected a constant increase in production and harmonization of living conditions in urban and rural areas. Since 1975, he pushed [together with Günter Mittag, the Vice Head of the Council of Ministers and later the Central Committee Secretary for Economy] the separation of animal husbandry and plant production at collective farms. The delivery of cheap means of production (fertilizers and machinery) was supposed to increase yields and productivity and to reduce production costs, but the effect was opposite: production costs continued growing, as agricultural input prices rose sharply in the 1970s, leading to a cost trap.

With the transition to the concept of industrial production, cooperative associations (KOG) in animal production were replaced by independent production associations (KOE) for special kinds of

production. KOE had a special legal status and own capital, involved collective and state farms that formed a council. Since 1972/1973, cooperative associations in plant production (KAP) were formed as independent, all-inclusive complexes, in which enterprises of different property forms worked together, jointly cultivated fields and pastures. In early 1974, there were 1173 KAPs with the average of 4,000 ha, but the merger into “fully corporate” villages was pushed ahead (Bauerkämper, 2002: 199–202; Steiner, 2004: 184–187). Such concentration reached its peak in 1977/1978, but the larger size of farms increased transportation costs, and heavy machinery reduced soil fertility. Finally, 1,210 KAP or ZBE plant production were organized. The forming of inter-company institutions (ZBE) in animal husbandry turned out to be much more complicated — it was slowed down by the lack of huge investment needed to construct new stables of necessary size. Thus, in the mid-1970s, there were only 367 ZBE in animal husbandry.

Previous collective and state farms remained as “trunk-collective/state farms” responsible only for those branches that were not or could not be divided into production unions. In 1975, the number of collective farms decreased from about 9,000 to 4,574 trunk farms, mainly in animal husbandry (in 1980 — 2,899). As the combination of different forms of property gave rise to many problems even in the GDR, in 1977 further reorganization started — most ZBE and KAP were reorganized into collective farms in plant production or animal husbandry, and the development of the KOE in animal husbandry led to further concentration.

Hungary: competition and highly efficient Western production systems

Hungary was temporarily successful due to the chosen path to industrial production in agriculture but quickly reached economic and moral limits of this approach (Varga, 2021: 221–276)¹⁴, finally falling into the cost trap due to the extreme increase in the costs of industrially produced inputs, while agricultural producer prices were kept low. Political restrictions on freedom based on the market principles never ceased (Wädekin, 1978: 221–234).

Due to enlargement, in 1970 the number of collective farms decreased to 2,894, while the average sown area increased from 700 to 1,700 hectares (Merl, 1988: 139–170; Varga, 1984: 198–214). From 1968 to 1975, their technical base was replaced with the production systems imported from the West. Under the further pressure to enlarge, the

14. Varga (2021: 245–252) shows the limits of this agrarian miracle, stressing that in addition to the moral condemnation of “greed of profit” agricultural policy led to economic difficulties.

number of collective farms fell to 1,800 in 1975 and to 1,400 in 1985, reaching an average size of 3,000 hectares.

In 1960–1963, Hungary borrowed Western agricultural technology with the state financial support to ensure an industrial poultry production at the state farm Bobolna. In 1963, in Eastern Europe this farm laid the foundation for industrialized poultry meat and egg production. Then the farm spread the Western production technology in Hungary, offering support to partner farms: they followed the guidelines of the Bobolna state farm, the system owner in Hungary (in 1964, the farm had 63 and in 1967 — 217 partner farms) (Varga, 2021: 162–167).

After Hungarian farms were freed from the state command in 1967 and became cooperatives, they participated in the transfer of Western closed production systems. First, the focus was on corn production, but later this technology became widespread. In general, state farms served as a partner of the Western company and a “mediator of transfer”. Cooperatives were free to choose production systems they wanted to join and not to take part in this process at all. Hungary succeeded in integrating “highly developed industrial-style production models of capitalist agriculture”, which competed in agriculture (Varga, 2021: 183–220, 281–282). Although adopting through this “Americanization” highly efficient Western technologies, Hungarian farms hardly changed their operational structure.

In the early 1970s, the government promoted the turn to the organization of agricultural production systems with state subsidies. These systems started to work in plant production in 1971, primarily with corn and wheat, and later in animal husbandry (starting with industrial poultry production). In 1981, there were 21 different systems in grain production working on 2.5 million hectares, about 60% of land. In total, more than 70 systems operated in about 80 branches.

Production systems contributed to the technological modernization of agriculture in Hungary, keeping it close to global standards and disseminating progressive methods by supplying hybrids, seeds, fertilizers and high-quality (Western) machinery, including repair services and spare parts to ensure uninterrupted operation of machines even during peak periods. Production systems provided additional services: consultations on production methods and technology, scientific examinations to choose the best sorts of plants and fertilizers, purchases of means of production for their members farms. Some systems offered the total cycle of production (including seeds and machinery), some took care of processing and marketing (Varga, 1984). Other East European countries imported only Western models of machinery and equipment to produce improved equipment, but in general, they did not provide a full range of services and did not allow competition between suppliers to improve the quality of services (Merl, 2020; Merl, 2021).

Most cooperative farms joined several production systems (on the average 3 to 4) for different branches of production. Compared to

those not joining the systems, in cooperative farms yields were 15% higher, and costs for their own farms were lower. Most impressive achievements were in corn production due to the uses of hybrids — yields doubled and reached the Western standard; only two workers were needed to work on several hundred hectares; wheat yields also doubled. If interaction with the production system was not profitable, cooperative could break the contract.

However, investment remained a problem, since not all enterprises were successful enough. Some farms achieved very high yields of 6,000 liters of milk per cow, while on other farms yields remained significantly lower. While the production of corn was mechanized to 87%, mechanization of potato production was only about 50%. The use of irrigation was insufficient, and the average level of fertilizer and chemicals use lagged behind not only Western Europe but also the GDR and Czechoslovakia (Varga, 1984).

Soviet Union: staying behind in the transfer to industrialized production

In 1971, the Soviet Party Program mentioned agro-industrial complex (AIC), but except for some concentration in production hardly anything happened. Especially animal husbandry lagged behind in modernization on an industrial basis. In plant production, the sizes of farms would have allowed industrial production, but mechanization in general was poor and did not meet the needs (Wädekin, 1978: 270; Merl, 2020: 2021). Due to a shortage of harvesting equipment, it was used in different places on different farms, and during the harvest it was transported from west to east (Wädekin, 1978; Merl, 2021)¹⁵.

After the 1976 Politburo decision, the reconstruction started in three directions: cooperative associations of enterprises (for instance, poultry and fruit production); integration of previously independent enterprises or branches by merger (until 1979, in combination with the specialization on milk, cattle or vegetable production, about 9,000 of such integrated units were formed); until 1979, about 800 AIC were organized, also including (in general only downstream) processing and trade, rarely upstream input-producing industry. In 1983, there were about 3,000 AIC; in 1985, their reorganization ended.

The 1982 Food Program was the first to consider the whole agricultural sector: upstream industries, downstream industries, processing, trade, and infrastructure. In 1985, Gosagroprom was established as an administrative center of the agricultural sector, including its relationship with industry. Thus, agricultural management shifted from a sectoral to a territorial principle, as losses due to lack of coordination were enormous and investments proved ineffective. Now all enterprises of the district were united

15. Even in the GDR some machinery had to be used at different places.

within its AIC, to coordinate planning district agro-industrial-unions (RAPO) were established (3109 in 1985). As local costs often did not correspond to the prices set by the state, many AIC decided to work locally with own prices.

Why industrial agriculture in all socialist countries led to the cost trap

The assumption that the transition to “industrial forms of production” would reduce production costs due to effects of the economies of scale did not work in all socialist countries. Often scarce resources were wasted to adapt production to the increasing sizes of production units: in the GDR, an increase in size contributed only to an enormous increase in unit costs of production. Further, I will consider some reasons for the cost trap, starting with negative effects of work alienation and then focusing on ever-increasing prices for agricultural input, increasing capital input without free labor, and ignorance of the specifics of concentration in agriculture.

Alienation from work: loss of control over agricultural production

Agricultural labor productivity in the GDR lagged behind that of West Germany. One reason for this was alienation from work under the enlargement of farms, which determined the loss of societal control over work. While hierarchy in smaller farms was based more on trust than on purely administrative control, the situation changed with the transition to industrial production. In the GDR, the separation of plant production and animal husbandry contributed additionally to alienation from work. Brigades in plant production became responsible for fields up to 15,000 hectares — they had to work in different villages located in different places. Nobody cared about the quality of their work, which led to the highest possible payment for poor-quality work, regardless of yields or other productivity criteria. In the GDR (Eckart, 1984), ‘invisibility’ of results contributed to the loss of interest in work; narrow specialization determined the monotony of work; a significant share of working time was lost on transporting workers to and from remote fields; unmarried young workers were housed in barracks. Thus, industrial agriculture implied the loss of personal connections at work: administration was perceived as anonymous bureaucracy, running the farm from its office and being unaware of the practices used. On the contrary, collective farm workers were quite happy with the constantly changing nature of their work, which allowed them to control the entire production process.

Therefore, in the GDR agricultural sociologists proposed to change the organization of work: members of collective farms should directly

and actively participate in decision-making, including on issues of ownership and responsibility. In the late 1970s, the GDR started a campaign to bring back to the village the younger generation who left the countryside due to dissatisfaction with working conditions. This campaign showed results: in the late 1980s, about 50% of new skilled workers came from within collective farms, while among those who came from outside, the turnover rate remained extremely high¹⁶.

Rising prices for agricultural input despite the lack of more efficient equipment

Since the early 1970s, the prices for agricultural inputs increased sharply in all socialist countries, mainly due to the general practice of agricultural machinery plants in the command economy — they often stopped to produce “old” but inexpensive machinery, replacing it with the “new” one for higher prices but in most cases no more efficient and in general below Western standards. Thus, unlike in Western agriculture, the price increase was in no way offset by increased efficiency and higher yields. The situation was exacerbated by the lack of improvements in services and a chronic shortage of spare parts. In the 1970s, livestock and potato production costs in the Soviet Union increased by 50–70%, while grain production costs rose by 45%. Only poultry and egg production costs increased moderately — by 3–5%. In the 1970s, in the GDR, plant production increased by 14%, while its production costs — by 21%; animal husbandry production increased by 10%, while its production costs — 13%.

In the statistics, these increased prices were ignored, and significantly more expensive new cars (100 units) were included in the calculation as if the price had remained the same (Wädekin, 1978: 212). Many countries either subsidized agricultural input prices or raised state prices for producers. The Soviet Union periodically wrote off old collective farm debts. Thus, instead of eliminating the causes of rising input costs all countries provided additional subsidies to maintain “control” over agricultural prices.

Collective and state farms hardly had any chance to make choice according to their needs: investment, machinery and equipment were provided and distributed by the state; decisions on investment in irrigation and drainage were made by the ministry; farms could only refuse to accept investments. The Soviet Union spent a lot of money on irrigation and drainage systems without any visible effect on yields.

After the liquidation of compulsory deliveries (in Hungary and Romania at the beginning of 1957, in the Soviet Union — in 1958,

16. According to Kurt Krambach, agricultural sociologist at the GDR Academy of Science (the author’s interview in 1990), people perceived their collective farm as a state rather than “their” enterprise.

in Bulgaria — in 1959, in Czechoslovakia — in 1960, in the GDR — in 1964), the importance of the state producer prices grew: farms could be more sensitive to prices, leading to losses. Therefore, in the mid-1960s most countries returned to split producer prices to increase incentives for exceeding planned production volumes, for which higher prices were paid. In the Soviet Union, this had a crazy effect: in years with good harvests — due to surcharges for deliveries in excess of the planned volume — prices were significantly higher than in years with poor harvests. In 1983 in the Soviet Union, despite increased producer prices, 24% of collective farms and 42% of state farms could not accumulate capital, as many procurement prices did not cover production costs (covered only 70% to 75% of production costs for potatoes, beef and pork, 80% for vegetables and 90% for milk). In response to rising prices, which led to chronic losses, collective farms reduced production of these products.

An increase in capital input without a corresponding reduction in labor input

In Western agriculture capital input substituted labor input, thus not increasing the costs of production, but in Eastern Europe the increased input of capital hardly reduced labor input. Even after the liberation of part of the population, the volume of labor input often remained relatively stable, as only the previous underemployment of the workforce was reduced. Thus, the costs of increasing capital input were not offset by a reduction in labor costs. “Complex” mechanization proved insufficient: often some labor-intensive work had to be done manually, especially in storage and packaging. Mechanization of labor-intensive tasks such as potato, hay, and silage harvesting, animal husbandry and weed control was minimal. In the Soviet Union, even during the harvest, labor was brought in from other branches of the economy. In September, students were sent to rural areas to assist with the work. In many Eastern European countries, in addition to non-agricultural helpers, workers were sent to rural areas even during the predominantly mechanized grain harvest (Vadekin, 1978: 117).

The reduction in labor costs in Poland, Yugoslavia and the Soviet Union was significantly smaller than in Western countries. Given the large size of farms, labor costs remained high in Hungary, Czechoslovakia and the GDR (Wadekin, 1978: 106–109). In the GDR, there were virtually no employees laid off from work since 1976, and since 1980, the number of employees increased. While labor productivity reached approximately 62% of the West German level between 1966 and 1970, it fell to 53% between 1976 and 1980. Until 1974, GDR agriculture worked relatively well compared to West German agriculture. Grüneberg’s concept of industrial agriculture led to disaster: GDR

agriculture stagnated between 1974 and 1982, despite high investment. During this period, in most branches the GDR lost its leading role in Eastern Europe, while Hungary strengthened its position.

Since the 1970s, labor productivity in Western agriculture was as high or even higher than in industry, but in all socialist countries it was significantly below industry: in Poland and Romania agricultural labor productivity reached only 19% to 20% of that in industry, in the GDR — about 50%. An important reason was that much less capital was invested per worker in the East compared to the West (Wädekin, 1978: 118–120).

Ignoring the specifics of concentration in agriculture

The basis for understanding the shortcomings of the concept of “socialist agriculture” is Krebs’s study (1983) on the origin and development of this concept by Marx, Engels and socialists, who argued that agriculture would be subject to the same concentration as industry. Krebs convincingly questions Marx’s idea that the peasant petty commodity production with simple exchange of goods would inevitably lead to capitalism. He explains why the development of the peasant “simple” or “petty” commodity production differed from industry in terms of not producing the similar economies of scale: in agriculture, other forms of concentration can increase efficiency, since real “producers” are plants and animals, not labor. Intensification is possible without increasing the scale of production, and increasing the size has only a limited effect. Therefore, industrial principles of organization do not increase yields; moreover, internal transportation costs significantly increase with increasing farm size.

Response to the cost trap: reducing production costs

For the GDR, there is detailed data on costs and subsidies, published in the statistical yearbooks (Weber, 1989), which I will use to describe the situation in most socialist countries. Already in the mid-1970s, the reorganized “industrial agriculture” in the GDR fell into the cost trap. In response, planned norms for livestock farms were reduced, and reorganization slowed down. The SED decided to stop further concentration. After Grüneberg’s death in 1981, it was decided to return to the territorial principle for employment. In the 1980s, the goal of harmonizing living conditions between rural and urban areas had to be abandoned. Since agricultural input prices were fixed in 1973, the need for government subsidies increased significantly — from 0.4 billion marks in 1974 to 6.9 billion marks in 1982.

Huge state subsidies were required to maintain agricultural production while preventing social unrest due to rising food prices.

For instance, the GDR subsidized consumer food prices to keep them low and stable, fearing that rising food prices would cause dangerous social unrest, as had happened in the Soviet Union in 1962 and several times in Poland. Although funding the subsidies had become virtually impossible, the SED leadership did not dare to initiate the necessary adjustments of consumer prices to rising production costs. However, other cost-cutting measures were taken, for instance, spending on hard currency on agricultural imports, such as concentrated feed and fuel, was reduced and placed under strict state control; in 1978, the industrial drying of straw and root crops was stopped to save on fuel imports.

In the GDR, state budget subsidies to agriculture increased significantly between 1970 and 1980: subsidies to maintain low and stable consumer prices — from 4.85 to 7.85 billion marks, subsidies to reduce prices on agricultural machinery — from zero to 6.11 billion marks. The number of permanently employed people (excluding forestry, veterinary services, and plant protection) decreased between 1970 and 1980 from 907,962 to 820,122, while wages and bonuses increased by 125% — 7.45 to 9.4 billion marks. At the same time, the net output of agriculture and forestry in the GDR increased by only 11% (from 14.95 to 16.62 billion marks), while fixed capital — from 37.5 to 61.7 billion marks (Homann, 1983).

To reduce the use of fuel and concentrated feed, the 1984 agricultural price reform aimed at forcing enterprises to more carefully account for the costs of inputs. The end of state subsidies for inputs significantly increased production costs for farms. However, this increase was more than offset by a significant increase in producer prices paid by the state. As a result, state subsidies to maintain low consumer prices increased significantly: in 1986, 30.9 billion marks were paid out (7.85 billion in 1980), while input subsidies decreased to 3.1 billion (6.11 in 1980). In total, in 1986 the GDR paid 34 billion marks in agricultural subsidies, more than double the amount of 1980 (14 billion). In terms of net income, this meant that the GDR paid a per capita subsidy of 2,000 marks for food consumption, while the average annual income was 9,000 marks. After this price reform, virtually no agricultural enterprise in the GDR operated at a loss, whereas previously a significant share had failed to achieve their planned “profit”.

As in several other Eastern European countries, the goal of the 1982 food program in the Soviet Union was to eliminate the need for imports to save foreign currency. Therefore, the state made attempts to strengthen incentives for the use of local resources through price policy: subsidies for inputs were reduced; to mitigate high production losses, investments focused on such previously neglected downstream branches as transportation, storage and trade. To attract and retain highly skilled farm workers, their wages were brought in line with industrial wages, and they were provided with living conditions, housing and services comparable to those in cities. To meet the needs

of skilled labor, investments were increasingly directed toward social services and infrastructure improvements: agricultural specialists in rural areas were given priority access to personal vehicles, allowed to build individual houses and own private plots.

Return to cost-effective, private, small-scale agricultural production

The crisis of large socialist agricultural enterprises called into question their superiority over small-scale production. With the exception of Czechoslovakia, all other socialist states began to support private small-scale production: family labor allowed the state to save money, since it did not have to pay wages and for social security, as was the case with “socialist labor” on large farms.

Hungary began to respond to the cost trap as early as 1976. It abandoned its previous commitment to large socialist enterprises and began promoting private small-scale production, which marked the beginning of the successful integration of private production into cooperatives: large farms focused on highly mechanized arable crop production, while smallholdings specialized in labor-intensive vegetable and fruit growing, poultry and pig farming (Varga, 2021: 282). The state also supported small-scale production by non-agricultural population (Varga, 2021: 253–254). In the early 1980s, the integration of small-scale production into socialist agriculture in Hungary reached unprecedented proportions, and the state began to “capitalize on the capital reserves created by ‘family labor’” (Swain, 1985: 4).

In the early 1980s, to reduce production costs for large enterprises the Hungarian government strengthened the integration of family labor into the service and industrial sectors by creating numerous new, less strictly regulated production units, for instance, “economic working partnerships”, in which at least one participant was required to have a trade qualification. Such production units received subsidies for renting premises and equipment from state-owned enterprises and performing subcontracted work. A special form was the “entrepreneurial economic working partnerships” of employees or retirees of the parent enterprise. Most participants worked in partnerships in their spare time while holding full-time jobs in the socialist economy (Swain, 1985: 10–11).

Hungary also reduced state subsidies to farms. As a result, about a third of cooperative farms (44% of cultivated land) operated at a loss. Between 1982 and 1984, the state supported the liquidation of some cooperative farms and the formation of economic working groups or small specialized teams within these farms: these groups, under contract, took over production orders and operated independently. The state did not interfere and allowed cooperatives to decide how best to respond to the economic pressures caused by the end of state subsidies.

In Hungary, about 1.5–1.6 million families were engaged in agriculture after work (their primary job), i.e. about 40% of the total population of 4.5 million. About 40% of private agricultural production was provided by non-farm workers and employees¹⁷. Private production dominated labor-intensive, difficult-to-mechanize branches such as fruit and vegetable growing, winemaking, pig and goose fattening, and production of small animal meat such as rabbits and pigeons. It was strongly market-oriented, and collective and state farms offered attractive conditions to all private producers and acted as trading enterprises providing necessary inputs and means of production, offering such services as plowing and marketing. In 1981, state and collective farms employed about 3,000 specialists just to advise small producers. About 540,000 private producers participated in this integrated form of production. Only in Hungary, consumer prices were the same for all consumers. Thus, unlike in the Soviet Union, trade in free markets lost its appeal for private producers.

The Soviet Union focused on mobilizing local production resources to replace imports and changed its approach to private production. In 1977, restrictions on the use of plots (for example, for fattening animals unprofitable for large enterprises) were gradually lifted. From 1981, the use of additional pastures for forage production was permitted, and in 1986, the upper limits for animal husbandry were abolished. However, small plots failed to provide the expected additional food due to the lack of machinery and unattractive prices paid by the state.

From 1982, the Soviet Union also attempted to increase motivation for work through incentives. Thus, “contract brigades” (*zveno*) became widespread: they were to accept orders for producing specialized products but could organize their work independently; farms were to provide the necessary means of production; payment was to be made for the final product, calculated, however, according to official norms. In Soviet conditions, this attempt proved ineffective: enterprises often failed to fulfill their obligations, necessary resources were not delivered on time, and staff turnover in brigades was high; the focus on state norms rather than on the final product complicated income calculations.

After the abolition of the upper limits on the size of private plots in 1977, the GDR also began to support private agricultural production by the non-farming population through contracts with the VKSK (Association of Gardeners, Settlers, and Small Animal Breeders), founded in 1959 and with about 1.5 million members in 1980. The state paid members prices for fruits, vegetables, and small animals 10%

17. About 22,000 small private farms remained, mostly working on poor soils. Private plots of collective farmers averaged 0.57 hectares, with private farms accounting for 650,000 hectares of cultivated land. In addition, there were 790,000 small plots allocated to non-agricultural workers and employees.

higher than those paid to collective farms. The produce purchased by the state was sold in state stores at highly subsidized state prices, below the prices paid to private producers. The VKSK supplied about one third of the fruit, 100% of rabbits for meat and honey, two thirds of the geese, 25% of vegetables, and 40% of sheep wool. The VKSK's share of the supply of produce for state marketing showed a strong upward trend. In the GDR, as in other socialist countries, it was common practice to purchase highly subsidized grain to feed private animals, since concentrated feed was very expensive and in short supply.

The fate of socialist agriculture after the end of socialist regimes: what this fate tells us about its strengths and weaknesses

To judge the success or failure of socialist agriculture, it is helpful to consider the situation after the end of socialist regimes. In 1985, Swain argued (based on the “socialist principles”) that Hungarian collective farms were a “socialist success” in the economic sense but a “socialist failure” in the social-political sense due to their failure to create a working environment with inherent socialist characteristics (1985: 9–11, 181). I believe that this assessment needs to be revised after the end of socialist regimes, which showed that socialist agriculture was an economic failure — it did not ensure cost-effective production, wasted material and human resources, did not provide working conditions and social protection satisfactory for workers on socialist farms in most countries, with the exception of Romania and Albania (Swain, 1999; Merle. 2017).

Despite the serious economic problems caused by the cost trap, in the early 1980s, in Hungary, Czechoslovakia, Bulgaria, the GDR and the Soviet Union most collective farmers were satisfied with working conditions, which were virtually similar to those of industrial workers; non-agricultural activities in the second economy were permitted everywhere; collective farmers received reasonably good payment for their sometimes rather poor work (in most cases, payment did not depend on work results). Although the harmonization of rural and urban life was not achieved, the balance of socialist industrial agriculture with respect to social goals was not that poor: general well-being in rural areas improved due to the significant state investment in agriculture and private investment in housing. Previous infrastructural deficiencies related to culture and living conditions were minimized: collective farmers enjoyed regular working hours, holidays and free weekends (Swain, 1999: 199–201; Bauerkämper, 2002; Bauerkämper, 2014: 34).

After the end of socialist regimes, all countries started reconstruction, following two imperatives: to correct through property restitution the injustices committed by collectivization against landowners; to transfer farms — corporate or private — to agricultural enterprises capable of

operating in the competitive market economy. Both external and internal factors played a role: external factors included political discrimination against former “socialist” enterprises and the need to improve efficiency by reducing production costs, which required to significantly reduce the workforce and to replace inefficient machinery and equipment with highly efficient Western models. Internal factors included the satisfaction of collective farmers with living and working conditions and their trust in management to cope with the challenges of enterprise transformation. These factors determined the outcome of meetings at which members and — then mostly external — property owners voted on the economic concept, management for the future enterprise, and the opening balance sheet, distributing the enterprise’s financial and material assets. These issues required the approval of both current members and (separately) property owners — groups with very different interests.

Internal factors allow for the clearest assessment of success or failure. Those “socialist” farms that did not provide their members with a comfortable life, social security and acceptable working conditions immediately disappeared, which happened extensively to collective farms in Romania and Albania. In both countries, Stalin’s discrimination against peasants never ended, collective farmers’ incomes remained meager, and the division of labor into units was never abolished. Member voting led to the liquidation of collective farms — in Albania completely, in Romania to a large extent (Swain, 1999: 1199–1219). In all other countries, collective farmers generally consented to management proposals (Swain, 1999: 1199–1201). The effect of external factors was more complex: each country developed its own approach to legislation on restitution, bankruptcy and restructuring of large farms. Moreover, in Germany, the regulation of “old debts”¹⁸ played a decisive role (Merl, 2017).

To compensate for the historical injustices caused by expropriations, the assets (of collective farms) had to be returned to their original owners. Only in Poland and Yugoslavia this was unnecessary, as both stopped collectivization¹⁹. Bulgaria and Romania insisted on the return of land within its historical borders, which caused particular problems.

Most of the new governments (with the exception of Bulgaria) exerted strong political pressure to abolish collective farms and to restore peasant agriculture to its pre-collectivization form but did not take into account the economic changes of recent decades: the

18. In the GDR, the costs of investing in local infrastructure and social institutions were recorded as farm debts, although farms never managed the funds. Kohl government demanded the repayment of these “old debts”. It took a decade to finally resolve this issue and free enterprises from the obligation to repay these debts.

19. Poland suffered from the lack of land consolidation, elsewhere reached by collectivization (Swain, 1999: 1201).

prerequisites for successful family farming in most now-industrialized countries were completely different than those in the 1950s due to rapid advances in agricultural science (for example, the “green revolution”) and knowledge. Even private farmers needed thorough training and skills to cope with the new agricultural requirements: every farm used efficient machinery and equipment, was required to invest in fertilizers and high-quality livestock, sought advice from cooperatives or private consulting to assess investment risks. Furthermore, concentration increased the average farm size at least threefold; many farmers retired without successors, often retaining their property but leasing land to other farmers.

The restituted properties were typically small and often fragmented, thus, no longer providing the necessary conditions for successful agricultural production. In addition, most of former landowners or rather their heirs had long since abandoned agriculture, and many had never worked in it. Therefore, only a few of those who reclaimed their land were able or willing to restart private farming²⁰. Only members of the former collective farm with a special “peasant mentality”, who enjoyed working with animals and in the fields, regardless of the length of the workday, could cope with inevitable risks. Thus, only a few of those who reclaimed their land decided to engage in (individual) farming, mainly specialists or management members with the necessary qualifications and connections to acquire equipment. Ordinary members rarely decided to take such a risk if they had other alternatives: most preferred to lease out their land, and new tenants often reorganized large enterprises, dealing with many lease contracts as they had little land of their own. In Hungary, they were not allowed to buy land (Swain, 1999: 1205–1206).

On the other hand, large enterprises, if managed by qualified specialists and operating with high-quality equipment, had a good chance of coping with market conditions. Many of them survived re-registration (usually as “true” cooperatives and LLCs, rarely as holdings), which proves the crucial weaknesses of socialist regimes — not so much the size of the enterprise as the fact that directors and chairmen were under orders from above and could not independently select resources and equipment necessary for efficient production. Now many of them made good decisions about their own risks, prioritized cost-effective production, selected highly efficient equipment and livestock, and reduced the workforce to those truly needed, retaining primarily skilled workers²¹. The fact that most of

20. Many new private farms in the GDR were founded by people from West Germany or abroad (often the Netherlands); many started family farming with several hundreds of hectares.

21. The success of new farms depended primarily on increased efficiency: in all former socialist countries, the plant and animal productivity levels achieved under socialist regimes were soon surpassed.

these managers came from former state or collective farms suggests that they often had necessary qualifications and were able to win trust of previous members.

In the Czech Republic, restitution was heavily politicized and intended to return the lost property in its entirety and current form. However, restitution was not a mass phenomenon, as the land remained privately owned: it affected only such expropriated as *kulaks* in the early 1950s and owners of estates expropriated in 1948; other land could be transferred to them (Swain, 1999: 1201). In 1967, with the creation of “cooperative property”, restitution in Hungary became a mass phenomenon. By the late 1980s, only 35% of the land remained privately owned. Thus, many had to be compensated for their loss, and there was considerable concern about the viability of future structures. Therefore, it was decided not to return the land but to use restitution vouchers, which allowed land to be purchased at auction, not limited to the location where the land had previously been owned. Everyone was to receive something, but no one could reclaim “their” property. Compensation could be provided in physical assets or financial securities but not in cash.

In Czechoslovakia, the management of large enterprises was required to submit a plan for liquidation or establishment of a successor enterprise. Its assets and net profit were to be distributed as follows: 50% for the land, 30% for the contributed assets, and 20% for the membership period. A claim for the return of assets had to be submitted within seven years, which led to uncertainty and serious problems for the large successor enterprise: during this period, it would be in an uncertain position regarding its assets. Moreover, there was a risk that those dissatisfied with the decision could appeal to the court, leaving the final decision open for several years (Swain, 1999: 1203–1204; Merl, 2017). On the contrary, in Hungary restitution was limited to 1992: even those who had not brought in land could claim a plot as private property, and the distribution was to be at least 40%, depending on the length of membership.

1992 became a “window of opportunity” (Swain) for (re)establishing family farming in most Eastern European countries. Those who wanted to become farmers were given favorable start-up support; however, after 1994, it was reduced or eliminated in many countries, because it became too expensive and many farmers had not begun producing for the market. “Socialist” small farming, as it existed in Hungary, rarely coped with the new market competition: most private plots were soon turned into vegetable gardens, losing their significance for providing food for the population and producing for the market. Only in a few cases did landowners successfully expand their private plots into real family farms producing for the market.

Most managers saw their future in large enterprises rather than in private farming, especially in the GDR and the Czech Republic, since they possessed such important advantages as commercial experience,

familiarity with banking, business partners, large sums of money, and networks they could rely on, i.e., “social capital” that others lacked (Swain, 1999: 1208–1209; Merl, 2017). Success depended largely on managers’ skills: to restart private farming, personal contacts with farm managers provided access to capital and technology. Farm managers had a decisive advantage in information they did not share with others, for instance, intimidating members, threatening pension cuts. The more successful the managers were, the better their farms had been previously managed: such managers enjoyed authority and prestige among the members, whose social-demographic profile also played a role: they were mainly older people and women, who were more inclined to follow the managers’ arguments (Swain, 1999: 1207–1208). A complete reorganization often took about ten years.

Only in Hungary the dissolution of collective farms was more likely, since the bankruptcy legislation came into force directly. In the Czech Republic and especially in Slovakia, many large farms were transformed into new legal form, paradoxically, due to the lack of bankruptcy legislation. In 1993–1994, the number of corporate farms increased, as outsiders were generally reluctant to engage in private farming. Many (former) members increased the size of their private plots. In 1994, cooperatives and corporate associations owned almost 74% of the land; of the 23.2% privately owned, more than 80% were less than 10 hectares, and only 2% — more than 100 hectares (including “residual holdings” returned to heirs). In Slovakia, most votes in large farms favored this very form: in 1994, such farms owned 70% of the land, while corporate associations — almost 5%; individual farms owned 5.2% of the land, 76% of which were less than 10 hectares and about 2% — more than 100 hectares (Swain, 1999: 1210–1211).

In Hungary, members also initially decided to keep their cooperative farms, but political and economic pressures related to bankruptcy laws changed the situation: more than a quarter of large farms were declared bankrupt, which became the catalyst for their liquidation. However, their assets were often preserved, and management used them for establishing large private farms. Among those members who had already expanded their holdings, only a few expanded production: in 1994, cooperatives owned 31.7% of the land, while private cooperatives — 35.9%; 32.4% of the land were managed by individual farms, most of which owned less than 10 hectares (Swain, 1999: 1213–1215).

The specificity of the German case was determined by the speed of transformation during German reunification and by the fact that the new countries immediately became part of the European Union with fixed market rules and predictable prices, which was not the case in all other countries that underwent transformation, especially in Russia. Most of the German former collective farms drastically changed their concept and survived; however, it took about ten years to complete this transformation. During this time, especially in the first years, the share of landownership changed significantly:

corporate enterprises reduced their share from 90% to 51%, while the share of individual farms (including partnerships) increased from 10% to 49%. Only a third of individual farms were created “voluntarily”, while two-thirds were a result of the liquidation of collective farms without establishing a successor, which left landowners no choice but to begin cultivating land (Merl, 2017: 136). Most of the newly established private farms were significantly larger than those in West Germany, and over the decade, their average size increased further — from 120 to 160 hectares. Partnerships within private farms often owned several hundred hectares (Merl, 2017: 136–137).

Although the Kohl government exerted pressure to return farms to private ownership, this had little effect. The decisive factor in the survival of most large enterprises was the time pressure imposed by the German government: the Agricultural Adaptation Act (*Landwirtschaftsanpassungsgesetz*) gave the management (APC) and the population only a few months to decide on the opening of balance sheet, asset privatization, and the future organizational form. If a consensus vote among members and (separately considered) those with the right to assets had not been reached by the end of 1991, the large farm was liquidated, which meant the loss of control over the further process by management and members (Merl, 2017: 131).

In most cases, votes were in favor of turning the enterprise into a new legal form (“true” cooperative, LLC). “Old debts” played a decisive role in these votes, creating uncertainty about the best option for individuals. In the event of bankruptcy, old debts were deducted from the value of assets.

Managers used their “social capital” to manipulate vote results and give the successor enterprise a chance of survival: only they possessed real information about the farm and the value of assets. In the opening balance sheet, “reserves” were often manipulated to provide capital for the successor enterprise (Merl, 2017: 132–133). Managers who enjoyed the trust of the members often achieved unanimous approval of the proposed concept and the initial balance sheet. Only in about 20% of cases, there was no such proposal or vote, and farms were liquidated through bankruptcy. Most of the transformed large enterprises survived in the long term and adapted to the market competition. Freed from government control and interference and given access to high-quality equipment, many proved their competitiveness and successfully took advantage of tax breaks and subsidies (Merl, 2017: 131–132).

Conclusion

Due to the myth of agricultural mechanization under Stalin, socialist countries started agricultural modernization only in the 1970s, two decades later than in the West. Consolidation of collective farms required what Stalin had refused to give — huge state investments,

payment for work and efficient machinery for large-scale farming. However, industrialization of agriculture followed the path of collectivization — “on the cheap”, providing machinery and equipment below Western standards. Moreover, huge state investment was spent on changes in the size of production units regardless of economic necessity. Although since the 1970s, heads of large farms in general were highly qualified, the command economy (the party kept control over agriculture and set prices) did not allow them to use their competencies. In the 1980s, the fight against the cost trap of socialist agriculture paradoxically returned the state support to the cost efficient small private production which Stalin and Khrushchev had tried to liquidate. In the end, most agricultural workers were satisfied with working conditions and payment on large farms, but enterprises suffered from extreme inefficiency. Only after the fall of socialist regimes, did they manage to prove their competitiveness in the market conditions due to getting access to high-quality inputs.

References

- Agrar-Fachtagung (1989) Agrarwirtschaft und Agrarwissenschaften der DDR an der Schwelle der 90er Jahre am 1. Februar 1989. Forschungsstelle für gesamtdeutsche wirtschaftliche und soziale Fragen. *Analysen*, Nr. 5.
- Bauerkämper A. (2002) *Ländliche Gesellschaft in der kommunistischen Diktatur. Zwangsmodernisierung und Tradition in Brandenburg 1945–1963*. Böhlau: Köln u.a.
- Bauerkämper A. (2014) Collectivization as social practice: Historical narratives and competing memories as sources of agency in the collectivization campaign in the GDR (C. Irodachi, A. Bauerkämper Eds.) *The Collectivization of Agriculture in Communist Eastern Europe. Comparison and Entanglement*, Budapest; New York: CEU Press, pp. 401–431.
- Bronson D. W., Krueger C. B. (1971) The revolution of Soviet farm household income 1953–1967. (J. R. Millar ed.) *The Soviet Rural Community. A Symposium*, Urbana, pp. 214–258.
- Davies R. W., Harrison M., Khlevniuk O., Wheatcroft S. G. (2018) *The Soviet Economy and the Approach of War, 1937–1939* (The Industrialization of Soviet Russia 7), London: Palgrave Macmillan.
- DDR-Handbuch (1985) Band 1 A–L; Band 2 M–Z. Bundesministerium für innerdeutsche Beziehungen, Köln: Verlag Wissenschaft und Politik.
- Eckart G. (1984) *So sehe ich die Sache: Protokolle aus der DDR. Leben im Havelländischen Obstanbaugebiet*, Köln.
- Hohmann K. (1983) Akzentverschiebung in der Agrarpolitik der SED. *Die DDR vor den Herausforderungen der achtziger Jahre. 16. Tagung zum Stand der DDR-Forschung in der Bundesrepublik Deutschland, 24–27 Mai 1983*, pp. 79–93.
- Irodachi C., Bauerkämper A. (Eds.) (2014) *The Collectivization of Agriculture in Communist Eastern Europe. Comparison and Entanglement*, Budapest; New York: CEU Press.
- Krebs C. (1983) *Die weltanschaulichen und wirtschaftstheoretischen Grundlagen der Agrartheorie im Marxismus-Leninismus*, Berlin.
- Merl S. (1985) *Die Anfänge der Kollektivierung in der Sowjetunion. Der Übergang zur staatlichen Reglementierung der Produktions- und Marktbeziehungen im sowjetischen Dorf (1928–1930)*, Wiesbaden: Otto Harrassowitz.
- Merl S. (1988) Hat sich der landwirtschaftliche Großbetrieb bewährt? Zum Vergleich von Agrarentwicklung und Agrarproblemen in der Sowjetunion und der DDR. (H. Horn, W. Knobelsdorf, M. Reiman eds.) *Der unvollkommene Block. Die Sowjetunion und Ost-Mitteleuropa zwischen Loyalität und Widerspruch*, Frankfurt am Main: Lang, pp. 139–170.

- Merl S. (1990a) *Bauern unter Stalin. Die Formierung des sowjetischen Kolchossystems, 1930–1941*, Berlin: Duncker & Humblot.
- Merl S. (1990b) *Sozialer Aufstieg im sowjetischen Kolchossystem der 30er Jahre? Über das Schicksal der bäuerlichen Parteimitglieder, Dorfsowjetvorsitzenden, Posteninhaber in Kolchosen, Mechanisatoren und Stachanowleute*, Berlin: Duncker & Humblot.
- Merl S. (2002) Entstalinisierung. Reformen und Wettlauf der Systeme 1953–1964. Plaggenborg S. (Ed.) *Handbuch der Geschichte Russlands. Bd.5: 1945–1991. Vom Ende des Zweiten Weltkriegs bis zum Zusammenbruch der Sowjetunion*, Stuttgart: Anton Hiersemann, pp. 175–325.
- Merl S. (2012) *Politische Kommunikation in der Diktatur. Deutschland und die Sowjetunion im Vergleich* (= Das Politische als Kommunikation 9), Göttingen: Wallstein.
- Merl S. (2017) Agrarian transformations in the former GDR in 1989–2017: A success story? *Russian Peasant Studies*, vol. 2, no 4, pp. 130–147.
- Merl S. (2019a) Key features of the agrarian transformation in the GDR. *RUDN Journal of Sociology*, vol. 18, no 1, pp. 88–99.
- Merl S. (2019b) Reassessment of the Soviet agricultural policy in the light of today's achievements. *Russian Peasant Studies*, vol. 4, no 1, pp. 45–69.
- Merl S. (2020) Why the Soviet Union under Khrushchev and Brezhnev failed with the complex mechanization of agriculture: International aspects (1953–1986). *Russian Peasant Studies*, vol. 5, no 4, pp. 78–117.
- Merl S. (2021) Why the Soviet Union under Khrushchev and Brezhnev failed with the complex mechanization of agriculture: Internal aspects (1953–1986). *Russian Peasant Studies*, vol. 6, no 1, pp. 26–69.
- Steiner A. (2004) *Von Plan zu Plan. Eine Wirtschaftsgeschichte der DDR*, Berlin.
- Swain N. (1985) *Collective Farms Which Work?* Cambridge.
- Swain N. (1999) Agricultural restitution and co-operative transformation in the Czech Republic, Hungary and Slovakia. *Europa-Asia Studies*, vol. 51, no 7, pp. 1199–1219.
- Varga G. (1984) Neue Produktionsbeziehungen in der ungarischen Landwirtschaft. Th. Bergmann, P. Gey, W. Quaisser (Eds.) *Sozialistische Agrarpolitik*, Köln: Bund-Verlag, pp. 198–214.
- Varga Zs. (2021) *The Hungarian Agricultural Miracle? Sovietization and Americanization in a Communist Country*. Transl. by F. T. Zsigó, Lanham: Lexington Books.
- Wädekin K-E. (1974) *Sozialistische Agrarpolitik in Osteuropa I. Von Marx bis zur Vollkollektivierung*. In Kommission bei Duncker & Humblot, Berlin (= Gießener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des Europäischen Ostens, Bd. 63).
- Wädekin K-E. (1978) *Sozialistische Agrarpolitik in Osteuropa II. Entwicklungen und Probleme 1960–1976*. In Kommission bei Duncker & Humblot, Berlin (= Gießener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des Europäischen Ostens, Bd. 67).
- Weber A. (1989) Stand und Entwicklung der DDR-Agrarproduktion. Agrarwirtschaft und Agrarwissenschaften der DDR an der Schwelle der 90er Jahre am 1. Februar 1989. Forschungsstelle für gesamtdeutsche wirtschaftliche und soziale Fragen. *Analysen*, Nr. 5, pp. 27–40.

Коллективизация и социалистическое сельское хозяйство (1917–1992): пересмотр советского и восточно-европейского опыта.

Часть 3: стабилизация колхозов, индустриализация и крах социалистического сельского хозяйства (1960–1992)

Штефан Мерль, доктор исторических наук, профессор Билефельдского университета, Университетштрассе, 25, 33615, Билефельд (Германия).
E-mail: smerl@uni-bielefeld.de

Аннотация. Для переоценки коллективизации и социалистической аграрной политики необходимо рассмотреть весь соответствующий исторический период, выделяя в нем следующие этапы, принципиально различающиеся политическими подходами: (1) коллективизация при Сталине, основанная на идеях классовой борьбы и подавления крестьян в целях изъятия капитала из сельского хозяйства для нужд промышленности; (2) коллективизация при Хрущеве, который стремился ее завершить, несмотря на возникшие в ней сомнения (в 1953 году в Советском Союзе, в 1957 году — в ГДР и Венгрии); (3) усилия по стабилизации экономически слабых колхозов в 1960-е годы — после завершения коллективизации и смещения Хрущева; (4) окончательный разворот к модернизации сельского хозяйства в надежде на экономию за счет масштаба и применения разных вариантов индустриализации в 1970-е годы; (5) провал этих вариантов, что стало причиной ловушки невозвратных затрат и вынужденного возрождения мелких частных форм хозяйствования в 1980-е годы. В первых двух частях статьи обозначены особенности коллективизации в Советском Союзе и Восточной Европе при Сталине и Хрущеве, третья часть посвящена попыткам стабилизации колхозов и все же начавшейся модернизации в интересах создания промышленного сельского хозяйства. Сталинский миф об аграрной механизации привел к тому, что модернизация в социалистических странах началась только в 1970-е годы, на два десятилетия позже, чем на Западе, но ее ход определялся тем же принципом, что и ранее коллективизации — «по дешевке» (качество сельскохозяйственной техники и оборудования были ниже западных стандартов). Более того, по приказу сверху огромные инвестиции тратились впустую — на изменение размеров производственных единиц, в чем не было экономической необходимости. Хотя с 1970-х годов большинство руководителей крупных хозяйств были высококвалифицированными специалистами, плановая экономика не позволяла им реализовывать свои управленческие компетенции. Правящие партии сохраняли контроль над сельским хозяйством и устанавливали цены, но в 1980-е годы, борясь с ловушкой невозвратных затрат, они же вновь стали поддерживать экономически эффективное мелкое сельскохозяйственное производство, которое пытались ликвидировать Сталин и Хрущев. Хотя основная часть рабочей силы была удовлетворена условиями труда и оплатой в крупных хозяйствах, аграрные предприятия оставались крайне экономически неэффективным и только после падения социалистических режимов смогли доказать свою рыночную конкурентоспособность, получив доступ к высококачественным ресурсам.

Ключевые слова: колхозы, социалистическое сельское хозяйство, индустриализация сельского хозяйства, модернизация, Советский Союз, Восточная Европа, Кадар, Брежнев, Ульбрихт, Грюнеберг, механизация, частные земельные участки, экономия за счет масштаба

Туристические промыслы и «право на город»: конструирование локальной идентичности в постсоветском Сортавала через доступ к туристическому ресурсу¹

Е. А. Кузнецов, В. А. Михайловская

Егор Андреевич Кузнецов, аспирант факультета гуманитарных наук, стажер-исследователь Центра социокультурных и этноязыковых исследований факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20. E-mail: kuznetsov.e@hse.ru

Варвара Александровна Михайловская, студентка факультета гуманитарных наук, стажер-исследователь Центра социокультурных и этноязыковых исследований факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20. E-mail: vmikhaylovskaya@hse.ru

Аннотация. В статье рассматриваются низовые формы экономической активности в туристической сфере города Сортавала (Республика Карелия), ставшей актуальной после пандемии COVID-19 и закрытия границы в 2020-х годах. В условиях отсутствия крупных промышленных предприятий внутренний туризм стал одной из ключевых сфер экономической активности местных жителей. Особое внимание уделяется тому, что мы называем туристическими промыслами, — гибким, мелко-масштабным и часто неформальным практикам, ориентированным на самообеспечение и адаптированным к турбулентному социально-экономическому контексту региона. Эти практики отличаются как от неустойчивого наемного труда, так и от формального предпринимательства, что характеризует особую форму участия в туристической экономике. Сама туристическая экономика воспринимается в локальных сообществах как безальтернативный и во многом стратегически привлекательный вектор развития Сортавала.

Данная статья основана на материалах качественного полевого исследования, проведенного в 2023–2024 годах и включившего интервью с местными жителями и наблюдение. Опираясь на эти данные, мы показываем, что ключевым фактором, определяющим формы участия в туристической экономике, является доступ к туристическому ресурсу — к местам, инфраструктуре, нарративам и природным ландшафтам, которые могут быть превращены в источник дохода через взаимодействие с туристами. Доступ к ресурсу распределен неравномерно и потенциально может

-
1. Авторы выражают сердечную благодарность собеседникам, жителям Сортавальского муниципального округа, за предоставленную для анализа информацию. Кроме того, авторы благодарят коллег по экспедициям за возможность использования части общих данных, необходимых для написания этой статьи.

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

приводить к конфликтам. Мы рассматриваем его не только как возможность улучшить благосостояние, но и как способ реализации чувства принадлежности. Через участие в туристических промыслах местные реализуют своеобразную форму права на город — права не просто проживать, но активно использовать и формировать городское пространство и места, которые его окружают. Таким образом, участие в туристической экономике становится способом актуализации и переосмысления локальной идентичности жителей переселенческого города с фронтирной историей.

Ключевые слова: Сортавала, туристическая экономика, неформальная экономика, туристические промыслы, туристический ресурс, право на город, локальная идентичность

EDN: DYUCXN

«Сортавала известна своим прекрасным расположением на Ладожском озере, самом большом озере в Европе. <...> Город имеет богатую историю с влиянием шведской, финской и русской культуры. <...> Сортавала предлагает сочетание природной красоты и культурного наследия. Вы можете исследовать карельскую дикую природу, посетить известные места, такие как Мраморный каньон Рускеала и Валаамский монастырь, и насладиться спокойной атмосферой. Любите ли вы походы, катание на лодках или просто отдых, Сортавала идеально подходит для вас»², — пишет один из множества онлайн-путеводителей по городу Сортавала на юго-западе Республики Карелия. «Столица Северного Приладожья», исторического региона внутри республики на границе с Ленинградской областью и Финляндией, в последние несколько лет испытывает «туристический бум»³. СМИ сообщают о более чем миллионном ежегодном туристическом потоке в Сортавальский округ и сам город, ориентация на эту экономическую отрасль заметна и в материальной и цифровой туристической инфраструктуре — видимости кафе, ресторанов и сувенирных магазинов, рекламы туров в горный парк «Рускеала» и Валаамский монастырь, сапов и катеров, предложений жилья на сайтах, — и в разговорах с представителями местных сообществ. Как в собранных нами в 2023–2024 годах полевых материалах, так и в научной литературе существуют различные взгляды на туризм, его влияние на локальную экономику и повседневность: помимо очевидного разделения на позитивное, негативное и позицию «все сложно», наработанный социальными исследователями опыт позволяет рассмотреть туризм с макро- или микроэкономической перспективы, проследить его взаимосвязь с формированием нового социального ландшафта. В статье мы сосредоточимся именно на этом: проанализируем появление новых локальных сообществ, практик и идентичностей в связи с разви-

2. <https://moyatvoya.ru/putevoditeli/sortavala-putevoditel>

3. <https://factornews.ru/article/turisticheskij-bum-po-sortavalski/>

тием туристической отрасли в Сортавала⁴, которое стало особенно заметным после пандемии COVID-19 в 2020–2021 годах и закрытия границы с Финляндией с 2023 года. Однако прежде обратимся к концептуализации туризма как исследовательского феномена.

Согласно Джону Трайбу, туризм — сумма феноменов и отношений, возникающих во взаимодействии отправляющих (*generating*) и принимающих регионов, туристов, бизнеса, правительств, сообществ и среды (Tribe, 1997: 641). Широкое и многосоставное определение позволяет сосредоточить исследовательский фокус не только на самих туристах и их рекреационных потребностях, но и рассмотреть культурные, экологические и социальные последствия туристической экономики, политику и планирование, и, что важно в контексте статьи, восприятие туризма местными сообществами (Holden, 2006: 12). Набирающая популярность концепция устойчивого развития предлагает видение туризма как основанного на местных сообществах (*community-based tourism*), то есть предполагающего их непосредственное участие и получение материальных и политических преимуществ⁵. Устойчивое развитие туризма отводит местным сообществам важную роль в качестве держателей экологических, культурных и иных ресурсов, используемых в туризме, и медиаторов между использованием и управлением этими ресурсами (Muganda, Sirima, Ezra, 2013: 54).

Однако такая ситуация — скорее идеал, к которому исследователи призывают стремиться. Зачастую авторы, описывая развитие туристической отрасли, предполагают возможные роли в нем местных сообществ и дают свои рекомендации для их большего включения в локальную экономику и систему управления. Губайе Ассайе Аламинах отмечает, что основными выгодополучателями туризма становятся государство, владельцы отелей, тургиды и туроператоры, в то время как местные сообщества — несмотря на положительное влияние на городскую среду и создание новых рабочих мест — не являются ни потребителями туристических услуг, ни их поставщиками из-за разницы в экономическом положении (Alamineh, Hussein, Endaweke et al., 2023: 14). Помимо нехватки средств местные жители проигрывают конкуренцию крупным предпринимателям и государственным акторам по таким показателям, как опыт открытия и ведения туристического предприятия, интерес и социальные связи (Rogerson, Letsie, 2013). Участников туристической сферы на локальном уровне можно разделить на две группы: тех, кто влияет на принимаемые решения, и тех, кто этим решениям подвержен: как пишет Джеймс Мейерс на материале не-

4. По мнению многих местных жителей, название города не склоняется и относится к женскому роду — в тексте мы пользуемся именно таким вариантом употребления.

5. <https://www.tourismcares.org/tourism-cares-blog/how-community-based-tourism-empowers-locals-and-enhances-travel>

больших поселков в Танзании, местные жители чаще относятся ко второй категории (Mayers, 2005). Обратная сторона создания новых рабочих мест в туристической экономике заключается в низкой квалификации работы и ее невысокой оплате, незащищенности сотрудников, сезонной занятости или занятости на неполный рабочий день (Holden, 2006: 99).

Несмотря на это, некоторые исследователи не отрицают их участие в туризме: Майкл Муганда, Агнес Сирима и Питер Эзра полагают, что локальные сообщества в местах, ориентированных на эту сферу, могут организовывать маломасштабные туристические предприятия или, реже, разрабатывать механизмы распределения выгод совместно с более крупными игроками рынка (Muganda, Sirima, Ezra, 2013: 64). Так, в большинстве случаев вовлеченность местных сообществ в туризм реализуется через работу в найме на созданной крупными экономическими акторами инфраструктуре или через низовые практики: небольшие предприятия разной направленности (Muganda, Sirima, Ezra, 2013; Duxbury, de Castro, Silva, 2025) и челночный бизнес (Александрова, 2012: 18). Диверсификация туристического потенциала в нашем кейсе города Сортавала — «сочетание природной красоты и культурного наследия»⁶, — а также его приграничное положение способствуют распространению низовых практик вовлеченности в эту сферу занятости.

Позволим себе еще раз процитировать онлайн-путеводитель по Сортавала: как пишут авторы, «город имеет богатую историю с влиянием шведской, финской и русской культуры»⁷. Богатое культурное наследие города, как и всего Северного Приладожья, объясняется его фронтирным положением, которое стало актуальным для локального контекста с появлением границ как таковых (Мельникова, 2015). Регион успел побывать в составе Новгородской республики, Шведского королевства, Российской империи и независимой Финляндии, а с 1940-х годов — по результатам Великой Отечественной войны — стал частью Советского Союза и позднее Российской Федерации. Сортавала как город внутри региона демонстрирует не менее трансграничную историю: основанный шведами, в финский период город является торговым и культурным центром региона, а в советское время с приходом нового населения — промышленным (Матвеева, Радченко, Петров, 2021). Переселенческое и трансграничное прошлое города оставляет неоднозначное наследие его современным жителям: пространство карельского города было «чуждо» советским переселенцам, занявшим оставленные финнами дома и другую городскую инфраструктуру; в настоящее время, как отмечают исследователи региона, проблематика принадлежности продолжает иметь значение для местных сообществ (Izotov, 2018; Мельникова, 2015; Матвеева, 2021).

6. <https://moyatvoya.ru/putevoditeli/sortavala-putevoditel>

7. Там же

Как показывают наши полевые материалы, чуждость места усиливается с ростом внутреннего туризма в 2020-е годы, когда пространство города становится насыщенным приезжими и туристической инфраструктурой: местами общественного питания с «московскими ценниками»⁸, благоустройством центра города, загруженными дорогами и водоемами. Местные жители чувствуют себя «гостями»⁹ города и не основными пользователями туристических объектов и услуг, параллельно испытывая необходимость встраиваться в новую туристическую экономику с помощью работы в найме или низовых практик. Сосредоточившись на последних, в статье мы опишем способы получения выгоды локальными сообществами из туристического ресурса города, а также проследим взаимосвязь доступа местных к использованию пространства и осмысления ими принадлежности к нему.

Методология и материалы исследования

В основе статьи лежат материалы качественного полевого исследования и данные невключенного наблюдения, собранные в ходе экспедиций в Северное Приладожье (октябрь 2023 г., март 2024 г.). Эмпирическая база включает более 40 глубинных полуструктурированных интервью, проведенных с жителями Сортавальского района и города Сортавала. Среди информантов — представители туристической сферы, администрации, образовательных учреждений, а также другие горожане. Для иллюстрации отдельных аргументов в статье приводятся цитаты интервьюируемых с указанием их пола, возраста и профессиональной принадлежности. В целях сохранения анонимности возраст собеседников указан округленно.

Туризм в Сортавала: история и современность

Сортавала, как отмечается в СМИ¹⁰ и недавних исследованиях, является одним из лидеров по туристическому потоку как в Карелии, так и в России (Kondrateva, 2021: 128). Северное Приладожье лидирует внутри республики по количеству памятников (40% из всех памятников на территории Карелии), а город и округ, в свою очередь, занимают первое место в регионе по числу архитектурных памятников, при этом наиболее популярными среди туристов (Stepanova, 2019: 413). Однако туризм в городе возник не на пустом месте и имеет свою историю, важную для понимания современной ситуации в Приладожье. Ме-

8. Муж., 30, фрилансер.

9. Жен., 45, фотограф.

10. <https://ptzgovorit.ru/news/sortavala-popala-v-lidery-dorogih-napravleniy-dlya-otdyha>

стом туристической дестинации город становится в так называемый «финский период» во второй половине XIX — начале XX века, когда территория Сортавальского округа была частью Великого княжества Финляндского и, чуть позднее, независимой Финляндии. Рост туристической экономики исследователями региона связывается с публикацией эпоса «Калевала» — важным символом финской и карельской национальных идентичностей, сборником карельских рун, записанных финским лингвистом и фольклористом Элиасом Леннротом в том числе в Северном Приладожье. Регион получил известность как место, где можно найти «рунопевческие деревни», в которых проживали рунопевцы — исполнители карельских эпических рун. Событийный и организованный туризм, основанный на маршрутах по рунопевческим деревням и рунопевческим фестивалям, дополнялся в финский период паломническим туризмом на остров Валаам, где располагался монастырь, и природным туризмом (Stepanova, 2019: 415).

После Советско-финляндской и Великой Отечественной войны, когда Северное Приладожье отошло к СССР и в регионе установился строгий пограничный режим, туризм в Сортавала стал менее массовым, но полностью не исчез. В советский период вследствие особенностей экономического устройства туристическая деятельность финансировалась государством и рассматривалась как социальная активность. В Приладожье и, в частности, в Сортавала она выражалась в природном — походах, рыбалке и сборе дикоросов — и религиозном туризме (Izotov, Laine, 2013: 100; Stepanova, 2019: 415). Этому способствовала близость города к Ленинграду и развитая транспортная инфраструктура в самой Сортавала, которая делала ее транспортным узлом в регионе. В условиях отсутствия мест размещения туристов их селили в квартирах местных жителей (Izotov, Laine, 2013: 100).

Либерализация пограничного режима и политики СССР в конце 1980-х годов, и особенно открытие государственной границы с Финляндией и города для остальной России в 1990-х годах дали новый толчок развитию туризма. В условиях постепенного ухода промышленности из города — хлебозавода, молокозавода, пивзавода, мебельной фабрики — появилась необходимость налаживать локальную экономику. Возможность международного туризма была способом «заработать западную валюту»: в первые годы открытой границы строились гостиницы, развивались российско-финские туристические агентства и курсы финского языка (Izotov, Laine, 2013: 97). Важно отметить, что поездки финнов в Сортавала и окрестности в 1990-х годах диверсифицированы: исследователи выделяют «ностальгический туризм», секс-туризм и алкогольный туризм, шопинг. С одной стороны, туристические фирмы организовывали туры в Приладожье для пожилых финнов — бывших жителей этого региона и их семей. Такие автобусные туры включали в себя посещение оставленных ими в 1940-х годах домов, хуторов и кладбищ. Реже ностальгический туризм был индивидуальным и позволял местным

участвовать в нем на низовом уровне, к примеру, с помощью предоставления транспортных услуг.

Была у меня машина, «пятерка». И приезжали финны, я за денежку их возил. Сказали поехать на тот хутор, потом на этот хутор. Привозили себе корзинку, делали маленький пикничок, сидели, бутылочку пива выпивали, плакали. Прямо старики (Муж., 50, пастор).

К концу 1990-х исследователи отмечают спад ностальгического туризма и вместе с этим рост других видов досуга финнов в Приладожье — поездок в бары, за наркотиками и половыми контактами, а также продуктами, сигаретами, алкоголем и бензином. Такой низовой туризм был чаще индивидуальным и позволял местным участвовать в неформальной экономике: зарабатывать на извозе, торговле и секс-услугах (Izotov, Laine, 2013: 102–103). Несмотря на двойное отношение к «специфичному» финскому туризму в 1990-х годах и его нестандартную направленность, российско-финляндское сотрудничество и взаимодействие, выражавшееся в том числе в туристической мобильности через ближайший международный пункт пропуска Вяртсиля-Ниирала и связанных с ней экономическими практиками, поддерживало доход локальных сообществ и формировало базу для последующего роста туризма (Kondrateva, 2021: 134).

*Когда была разруха, этот город был тоже туристический, но для очень специфичного туризма. Тогда еще границы все были открыты, и сюда ездили с Финляндии дяденьки с *финляндскими*¹¹ марками. Здесь туризм заключался не в природных точечках, а в барах, всяких местах с женщинами с низкой социальной ответственностью, как говорил наш президент, и прочее. Мы, допустим, как жители Сортавала и поселков собирали ягоды в лесу и лисички и на дороге продавали за 10 марок ведро. То есть так люди зарабатывали (Муж., 30, фрилансер).*

Период на рубеже XX–XXI веков ознаменовался, во-первых, началом включения в фокус туристической отрасли внутреннего туризма для поиска больших возможностей и средств; во-вторых, утверждением туризма в качестве приоритетного направления развития (Stepanova, 2016). В несколько раз увеличивается туристический поток (Савельев, Толстогузов, 2008), расширяются и направленности туризма: возобновляется интерес к природному потенциалу Северного Приладожья, внимание получают культурный и рекреационный аспекты (Stepanova, 2019: 422). В этой связке расширяется спектр туроператоров и фирм; Сортавала для внутреннего туризма, с одной стороны, становится самостоятельной точкой туристической дестинации (Kondrateva, 2021:

11. Здесь и далее в цитатах звездочками (*) мы отделяем авторские примечания.

129). С другой — город превращается в транзитный пункт по пути в Финляндию и другие европейские страны, в Валаамский монастырь и на природные объекты Приладожья.

Сейчас мы должны через себя, через свой район открывать людям и другую Карелию. Как бы кто ни относился к охоте, заедет еще через Сортавала. Ты любишь собирать дикоросы — опять же через Сортавала ты приехал из Москвы. Мы здесь такой сегмент тебе предоставили (Муж., 50, чиновник).

*Е. А. Кузнецов,
В. А. Михай-
ловская
Туристические
промыслы и «право
на город»...*

В собранных нами нарративах постсоветское время 2000–2010 годов в разрезе туризма характеризуется также появлением «меценатских проектов» — входом на рынок туристических услуг предпринимателей и инвесторов, которые дополнительно развивают отраслевую инфраструктуру и способствуют диверсификации рынка, доступности поездок (Holden, 2006: 86). Наиболее крупные и заметные в поле инициативы — это горный парк «Рускеала» в 30 километрах от Сортавала на месте шведского и финского мраморного карьера и идущий до него «Рускеальский экспресс», воссозданный памятник архитектуры в центре города «Дом Берга» с рестораном и магазином внутри, а также гостиница «Пийпун Пиха», памятник Александру I и база отдыха «Черные камни» с прилегающим к ней зоопарком в 50 километрах от города. Проекты меценатов дополнительно привлекают туристов и создают рабочие места в сообществе, получая положительную оценку населения.

*Наш любезный товарищ меценат *Л.* — хороший дяденька, пускской вкладывает *деньги*. Здесь вообще пустырь был, ничего. А сейчас он пригнал поезд Деда Мороза. Это не рне памятник он сделал. <...> Вот *меценат А.*. Это же у него тогда идея была вот эти рускеальские экспрессы сделать (Жен., 40, бухгалтер).*

*Конечно, в горном парке все немножко изменилось *с момента открытия*, и потом подключился РЖД, то есть они же тоже партнеры теперь. Хорошо то, что очень многие люди получили здесь работу и зарплату. Я бы даже не сказала, что она самая низкая (Жен., 55, экскурсовод).*

В этом процессе продолжала играть роль транспортная доступность: расширение международного шоссе «Голубая дорога» через Швецию, Норвегию и Финляндию, ремонт трассы А-181 «Скандинавия» от Санкт-Петербурга до Вяртсиля, запуск в 2018 году скоростного поезда «Ласточка» до Сортавала из Санкт-Петербурга.

Близко к Финляндии, к Питеру. То есть можно в выходные... Сел на поезд, там четыре часа, и ты в Питере. Ну пять. На «Ласточке». А раньше мы на перекладных ездили (Жен., 40, бухгалтер).

Рекордные для Сортавала и Приладожья туристические показатели, как мы уже упомянули, регистрируются в СМИ и исследованиях начиная с 2020 года: условия пандемии положительно повлияли на так называемый «дикий туризм» — вылазки или жизнь на природе в палатках и арендованных домиках, а начало геополитической турбулентности и последующее закрытие границы России и Финляндии сделало Сортавала одним из наиболее популярных и дорогих малых городов для туристических поездок¹². Мы предполагаем, что современное состояние туристической сферы в городе скорее основывается на инициативах «сверху»: развитии инфраструктуры на средства меценатов, федерального и регионального бюджета с помощью грантовой системы, проектах крупных компаний, к примеру, РЖД; «карельское» брендинг пространства и сувенирной продукции, несмотря на слабую по сравнению с другими районами Карелии связь города с карельской историей и этничностью. Представители местной администрации при этом предполагают туризм в качестве безальтернативной стратегии развития города и муниципального округа, за счет которого выигрывает как сам город в качестве самостоятельного актора, так и местные жители и представители бизнеса. Сами государственные акторы на локальном уровне не получают при такой стратегии прямых доходов, однако предполагается, что введенный с 1 января 2025 года туристический налог и базовое налогообложение позволят пополнять местный бюджет косвенно.

*Все мы видим, что город расцветает. Не напрямую, но от косвенного участия в туристической отрасли. За счет вот этого мы обязаны направлять большую свою часть средств *в развитие туризма* для того, чтобы это, в принципе, было возможно. <...> Обороты финансовых средств растут. Естественно, налогооблагаемая база растет. Местный мелкий и средний бизнес растет (Муж., 50, чиновник).*

Однако мы снова рискуем ввести себя в заблуждение, приведя пример мышления стратегиями и проектами. Туристическую экономику в Сортавала сложно назвать согласующейся с концепцией устойчивого развития, при которой основными выгодополучателями являются местные сообщества, а управление туристическим ресурсом они разделяют с органами власти на местах. Как и в более ранние периоды туристической деятельности в городе, локальные сообщества вовлекаются в отраслевую экономику через низовые практики и неформальную занятость — рынок предложений частных услуг для приезжих перенасыщен. Это влияет и на местный бюджет, и на рынок нетуристических вакансий, где доход зна-

12. <https://karel.mk.ru/social/2024/12/18/sortavala-voshla-v-top10-gorodov-dlya-zimnego-otdykha.html>

чительно ниже и не позволяет закрывать свои потребности в условиях «неслабых ценников»¹³ на недвижимость, продукты и досуг. Несмотря на попытки городской и окружной администрации договориться об узаконивании «серой» экономической деятельности, на момент проведения исследования ситуация с неформальной занятостью остается прежней.

*В этой части *в туризме* экономический разврат населения. Поэтому что все ханнули легких денег. Ну а *нам* надо делать дороги, убирать улицы, делать скверы. Понимаете, работать некому, налоги платят не все (Муж., 50, чиновник).*

Так, туристическая экономика в Сортавала — это не только региональные, корпоративные и другие бизнес-проекты. Локальные сообщества также вовлекаются в эту отрасль, считая ее более прибыльной, чем работа, к примеру, в бюджетной сфере. Жители Сортавала обслуживают растущую туристическую инфраструктуру, работая в найме: в отелях, местах общественного питания, сувенирных магазинах, на базах отдыха и т.д. Другой вариант заработка — это низовые практики, которые чаще всего связаны с туризмом даже в тех случаях, когда основная работа далека от этого.

Но основная масса нашего населения, у них есть официальная работа и неофициальная, это туризм. Кто-то сдает дома, кто-то квартиры, кто-то занимается уборкой домов и квартир, кто-то на катерах людей возит. В принципе, да. В последние, наверное, года 3–4 все завязано на туризме. Основные предприятия, которые здесь существовали, производства, его как такового теперь нет. Только туризм остался. Никакого производства (Жен., 40, бухгалтер).

«Промысловая» оптика низового встраивания в туристическую отрасль Сортавала

Распространенность и важность для сообщества именно низового участия в туристической экономике регулярно находят отражение в нарративах местных жителей и крайне заметны в городском ландшафте. Анализируя формы вовлечения местных в туристическую экономику, мы опираемся на концепцию *промысла*, описанную Юрием Плюсниним, и в различных формах используемую рядом социальных исследователей, в частности, авторами фонда «Хамовники» (Селеев, Павлов, 2016; Плюснин, 2022, 2024).

Плюснин определяет промыслы как самодеятельную хозяйственно-экономическую активность домохозяйства, основанную на ис-

13. Муж., 30, фрилансер.

пользовании собственных ресурсов и технологий и направленную прежде всего на жизнеобеспечение семьи, а также на достижение иных, зачастую социальных целей. Промысловые практики часто возникают и актуализируются именно как средства выживания и адаптации к социоэкономической турбулентности в условиях отсутствия стабильной занятости. Для промыслов характерно отсутствие бизнес-логики экстенсивного развития, но присуща широкая кооперация и артельный способ организации труда (Плюснин, 2022: 230). Выбор этой теоретической рамки, с одной стороны, обеспечивает инструментарий для описания и анализа именно низового, самостоятельного характера хозяйственно-экономических практик, находящихся вне поля формальной экономики, но критически важных для повседневного жизнеобеспечения, а понятие «промысловых ресурсов» позволяет нам описывать неравномерность вариантов участия в туристической отрасли. С другой — мы получаем возможность расширить применимость самой рамки, развивая ее в направлении изучения туристической экономики.

Главные критерии, по которым Плюснин предлагает классифицировать существующие промыслы, — ресурсный и темпоральный, а именно: на каком ресурсе основан промысел и как давно этот промысел появился в сообществе соответственно (Плюснин, 2024: 77–81). Ресурс — сырье для обеспечения промысловой деятельности, источник промысла. Плюснин выделяет следующие ресурсы: природные, хозяйственные, инфраструктурные, человеческие и социальные (социальные обязательства государства). По критерию темпоральности «архаические» (существующие в сообществе в течение нескольких поколений и считающиеся традиционными) и «современные» (появившиеся в сообществе на памяти ныне живущих поколений) промыслы (Плюснин, 2024: 86–87). Архаическими промыслами можно назвать оленеводство, рыболовство, охоту и сбор дикоросов, тогда как нас интересуют современные формы жизнеобеспечения, а именно туристические практики.

Следует отметить, что «промысловая» рамка сталкивается с трудностями точной классификации полевого материала, на что указывает и сам автор (Плюснин, 2024: 78, 126–129; Плюснин, 2022: 101). Особенно это касается «пограничных» случаев: зачастую мы называем промыслом то, что иначе представилось бы возможным назвать мелким предпринимательством или семейным бизнесом. Неясно также, как классифицировать труд наемных работников, занятых «на промысле», но, по наблюдениям из поля, не являющихся промысловиками.

В этой связи мы рассматриваем категорию промыслов как продуктивную, но требующую адаптации для более точного описания кейса Сортавала. Для определения туристических промыслов в условиях нашего поля мы предлагаем набор критериев, основанных на ключевых положениях Плюснина и собственных наблюдений. Главные из них: 1) неформальная структура занятости

и организации, 2) кооперативная (артельная) организация труда, 3) логика развития, направленная на самообеспечение.

Промысловая занятость, как правило, неформальная и частичная (Плюснин, 2024: 226–230). Она редко подлежат официальному оформлению, а сама деятельность, обозначаемая как промысел, не вписывается в логику «нормированной» трудовой занятости. Промысел осуществляется в гибком режиме, часто с нерегулярной занятостью, варьирующейся в зависимости от сезона, спроса, загруженности на основной работе и других личных обстоятельств. Подобные формы занятости могут описываться в социологии как периферийные по отношению к институционализированному рынку труда (Cowan, Campbell, Kalb, 2023). Сами «промысловые» предприятия обычно существуют неофициально, однако могут частично или полностью формализовываться (часто в формате ИП и самозанятости) — особенно в случаях, когда вести дела «в серую» или «в черную» затруднительно.

Промысловая структура коллективного труда предполагает преимущественно горизонтальные формы кооперации и распределения ответственности. Наблюдается то, что можно охарактеризовать как артельный тип организации: каждый участник в артели *«есть предприниматель, даже если он подчинен воле старшего»* (Плюснин, 2022: 236–237). Такая структура основана на личных договоренностях, поэтому промысловые бригады обычно состоят из родственников, друзей и соседей. Это по большей части исключает из промысловой рамки труд наемных рабочих, не обладающих достаточной субъектностью и занимающих четкое низовое положение в иерархии. Также промысловая кооперация способствует появлению специфических профессиональных сообществ — неформальных сетей, объединяющих людей, занятых в смежных видах деятельности. Такие сети функционируют как своего рода инфраструктуры взаимопомощи, из которых могут вырастать полноценные артели — взаимосвязи в таких рассеянных коллективах позволяют совместно контролировать рынок и распределять заказы среди «своих».

Промысловая логика развития предполагает, как было сказано, несоответствие «бизнес-логике» (Кордонский, 2010: 45–58; Плюснин, 2022: 230). Обычно промысел направлен на самообеспечение домохозяйства (будь то непосредственно ресурсами или финансами) и не нацелен на широкое развитие ради получения дополнительных прибыли, а иногда и вовсе находится вне логики капиталистических процессов (Плюснин, 2022: 230). Безусловно, промысловики могут стремиться к расширению своего дела, однако при достаточном развитии промысел перестает быть таковым и окончательно переходит в разряд «бизнеса».

Из данных критериев также следует, что промысел не может быть слишком крупным. Даже в тех случаях, когда промысел начинает расти, его трансформация в бизнес-структуру происходит

Е. А. Кузнецов,
В. А. Михай-
ловская
Туристические
промыслы и «право
на город»...

не только под воздействием логики бизнес-экспансии. Во-первых, рост неизбежно привлекает внимание регулирующих органов, что ведет к необходимости официальной регистрации, налоговой отчетности и соблюдению формальных норм — то есть к включению в институциональное поле. Во-вторых, с увеличением масштабов деятельности изменяется и характер управления: горизонтальные, артельные формы вытесняются более иерархическими и специализированными. В-третьих, при расширении промысел теряет свою ориентацию на самообеспечение — возникает необходимость постоянного роста, оптимизации, конкуренции и извлечения прибыли, что сближает его с предпринимательскими формами ведения дел. Таким образом, промысел по определению не может быть сильно масштабирован — при достижении определенного порога он теряет свою структурную и смысловую специфику.

Часть неформальных экономических практик в сфере туризма в Сортавала мы, таким образом, считаем туристическими промыслами, но важно подчеркнуть, что даже с учетом обозначенных критериев однозначная классификация промысловой деятельности все же затруднена: мы скорее имеем дело не с дискретными категориями, а с размытым спектром практик.

Типология промыслов

В рамках туристической экономики Сортавала наблюдается широкий спектр промысловой занятости. По большей части, эти практики можно отнести к сфере услуг. Мы приводим подробный, хотя и не исчерпывающий список таких практик, зафиксированных нами в ходе полевого исследования.

Производство и продажа товаров: сувениры (в т.ч. съедобные), зачастую производимые кустарно и распространяемые через многочисленные сувенирные лавки Сортавала. Также «челночество» — ввоз финских и иных европейских товаров из-за границы и их продажа на ярмарках, рынках, в мелких магазинах «из-под полы».

Жилье и размещение: организация, сдача и обслуживание гостевых домов, небольших гостиниц, домиков, квартир и комнат. Из полевых данных следует, что это наиболее популярный способ низового встраивания в туристическую отрасль.

А сейчас, в принципе, тут сложно найти сортавальца, у которого есть какая-то жилплощадь, которую он не сдает летом (Муж, 30, фрилансер).

Экскурсионная деятельность и околотуристические сервисы: сюда относятся как собственно услуги гида — от обзорных экскурсий по Сортавала до «выездов за город» (Валаам, Ладожские шхеры и т.д.), — так и прокат туристического снаряжения: сапы,

лодки, байдарки, снегоходы и т.п. Нередко этот тип деятельности совмещается с «транспортными услугами» — и транспорт, и экскурсия, и прокат оборудования, если оно необходимо, могут предоставляться одним человеком и оформляться «под ключ».

*Мы сапами занимаемся, они байдарками занимаются. Вот еще один знакомый тоже у нас, он занимается таким пешеходным, то есть у него и по земле есть, как бы там несколько километров, потом они садятся на байдарку, еще там плывут какое-то время на байдарке, то есть ну такой комбинированный *маршрут* (Жен., 45, прокат сапов).*

*Е. А. Кузнецов,
В. А. Михай-
ловская
Туристические
промыслы и «право
на город»...*

Транспортные услуги: устойчивым сегментом локальной занятости стали перевозки — как водные (катера, аэрогиссеры), так и наземные (такси, трансферы, автомобильные экскурсии). Часто подобные услуги предоставляются «по знакомству» или через неформальные каналы бронирования — объявления на Avito, группы во «ВКонтакте», сарафанное радио.

Медиасопровождение: согласно нашим материалам, с ростом туристического потока развилась и небольшая сфера, связанная с медиаоформлением отдыха. Она включает, в частности, фотографов и видеографов: это индивидуальные и групповые фотосессии, съемка природы и городской среды, услуги по созданию рекламных материалов для местных гостиниц, кафе и т.д.

Структура низовых практик в туристической сфере

Среди особенностей низовых практик в туристической отрасли в первую очередь преобладает «теневая», неофициальная занятость, что замечают собеседники. Эта черта низовых экономических практик часто упоминается в контексте снижения налоговых поступлений в местный бюджет из-за отсутствия регистрации.

Они не стоят на учете, свой бизнес у них ведется в сером (Муж., 52, чиновник).

Частичная экономика у нас, как сказать, она теневая, то есть те денежные средства, которые поступают предпринимателям от туристической деятельности, часто не учитываются и попадают не для улучшения состояния нашего района, а в карманы самих граждан (Муж., 70, лесничий).

Неформальный характер организации, помимо прочего, обеспечивает относительную простоту входа в туристическую отрасль, быструю окупаемость и потенциально высокий доход. Кроме того, помимо возможности самостоятельного встраивания в туристический

рынок, существуют варианты включения в коллективные формы занятости — через работу в профессиональных командах (или «артелях» — в роли капитанов катеров, гидов и т.п.) или на низкоквалифицированных вакансиях в сфере обслуживания, часто без официального трудоустройства.

Очень серьезные деньги. Если у тебя есть катер, и даже если нет, ты можешь взять кредит и отвезить летом туристов, и отдать кредит, и катер становится твоей собственностью, и это твой инструмент бизнеса на следующий год. И таких людей много (Муж., 50, чиновник).

Вынес из сарая дрова, пробил окно, сделал полку, поставил кровать и все. Ты можешь с ним работать. Ты свои 80–100 тысяч в месяц зарабатываешь влегкую (Муж., 50, чиновник).

По словам собеседников, стандартом является совмещение с «официальной» занятостью, а также с другими туристическими практиками (например, один человек выполняет функции гида, водителя, капитана и сдает жилье). Основной работодатель далеко не всегда бывает осведомлен об этих дополнительных активностях.

*А мы с 9 до 5 оттрубили на работе, а потом мы вольны делать все, что *заблагорассудится*. В рабочий день — нет. То есть это как бы нормально *не сообщать об этом основному работодателю* (Жен., 40, бухгалтер).*

*Ну когда на дядю работаешь, работаешь с 8 утра до вечера, а потом свободен, как ветер. А мы, так как мы на себя *работаем*, то у нас постоянно какие-то *дела вне рабочего графика* (Жен., 45, фотограф).*

Режим работы при этом предполагает существенную гибкость, что в том числе отражается на гибкости предоставляемых услуг — например, для «мужиков с катерами», возможность изменения маршрута под нужды пассажира и расширенный навигационный сезон.

*Здесь отходят «Метеоры» *крупные корабли* на Валаам. Сейчас, наверное, не знаю, <...> но думаю, что «Метеоры», сезон уже закончен *интервью проходило в октябре*. А так эти, на катерах еще гоняют мужики (Жен., 40, бухгалтер).*

В принципе 90% капитанов, они выросли на Ладоге, они знают каждый камушек, каждый островочек, каждую загибину и заливы. Конечно, они понимают ветер <...> то есть это вполне себе безопасно. Ну просто комбо у вас будет, когда вы на частном катере

едете, вас еще и в Шхеры завезут. То есть и на Валаам, и на Шхеры. А на «Метеоре» это только Валаам (Жен., 45, прокат сапов).

При достаточно высокой прибыльности такая деятельность может стать главным источником дохода и поводом покинуть основную работу. Кроме того, это дополнительные возможности занятости для пенсионеров и людей, находящихся в предпенсионном возрасте: участие в туристической экономике позволяет им поддерживать достаточный уровень дохода, не полагаясь исключительно на государственные выплаты.

*А некоторые уходят с работы, официально занимаются только туристическим бизнесом, у кого уже много денег. Мы только начали, ну я не хочу полностью уходить *в туризм* (Жен., 40, бухгалтер).*

Он на пенсию сработал, все, он ушел. Пенсия есть, я в турбизнес, все, маленький домик (Муж., 50, чиновник).

Вот, как подушка безопасности очень хорошо. Но обычно дома вот эти сдают, на самозанятость переходят. А на пенсию-то мы как пойдём? Ну 8 тысяч это не хочется. Из-за этого мы работаем на официальных работах и вот это типа подработки (Жен., 40, бухгалтер).

Итак, мы выделили особенности, свидетельствующие о гибкости и относительной независимости низовых практик в туристической экономике. Вместе с тем в найме наблюдаются противоположные явления: непрофессиональная наемная занятость в секторе услуг (горничные, официанты) часто сопровождается высокой нагрузкой и низкой автономией, а ограниченность альтернатив делает туризм едва ли не единственным развивающимся сегментом экономики с относительно конкурентными доходами, что коррелирует с экспертными нарративами о кризисе рынка труда.

Средняя зарплата, как у нас говорят, 60 тысяч, но это неправда. У нас в среднем зарплата тысяч 30 официально в городе. Но основная масса людей на двух работах работает. А если говорят, что у человека зарплата 60 тысяч, к примеру, то он работает по 16 часов в день. Ну это так, в сфере туризма. Посудомойщицы, горничные, продавцы (Жен., 40, бухгалтер).

Из полевых данных следует, что значительная часть наемной занятости в туристической экономике Сортавала также осуществляется вне формальных рамок. Это подтверждается и экспертными нарративами, в которых подчеркивается, что неофициальная занятость лишает работников социальных гарантий.

Вы получите в сезон хорошую заработную плату, но тем не менее у вас огромный риск, что вы не получите в дальнейшем от этого свои и пенсионные какие-то выплаты дополнительные <...> и социальный пакет у вас не обеспечен, не гарантирован. То есть и рабочее время у вас тоже не урегулировано (Жен., 55, чиновница).

Таким образом, мы предлагаем различать найм и туристический промысел как разные формы низовой активности: если первый ближе к классическим представлениям о прекарности (низкий контроль над условиями, зависимость), то второй сочетает автономию с личной ответственностью за риски. Это два разных режима жизнеобеспечения, а не две стороны одной медали. Также мы отдельно выделяем деятельность с чертами «реального бизнеса» — то есть ориентированную на рост, масштабирование, институционализацию и включение в формальную экономику (крупные гостиничные комплексы с юридическим оформлением, туристические агентства и пр.).

Установив различие туристических промыслов и других низовых экономических практик, промысловыми скорее не являющихся, мы задаемся вопросом: *что же разделяет эти способы встраивания в туристическую экономику?*

Туристический ресурс и доступ к нему

На наш взгляд, ключевым различием между промысловиками, которые смогли извлечь выгоду из возросшей туристической активности, и теми, кто оказался в прекарной позиции, является доступ к туристическому ресурсу, источнику экономических практик в сфере туризма.

Вновь обратимся к понятию промыслового ресурса Плюснина. В его терминах, главный ресурс туристического промысла — человеческий, т.е. сами туристы¹⁴. Однако при таком подходе ресурсом любого промысла становится абстрактный потребитель, с которым осуществляется обмен, что чрезмерно обобщает и снижает аналитическую четкость категории «ресурс». Более продуктивным представляется понимать ресурс не как универсального «клиента» или «покупателя», а как совокупность вещей и условий, доступ к которым позволяет включаться в экономическую активность. Это воз-

14. Большинство туристических промыслов относятся к сфере услуг, что оправдывает необходимость человеческого ресурса для их осуществления. Однако для изучения туристических экономических практик в рамках кейс-стади (в частности, описывая неравномерность доступа к ним), мы предлагаем рассматривать в качестве источника промысла не самих туристов, а вещи, которые привлекают их в регион и формируют туристический поток.

вращает нас к идее ресурса как неравномерно распределенного и неравномерно доступного — материально и символически.

Понятие «туристического ресурса» используется в экономике, менеджменте и исследованиях туристической отрасли в контексте ГМУ¹⁵ — в значении совокупности природных, культурных и инфраструктурных объектов, способных привлечь туристов. Однако в социальных исследованиях (надо сказать, чаще не в опубликованных работах, а в выступлениях на конференциях и академических дискуссиях¹⁶) мы регулярно сталкиваемся с неформализованным употреблением этого термина — как указание на нечто, что «есть в местах с турпотоками». Например, в работе Н. Веселковой и Е. Прямиковой, посвященной постиндустриальному осмыслению моногородов, без дополнительных пояснений различаются два типа туристического ресурса — природный и «наследие города» (индустриальное наследие, архитектура) (Веселкова, Прямикова, 2024).

Мы предлагаем расширить и уточнить это понятие, понимая под туристическим ресурсом социально и пространственно закрепленную возможность капитализировать внимание туриста — будь то природная локация, конкретный объект (достопримечательность), некие знания (история, локальный фольклор) или инфраструктурная позиция (возможность сдать жилье, организовать экскурсию и т.д.). В этом смысле можно вспомнить Дина Макканелла, описывающего структуру туристической достопримечательности как отношения между туристом, зрелищем (sight) и маркером — то есть информацией, указывающей, что это место заслуживает внимания. Если переформулировать, туристический ресурс — это не просто место, а способ организовать видимость, значимость и коммерческую ценность этого места в глазах туриста (Макканелл, 2023: 86). Возможность встроиться в эту связку и есть тот самый доступ к ресурсу. Для систематизации мы предлагаем классификацию, основанную на четырех признаках ресурса: природный, исторический, материальный, нематериальный. К природным ресурсам относятся ландшафты, водоемы, леса; к историческим — архитектура и иные элементы культурного наследия. Материальные ресурсы — это объекты, которые можно «продать» как достопримечательность; нематериальные — это сопровождающие нарративы, придающие объектам смысл и туристическую привлекательность.

Е. А. Кузнецов,

В. А. Михай-

ловская

Туристические

промыслы и «право

на город»...

15. ГМУ — городское и муниципальное управление.

16. Вспоминая Роджерса Брубейкера (2012), можем заметить, что «туристический ресурс» таким образом, не имея теоретизированного обоснования, становится категорией практики в академическом поле. Мы же попытаемся перенести его в аналитическое измерение.

ТЕОРИЯ

	Природный	Исторический	Материальный	Нематериальный
Гора Паасо	+	+	+	+
Исторический нарратив о древнем племени Корела	-	+	-	+
Природный нарратив о чистоте и богатстве природы Карелии	+	-	-	+
«Дом Леандера»	-	+	+	-
Некое озеро	+	-	+	-

Данная схема позволяет достаточно гибко классифицировать различные туристические аттракции (см. табл. 1). Так, например, находящаяся близ Сортавала гора Паасо с одноименным городищем «древних жителей Карелии»¹⁷ — объективно природный объект (гора), сопровождаемый археологическим памятником и характерным историческим нарративом. Сама история о древнем племени Корела будет представлять скорее нематериальный исторический ресурс. Представление о чистоте и богатстве природы Карелии — нематериальный природный ресурс, тогда как некое конкретное озеро — материальный и природный. «Дом Леандера» (здание финского банка начала XX века) — исторический материальный объект.

Важно подчеркнуть, что доступ к ресурсу не синоним его физической или юридической принадлежности, а вопрос включенности и способности распоряжаться ресурсом. Промысловики, как правило, обладают прямым доступом к ресурсу за счет непосредственного участия. Наемные работники же вовлечены в экономику, основанную на этом ресурсе, но не контролируют его. Представители «бизнеса» имеют зачастую больший, чем промысловики, доступ к ресурсу (за счет масштаба) — но этот доступ опосредован.

17. этокарелия.рф/gora-paaso/

Для пояснения воспользуемся метафорой добычи природного ресурса. Туристический ресурс — это полезное ископаемое, а инструмент доступа к ресурсу — кирка старателя. В случае «реального бизнеса» и других внешних акторов, инструментом доступа будет не кирка, а принадлежащая «бизнесмену» штольня — выработка ресурса выше, но доступ к ресурсу оказывается не непосредственным. Так, например, озеро будет являться туристическим ресурсом, а арендный дом на берегу, катер, рыболовный инвентарь — инструментами доступа.

Таким образом, низовые формы участия в туристической экономике Сортавала различаются по характеру доступа к туристическому ресурсу. С одной стороны — *туристический промысел*, основанный на прямом доступе к ресурсу, автономии, гибкости и кооперации. С другой — *наемная занятость*, не дающая доступа к ресурсу, часто неофициальная, с прекарными чертами¹⁸.

Оговоримся, что мы не считаем весь наемный труд в туристической экономике Сортавала прекаризованным. Напротив, в местных нарративах встречаются примеры, когда наемная занятость в туристической сфере называется удобной и желанной формой труда с адекватной оплатой и возможностью совмещения. При этом даже нестабильная и физически тяжелая работа может восприниматься как приемлемая стратегия жизнеобеспечения. Также, уточним, что существуют места работы, где сотрудникам предлагается «полный соцпакет» и официальное устройство.

*Вот у нас *** *ресторан*, видели? Там хорошая зарплата, она официальная, там от и до. <...> Ну платят *хорошо*, молодцы, полный соцпакет у них, полная официальная зарплата, но надо очень сильно поработать. <...> Хотя и привлекает зарплата, но это тяжело постоянно с таким потоком людей работать в таком режиме (Жен., 40, бухгалтер).*

Более того, было бы некорректно отождествлять трудовые режимы и уровень социальной защищенности работников разной квалификации: прекаризация в большей степени касается горничных, чем наемных капитанов катеров или бухгалтеров. Разделяя промыслы и наемный труд, мы прежде всего стремимся показать различные стратегии низового встраивания в туристическую экономику и их зависимость от доступа к ресурсу.

Ну есть предприниматели, у которых, например, 10 катеров. А есть действительно у тебя один катер, ты зарегистрировал-

18. Отметим, что, учитывая трудности точной классификации и многообразие «пограничных» кейсов, все же уместнее говорить о спектре низовых экономических практик (различающихся по доступу к ресурсу и типу встраивания), нежели о строгих оппозициях.

ся как ИП или самозанятый и катаешь. А кто-то купил, например, 10 катеров, нанял 10 капитанов и вот они катают, зарплату платят капитанам. Ну вот у капитана нет возможности катер купить. <...> И ты идешь, нанимаешься капитаном. Но капитаны тоже за сезон неплохо зарабатывают, я вам скажу. Им хватает на всю зиму (Жен., 45, прокат сапов).

Вопросы локальной идентичности

Возвратимся к проблематике связи жителей с переселенческим городом и влиянием на городскую идентичность туризма. Промысловые практики за рамками экономики — это пользование пространством и способность влиять на его изменения. Доступ к туристическому ресурсу местными сообществами в Сортавала трактуется как владение частью социального и материального пространства — информацией о прошлом, транспортной или жилищной инфраструктурой, природой. Как замечают Кэтлин Ми и Сара Райт, между владением собственностью и принадлежностью существует прочная связь, которая предполагает появление второго из первого: самоидентификация с местом возникает в процессе активного использования того, что человек считает своим (Mee, Wright, 2009: 774; Mee, 2009). Взаимодействие внутри домохозяйства, с другими собственниками и пользователями не только подтверждает владение, но и создает социальное пространство, в котором права и практики, связанные с собственностью или доступом к ресурсу, воплощаются. Мы предлагаем развить этот тезис с помощью концепции «права на город» Анри Лефевра. Несмотря на ее теоретический и общий характер и «мейнстримность» в социальных исследованиях, мы также опираемся на работы, развивающие идеи Лефевра и находящие для них практическое применение в городском планировании и устройстве локальной социальной среды. Кейс города Сортавала позволяет дополнительно укоренить «право на город» в локальном пространстве, связать теоретическую концепцию, с одной стороны, с распространенными низовыми практиками в российском контексте, а с другой — с городской идентичностью.

Пространство города или городская среда — результат множественных социальных взаимодействий, которые опосредованы в пространстве с помощью ежедневных практик участия в (вос)производстве пространства — наполнения его материальной и символической инфраструктурой — и практик апроприации (присвоения), то есть пользования городом, извлечения политических и экономических выгод (Lefebvre, 1996; Лефевр, 2015). Описывая динамику, происходящую в современных городах, Лефевр отмечает, что в них жизнь регламентируется экономическими практиками, агентность зависит от способности участвовать в управленческих процессах, которые, в свою очередь, доступны группам и институтам, владеющим экономическим и символическим властными ресурсами (Lefebvre, 1996:

78–79). Разрешение политической конфликтности социальной среды города автор видит в реализации жителями прав на участие и апроприацию через революционные стратегии городского обновления для превращения среды в продукт совместного творения всех задействованных в локальной жизни акторов (Lefebvre, 1996).

Марк Перселл развивает тезисы Лефевра о конфликтности городской среды и предполагает, что право на город следует рассматривать не как завершённое решение текущих проблем современных городов, а как стартовую точку к новой городской политике, укоренённой в «обитателях» (inhabitants) пространства — локальных сообществах (Purcell, 2002). Он предполагает совместное творение среды через реструктуризацию властных отношений, подразумевающую её воплощение на локальном уровне и больший доступ к капиталу. Так, местные органы власти совместно с бизнесом и местными сообществами должны определять инвестиционные стратегии, направления торговли и устройство материальной инфраструктуры, поддерживающей и развивающей экономику города (Purcell, 2002: 103). Как в теоретических работах, так и в рассмотрении зарубежных и российских кейсов с применением оптики Лефевра, право на город подразумевает принадлежность населения к нему и, следовательно, городскую идентичность, укоренённую в месте (Harvey, 2008; Королев, 2024). Однако, как мы указали в начале, в переселенческих городах, где жителям сложно выстроить принадлежность к месту на преемственности территории и семейной памяти, проблематизируется сама возможность осознать себя «местным» (Łukianow, Wells, 2024). Рассмотренные нами низовые экономические практики — промыслы, — которые подразумевают доступ к туристическому ресурсу, становятся для жителей Сортавала альтернативным способом укоренения в городской среде.

Промысловое участие в туристической экономике даёт степень независимости, получить которую иначе было бы затруднительно. Это экономическая автономия, возможность организации «семейного дела», относительный контроль над временем и трудом, а также более низкий порог входа по сравнению с формальным бизнесом или квалифицированной наёмной занятостью. Имея прямой доступ к ресурсу, промысловики включаются в экономические практики на правах полноценного актора, что фактически даёт им возможность «кормиться» с местности и делает их субъектными участниками экономических процессов. Помимо этого в целях заработка им необходимо создавать и делать видимой собственную материальную и нематериальную инфраструктуру — транспортные средства и места для их размещения, жилищные и досуговые постройки, «экскурсионные» или краеведческие нарративы и т.п., — что в терминах Лефевра может трактоваться как право на участие и право на апроприацию пространства.

Те, кто не имеет доступа к ресурсу, оказываются в более уязвимом положении: в условиях ограниченного рынка труда и монополизации крупных инфраструктурных объектов, включая транс-

портные сети, природные объекты и объекты культурного наследия, они становятся наемными работниками или вовсе исключаются из экономических процессов. Однако это исключение не означает отсутствия реализации права на город: напротив, возникает артикулированный запрос на участие и владение пространством в символическом поле. Мы трактуем это как альтернативную форму агентности — если промысловик реализует право на город через прямую апроприацию, то люди, лишённые доступа к ресурсу, — через артикуляцию недовольства по отношению к «чужакам» и претензию на участие в принятии решений.

Из-за туризма у жителей появляется такое ощущение, что держатели денег реализуют свои проекты и ни с кем не согласовываются. <...> Мы превращаемся в какую-то северную Анапу. <...> Мы ни на что не можем влиять вообще. Нас обесценивают как жителей (Жен., 42, работница сферы культуры).

Наличие в городском пространстве туристов, специализированной инфраструктуры и благоустройства «для них» порождает у части жителей символическое ощущение отчуждения: «все для них, хотя это наш город». Однако важно отметить, что такая позиция разделяется не всеми — некоторые собеседники подчеркивают, что туристическая инфраструктура открыта и для горожан, и в этом нет противоречия.

*Сделали вот эти все подсветки *в туристическом центре*. Да, здорово, круто. Но вот сейчас, допустим, я пойду домой по абсолютно темной улице. <...> Что за беспредел? Зато тут красиво для туристов (Жен., 40, бухгалтер).*

Дополнительным фактором напряжения становится участие в туристической экономике «иногородних» предпринимателей. Их воспринимают как «чужих» не только те, кто не задействован в туристической сфере, но и местные участники отрасли.

И вот москвичи, питерцы, они очень давят. У них другой как бы подход. У них как-то все закручено на деньги. Хотя у нас сейчас тоже вот с туризмом, с этим, вот эти все катера, они тоже все, мне кажется, очень уж корыстно так вот подходят к этому ко всему (Жен., 40, сотрудница социально-культурного центра).

При этом в нарративах прослеживается не столько критика самих туристов — как можно было бы ожидать, — сколько озабоченность вопросом контроля над ресурсом в активно развивающейся туристической экономике. Туризм в целом воспринимается в местных сообществах как благо для города и региона, следовательно, конфликт смещается в сферу распределения выгоды и доступа к тури-

стическому ресурсу. Иными словами, речь не о неприятии туризма как такового, а о фактической реализации права на город через апелляцию к принадлежности: «Сортавала прежде всего для сортавалцев, а не для туристов или внешних бизнес-игроков».

Постиндустриальный образ будущего

Рассказы местных жителей о советском времени жизни в Сортавала не лишены ностальгии: это, как отмечают исследователи, характерно для постсоветского пространства и является попыткой вернуться в лучшее время, связанное с личными воспоминаниями (Бойм, 2019). Опорные точки подобного нарратива — образ закрытого промышленного города, пространство которого было безопасным и спокойным, а жители обеспечены всеми необходимыми товарами, так как «все было свое». Действительно, в 1940–1980-х годах Сортавала находилась в пограничной зоне, что предполагало попадание в нее по пропускам через стоявшую на въезде погранзаставу. Приграничное положение воспринималось как защищенное как от внешних советскому государству сил — ближайшей Финляндии и, более широко, потенциально враждебных западных стран, — так и от внутренних «чужих».

Вот тут приграничная такая территория, раньше закрытой была. Ну зато мы немножко себя, может быть, поспокойнее чувствовали. Мы знали, что здесь особо-то посторонних людей просто так-то не бывает (Жен., 55, экскурсовод).

В городе и вокруг него, как и во многих других населенных пунктах, находилось несколько производств для внутреннего и внешнего потребления: собеседники вспоминают молокозавод, пивзавод, хлебокомбинат, рыбзавод, мебельно-лыжный комбинат, швейную фабрику, птичник и совхозы-«миллионники» — большая часть предприятий, за исключением хлебокомбината, закрылась в раннее постсоветское время, оставив в городском пространстве материализованную память о себе в виде руин (Матвеева, Радченко, Петров, 2021).

У нас изначально Сортавала — вообще город такой был, самодостаточный. Конечно, у нас было достаточное количество промышленных предприятий, пищевых предприятий, достаточное количество — это вот я говорю еще про советские времена — сельскохозяйственных предприятий. Это все было, это было хорошо, и рабочие места, все, в общем, проблем там вообще никаких не было с обеспеченностью. <...> Естественно, у нас наступили сложные до-е, это все ушло, ни одного предприятия, кроме хлебокомбината пищевого, у нас не осталось. Совхозы у нас постепенно все ушли, экономика, конечно, у нас просто рухнула (Жен., 65, чиновница).

В 2010-х годах местные власти, как и в приведенной цитате, рассматривали возможность развивать промышленность в городе и округе в том числе в сотрудничестве с Финляндией, которая для многих предприятий в приграничных районах республики являлась одним из основных покупателей. Для Приладожья до закрытия государственной границы с Финляндией была актуальна лесозаготовительная и лесобрабатывающая промышленность, помимо которой планировалось развивать тяжелые производства и, более того, рассматривалось создание особой экономической зоны в пределах Сортавальского городского поселения, в поселке городского типа Вяртсила в нескольких километрах от международного пункта пропуска.

*В свое время, когда у нас была открыта граница, конечно, мы планировали развивать и промышленные *предприятия*. У нас эти предприятия были по деревопереработке, мы планировали еще привлечь несколько предприятий, которые работали бы не по дереву, а с полимером. Мы планировали здесь, что у нас будет особая экономическая зона в Вяртсила. Планировали, работали с Минэкономом нашим, очень долго работали над этим. Готовили документы, заявка была подготовлена (Жен., 65, чиновница).*

После 2022 года стала более реалистичной иная стратегия развития города: наравне с внутренним туризмом и в условиях усиления пограничного контроля предполагалось частично ориентировать экономику города и округа на так называемый «военный контингент»¹⁹. Это способствовало бы, с одной стороны, ограничению туристического потока и возвращению пропускной системы, а с другой — возможному повышению уровня жизни местных сообществ за счет новых рабочих мест от Министерства обороны РФ.

*Все-таки это наличие дополнительных силовых структур на территории. Это создает дополнительную конкуренцию на рынке труда для местных. Это, конечно же, плюс. Это хорошо. У людей гарантированная работа. Но я к тому, что из сферы производства у нас утекают туда *на военные должности* люди. Поэтому это не плохо, но это особенность (Муж., 50, чиновник).*

Примечательно, что, несмотря на структурную нестабильность туристической экономики, удар по местной лесной промышленности и трансграничным индустриальным проектам после закрытия границы, а также популярный ностальгический нарратив о «закрытой» советской Сортавала, альтернативные туризму стратегии развития региона практически не находят поддержки среди наших собеседников. Из нескольких десятков интервью лишь единицы высказывались в пользу возвращения производств. Более того,

19. Жен., 69, чиновница.

подобный альтернативный нарратив требует совмещения легкой промышленности с туристической сферой, при котором первая работает на благо последней, что в целом является частым нарративом и в традиционно промышленных сообществах, переживших деиндустриализацию (Веселкова, Прямикова, 2024).

*...в структуре экономики *Карелии* туризм может занять первое место, в Сортавала однозначно. <...> Лишние, конечно, какие-то предприятия, например, карьеры, могут навредить экологии. Могут, в принципе, отпугнуть немножко кого-то из туристов. Поэтому я считаю, что обязательно нужно здесь соизмерять развитие этой сферы. Потому что туризм — это должна быть главная, ведущая отрасль экономики, базовая. И развивать уже все инфраструктуры вокруг этой отрасли, чтобы не помешать друг другу (Муж., 70, активист).*

Достаточно часто фигурирует негативный нарратив о соседнем городе Питкяранта, где располагаются целлюлозно-бумажный комбинат — основное предприятие города, — а также бетонный завод и карьеры по добыче щебня. Сортавальцы часто высказывают опасения о состоянии экологии соседнего моногорода и отмечают, что на фоне Питкяранты Сортавала обладает более чистой природой, незагрязненной крупными индустриальными объектами, и, как следствие, более высоким туристическим потенциалом.

*Питкяранта, конечно. Широкие проспекты, разбитые дороги, народу мало. Такое ощущение было, что тут эти *зомби* ходят. Очень удручающее впечатление производит, честно говоря. Мы туда съездили, сказали, нет. Такие фильмы ужасов снимают про зомби. И мы такие, я такая представляю, что тут по этой широкой, вот этому проспекту зомби такие идут. Вообще. Как-то немножко какое-то удручающее впечатление от Питкяранты. Ну она, конечно, дальше от Питера. В плане туризма оно все хуже, чем *в остальном Приладожье*. Здесь лучше (Жен., 45, фотограф).*

В отличие от классических индустриальных моногородов, экономическая жизнь Сортавала никогда не формировалась вокруг одного градообразующего предприятия. Местная идентичность в гораздо большей степени связана с окружающей природой и городским архитектурным наследием, которые рассматриваются как ключевые ресурсы и объекты гордости — в особенности после всплеска внутреннего туризма. Индустриальное производство, напротив, занимает сравнительно периферийное место в локальных представлениях о городе и его будущем.

Говоря о перспективах развития, следует отметить особенности кадрового потенциала Сортавала. В местном колледже особенно востребованы программы в сфере гостеприимства — число сту-

дентов на этих направлениях стабильно растет, как и потребность в них со стороны предприятий общественного питания и гостиничного бизнеса. Интересно, что в связи с былой распространенностью финского туризма в Приладожье финский язык по сей день²⁰ изучают в качестве второго иностранного на программах «туризм» и «гостиничное дело».

Ну у нас, например, специальность такая, поварское и кондитерское дело, там прямо за студентов борются, потому что очень много теперь сеть общественного питания, и гостиниц много, поэтому у нас и гостиничное дело, и поварское и кондитерское дело, как горячие пирожки ребят разбирают. То есть ребята многие начинают сразу со второго курса подрабатывать <...> Жалко иногда, когда не умеют совмещать работу с учебой, то есть для них деньги — это важный приоритет, поэтому уходят по собственному желанию (Жен., 60, сотрудница колледжа).

Таким образом, складывающаяся в Сортавала перспектива туристического развития и образ туристического города воспринимается жителями как наиболее вероятный и во многом стратегически привлекательный сценарий. Хотя отдельные аспекты «туристической» трансформации вызывают критику или настороженность, отсутствие очевидных альтернативных стратегий делают этот вектор развития неизбежным в глазах многих участников сообщества.

Выводы

Часть низовой экономической деятельности, широко распространенной в туристической отрасли Сортавала, мы рассматриваем как спектр туристических промыслов — современных практик, направленных на самообеспечение. Они отличаются как от наемного труда, так и от полноценных бизнес-структур и имеют особое значение в условиях кризиса. Главным критерием, регулирующим способы встраивания в отрасль, является доступ к туристическому ресурсу — возможности капитализировать внимание туриста. Промысловый тип ведения дела мы считаем способом получить доступ к ресурсу напрямую, а промысловую занятость — характерной чертой локальных сообществ. Местные промысловики имеют прямой доступ к туристическому ресурсу; наемные работники, часто лишенные социальных гарантий в условиях неформальной занятости, такого доступа не имеют; иногородние бизнесмены и крупный бизнес имеют опосредованный доступ.

Возможность собственными силами и ресурсами капитализировать туристический поток в нашем кейсе становится способом

20. На 2024 год.

реализовать «право на город» и актуализирует локальную идентичность. Право на участие проявляется в непосредственном включении в туристическую экономику, а право на апроприацию — в создании новой материальной и нематериальной инфраструктуры и точек туристического притяжения.

Для местных жителей, не занимающихся туристическим промыслом и, соответственно, не имеющих доступа к ресурсу, проблематика права на город также является значимой: она проявляется через запрос на опосредованный доступ к ресурсу (или выгоду с «выработки» этого ресурса, то есть ренты) и участие в принятии решений, что отражается в видимом недовольстве в нарративах некоторых собеседников. Иными словами, это выражается в позиции «мы не против туризма, но мы должны получать выгоду с туристических потоков». Этот запрос также актуализирует право на город — жители желают обладать агентностью и борются за владение пространством в символическом поле. Описанные способы реализации права на город в условиях отсутствия возможности апелляции к исторической привязке к месту формируют альтернативный способ укоренения. На нем выстраивается принадлежность к городу, чувство городской идентичности, отделяющее местных жителей от приезжих: финнов, туристов, иногородних бизнесменов.

Туристическая отрасль при этом, в условиях ограниченности альтернатив, поддержки крупного бизнеса и государства, а также при широкой вовлеченности населения в туристическую экономику, воспринимается как основная стратегия развития города и, более того, всего Северного Приладожья. Несмотря на существование и попытки реализации альтернативных планов и большей диверсификации экономики города — в пользу трансграничных промышленных проектов или усиления границы²¹ — продолжающийся рост туристического потока и связанное с ним увеличение инвестиций формирует достаточно однородную точку зрения на рассматриваемую сферу экономики: представители местных властей, другие стейкхолдеры, местные жители — большая часть наших собеседников считает туризм единственным путем для продолжения жизни самого города и его сообществ.

Интернет-источники

Петрозаводск говорит (2025). Сортавала попала в лидеры дорогих направлений для отдыха. URL: <https://ptzgovorit.ru/news/sortavala-popala-v-lidery-dorogih-napravleniy-dlya-otdyha> (дата доступа: 14.06.2025).

Республика (2024). Карелия под защитой: безопасность приграничных регионов усилят по поручению Владимира Путина. URL: <https://rk.karelia.ru/politics/authority/>

21. <https://rk.karelia.ru/politics/authority/kareliya-pod-zashhitoy-bezopasnost-prigranichnyh-regionov-usilyat-po-porucheniyu-vladimira-putina/?ysclid=mc5ezk16vq40162705>

- kareliya-pod-zashhitoy-bezopasnost-prigranichnyh-regionov-usilyat-po-porucheniyu-vladimira-putina/ (дата доступа: 14.06.2025).
- Новости Карелии «Фактор новости» (2024). Туристический бум по-сортавалски. URL: <https://factornews.ru/article/turisticheskij-bum-po-sortavalski/> (дата доступа: 14.06.2025).
- Это Карелия (2025). Гора Паасо. URL: этокарелия.рф/gora-paaso/ (дата доступа: 14.06.2025).
- МК Карелия (2024). Сортавала вошла в топ-10 городов для зимнего отдыха. URL: <https://karel.mk.ru/social/2024/12/18/sortavala-voshla-v-top10-gorodov-dlya-zimnego-otdykha.html> (дата доступа: 14.06.2025).
- Моя Твоя (2025). Путеводитель по Сортавала. URL: <https://moyatvoya.ru/putevoditeli/sortavala-putevoditel> (дата доступа: 02.06.2025).

Библиография

- Александрова А. Ю. (2012). Политико-административные границы: от барьера к туристскому ресурсу // Вестник Московского университета. Серия 5. География. № 3. С. 15–20.
- Бойм С. (2019). Будущее ностальгии. М.: Новое литературное обозрение.
- Брубейкер Р. (2012). Этничность без групп / Пер. с англ. И. Борисовой. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Веселкова Н. В., Прямикова Е. В. (2024). Состояние постиндустриальности: «власть заводов» // Интеракция. Интервью. Интерпретация. Т. 16. № 3. С. 10–32.
- Кордонский С. Г. (2010). Россия. Поместная федерация. М.: Издательство «Европа».
- Королев К. М. (2024). «Право на город»: Кронштадт глазами горожан // Фольклор и антропология города. Т. 6. № 1–2. С. 39–57.
- Лефевр А. (2015). Производство пространства / Пер. с фр. И. Стаф. М.: Strelka Press.
- Макканелл Д. (2023). Турист. Новая теория праздного класса / Пер. с англ. А. Боровикова, Е. Изотов. М.: Ad Marginem.
- Матвеева Э. Г. (2021). Народная история Сортавалы в рассказах местных жителей // Фольклор и антропология города. Т. 4. № 1–2. С. 42–75.
- Матвеева Э. Г., Радченко Д. А., Петров Н. В. (2021). Город в историях людей — Сортавала. М.: Неолит.
- Мельникова Е. А. (2015). Локальное прошлое на границе национального: краеведческие музеи Северного Приладожья в постсоветское время // Антропологический форум. № 25. С. 9–41.
- Плюснин Ю. М. (2024). Промыслы российской провинции: неформальные экономические практики населения. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Плюснин Ю. М. (2022). Социальная структура провинциального общества. М.: Common Place.
- Савельев Ю. В., Толстогузов О. В. (ред.) (2008). Управление развитием туризма в регионе. Опыт реализации стратегии Республики Карелия. Петрозаводск: Издательство Карельского научного центра РАН.
- Селеев С. С., Павлов А. Б. (2016). Гаражники. М.: Страна Оз.
- Alamineh G. A., Hussein J. W., Endaweke Y., Tadesse B. (2023). The local communities' perceptions on the social impact of tourism and its implication for sustainable development in Amhara regional state // Heliyon. Vol. 9. № 6.
- Cowan T., Campbell B., Kalb D. (2023). Theorizing peripheral labor: Rethinking “surplus populations” // Focaal. Vol. 97. P. 7–21.
- Duxbury N., de Castro T. V., Silva S. (2025). Culture–tourism entanglements: Moving from grassroots practices to regenerative cultural policies in smaller communities // International Journal of Cultural Policy. Vol. 31. № 4. P. 497–516.

- Harvey D. (2008). The right to the city // *New Left Review*. № 53. P. 23–40.
- Holden A. (2006). *Tourism Studies and the Social Sciences*. London: Routledge.
- Izotov A. (2018). Mapping Sortavala: Local Identity Formation in a Soviet and Post-Soviet Border Town. DIIS Working Paper. Copenhagen: Danish Institute for International Studies.
- Izotov A., Laine J. (2013). Constructing (un)Familiarity: role of tourism in identity and region building at the Finnish–Russian border // *European Planning Studies*. Vol. 21. № 1. P. 93–111.
- Kondrateva S. V. (2021). Project approach to transboundary tourism-and-recreation region building: The case of Karelia // *Baltic Region*. Vol. 13. № 1. P. 124–137.
- Laine J. (2017). Finnish-Russian border mobility and tourism: Localism overruled by geopolitics // *Tourism and Geopolitics: Issues and Concepts from Central and Eastern Europe* / D. Hall (ed.). Wallingford: CABI. P. 178–190.
- Lefebvre H. (1996). The right to the city // *Writings on Cities* / E. Kofman, E. Lebas (trs.). Oxford: Blackwell. P. 63–184.
- Lukianow M., Wells C. (2024). Territorial phantom pains: Third-generation postmemories of territorial changes // *Memory Studies*. Vol. 17. № 2. P. 177–192.
- Mayers J. (2005). *Stakeholder Power Analysis*. London: International Institute for Environment and Development.
- Mee K. (2009). A space to care, a space of care: Public housing, belonging, and care in inner Newcastle, Australia // *Environment and Planning A*. Vol. 41. № 4. P. 842–858.
- Mee K., Wright S. (2009). Geographies of Belonging // *Environment and Planning A*. Vol. 41. № 4. P. 772–779.
- Muganda M., Sirima A., Ezra P. M. (2013). The role of local communities in tourism development: Grassroots Perspectives from Tanzania // *Journal of Human Ecology*. Vol. 41. № 1. P. 53–66.
- Purcell M. (2002). Excavating Lefebvre: The right to the city and its urban politics of the inhabitant // *GeoJournal*. Vol. 58. P. 99–108.
- Rogerson C. M., Letsie T. (2013). Informal sector business tourism in the Global South: Evidence from Maseru, Lesotho // *Urban Forum*. Vol. 24. P. 485–502.
- Smith W. (2024). Tourism Cares. How Community-Based Tourism Empowers Locals and Enhances Travel. URL: <https://www.tourismcares.org/tourism-cares-blog/how-community-based-tourism-empowers-locals-and-enhances-travel> (дата доступа: 10.06.2025).
- Stepanova S. (2016). The role of tourism in the development of Russia's Northwestern border regions // *Baltic Region*. № 3. P. 109–120.
- Stepanova S. V. (2019). The Northern Ladoga Region as a prospective tourist destination in the Russian-Finnish borderland: Historical, cultural, ecological and economic aspects // *Geographia Polonica*. Vol. 92. № 4. P. 409–428.
- Tribe J. (1997). The indiscipline of tourism // *Annals of Tourism Research*. Vol. 24. № 3. P. 638–657.

Tourist industries and the “right to the city”: Constructing local identity in post-Soviet Sortavala through the access to tourism resources

Egor A. Kuznetsov, Research Intern, Center for Sociocultural and Ethnolinguistic Research, Faculty of Humanities, National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Myasnitskaya St., 20, Moscow, 101000, Russia. E-mail: kuznetsov.e@hse.ru

Varvara A. Mikhailovskaya, Research Intern, Center for Sociocultural and Ethnolinguistic Research, Faculty of Humanities, National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Myasnitskaya St., 20, Moscow, 101000, Russia. E-mail: vmikhaylovskaya@hse.ru

Abstract. The article considers grassroots economic practices in the tourism sector of Sortavala, a town in northwestern Russia, which has undergone significant transformation following the COVID-19 pandemic and the closure of international borders in the 2020s. In the absence of large industrial enterprises, domestic tourism has become a primary economic activity for local residents. The authors focus on tourism crafts — flexible, small-scale, and often informal practices that aim at self-sufficiency — to show how they adapt to the region's unstable social-economic conditions. These practices differ from both precarious wage labor and formal entrepreneurship, representing a distinct mode of engagement with the tourist economy, which is widely perceived as the only viable and strategically promising development path. Based on the qualitative study conducted in 2023–2024, the authors argue that access to tourism resources (places, infrastructure, narratives, and natural environments), which can be monetized through tourist interactions, serves as the central factor of participation in this economy. This access is unevenly distributed, has become a key site of social conflicts, and serves as not only an economic opportunity but also a mechanism for expressing and enacting a sense of belonging. Through tourism crafts, local actors assert a form of the “right to the city” — the right not only to inhabit but also to actively shape urban and natural spaces. Thus, grassroots involvement in tourism functions as a medium for articulating and renegotiating local identity.

Key words: Sortavala, tourism economy, informal economy, tourism crafts, tourism resources, right to the city, local identity

References

- Alamineh G. A., Hussein J. W., Endaweke Y., Tadesse B. (2023) The local communities' perceptions on the social impact of tourism and its implication for sustainable development in Amhara regional state. *Heliyon*, vol. 9, no 6.
- Aleksandrova A. Yu. (2012) Politiko-administrativnye granitsy: ot bariera k turistskomu resursu [Political-administrative borders: From barriers to tourism resources]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5: Geografiya*, no 3, pp. 15–20.
- Boym S. (2019) *Budushchee nostalgii* [The Future of Nostalgia], Moscow: NLO.
- Brubaker R. (2012) *Etnichnost bez grupp* [Ethnicity without Groups], Moscow: HSE.
- Cowan T., Campbell B., Kalb D. (2023) Theorizing peripheral labor: Rethinking “surplus populations”. *Focaal*, vol. 97, pp. 7–21.
- Duxbury N., de Castro T. V., Silva S. (2025) Culture-tourism entanglements: Moving from grassroots practices to regenerative cultural policies in smaller communities. *International Journal of Cultural Policy*, vol. 31, no 4, pp. 497–516.
- Harvey D. (2008) The right to the city. *New Left Review*, no 53, pp. 23–40.
- Holden A. (2006) *Tourism Studies and the Social Sciences*, London: Routledge.
- Izotov A. (2018) Mapping Sortavala: Local Identity Formation in a Soviet and Post-Soviet Border Town, Copenhagen: DIIS Working Paper.
- Izotov A., Laine J. (2013) Constructing (un)familiarity: Role of tourism in identity and region building at the Finnish Russian border. *European Planning Studies*, vol. 21, no 1, pp. 93–111.
- Kondratieva S. V. (2021) Project approach to transboundary tourism-and-recreation region building: The case of Karelia. *Baltic Region*, vol. 13, no 1, pp. 124–137.
- Kordonsky S. G. (2010) *Rossiia. Pomestnaya federatsiya* [Russia. Estate Federation], Moscow: Europa.
- Korolev K. M. (2024) “Pravo na gorod”: Kronstadt glazami gorozhan [“Right to the city”: Kronstadt in the perception of city residents]. *Folklor i Antropologiya Goroda*, vol. 6, no 1–2, pp. 39–57.
- Laine J. (2017) Finnish Russian border mobility and tourism: Localism overruled by geopolitics. D. R. Hall, D. K. Müller (Eds.). *Tourism and Geopolitics: Issues and Concepts from Central and Eastern Europe*, Wallingford: CABI, pp. 178–190.
- Lefebvre H. (2015) *Proizvodstvo prostranstva* [The Production of Space], Moscow: Strelka Press.

- Lefebvre H. (1996) The right to the city. E. Kofman, E. Lebas (Eds.). *Writings on Cities*, Oxford: Blackwell.
- Łukianow M., Wells C. (2024) Territorial phantom pains: Third-generation postmemories of territorial changes. *Memory Studies*, vol. 17, no 2, pp. 177–192.
- MacKinnell D. (2023) *Turist. Novaya teoriya prazdnogo klassa* [Tourist: A New Theory of the Leisure Class], Moscow: Ad Marginem.
- Matveeva E. G. (2021) Narodnaya istoriya Sortavaly v rasskazakh mestnykh zhitel'ei [Folk history of Sortavala in the stories of local residents]. *Folklor i Antropologiya Goroda*, vol. 4, no 1–2, pp. 42–75.
- Matveeva E. G., Radchenko D. A., Petrov N. V. (2021) *Gorod v istorii lyudei — Sortavala* [City in People's Stories — Sortavala], Neolit.
- Mayers J. (2005) *Stakeholder Power Analysis*, London: International Institute for Environment and Development.
- Melnikova E. A. (2015) Lokalnoe proshloe na granitse natsionalnogo: kraevedcheskie muzei Severnogo Priledozhya v postsovetское время [Local past on the national border: Local history museums of the Northern Ladoga Region in the post-Soviet period]. *Antropologicheskyy Forum*, no 25, pp. 9–41.
- Mee K. (2009) A space to care, a space of care: Public housing, belonging, and care in inner Newcastle, Australia. *Environment and Planning A*, vol. 41, no 4, pp. 842–858.
- Mee K., Wright S. (2009) Geographies of belonging. *Environment and Planning A*, vol. 41, no 4, pp. 772–779.
- Muganda M., Sirima A., Ezra P. M. (2013) The role of local communities in tourism development: Grassroots perspectives from Tanzania. *Journal of Human Ecology*, vol. 41, no 1, pp. 53–66.
- Plusnin J. (2022) *Sotsialnaya struktura provintsialnogo obshchestva* [Social Structure of Provincial Society], Moscow: Common Place.
- Plusnin J. (2024) *Promysly Rossiiskoi provintsi: neformalnye ekonomicheskie praktiki naseleeniya* [Russian Provincial Crafts: Informal Economy of Households], Moscow: HSE.
- Purcell M. (2002) Excavating Lefebvre: The right to the city and its urban politics of the inhabitant. *GeoJournal*, vol. 58, pp. 99–108.
- Rogerson C. M., Letsie T. (2013) Informal sector business tourism in the global South: Evidence from Maseru, Lesotho. *Urban Forum*, vol. 24, pp. 485–502.
- Savelyev Yu. V., Tolstoguzov O. V. (Eds.) (2008) *Upravlenie razvitiem turizma v regione. Opyt realizatsii strategii Respubliki Kareliya* [Regional Management of Tourism Development: Implementation of the Strategy of the Republic of Karelia], Petrozavodsk: Karelian Research Centre of the RAS.
- Selev S. S., Pavlov A. B. (2016) *Garazhniki* [Garage Communities], Moscow: Strana OZ.
- Stepanova S. (2016) The role of tourism in the development of Russia's northwestern border regions. *Baltic Region*, no 3, pp. 109–120.
- Stepanova S. V. (2019) The Northern Ladoga region as a prospective tourist destination in the Russian Finnish borderland: Historical, cultural, ecological and economic aspects. *Geographia Polonica*, vol. 92, no 4, pp. 409–428.
- Tribe J. (1997) The indiscipline of tourism. *Annals of Tourism Research*, vol. 24, no 3, pp. 638–657.
- Veselkova N. V., Pryamikova E. V. (2024) Sostoyanie postindustrialnosti: "vlast zavodov" [The state of post-industriality: "The power of factories"]. *Interaktsiya. Intervyu. Interpretatsiya*, vol. 16, no 3, pp. 10–32.

Е. А. Кузнецов,

В. А. Михайловская

Туристические
промыслы и «право
на город»...

Семейные разделы в южноуральской деревне во второй половине XIX — начале XX века

Ш. Н. Исянгулов

*Шамиль Наилевич Исянгулов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новейшей истории Башкортостана Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук. 450054, г. Уфа, пр. Октября, 71.
E-mail: isangul-schamil@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается динамика семейных разделов в сельской местности в Оренбургской и Уфимской губерниях во второй половине XIX — начале XX века. Краткий анализ литературы показал недостаточную изученность проблемы. В качестве источников привлечены законодательные акты, документы уездных, губернских учреждений по делам крестьянства, земского отдела МВД, статистика, этнографические материалы и др. Значительное количество источников впервые вводится в научный оборот. Показано, что абсолютное большинство семейных разделов на Южном Урале в пореформенный период производилось без разрешения сельского схода. Отмечается, что законодательные меры не смогли остановить процесс дробления крестьянских хозяйств. Выведен коэффициент распространности семейных разделов среди различных групп крестьянства Уфимской губернии за 1880 год на 1000 среднегодового населения. Он показывает, что наиболее частыми семейные разделы были у башкир, свободных хлебопашцев, горнозаводских крестьян, наименее распространенными — у бывших помещичьих крестьян. У бывших государственных и удельных крестьян показатели оказались средними. В статье приводятся основные причины семейных разделов, встречающиеся в источниках: ссоры, теснота жилья, многоженство. Все они сводились к естественному циклу развития семьи. В статье подчеркивается, что большое влияние на распространение семейных разделов оказывали социально-политические факторы, будь то крестьянская реформа 1861 года, введение всеобщей воинской повинности в 1874 году, проведение Столыпинской аграрной реформы, ликвидация семейной собственности, разрушение общины. По мнению автора, ухудшение экономического положения крестьян вследствие голода, неурожая, войн сдерживало дробление хозяйств.

Ключевые слова: крестьянство, сельский сход, аграрные реформы, Башкортостан, Уфимская губерния, Оренбургская губерния

EDN: NATXCK

В современный период средний размер домохозяйства как в сельской местности, так и в городских поселениях Республики Башкортостан составляет менее трех человек, что вызывает серьезные опасения у представителей власти и широкой общественности насчет перспектив дальнейшего развития семьи. В подобных усло-

виях растет научный интерес к периоду, когда большая (сложная) семья стала неуклонно сдавать свои позиции перед малой (нуклеарной). Данный процесс был запущен крестьянской реформой 1861 года, после которой семейные разделы стали обыденными явлениями деревенской жизни.

Семейные разделы привлекали внимание исследователей еще в дореволюционный период. Тогда в отечественной науке появилось значительное количество работ, посвященных крестьянскому обычному праву, в том числе семейным разделам. Отдельные исследователи, рассматривая последствия разделов, приходили к выводу о том, что они не приводили к ухудшению экономического положения выделившихся и разделившихся хозяйств (В. В., 1883; Исаев, 1883). Ученые все более убеждались, что семейные разделы — неизбежный естественный процесс. Один из авторов заявлял, что «причины разделов не уничтожимы, а пока они действуют, не уничтожимы и разделы» (Личков, 1886: 108). После появления закона 1886 года стали преобладать публикации, в которых акцентировалось внимание на юридических аспектах проблемы: комментировалось новое законодательство, изучались его последствия (Бржецкий, 1900, 1902; Герасимов, 1901 и др.).

Работ о семейных разделах и порядке наследования у крестьян Южного Урала в дореволюционный период вышло немного. О значительном распространении семейных разделов в Бирском и Уфимском уездах в 1860-е годы писал священник И. Темперов (Темперов, 1866: 31–32). Его небольшую, но насыщенную ценными этнографическими наблюдениями публикацию впоследствии широко использовал известный юрист В. Ф. Мухин (Мухин, 1888: 41, 80 и др.). Выдел сыновей у русских крестьян Белебеевского и Мензелинского уездов Уфимской губернии достаточно подробно освещен в публикации М. В. Колесникова (Колесников, 1888; Колесников, 2015: 51–53). О семейных разделах в Оренбургском уезде в начале XX века писал краевед А. П. Кузнецов (Кузнецов, 2007: 304–305).

В советский период исследователи стали вновь обращаться к этой теме лишь с 1960-х годов. В результате введения в научный оборот источников различного характера в отечественной историографии обозначилось несколько направлений в изучении проблемы. Так, статистические источники использовал А. М. Анфимов (Анфимов, 1980: 24–27), работы других исследователей основаны на материалах обследования Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева (Федоров, 1979; Милогорова, 1987).

В постсоветский период эти направления в российской исторической науке получили дальнейшее развитие, научный интерес к теме семейных разделов возрос. На сегодняшний день она изучается с точки зрения истории повседневности, гендерных аспектов, в рамках исследования развития низовых учреждений и институтов: сельской общины, волостного суда и др. (Зырянов, 1992: 31–32; Крюкова, 1994: 138–191; Жиромская, 2000: 66–67; Земцов, 2002;

Вербицкая, 2009: 106–117; Нагорная, 2011; Мельников, 2012, 2014, 2023; Безгин, 2012: 43–52; Безгин, 2017: 37–42; Безгин, Ерин, 2012; Кушкова, 2016: 108–137; Миронов, 2014: 677–678; Менщиков, Федоров, 2017: 98–116; Мухина, 2018: 356–388 и др.). Появились публикации, в основе которых лежало изучение первичных документов о семейных разделах — приговоров сельских сходов (Даньшина, 2016). В зарубежной литературе тема также получила определенное освещение (Джаедонг, 2005; Шанин, 2020: 58–67, 150–153, 373–390).

В региональной историографии относительно хорошо изучены порядок наследования, раздел имущества в башкирской семье (Бикбулатов, 1984; Бикбулатов, Фатыхова, 1991: 135–161; Асфандияров, 1997: 74–79; Биккузина, 2011: 116–120 и др.). При этом в работах историков-аграрников главное внимание обращалось на роль общины в переделе земельных наделов. Так, Х. Ф. Усманов в своей классической работе фокусировался на разделе земли в пореформенной южноуральской деревне, вопрос же о семейных разделах затрагивался им очень кратко (Усманов, 1981: 180). Анализ развития сельского хозяйства Уфимской губернии в начале XX века, динамики социальной структуры крестьянства, хозяйственного районирования позволили М. И. Роднову сделать интересный вывод о том, что семейные разделы были характерны, прежде всего, для традиционного аграрного общества, тогда как хозяйства (семьи), вставшие на путь капиталистического развития, оставались долгое время неразделенными, сложными (Роднов, 2002: 119–132, 161–162, 204–205 и др.). Некоторые выводы Роднова являются дискуссионными, о чем будет сказано ниже.

Как показывает обзор существующей научной литературы, вопрос о семейных разделах у различных категорий крестьянства Южного Урала, за исключением башкирского, остается недостаточно изученным. Специальных работ по данной теме до сих пор не появилось.

В нашей статье рассматривается динамика семейных разделов в сельской местности в Оренбургской и Уфимской губерниях во второй половине XIX — начале XX века. Автор ставит своими задачами: выяснение распространенности разрешенных и самовольных семейных разделов, их территориальных и этносословных особенностей в южноуральской деревне, а также их основных причин. Порядок и процедура раздела имущества у различных групп сельского населения здесь не рассматриваются. Существовавшие практики раздела имущества по закону, по шариату и по обычному праву у народов края должны стать предметом специального исследования.

Источниками выступают законодательные акты, документы (отчеты, справки) уездных и губернских по крестьянским делам присутствий, а также земского отдела МВД. В них наряду с описаниями местных, почти этнографических особенностей семейных разделов в той или иной местности встречаются и статистические

сведения, до сих пор не введенные в научный оборот. Из опубликованных источников привлечены материалы земской статистики и губернских совещаний по вопросам, относящимся к пересмотру законодательства о крестьянах.

Разделы в 1860–1880-е годы

«Общим положением о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» от 19 февраля 1861 года было определено, что разрешение семейных разделов входило в полномочия сельского схода. При этом сельский сход разрешал семейные разделы только в отношении личного состава семьи, а не имущества. Спор об имуществе подлежал рассмотрению волостного суда (если цена иска не превышала 100 рублей) или общих судебных мест (если цена иска составляла более 100 рублей). Вопросы о разделе на сельском сходе должны были решаться простым большинством голосов¹. Данный пункт «Общего положения о крестьянах» в 1863 и 1866 годах был распространен на башкир, удельных и государственных крестьян². Ввиду спорных моментов Сенат несколько раз в 1876 и 1877 годах разъяснял, что сельский сход имеет право разрешать лишь семейные разделы, то есть роспись семейства на отдельные самостоятельные единицы в податном и хозяйственном отношении, но не раздел имущества. В случае споров необходимо было обратиться в волостной суд или в общие судебные учреждения³.

Резкое увеличение числа семейных разделов наблюдалось, очевидно, после выхода отмеченных законов. Как писал священник И. Темперов, у государственных крестьян (русских по национальности) Бирского и Уфимского уездов в 1860-е годы «сильно бросается в глаза дробление семейств» (Темперов, 1866: 31; см. также: Мухин, 1888: 41).

Большинство семейных разделов после 1861 года производилось самовольно, без разрешения сельских сходов. В результате 28 сентября 1867 года Сенат был вынужден разъяснить, что «семейный раздел, произведенный без разрешения сельского схода, не может быть признан действительным и не освобождает тех из выделив-

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2 (далее — ПСЗ-2). № 36657. Т. 36. Ч. 1. С. 148 (п. 5 ст. 51).
2. Высочайше утвержденное Положение о башкирах // ПСЗ-2. № 39622. Т. 83. Ч. 1. С. 447 (п. 5 ст. 31); Высочайше утвержденное Положение о крестьянах, водворенных на землях имений государевых, дворцовых и удельных // ПСЗ-2. № 39792. Т. 38. Ч. 1. С. 480 (ст. 9); О преобразовании общественного управления государственных крестьян, и о передаче сих крестьян в ведение общих губернских и уездных, а также местных по крестьянским делам учреждений // ПСЗ-2. № 42899. Т. 41. Ч. 1. С. 35 (ст. 5).
3. Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1291. Оп. 50. 1906 г. Д. 32. Л. 6 об.

шихся членов, которые исправны в отбывании повинностей, от платежа податей за неисправных»⁴. Однако данное решение практически не работало. Семейные разделы продолжали производиться без согласия сельских сходов. Так, в Оренбургской губернии в 1861–1882 годах было произведено 27 395 разделов, из них сельскими сходами разрешено 1392 раздела, то есть всего лишь 5,1%. Это был один из самых низких показателей в Европейской части России. Для сравнения, в 46 губерниях Центральной России за тот же период удельный вес разрешенных сельскими сходами семейных разделов составил 12,8%, в Вятской губернии — 19,3%, в Пермской губернии — 21,1%⁵. Большинство разделов, таким образом, были самовольными. Поуездные данные по Оренбургской губернии приведены в таблице 1.

Таблица 1. Семейные разделы в Оренбургской губернии в 1861–1882 гг.

Уезды	Разрешенные		Самовольные		Всего разделов	
	Число	%	Число	%	Число	%
Верхнеуральский	113	3,6	3068	96,4	3181	100
Оренбургский	1489	19,1	6321	80,9	7810	100
Орский	85	3,5	2341	96,5	2426	100
Троицкий	35	2,6	1310	97,4	1345	100
Челябинский	12	0,1	12 250	99,9	12 262	100
Итого	1734	6,4	25 290	93,6	27 024	100

Источник: Объединенный государственный архив Оренбургской области. Ф-13. Оп. 1. Д. 314. Л. 12 об–13, 15 об, 20, 23 об, 50.

Примечание: в Челябинском уезде — за 1866–1882 гг.; в Орском уезде — по сведениям Александровской, Кананикольской, Преображенской, 2-й, 3-й и 4-й Усерганских, 1-й Бурзянской, Тангауровской волостей; в Оренбургском уезде — по сведениям всех волостей, кроме Бурзянской, Имангуловской, Марьевской, Павловской и Спасской; в Верхнеуральском уезде — по сведениям Авзяно-Петровской, Белорецкой, Кагинской, Катайской, Кубеляк-Телевской, Тамьяно-Тангауровской, Тептяро-Учалинской, Тирлянкой и Узьянской волостей.

Обращает на себя внимание различие между ситуацией в Челябинском и Оренбургском уездах. В Челябинском уезде практически не было разделов, разрешенных сельскими сходами, тогда как в Оренбургском почти каждый пятый раздел семьи был санкционирован на сельском сходе.

Роль сельских сходов в разрешении семейных разделов, таким образом, была незначительной. Еще Темперов писал, что у русских

4. РГИА. Ф. 1291. Оп. 50. 1906 г. Д. 32. Л. 6 об.

5. Подсчитано по: РГИА. Ф. 1291. Оп. 38. 1882 г. Д. 20а. Л. 39, 39 об.

крестьян Бирского и Уфимского уездов «стороннего вмешательства в раздел не допускается», более того, «крестьянские общества строго охраняют власть родителя и волю родителя в этом деле ставят выше всего» (Темперов, 1866: 32). Сельские сходы проявляли активность в разрешении семейных разделов лишь до отмены рекрутской повинности (1874 год)⁶.

В 1882 году Орское уездное по крестьянским делам присутствие докладывало, что «сельские сходы почти не вмешиваются в разделы, за исключением полного несогласия в семействе, когда младшие члены сами потребуют раздела, но и в этих случаях больше обращаются к волостному суду»⁷. В Оренбургском уезде «крестьяне же со своей стороны о предстоящих разделах сельским сходам, за редким исключением, не заявляют, находя всякое вмешательство в семейное дело посторонних лиц несообразным с их обычаями»⁸.

Горнозаводское население Верхнеуральского уезда (Авзяно-Петровская, Белорецкая, Кагинская, Тирлянская, Узянская волости) было освобождено от крепостной зависимости без земли (за исключением усадьбы). Налоги, разные платежи и недоимки удерживались с заработков рабочих заводов. В силу этого сельские общества не обращали особого внимания на экономическую состоятельность отдельных семей и последние делились обычно без разрешения сельских сходов⁹. Башкиры этого же уезда, имея много земли, земледелием занимались мало. Семейные разделы совершались ими также самовольно, без разрешения сельских сходов: в 1861–1882 годах сельские сходы в башкирских обществах данного уезда не вынесли ни одного приговора о разделе семьи¹⁰.

В конце XIX века земские статистики отмечали, что в Бирском уезде Уфимской губернии семейные разделы у башкир-вотчинников происходили следующим образом: «Отец наделяет отделившегося сына чаще всего по своему усмотрению. Мир очень редко вмешивается в семейные разделы; в случае конфликта между отцом и сыном мир обычно решает наделять только сыновей, записанных в X ревизию; сыновья же, не попавшие в X ревизию, очень часто отделяются без земли. Бывают случаи крайне неравномерного распределения...»¹¹.

Несколько особняком стоят этнографические записи М. В. Колесникова. Как он пишет, в Белебеевском и Мензелинском уездах Уфимской губернии домохозяин, заметив раздоры в семье, «обра-

6. Объединенный государственный архив Оренбургской области (далее — ОГАОО). Ф. Ф-13. Оп. 1. Д. 314. Л. 20–20 об.

7. ОГАОО. Ф. Ф-13. Оп. 1. Д. 314. Л. 16.

8. ОГАОО. Ф. Ф-13. Оп. 1. Д. 314. Л. 9 об.

9. ОГАОО. Ф. Ф-13. Оп. 1. Д. 314. Л. 51–51 об.

10. ОГАОО. Ф. Ф-13. Оп. 1. Д. 314. Л. 51 об–52.

11. Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. V: Бирский уезд. Оценочно-статистические материалы по данным местных исследований 1897 года. Уфа, 1900. С. 191.

щается к сельскому старосте с просьбою собрать сельский сход, который тем и созывается в один из ближайших праздников». Крестьянин ставит сходу угощение, выражая свое желание отделить одного из сыновей, просит мир дать сыну усадьбное место. По свидетельству Колесникова, сельский сход «дает свое устное согласие на отдачу просителю той земли без всякого приговора» (Колесников, 1888; Колесников, 2015: 52). Таким образом, и в данном случае семейный раздел производился все же самовольно, без приговора сельского схода.

Статистических сведений о самовольных и разрешенных разделах по Уфимской губернии за 1860–1880-е годы не обнаружено. Однако опираясь на вышеуказанное свидетельство Колесникова и мнение Уфимского губернского совещания о том, что Закон 18 марта 1886 года о семейных разделах приносит желаемые результаты¹², можно утверждать, что в Уфимской губернии, скорее всего, процент самовольных разделов был ниже, чем в Оренбургской.

Распространенность семейных разделов по социальным группам крестьянства была неодинаковой. Так, в Уфимской губернии число крестьянских хозяйств (семей) с 1874 по 1884 год увеличилось с 188,9 тыс. до 230,1 тыс., или на 21,8%. Это было чуть больше, чем в среднем в 43 губерниях Европейской части России (19,3%). При этом число семей бывших помещичьих крестьян в губернии возросло на 16,6%, бывших государственных и удельных крестьян — на 21,6%, прочих (башкир-вотчинников, припущенников, заводских крестьян, свободных хлебопашцев) — на 22,7%¹³. С 1861 по 1882 год в губернии ежегодно в среднем производилось по 4,1 тыс. семейных разделов, тогда как с 1874 по 1883 год — по 4,8 тыс.¹⁴ Таким образом, постепенно частота семейных разделов увеличивалась (см. табл. 2).

Таблица 2. Семейные разделы в Уфимской губернии в 1874–1883 гг.

Годы	Бывшие помещичьи крестьяне		Бывшие государственные и удельные крестьяне		Крестьяне прочих наименований		Итого	
	число	%	число	%	число	%	число	%
1874	438	8,1	1270	23,4	3711	68,5	5419	100
1875	390	8,3	1205	25,5	3125	66,2	4720	100
1876	449	8,8	1121	22,0	3527	69,2	5097	100
1877	435	10,3	1067	25,2	2727	64,5	4229	100

12. Свод заключений губернских совещаний по вопросам, относящимся к пересмотру законодательства о крестьянах. Т. II. СПб., 1897. С. 260.

13. РГИА. Ф. 1291. Оп. 38. 1882 г. Д. 2са. Л. 57 об–58, 61.

14. РГИА. Ф. 1291. Оп. 38. 1882 г. Д. 2са. Л. 57 об–58.

1878	452	9,9	1265	27,7	2848	62,4	4565	100
1879	472	9,7	1359	28,0	3025	62,3	4856	100
1880	462	9,8	1258	26,6	3012	63,6	4732	100
1881	390	8,1	1235	25,6	3194	66,3	4819	100
1882	420	9,2	1136	24,8	3015	66,0	4571	100
1883	390	8,4	1196	25,8	3052	65,8	4638	100
Всего	4298	9,0	12 112	25,4	31 236	65,6	47 646	100

Источник: РГИА. Ф. 1291. Оп. 38. 1882 г. Д. 20а. Л. 59 об–60.

Примечание: К крестьянам прочих наименований относятся: башкиры-вотчинники, припущенники, заводские, свободные хлебопашцы.

Как видно из таблицы 2, наибольшее число разделов в Уфимской губернии было зарегистрировано в 1874 году, очевидно, в связи с проведением военной реформы. Население, скорее всего, надеялось, что мужчины из малых (нуклеарных) семей смогут избежать службы в армии, как это имело место в период рекрутской повинности.

По нашим подсчетам, в 1880 году у бывших помещичьих крестьян Уфимской губернии было произведено 2,7 раздела на 1000 человек среднегодового населения, у бывших государственных и удельных крестьян — 2,9, у крестьян прочих наименований — 3,2¹⁵. Таким образом, у крестьян прочих наименований семейные разделы происходили чаще, чем у крестьян других категорий. Исследователи отмечали, что и в начале XX века башкирам было проще отделить женившихся сыновей из-за лучшей обеспеченности земель (Юлдашбаев, 2007: 47).

Причины разделов

Причинами семейных разделов уездные органы называли ссоры, несогласия и раздоры; тесноту жилых помещений; у мусульманского населения еще и многоженство¹⁶. В Верхнеуральском уезде Оренбургской губернии в 1861–1882 годах удельный вес причин самовольных разделов был следующим: семейные ссоры составили 47,7%, увеличение числа членов семьи и теснота жилых помещений — 52,3%¹⁷.

15. Подсчитано по: Обзор Уфимской губернии за 1879 год. Уфа, 1880. С. 15; Обзор Уфимской губернии за 1880 год. Уфа, 1881. С. 17; РГИА. Ф. 1291. Оп. 38. 1882 г. Д. 20а. Л. 57 об–58.

16. ОГАОО. Ф. Ф-13. Оп. 1. Д. 314. Л. 15 об–16, 20 об, 23 об; Национальный архив Республики Башкортостан (далее — НА РБ). Ф. И-10. Оп. 1. Д. 55. Л. 428 об.

17. ОГАОО. Ф. Ф-13. Оп. 1. Д. 314. Л. 50.

Как докладывало Орское уездное по крестьянским делам присутствие, в сложных семьях постоянно встречались случаи утаивания от большака личного заработка, воровства хлеба, пряжи и других продуктов из общих запасов¹⁸. Одной из основных причин семейных разделов, считало Троицкое уездное по крестьянским делам присутствие, были ссоры «вследствие деспотизма старших, в особенности свекровок, которые, в большинстве случаев, притесняют своих снох; требуя от них рабского безусловного повиновения и при малейшем неисполнении их воли, они восстанавливают сыновей против жен»¹⁹. Оренбургское уездное начальство также утверждало, что «неизбежным злом» в сложной семье являются «преимущественно женщины: золовки, снохи, свекрови и т.п., которые при столкновениях по своим хозяйственным обязанностям производят между собою постоянные ссоры, вовлекая при этом и других более миролюбивых членов семейства, от которых надеются ожидать себе поддержку или защиту против своих недругов»²⁰.

Меньшее значение, по мнению Оренбургских уездных властей, имела многочисленность семьи²¹. Кроме того, семейным разделам способствовал и многоземельный характер наделных и купчих владений крестьян, выход на хутора (в Александровской, Преображенской волостях Орского уезда Оренбургской губернии)²². Несомненно, имели место и другие причины разделов (см.: Безгин, 2012: 43–46).

Семейные ссоры и несогласия, названные уездными властями одной из главных причин крестьянских разделов, по сути, отражали определенную фазу развития той или иной семьи (домохозяйства).

Само крестьянство (здесь речь идет, прежде всего, о русском крестьянстве), по мнению местных органов, отрицательно относилось к семейным разделам. Орское уездное по крестьянским делам присутствие сообщало, что «вообще население к семейным разделам относится как к неизбежному злу, признавая, что было бы гораздо лучше для их благосостояния, если бы разделов было меньше и производились они осмотнительнее»²³. В Оренбургском уезде крестьяне также были настроены против разделов, мотивируя свое мнение тем, что большая часть разделенных семей, раздробив свое

18. ОГАОО. Ф. Ф-13. Оп. 1. Д. 314. Л. 15 об; НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 55. Л. 428 об.

19. ОГАОО. Ф. Ф-13. Оп. 1. Д. 314. Л. 20 об; НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 55. Л. 430 об.

20. ОГАОО. Ф. Ф-13. Оп. 1. Д. 314. Л. 9; НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 55. Л. 426 об–427.

21. ОГАОО. Ф. Ф-13. Оп. 1. Д. 314. Л. 9–9 об; НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 55. Л. 427.

22. ОГАОО. Ф. Ф-13. Оп. 1. Д. 314. Л. 16; НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 55. Л. 429.

23. ОГАОО. Ф. Ф-13. Оп. 1. Д. 314. Л. 16; НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 55. Л. 429.

имущество и рабочие силы, лишались возможности поддерживать свое существование семейным трудом, нередко впадали в нищету, нанимались в работники к односельчанам. Тогда как зажиточные домовладельцы не имели никакой нужды и пользовались «до сего времени большими правами и почетом как в домашнем, так и в общественном положении»²⁴. Верхнеуральское уездное по крестьянским делам присутствие считало, что и у горнозаводских крестьян сложные семьи являются более зажиточными, нежели простые. Дело в том, что при горнозаводском производстве большая часть работ имела вспомогательный характер (заготовление разных материалов и сырья, перевозки и др.). Сложная семья, состоящая из нескольких работников, владеющая достаточным количеством рабочего скота, практически всегда имела возможность брать довольно крупные подряды и исполнить их в срок. Простые же семьи оказывались в данном случае в невыгодном положении. Таково было мнение уездного присутствия. Само же горнозаводское население, как уже было сказано, последствиями семейных разделов мало интересовалось²⁵. В Челябинском уезде, по сведениям уездного присутствия, крестьянское население также «к экономическим последствиям разделов относится безучастно»²⁶. Приведенные оценки уездных властей основаны на отчетах волостных правлений, которые, вероятно, отражали мнения членов волостного или сельского схода, то есть домохозяев.

Таким образом, причины семейных разделов, по мнению уездного начальства, в большинстве сводились к естественному циклу развития той или иной семьи. Крестьяне нередко относились к разделам отрицательно, а в ряде мест равнодушно.

Разделы в 1890-е годы — начале XX века

В марте 1886 года императором было утверждено мнение Государственного совета, по которому конкретизировалось право сельского схода на разрешение семейных разделов. Отныне для разрешения на раздел требовалось две трети голосов сельского схода. Сход обсуждал, имеется ли основательный повод к разделению семьи, «способны ли образующиеся семейства к самостоятельному ведению хозяйства», хватает ли усадебной земли новым хозяйствам, будет ли обеспечено исправное поступление налогов и платежей. В противном случае сход отказывал в разделе семьи. Главное, семьи, разделившиеся без разрешения схода, считались «за одну семью», все

24. ОГАОО. Ф. Ф-13. Оп. 1. Д. 314. Л. 10; НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 55. Л. 427 об.

25. ОГАОО. Ф. Ф-13. Оп. 1. Д. 314. Л. 51 об–52.

26. ОГАОО. Ф. Ф-13. Оп. 1. Д. 314. Л. 23 об.; НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 55. Л. 430–430 об.

члены которой продолжали нести общую ответственность за своевременный платеж налогов и недоимок²⁷. Тем самым самовольные разделы практически были запрещены.

Однако в конце XIX века Оренбургское губернское совещание по вопросам, относящимся к пересмотру законодательства о крестьянах, признавало, что закон от 18 марта 1886 года практически не оказал влияния на сокращение семейных разделов. В губернии самовольных разделов было в 20 раз больше, чем по решениям сельских сходов. Данное обстоятельство Оренбургское совещание объясняло тем, что «естественное движение жизни» «продолжает свое движение помимо поставленных ей преград» и скептически отнеслось к регламентации семейных разделов²⁸. Уфимское же совещание, наоборот, выразило противоположную точку зрения: «закон... приносит желаемые результаты, а с введением земских начальников вполне может достигнуть своего назначения»²⁹. А. П. Кузнецов в начале XX века утверждал, что условия закона 1886 года были трудновыполнимы: во-первых, «потому, что мирных разделов, при которых может последовать требуемое законом заявление, жизнь еще не создала», во-вторых, по той причине, «что крайне трудно, почти невозможно, собрать сход в две трети домохозяев общества». Поэтому семьи делились без разрешения сельского схода (Кузнецов, 2007: 304). 5 октября 1906 года закон 1886 года был отменен³⁰. Однако за сельским сходом сохранилось право на разрешение семейного раздела. Вскоре было объявлено о проведении аграрной реформы: указом от 9 ноября 1906 года взамен принципа семейной собственности была установлена личная собственность домохозяев. Разрушение общины, появление хуторов и отрубов должны были внести свою существенную лепту в распространение семейных разделов (Джаедонг, 2005: 44).

Прямых статистических сведений о семейных разделах в начале XX века не имеется. Однако косвенные данные свидетельствуют, что семейные разделы на Южном Урале в указанный период еще более участились. По мнению М. И. Роднова, максимальное дробление крестьянских хозяйств в Уфимской губернии происходило в неурожайные годы, а в годы высоких урожаев прирост крестьянских хозяйств падал. Так, после засух 1901, 1906 и 1911 годов количество дворов быстро росло (Роднов, 2002: 204–205). Однако

27. О порядке разрешения семейных разделов в сельских обществах, в которых существует общинное пользование мирскою полевою землею // ПСЗ-3. № 3578. Т. 6. С. 116–117.

28. Свод заключений губернских совещаний по вопросам, относящимся к пересмотру законодательства о крестьянах. Т. II. СПб., 1897. С. 224.

29. Свод заключений губернских совещаний по вопросам, относящимся к пересмотру законодательства о крестьянах. Т. II. СПб., 1897. С. 260.

30. Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных состояний // ПСЗ-3. № 28392. Т. 26. Ч. 1. С. 893 (п. «а» ст. 8).

аргументы исследователя представляются малоубедительными. Известно, что в годы Первой мировой войны разделы прекратились, более того, отмечались случаи соединения хозяйств (семей) (Брагин, 1916: 18). О том, что в годы войн, голода и неурожаяев число семейных разделов резко сокращалось, свидетельствуют статистические материалы 1910–1920-х годов (Большаков, 1925: 30, 32; Шанин, 2020: 220–228). Так, во время страшного голода 1921 года в Башкирии, как и в остальных регионах РСФСР, пострадавших от этого бедствия, число семейных разделов сократилось до минимума (Исянгулов, 2022: 275).

Земская статистика показывает следующую динамику числа крестьянских хозяйств в Уфимской губернии в начале XX века (см. табл. 3).

Таблица 3. Динамика числа крестьянских хозяйств в Уфимской губернии в 1905–1912 гг.

Годы	Прирост числа крестьянских хозяйств к предшествующему году (%)
1905	1,7
1906	2,3
1907	3,3
1908	1,3
1909	1,9
1910	2,2
1911	3,0
1912	4,7
В среднем в год	2,8

Источники: Хозяйственно-статистический обзор Уфимской губернии за ... год [1904–1912]. Уфа, 1905–1914: за 1904 год. С. 146; за 1905 год. С. 198; за 1906 год. С. 132; за 1907 год. С. 120; за 1908 год. С. 128; за 1909 год. С. 122; за 1910 год. С. 128; за 1911 год. С. 140; за 1912 год. С. 576.

С 1904 по 1912 год в Уфимскую губернию ежегодно в среднем переселялось около 700 семей из других регионов страны (подсчитано по: Усманов, 1958: 126). Даже с учетом переселенцев в начале XX века в Уфимской губернии семейные разделы производились чаще, чем в 1860–1880-е годы. Причины увеличения числа разделов в 1906–1907 и 1911–1912 годах нельзя сводить к природно-экономическим (неурожаям, засухе). В этот период действовали иные причины. В частности, в 1906 году произошло массовое увольнение нижних чинов из армии³¹, что могло привести к увеличению числа

31. Хозяйственно-статистический обзор Уфимской губернии за 1906 год. Уфа, 1907. С. 619.

разделов хозяйств (Безгин, 2012: 45). На ситуацию в 1907 году оказали влияние, скорее всего, отмена закона 1886 года и начало Столыпинской аграрной реформы, означавшей разрушение семейной и появление личной собственности на земельный надел (Вербицкая, 2009: 115–116; Джаедонг, 2005). Аграрная реформа вступила в новый этап в 1910–1911 годах, когда для выдела земли уже не требовалось согласия сельского схода. Скорее всего, именно новые условия проведения аграрной реформы стали одной из главных причин увеличения числа разделов (выделов) с 1910 года в Уфимской губернии, а вовсе не засуха и неурожай 1911 года, которые, наоборот, должны были выступить тормозом в процессе дробления хозяйств. Совпадение этапов реализации Столыпинской аграрной реформы с годами неурожая и голода в Уфимской губернии является случайностью.

Другой вывод Роднова о том, что семейные разделы в основном были характерны для традиционного крестьянства, также достоин особого внимания (Роднов, 2002: 161–162 и др.). В тех районах Уфимской губернии, в которых крестьянское хозяйство в начале XX века развивалось по «американскому» пути, разделы были редкостью. К этим районам относились юго-западные и северо-восточные части губернии (левобережье Стерлитамакского, юг Белебеевского уездов, земледельческое население Златоустовского уезда). В южной части данного анклава (Белебеевский и Стерлитамакский уезды) зажиточная прослойка крестьянства составляла 30% хозяйств, тогда как в земледельческих районах губернии — вдвое меньше, а с учетом горнозаводского и неземледельческого населения — не более 11% (Роднов, 2002: 222; Усманов, 1981: 243; Исянгулов, 2023: 1015). Таким образом, большинство населения на селе все же составляли беднота и средние слои крестьянства. В начале XX века все более явственно наблюдалось обеднение большей части местного крестьянства, особенно национальных его групп. Даже в многоземельных районах губернии наблюдалось аграрное перенаселение (Роднов, 2002: 80–82). Между тем с конца 1900-х годов во всех группах сельского населения губернии наметилась тенденция уменьшения людности семьи. Особенно заметно с 1907 по 1909 год снизились средние размеры семьи именно в высшей (зажиточной) группе крестьянства, что было связано с участвовавшими случаями разделов и выделов после Указа от 9 ноября 1906 года (Исянгулов, 2023: 1015). Данный процесс продолжался вплоть до начала Первой мировой войны, когда семейные разделы прекратились. Очевидно, определяющее влияние на ситуацию с разделами оказывало «традиционное» крестьянское общество, а не зажиточная его часть. Консервация сложных семей среди «фермерских» элементов в отдельных уездах Уфимской губернии в условиях начала XX века могла носить лишь кратковременный, локальный характер.

Для определения интенсивности семейных разделов у различных национальных групп сельского населения можно использовать сведения о динамике средних размеров семьи. Так, с конца

XIX века до начала Первой мировой войны в Уфимской губернии средняя людность сельской семьи (домохозяйства) имела тенденцию к сокращению у всех народов, за исключением мордвы и украинцев. С 1914 по 1917 год средние размеры семьи увеличились, кроме украинцев и латышей. У русского населения губернии с конца XIX века по 1917 год количественный состав семьи в среднем увеличился с 6,2 человека до 6,3, у мордвы — с 6,6 до 6,9, у удмуртов — с 5,9 до 6,1. У остальных народов отмечается снижение показателей: у башкир — с 5,9 человека до 5,5, у татар — с 5,9 до 5,6, у украинцев — с 6,2 до 6,1, у марийцев — с 5,9 до 5,6 человека (Исянгулов, 2023: 1016–1017). В целом у народов, придерживающихся православия, сохранялись большие семьи, и, очевидно, семейные разделы у них были менее распространены. Тогда как у тюркского и финно-угорского (кроме мордвы) населения, по вероисповеданию являющихся мусульманами и язычниками, дворы были средне- и малосемейными, и, скорее всего, разделы и выделы у них оказывались более частыми явлениями. В Оренбургской губернии по материалам переписи 1917 года средние размеры семьи у разных национальных групп сельского населения были следующими: у украинцев — 7,6 человека, у русских — 6,3, у татар — 6,2, у башкир — 3,5³². Несмотря на то что указанный источник имеет значительные недостатки (неполнота сведений, учет лишь наличных хозяйств), в целом он достоверно показывает положение со средними размерами семьи у разных национальностей. Обращает особое внимание малосемейность башкирского населения губернии, что свидетельствует в том числе и о значительном распространении семейных разделов у них. Сохранение больших семей у ряда национальностей способствовало зажиточности хозяйств, тогда как частые разделы вели к ухудшению их экономического положения.

В целом закон 1886 года не оказал существенного влияния на положение с семейными разделами в южноуральской деревне. В начале XX века с изменением политики на селе в русле Столыпинской аграрной реформы разделы еще более участились. У тюркских и финно-угорских народов (кроме мордвы) семейные разделы были более распространены, у славянских народов и мордвы — менее.

Заключение

Таким образом, во второй половине XIX — начале XX века семейные разделы получили значительное распространение в южноуральской деревне. Большинство их производилось без разреше-

32. Подсчитано по: Алфавитный список населенных мест Оренбургской губернии по данным сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года. Оренбург, Б.г. С. 3–41.

ния сельского схода. Закон 1886 года не смог остановить процесс дробления крестьянских хозяйств (семей).

Наиболее частыми семейные разделы были у башкир (вотчинников и припущенников), свободных хлебопашцев, а также у горнозаводских крестьян, не занимавшихся земледельческим трудом. У бывших государственных и удельных крестьян разделов было меньше. Наименьший уровень делимости хозяйств отмечался у бывших помещичьих крестьян.

В начале XX века семейные разделы стали заметным явлением в общественной жизни деревни края. В то же время у тюркских и финно-угорских народов они были более частыми, нежели у славянских народов и мордвы. В свою очередь, распространенность дробления хозяйств вела к ухудшению экономического положения разделившихся семей.

Основные причины семейных разделов, упоминающиеся в источниках (ссоры, теснота жилья, многоженство), так или иначе, сводились к естественному циклу развития семьи. В определенный момент данного цикла раздел семьи (хозяйства) становился неизбежным. Большое значение также имели политические факторы, в частности, крестьянская реформа 1861 года, введение всеобщей воинской повинности в 1874 году, массовое увольнение военнослужащих в 1906 году, отмена закона 1886 года, проведение Столыпинской аграрной реформы, появление личной собственности, приводившие к росту числа семейных разделов. Другие факторы, в частности, ухудшение экономического положения крестьян вследствие голода, неурожаев, войн, наоборот, скорее сдерживали дробление хозяйств.

Библиография

- Анфимов А. М. (1980). Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1904. М.: Наука.
- Асфандияров А. З. (1997). Башкирская семья в прошлом (XVIII — первая половина XIX в.). Уфа: Китап.
- Безгин В. Б. (2017). Повседневный мир русской крестьянки периода поздней империи. М.: Ломоносовъ.
- Безгин В. Б. (2012). Правовые обычаи и правосудие русских крестьян второй половины XIX — начала XX века. Тамбов: Тамбовский государственный технический университет.
- Безгин В. Б., Ерин П. В. (2012). Крестьянская семья и сельская община конца XIX — начала XX века (на материалах Тамбовской губернии) // Вестник Тамбовского государственного технического университета. Т. 18. № 2. С. 498–507.
- Бикбулатов Н. В. (1984). Шариат и обычай в наследовании и разделе имущества у башкир // Исследования по исторической этнографии Башкирии: Сборник научных трудов / Отв. ред. Р. Г. Кузеев, Л. И. Нагаева. Уфа: БФАН СССР. С. 29–46.
- Бикбулатов Н. В., Фатыхова Ф. Ф. (1991). Семейный быт башкир. XIX–XX вв. М.: Наука.
- Биккузина А. Х. (2011). Башкирская община на Южном Урале в пореформенный период (1865–1900). Уфа: РИЦ БашГУ.
- Большаков А. М. (1925). Современная деревня в цифрах. Экономика и разнообразный быт деревни за революционный период. Л.: Прибой.

- Брагин А. М. (1916). Крестьянское хозяйство Уфимской губернии (По данным подворной переписи 1915 года). Уфа: Электр. типография «ПЕЧАТЬ».
- Бржеский Н. (1900). Крестьянские семейные разделы и закон 18 марта 1886 г. СПб.: Типография В. Киршбаума.
- Бржеский Н. (1902). Очерки юридического быта крестьян. СПб.: Типография В. Киршбаума.
- В. В. [Воронцов В. П.] (1883). Семейные разделы и крестьянское хозяйство // Отечественные записки. № 1. С. 1–23; № 2. С. 137–161.
- Вербицкая О. М. (2009). Российская сельская семья в 1897–1959 гг. М.; Тула: Гриф и К.
- Герасимов Н. (1901). Закон 18 марта 1886 г. о семейных разделах // Журнал Министерства юстиции. № 6. С. 193–208.
- Даньшина А. А. (2016). Семейные разделы в пореформенной псковской деревне // Вестник Екатеринбургского института. № 4 (36). С. 20–24.
- Джаедонг Ч. (2005). Крестьянское завещание и наследование в период Столыпинской аграрной реформы // XX век и сельская Россия. Российские и японские исследователи в проекте «История российского крестьянства в XX веке» / Под ред. Х. Окуда. Токио: CIRJE Research Report Series. С. 44–86.
- Жиромская В. Б. (ред.) (2000). Население России в XX веке: Исторические очерки. Т. 1. 1900–1939. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
- Земцов Л. И. (2002). Волостной суд в России 60-х — первой половины 70-х годов XIX века (по материалам Центрального Черноземья). Воронеж: Воронежский гос. ун-т.
- Зырянов П. Н. (1992). Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. М.: Наука.
- Исаев А. (1883). Значение семейных разделов крестьян. По личным наблюдениям // Вестник Европы. Кн. 7. Т. IV. С. 333–349.
- Исянгулов Ш. Н. (2022). Эволюция крестьянской семьи в Башкирии в 1920-е гг. (по материалам выборочных обследований) // Oriental Studies. Т. 15. № 2. С. 270–279.
- Исянгулов Ш. Н. (2023). Эволюция количественного состава сельской семьи на Южном Урале в конце XIX — начале XX в. // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. Т. 33. № 5. С. 1013–1021.
- Колесников М. В. (1888). Этнографические очерки русского населения Уфимской губернии, в его народном быту, обрядах, обычаях и пр. // Уфимские губернские ведомости. № 26. С. 4.
- Колесников М. В. (2015). Этнографические очерки русского населения Уфимской губернии, в его народном быту, обрядах, обычаях и пр. // «Новые» имена: историко-литературные и краеведческие исследования на Южном Урале в XIX — начале XX в. / Сост. М. И. Роднов. СПб.: ООО «Свое издательство». С. 45–119.
- Крюкова С. С. (1994). Русская крестьянская семья во второй половине XIX века. М.: Институт этнологии и антропологии РАН.
- Кузнецов А. П. (2007). Этнографические очерки: Научное, литературное и публицистическое наследие. По материалам архивов и периодических изданий (XIX–XX вв.). Калуга: Золотая аллея.
- Кушкова А. Н. (2016). Крестьянская ссора: опыт изучения деревенской повседневности: по материалам Европейской части России второй половины XIX — начала XX века. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб.
- Личков Л. С. (1886). Крестьянские семейные разделы // Северный вестник. № 1. Отдел второй. С. 84–108.
- Мельников П. Ю. (2012). Выдел в крестьянском обычном праве Российской империи XIX века // Право. Законодательство. Личность. № 2 (15). С. 12–18.
- Мельников П. Ю. (2014). Раздел в крестьянском обычном праве Российской империи XIX века // Вестник Саратовской государственной юридической академии. № 4 (99). С. 113–118.
- Мельников П. Ю. (2023). «Без раздела спорее, да много греха на душу примешь». Сложная крестьянская семья в Российской империи XIX в.: основные тенденции развития // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. Т. 23. Вып. 1. С. 12–16.

- Менщиков И. С., Федоров С. Г. (2017). Волостные суды и крестьянское правосудие в Южном Зауралье. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та.
- Милогорова И. Н. (1987). Семейные разделы в русской пореформенной деревне (на материалах центральных губерний) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. № 6. С. 37–46.
- Миронов Б. Н. (2014). Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 1. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН.
- Мухин В. Ф. (1888). Обычный порядок наследования у крестьян. К вопросу об отношении народных юридических обычаев к будущему гражданскому уложению. СПб.: Типография правительствующего Сената.
- Мухина З. З. (2018). Русская крестьянка в пореформенный период (вторая половина XIX — начало XX века). СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН.
- Нагорная М. А. (2011). Особенности крестьянских семейных разделов в Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в. // Вестник Омского университета. № 3. С. 115–121.
- Роднов М. И. (2002). Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. Уфа: ООО «ДизайнПолиграфСервис».
- Темперов И. (1866). Заметки о гражданских юридических обычаях в среде крестьян // Уфимские губернские ведомости. № 4. Часть неофициальная. С. 29–32.
- Усманов Х. Ф. (1981). Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период. 60–90-е годы XIX в. М.: Наука.
- Усманов Х. Ф. (1958). Столыпинская аграрная реформа в Башкирии. Уфа: Башк. кн. изд-во.
- Федоров В. А. (1979). Семейные разделы в русской пореформенной деревне // Сельское хозяйство и крестьянство Северо-Запада РСФСР в дореволюционный период. Межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. А. А. Кондрашенков. Смоленск: Б/и. С. 29–46.
- Шанин Т. (2020). Неудобный класс: политическая социология крестьянства в развивающемся обществе: Россия, 1910–1925 / Пер. с англ. А. В. Соловьева; под науч. ред. А. М. Никулина. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Юлдашбаев А. М. (2007). Земельный вопрос и национальные отношения в Башкортостане в начале XX века. Уфа: Гилем.

Family divisions in the South Ural village in the second half of the 19th — early 20th centuries

Shamil N. Isyngulov, PhD (History), Senior Researcher, Department of Contemporary History of Bashkortostan, Order of Honor Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences. Prosp. Oktyabrya, 71, Ufa, 450054. E-mail: isangul-schamil@mail.ru.

Abstract. The article considers the dynamics of family divisions in rural areas of the Orenburg and Ufa Provinces in the second half of the 19th — early 20th centuries. The author shows that most family divisions in the Southern Urals in the post-reform period were carried out without the permission of the rural assembly, and legislative measures could not stop fragmentation of farms. The author presents the prevalence rate of family divisions (per 1,000 average annual population) among various groups of the peasantry in the Ufa Province in 1880. Bashkirs, free grain farmers and mining peasants had the highest rate of family divisions, former landowner peasants had the lowest, while the figures for the former state and specific peasants turned out to be average. The article explains the main reasons for family divisions as described in the sources: quarrels, cramped quarters and polygamy boiled down to the natural cycle of family development. The author emphasizes that military and political factors had a great influence on the rate of family divisions, whether it was the peasant reform of 1861, in-

troduction of universal military service in 1874, Stolypin agrarian reform, liquidation of family property or destruction of the peasant community. The deterioration of the economic situation of the peasant economy due to famine, crop failures and wars hindered the fragmentation of farms.

Key words: family divisions, Southern Urals, peasantry, causes, factors, rural gathering

References

- Anfimov A. M. (1980) *Krestyanskoe khozyajstvo Evropejskoj Rossii. 1881–1904* [Peasant Economy of European Russia. 1881–1904], Moscow: Nauka.
- Asfandiyarov A. Z. (1997) *Bashkirskaya semya v proshlom (XVIII — pervaya polovina XIX v.)* [Bashkir Family in the Past (18th — First Half of the 19th Centuries)], Ufa: Kitap.
- Bezgin V. (2017) *Povsednevny mir russkoj krestyanki perioda pozdnej imperii* [Everyday World of the Russian Peasant Woman in the Late Empire], Moscow: Lomonosov.
- Bezgin V. B. (2012) *Pravoye obychai i pravosudie russkih krestyan vtoroj poloviny XIX — nachala XX veka* [Russian Peasants' Legal Customs and Justice in the Second Half of the 19th — Early 20th Century], Tambov: Tambov State Technical University.
- Bezgin V. B., Erin P. V. (2012) *Krestyanskaya semya i selskaya obshchina kontsa XIX — nachala XX veka (na materialah Tambovskoj gubernii)* [Peasant family and rural community of the late 19th — early 20th century (based on the materials from the Tambov Province)]. *Proceedings of the Tambov State Technical University*, vol. 18, no 2, pp. 498–507.
- Bikbulatov N. V. (1984) *Shariat i obychai v nasledovanii i razdele imushchestva u bashkir* [Sharia and custom in the property inheritance and division among Bashkirs]. R. G. Kuzeev, L. I. Nagaeva (Eds.). *Issledovaniya po istoricheskoy etnografii Bashkirii*, Ufa: Bashkir Branch of the USSR Academy of Sciences, pp. 29–46.
- Bikbulatov N. V., Fatykhova F. F. (1991) *Semejny byt bashkir. XIX–XX vv.* [Family Life of Bashkirs. 19th–20th Centuries], Moscow: Nauka.
- Bikkuzina A. Kh. (2011) *Bashkirskaya obshchina na Yuzhnom Urale v poreformenny period (1865–1900)* [Bashkir Community of the Southern Urals in the Post-Reform Period (1865–1900)], Ufa: Bashkir State University Press.
- Bolshakov A. M. (1925) *Sovremennaya derevnya v tsifrah. Ekonomika i raznoobrazny byt derevni za revolyutsionny period* [Contemporary Village in Numbers. Rural Economy and Diverse Everyday Life during the Revolution], Leningrad: Priboj.
- Bragin A. M. (1916) *Krestyanskoe khozyajstvo Ufimskoj gubernii (po dannym podvornoj perepisi 1915 goda)* [Peasant Economy of the Ufa Province (Based on the 1915 Household Census)], Ufa: "Pechat".
- Brzeski N. (1900) *Krestyanskije semejnye razdely i zakon 18 marta 1886 g.* [Peasant Family Divisions and the Law of March 18, 1886], Saint Petersburg: V. Kirshbaum Printing House.
- Brzeski N. (1902) *Ocherki yuridicheskogo byta krestyan* [Essays on the Peasant Legal Life], Saint Petersburg: V. Kirshbaum Printing House.
- Danshina A. A. (2016) *Semejnye razdely v poreformennoj pskovskoj derevne* [Family divisions in the post-reform Pskov village]. *Bulletin of the Catherine Institute*, no 4, pp. 20–24.
- Dzhaedong Ch. (2005) *Krestyanskoe zaveshchanie i nasledovanie v period Stolypinskoj agrarnoj reformy* [Peasant will and inheritance during the Stolypin agrarian reform]. H. Okuda (Ed.). *XX vek i selskaya Rossiya. Rossijskie i yaponskie issledovateli v proekte "Istorija rossijskogo krestyanstva v XX veke"*, Tokyo: CIRJE Research Report Series, pp. 44–86.
- Fedorov V. A. (1979) *Semejnye razdely v russkoj poreformennoj derevne* [Family divisions in the Russian post-reform village]. A. A. Kondrashenkov (Ed.). *Selskoe Khozyajstvo i krestyanstvo Severo-Zapada RSFSR v dorevoljutsionny period*, Smolensk, pp. 29–46.

- Gerasimov N. (1901) Zakon 18 marta 1886 g. o semejnyh razdelah [Law of March 18, 1886, on family divisions]. *Journal of the Ministry of Justice*, no 6, pp. 193–208.
- Isaev A. (1883) Znachenie semejnyh razdelov krestyan. Po lichnym nablyudeniyam [The importance of peasant family division. Based on personal observations]. *Bulletin of Europe*, book 7, vol. IV, pp. 333–349.
- Isyangulov Sh.N. (2023) Evolyutsiya kolichestvennogo sostava selskoj semyi na Yuzhnom Urale v kontse XIX — nachale XX v. [Evolution of the quantitative composition of rural families in the Southern Urals in the late 19th — early 20th centuries]. *Bulletin of the Udmurt University. History and Philology Series*, vol. 33, no 5, pp. 1013–1021.
- Isyangulov Sh.N. (2022) Evolyutsiya krestyanskoj semyi v Bashkirii v 1920-e gg. (po materialam vyborochnykh obsledovanij) [Evolution of the peasant family in Bashkiria in the 1920s (based on sample surveys)]. *Oriental Studies*, vol. 15, no 2, pp. 270–279.
- Kolesnikov M. V. (1888) Etnograficheskie ocherki russkogo naseleniya Ufimskoj gubernii, v ego narodnom bytu, obryadah, obychayah i pr. [Ethnographic essays about the Russian population in the Ufa Province, in their everyday life, rituals, customs, etc.]. *Ufa Provincial Gazette*, no 26, p. 4.
- Kolesnikov M. V. (2015) Etnograficheskie ocherki russkogo naseleniya Ufimskoj gubernii, v ego narodnom bytu, obryadah, obychayah i pr. [Ethnographic essays about the Russian population in the Ufa Province, in their everyday life, rituals, customs, etc.]. *“Novye” imena: istoriko-literaturnye i kraevedcheskie issledovaniya na Yuzhnom Urale v XIX — nachale XX vv.* Comp. by M. I. Rodnov, Saint Petersburg: Svoe izdatelstvo.
- Kryukova S. S. (1994) *Russkaya krestyanskaya semya vo второй половине XIX veka* [Russian Peasant Family in the Second Half of the 19th Century], Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of RAS.
- Kushkova A. N. (2016) Krestyanskaya ssora: opyt izucheniya derevenskoj povsednevnosti: po materialam evropejskoj chasti Rossii vtoroj poloviny XIX — nachala XX veka [Peasant Quarrel: A Study of Rural Everyday Life (Based on the Materials from the European Part of Russia, Second Half of the 19th — Early 20th Centuries), Saint Petersburg: Publishing House of the European University.
- Kuznetsov A. P. (2007) Etnograficheskie ocherki: Nauchnoe, literaturnoe i publitsisticheskoe nasledie. Po materialam arkhivov i periodicheskikh izdanij (XIX — XX vv.) [Ethnographic Essays: Scientific, Literary and Journalistic Heritage. Based on the Materials of Archives and Periodicals (19th–20th Centuries)], Kaluga: Golden Alley.
- Lichkov L. S. (1886) Krestyanskije semejnye razdely [Peasant family divisions]. *Severny Vestnik*, no 1, pp. 84–108.
- Melnikov P.Yu. (2023) “Bez razdela sporee, da mnogo grekha na dushu primesh”. Slozhnaya krestyanskaya semya v Rossijskoj imperii XIX v.: osnovnye tendentsii razvitiya [“Without division, it’s faster, a lot of sin on one’s soul”. Complex peasant family of the Russian Empire in the 19th century: Main development trends]. *News of the Saratov University. History. International Relations*, vol. 23, no 1, pp. 12–16.
- Melnikov P.Yu. (2012) Vydol v krestyanskom obychnom prave Rossijskoj imperii XIX veka [Family division in the peasant common law in the Russian Empire of the 19th century]. *Law. Legislation. Personality*, no 2, pp. 12–18.
- Melnikov P.Yu. (2014) Razdel v krestyanskom obychnom prave Rossijskoj imperii XIX veka [Family division in the peasant common law of the Russian Empire in the 19th century]. *Bulletin of the Saratov State Law Academy*, no 4, pp. 113–118.
- Menshchikov I. S., Fedorov S. G. (2017) *Volostnye sudy i krestyanskoe pravosudie v Yuzhnom Zauralye* [Volost Courts and Peasant Justice in the Southern Urals], Kurgan: Kurgan State University Press.
- Milogolova I. N. (1987) *Semejnye razdely v russkoj poreformennoj derevne (na materialah tsentralnykh gubernij)* [Family Divisions in the Russian Post-Reform Village (Based on the Data from Central Provinces)]. *Lomonosov History Journal*, no 6, pp. 37–46.

- Mironov B. N. (2014) *Rossijskaya imperiya: ot traditsii k modernu*: v 3 t. T. 1 [Russian Empire: From Tradition to Modernity: in 3 vols. Vol. 1.], Saint Petersburg: Dmitry Bulanin.
- Mukhin V. F. (1888) *Obychny poryadok nasledovaniya u krestyan. K voprosu ob otnoshenii narodnyh yuridicheskikh obychaev k budushchemu grazhdanskomu ulozheniyu* [Usual Order of the Peasant Inheritance. On the Relation of People's Legal Customs to the Future Civil Code], Saint Petersburg: Printing House of the Governing Senate.
- Mukhina Z. Z. (2018) *Russkaya krestyanka v poreformenny period (vtoraya polovina XIX — nachalo XX veka)* [Russian Peasant Woman in the Post-Reform Period (Second Half of the 19th — Early 20th Century)], Saint Petersburg: Dmitry Bulanin.
- Nagornaya M. A. (2011) *Osobennosti krestyanskih semejnyh razdelov v Zapadnoj Sibiri vo vtoroj polovine XIX — nachale XX v.* [Features of the peasant family divisions in Western Siberia in the second half of the 19th — early 20th century]. *Herald of the Omsk University*, no 3, pp. 115–121.
- Rodnov M. I. (2002) *Krestyanstvo Ufimskoj gubernii v nachale XX veka (1900–1917 gg.): sotsialnaya struktura, sotsialnye otnosheniya* [Peasantry of the Ufa Province in the Early 20th Century (1900–1917): Social Structure, Social Relations], Ufa: DizaynPoligraf-Servis.
- Shanin T. (2020) *Neudobny klass: politicheskaja sotsiologija krestyanstva v razvivayushemsya obshchestve: Russia, 1910–1925* [The Awkward Class: Political Sociology of Peasantry in a Developing Society: Russia 1910–1925], Moscow: Publishing House “Delo”.
- Temperov I. (1866) *Zametki o grazhdanskih yuridicheskikh obyčajah v srede krestyan* [Notes on the civil legal customs among peasants]. *Ufa Provincial Gazette*, no 4, pp. 29–32.
- Usmanov Kh.F. (1981) *Razvitie kapitalizma v selskom khozyajstve Bashkirii v poreformenny period. 60–90-e gody XIX v.* [Development of Capitalism in Agriculture of Bashkiria in the Post-Reform Period. 1860–1890s], Moscow: Nauka.
- Usmanov Kh.F. (1958) *Stolypinskaya agrarnaya reforma v Bashkirii* [Stolypin Agrarian Reform in Bashkiria], Ufa: Bashkir Publishing House.
- V. V. [Vorontsov V. P.] (1883) *Semejnye razdely i krestyanskoe khozajstvo* [Family divisions and peasant economy]. *National Notes*, no 1, pp. 1–23; no 2, pp. 137–161.
- Verbitskaya O. M. (2009) *Rossijskaya selskaya semya v 1897–1959 gg. (istoriko-demografichesky aspekt)* [Russian Rural Family in 1897–1959 (A Historical-Demographic Aspect)], Moscow; Tula: Grif i K.
- Yuldashbaev A. M. (2007) *Zemelny vopros i natsionalnye otnosheniya v Bashkortostane v nachale XX veka* [Land Question and National Relations in Bashkortostan in the Early 20th Century], Ufa: Gilem.
- Zemtsov L. I. (2002) *Volostnoj sud v Rossii 60-h — pervoj poloviny 70-h godov XIX veka (po materialam Tsentralnogo Chernozem'ya)* [Russian Volost Court in the 1860s — First Half of the 1870s (Based on the Materials from the Central Black-Earth Region)], Voronezh: Voronezh State University Publishing.
- Zhiromskaya V. B. (Ed.) (2000) *Naselenie Rossii v XX veke: Istoricheskie ocherki. V 3-h t. T. 1. 1900–1939* [Population of Russia in the 20th Century: Historical Essays in 3 vols., vol. 1. 1900–1939], Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN).
- Zyryanov P. N. (1992) *Krestyanskaya obshchina Evropejskoj Rossii v 1907–1914 gg.* [Peasant Community of European Russia in 1907–1914], Moscow: Nauka.

«Беломахновцы»: крестьяне-повстанцы Северной Таврии и Русская армия в 1920 году¹

А. А. Чемакин

Антон Александрович Чемакин, кандидат исторических наук, доцент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета. 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9. E-mail: a.chemakin@spbu.ru

Аннотация. Статья посвящена взаимодействию Русской армии генерала П. Н. Врангеля с махновскими отрядами на территории Северной Таврии летом – осенью 1920 года. Несмотря на то что о контактах Врангеля с различными повстанческими отрядами (бандами) благодаря фильму «Свадьба в Малиновке» известно даже широким кругам населения, до сих пор не было исследования, в котором систематизировалась бы вся информация о «беломахновцах». Автор выявил имена около 15 атаманов, перешедших на сторону белых, и привел сведения о наиболее крупных из них (Володин, Прочан, Гришин, Савченко, Кравчатый, Ищенко, Чалый), а также о других махновцах, имевших контакты с Русской армией (Черняк). Одним из ключевых источников по деятельности «беломахновцев» является рукопись бывшего начальника штаба Революционной повстанческой армии Украины (махновцев) В. Ф. Белаша, но, как показало данное исследование, многие из приведенных в ней сведений не вполне точны и требуют перепроверки. Так, например, не находят подтверждения утверждения Белаша о переходе на сторону белых атамана Голика. Отдельное внимание уделяется численности «беломахновцев», их внешнему виду и символике. Рассматривается пропагандистская кампания белых, печатавших огромными тиражами прокламации от имени махновских атаманов. В завершение статьи рассказывается об измене большинства отрядов и переходе их на сторону красных и союзных с ними махновцев, а также о судьбах «беломахновских» атаманов. Автор приходит к выводу, что, с одной стороны, «беломахновцы» обеспечили Русской армии относительное спокойствие в тылу и лояльность крестьян Северной Таврии, но, с другой стороны, сам факт союза белых с «бандитами» демонстрировал слабость врангелевцев.

Ключевые слова: Гражданская война, Русская армия, «беломахновцы», махновщина, повстанцы, партизаны, Северная Таврия, П. Н. Врангель, Н. И. Махно, В. Г. Володин, Н. Чалый, В. Ф. Белаш

EDN: JXPIEV

В начале июня 1920 года Русская армия П. Н. Врангеля вышла из Крыма на простор Северной Таврии, которая была полем деятельности многочисленных крестьянских партизанских отрядов махновского или

1. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00046 «Украинский вопрос в политике генерала П. Н. Врангеля (весна–осень 1920 г.)», <https://rscf.ru/project/24-28-00046/>.

неопределенно криминального толка. В это время маховцы в очередной раз воевали с красными, так что время для налаживания отношений с маховскими отрядами, действовавшими отдельно от основных сил «батьки», было вполне подходящее. Даже люди, мало осведомленные о крымской эпопее Врангеля, благодаря фильму «Свадьба в Малиновке» наверняка слышали о попытках «черного барона» взаимодействовать с повстанцами. Согласно сюжету, красный командир Назар Дума под видом уполномоченного Врангеля штабс-капитана Чечеля появляется в расположении атамана Грицько (Грициана Таврического), захватившего село Малиновка. Взгляды самого Грициана в фильме никак не артикулируются (кроме того, что он «атаман идейный»). Несмотря на то что в риторике атамана присутствуют самостийнические нотки, бандиты все же больше похожи на маховцев, а в одной из ранних версий сценария одноименной оперетты сообщается, что люди Грициана — «анархисты-индивидуалисты»². Конечно, в фильме деятельность повстанцев показана в карикатурном виде, но сама ситуация — приезд эмиссара Врангеля в отряд — более чем исторична. Несмотря на распространенность данного сюжета в массовой культуре, подробных научных исследований, посвященных взаимодействию врангелевцев с крестьянами-повстанцами маховского толка, так и не появилось.

Советский исследователь М. И. Кубанин, собиравший информацию как в архивах, так и общаясь с бывшими маховцами, привел в своей работе фамилии восьми маховских атаманов, пошедших на сотрудничество с белыми: Яценко, Гришин, Володин, Савченко, Чалый, Прочан, Хмара, Голик (Кубанин, 1927: 150–151). Этот список зачастую повторяется и по сей день, хотя в нем есть явные неточности: так, Хмара был петлюровским, а не маховским атаманом, а факт сотрудничества Голика с белыми вызывает сомнения. Полемизируя с Кубаниным, некоторые аспекты истории «беломаховцев» осветил сам Н. И. Махно (Махно, 1928: 50–52). Значительное внимание «маховским» сюжетам в своей монографии посвящает эмигрантский историк Н. Г. Росс, хотя он ничего не говорит про то, чем закончилось взаимодействие Русской армии с атаманами (Росс, 1982: 255–264). В статье А. В. Посадского «Белый Юг и маховщина: к проблеме взаимоотношений» непосредственно «беломаховским» атаманам посвящено лишь несколько абзацев (Посадский, 2006: 170–184). Также можно отметить биографические очерки про трех «беломаховских» атаманов, автор которых Ю. П. Кравец (Посадский, 2017: 371–373, 385–386, 388).

Одним из главных источников по теме «беломаховцев» является работа бывшего начальника штаба Революционной повстанческой армии Украины (маховцев) (РПАУ(м)) В. Ф. Белаша. Особую ценность представляют составленные Белашем биографические

2. Российский государственный архив литературы и искусства (далее — РГАЛИ). Ф. 2897. Оп. 1. Д. 17. Л. 14, 72.

справки по всем основным деятелям махновщины, в том числе и по «беломахновским» атаманам. Стоит отметить, что работа Белаша содержит множество ошибок, часть из которых будет показана далее, но зачастую она является единственным источником по многим аспектам истории махновского движения, так что полностью отказаться от нее невозможно. К сожалению, некоторые исследователи некритично воспринимают ее информацию, в том числе и посвященную «беломахновцам» (Азаров, 2011; Архірейський, 2015). Усугубляет ситуацию то, в каком виде сочинение Белаша было издано. В начале 1990-х годов его сын, А. В. Белаш, выпустил книгу, в основу которой положил хранящуюся в архиве работу отца, но не ограничился простым ее изданием, а стал вносить в текст правки и дополнения из других источников (Белаш А., Белаш В., 1993). Нормальное академическое издание труда В. Ф. Белаша до сих пор отсутствует, и поэтому мы будем ссылаться именно на архивную рукопись³, а не на публикацию его сына.

Переходя к основной части статьи, отметим, что наше внимание будет уделено именно феномену «беломахновцев», тогда как другие сходные сюжеты — попытки белых установить контакт с самим «батькой», образ Махно во врангелевской пропаганде — заслуживают отдельного исследования. В силу ограниченного объема статьи биографии некоторых наиболее заметных атаманов, таких как В. Г. Володин, будут даны в сжатом виде. Кроме того, стоит оговориться, что термин «беломахновцы» в 1920 году не использовался, хотя в историографии он изредка встречается (Азаров, 2011: 133). Мы же будем применять его для удобства (и по аналогии с термином «белоповстанцы»), чтобы каждый раз не повторять «махновские отряды, сотрудничающие с Русской армией» и т. п. длинные формулировки.

Атаман В. Г. Володин

Наиболее крупным из махновских командиров, вступившим в союз с белыми, оказался Василий Герасимович Володин. Белаш дал ему следующую характеристику: «Володин родился в 1890 году, в г. Одессе. Люмпен-пролетарий. Полный георгиевский кавалер, фельдфебель. Анархо-эксист “безмотивник” с 1917 г. и член Симферопольской группы анархистов с 1919 г. В махновщине с мая [19]19 г. в “боевой” группе. С сентября 1919 г. по январю [19]20 г. — помощник комкора 4-го Крымского. По натуре — карьерист»⁴.

В РГВИА хранится послужной список прапорщика В. Г. Володина, в действительности родившегося 26 января

3. Центральный государственный архив общественных объединений Украины (далее — ЦГАООУ). Ф. 5. Оп. 2. Д. 351.

4. ЦГАООУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 351. Л. 381.

1889 года и происходившего из крестьян Тульской губернии. Еще до войны он выдержал испытания на право преподавания в уездных училищах, в октябре 1915 года был призван по мобилизации и назначен на службу в 1-й Сибирский стрелковый запасный батальон. В сентябре 1916 года Володин был зачислен в списки 2-й Тифлисской школы прапорщиков, а в январе 1917 года произведен в прапорщики с назначением в 82-й пехотный запасный полк⁵. Никаким георгиевским кавалером он, конечно, не был. В феврале-марте 1919 года Володин служил в войсках атамана Н. А. Григорьева в Херсонской губернии, а после его перехода на сторону красных оказался командиром 1-го Крымского партизанского отряда 3-й бригады 6-й Украинской советской дивизии. Весной 1919 года его отряд принимал участие в боях с белыми в окрестностях Феодосии, а в конце лета примкнул к Махно (Бутовский, Бобков, 2019: 116–122). Осенью 1919 года Володин, назначенный помощником командующего 4-м Крымским корпусом махновской армии, участвовал в боях против белых в Северной Таврии, некоторое время занимал Мелитополь. Согласно Белашу, в 20-х числах января 1920 года атаман оказался зажат в районе Перекопа и Армянского Базара между красными, начавшими разоружать махновские части, и белыми, контратаковавшими с территории Крыма. В конце концов ему вместе с сотней конницы удалось пробиться через ряды белых и уйти в Крымские горы⁶. Согласно сведениям газеты «Голос фронта», «командующий войсками крымского направления армии батьки Махно» (так себя именовал атаман) Володин сам явился в штаб группы генерала А. П. Кутепова⁷. 6 августа 1920 года Врангель разрешил Володину производить в пределах Таврической губернии вербовку партизан в «Партизанско-повстанческий отряд войск имени батько Махно», который должен был формироваться в с. Сергеевка⁸. Впоследствии отряд расположился в школе с. Бахчи-Эли. Согласно сотруднику газеты «Время», посетившему отряд, атаман оказался человеком среднего роста с небольшой бородкой и резкими складками около рта, одетым в черкеску, на которой «блестит серебро газырей и кинжала»⁹. Первоначально, по всей видимости, володинский отряд состоял по большей части из крымчан и имел в своих рядах даже евреев и татар, основу же его составляли деклассированные элементы. В одном из своих воззваний атаман обращался к бежавшим из рядов Русской армии, уклонившимся от мобилизации, бывшим красноармейцам, политическим и уголовным преступникам, заявляя им, что Врангель

5. Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 409. П/с 23-125. Л. 1–106.

6. ЦГАООУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 351. Л. 141, 143–144, 198, 210–211.

7. Голос фронта. 1920. 14 июля. № 107. С. 1.

8. Южные ведомости. 1920. 28 июля. № 164. С. 2.

9. Время. 1920. 6 августа. № 27. С. 4.

обещал полное прощение всем вступившим в ряды партизан¹⁰. В конце августа 1920 года володинцы были переброшены из Крыма в Мелитопольский уезд.

7 сентября 1920 года отряд Володина занял с. Каменка на левом берегу Днепра, а затем переправился на правый берег и совершил налет на г. Никополь, разогнав местный гарнизон и захватив богатые трофеи¹¹. После этого успеха атаман почивал на лаврах и, окружив себя целой свитой, предавался пьянству. Генерал-майор В. Г. Науменко вспоминал о том, как его подчиненные побывали у атамана в гостях: «Отряд его человек 300, но он насчитывает до 10 000, включая в состав своих войск тех дезертиров, кои скрываются в плавне <...>. Дисциплины никакой, пьянство, грабеж сплошной. Володин окружен охраной, у него 7 адъютантов, несколько часовых дежурят на крыше дома, и у дверей пулеметы» (Ефимов, 2024: 114–115). Согласно рассказам партизан из его отряда, атаман предавался пьяному разгулу и «мечтам о своей будущей столице Володинграде», в который должно было превратиться с. Балки¹². По данным советского агента, по состоянию к 1 октября 1920 года партизанский отряд Володина насчитывал 300 штыков и 50 сабель¹³. Белаш утверждал, что «дивизия имени батько Махно» под командой Володина насчитывала около 800 сабель¹⁴, но эти данные выглядят совершенно неправдоподобными.

Прочан, Савченко, Кравчатый, Чалый и прочие атаманы

К моменту прибытия володинцев в районе Днепра в контакте с белыми уже работали другие махновцы. Согласно воспоминаниям корниловца А. В. Бинецкого, в Северной Таврии действовало до 15–20 повстанческих отрядов, правда, некоторые из них насчитывали не более 20–30 человек. «Всевозможные головорезы старались на вербовать себе банду, повелевать этой бандой и жить на счет местного населения. <...> Район “военных действий” этих отрядов — были днепровские плавни (в районе Никополя). Красные находились на той стороне реки и не предпринимали на этом участке фронта активных действий, т.к. топографические особенности местности мало способствовали тому. Повстанцы по ночам несли сторожевку, а днем пировали, уничтожая самогон», — вспоминал

-
10. Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 10073. Оп. 2. Д. 1203. Л. 1. Также см. другое воззвание Володина: Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 198. Оп. 5. Д. 40. Л. 64. Л. 6.
 11. Голос фронта. 1920. 1 сентября. № 145. С. 1.
 12. Голос фронта. 1920. 12 октября. № 178. С. 1.
 13. РГВА. Ф. 101. Оп. 1. Д. 174. Л. 11406.–115.
 14. ЦГАООУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 351. Л. 273.

Бинецкий¹⁵. По словам генерал-майора Н. В. Шинкаренко, на самопроизвольное образование иррегулярных партизанских отрядов возлагались большие надежды: «Северная Таврия могла быть до некоторой степени отнесена к обширному району влияния махновцев; в предыдущем году шайки Махно входили в Мелитопольский уезд, и во многих селеньях, особенно по берегу Днепра, в районе плавней, оставались его соратники, симпатии которых, вообще довольно неустойчивые, в 1920 году склонялись в нашу сторону»¹⁶. Время от времени атаманы, сидевшие в плавнях, выходили из своего убежища и появлялись в ближайших белых штабах. Военный корреспондент А. А. Валентинов вспоминал о том, как во время стоянки поезда Врангеля в Мелитополе «приезжали группами по 3–4 человека более чем сомнительные камышовые “бабки” в кожаных тужурках, подпоясанные то алыми, то зелеными шарфами и обязательно до зубов вооруженные целыми коллекциями автоматических пистолетов» (Валентинов, 1922: 32–33).

Одним из первых к Русской армии присоединился атаман Игнат Михайлович Прочан. Отряд его, находившийся в плавнях в районе с. Скельки, 7 июля 1920 года вошел в контакт с разведчиками Дроздовской дивизии. Уже через несколько дней прочановцы, вступив в столкновение с зашедшими в плавни красноармейцами, захватили и доставили в штаб дроздовцев 23 пленных (Трофимов, 2022: 144, 147). Примерно в то же время в мелитопольском «Голосе фронта» появилось воззвание Прочана¹⁷. Сам атаман, по сведениям Белаша, был кулаком Криворожского округа Екатеринославской губернии, по взглядам — «анархистствующий». В махновщине участвовал с 1918 года, был боевым командиром роты, сотни, батальона и полка¹⁸. Сам же Прочан в показаниях, данных после ареста, приводил совершенно другие сведения: происходил он из крестьян, родился в 1892 году, жил в с. Григорьевка (на Конке) Александровского уезда, до революции работал чернорабочим на мельнице, а в 1917 году состоял в отряде анархиста А. В. Мокроусова¹⁹. В ноябре 1918 года сформировал из жителей Григорьевки и окрестных сел свой отряд и занялся грабежом зажиточных крестьян, а к махновцам примкнул лишь летом 1919 года. До января 1920 года он командовал сотней в войсках Крымского направления РПАУ(м), а затем скрывался в днепровских плавнях (Посадский, 2017: 385). Как сам Прочан впоследствии сообщал на допросе, ему, как «истинному повстанцу-крестьянину», не понравилось то, что красные обижали крестьян, и поэтому он начал организовывать «повстанческий

15. ГА РФ. Ф. Р-6562. Оп. 1. Д. 4. Л. 56–56об.

16. Свобода. 1921. 26 января. № 19. С. 3.

17. Голос фронта. 1920. 24 июня. № 92. С. 1.

18. ЦГАООУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 351. Л. 384.

19. Государственный архив Запорожской области (далее — ГАЗО). Ф. Р-5747. Оп. 3. Д. 7923. Л. 1–20б., 22–220б.

отряд против коммуны». Уже после ареста в декабре 1920 года он пытался убедить красных, что заболел сразу же после организации отряда, командование которым принял на себя Гришин. Именно Гришин, по его словам, принял делегацию белых и решил присоединиться к ним²⁰. Это не соответствует действительности, так как присоединение отряда к белым произошло в июне, в августе же Прочан по-прежнему был командиром. Корниловец А. В. Бинецкий, побывавший в гостях у Прочана именно в августе, писал: «Сорганизовался этот отрядик в одной из деревень Северной Таврии, уже в то время, когда эта деревня была занята нами. Конечно, этот отряд ни в коем случае не может быть назван “повстанческим”, т.к. слову “повстанец” соответствует определенное значение, которое в данном случае не могло быть применимо. Этот отрядик и подобные ему можно было назвать иррегулярными войсками, партизанскими отрядами, но никак не “повстанческими”, т.к. факта восстания налицо не было». Когда Бинецкий пришел к атаману, тот лежал на кровати в крестьянской избе и курил. Обсудив дела, Прочан пригласил Бинецкого к обеду, состоявшему из жирного борща, жареной баранины с картофелем и огромного количества самогона. Присутствовавшие за столом помощники атамана перепились и чуть не устроили драку. «Хотя атаман и держал себя в отношении к нам корректно, однако в его словах и поступках была видна заносчивость. Взаимного доверия у нас не было. Как мы, так и Прочан (и другие, подобные ему) понимали неестественность наших отношений, однако скрывали свои чувства и мысли вследствие необходимости. Мы ненавидели всевозможных атаманов, они нас», — вспоминал Бинецкий²¹.

Сведений о Гришине, который якобы стал командиром отряда после Прочана, практически никаких нет, Белаш его вообще не упоминал. В выходившей в Мелитополе осенью 1919 года махновской газете «Повстанец» есть передовая статья про освобождение города от «кроважанных офицерских банд», подписанная неким Гришиным²². Возможно, это один и тот же человек. 7 июля 1920 года Гришин выпустил воззвание, в котором призывал всех идти в повстанческие отряды и в Русскую армию²³. По словам Прочана, после Гришина отряд принял товарищ Савченко, живший в районе станции Канкриновка и с. Мало-Екатериновка²⁴.

Воззвание атамана Алексея Алексеевича Савченко появилось в белой прессе еще 30 июня 1920 года, даже раньше, чем воззвание Прочана²⁵. Согласно явно ошибочному утверждению Белаша,

20. ГАЗО. Ф. Р-5747. Оп. 3. Д. 7923. Л. 2.

21. ГА РФ. Ф. Р-6562. Оп. 1. Д. 4. Л. 560б.-57.

22. Повстанец. 1919. 8 ноября. № 1. С. 1.

23. РГВА. Ф. 198. Оп. 5. Д. 40. Л. 63.

24. ГАЗО. Ф. Р-5747. Оп. 3. Д. 7923. Л. 20б.

25. Голос фронта. 1920. 17 июня. № 87. С. 1.

Савченко был середняком из района Большого Токмака. С 1918 года он командовал батальоном в махновской армии, в партиях не состоял²⁶. Как впоследствии рассказывали свидетели, в отряде Савченко было много его односельчан из Мало-Екатериновки, ходивших с обрезами, пашками и револьверами. Банда в основном находилась в плавнях, но время от времени приезжала в Григорьевку с целью забрать продукты и попойнствовать²⁷. К началу октября Савченко числился командиром отряда, именовавшегося «Днепровской партизанской сотней». Первоначальная численность сотни была около 60 человек, но затем она выросла, и вскоре в ней числилось более 100 человек, в том числе пять всадников и два прикомандированных офицера, имелось три пулемета²⁸.

Агент белой разведки, командированный в красный тыл и имевший задание по пути встретиться с повстанцами, вспоминал о том, как в июле 1920 года побывал в гостях у Гришина, Прочана и Савченко, база которых тогда находилась в плавнях неподалеку от с. Скельки. Воспоминания агента о беседе атаманов чрезвычайно колоритны и подтверждают данные о том, что отряд носил не столько политический, сколько уголовный характер. Гришин произвел «впечатление наиболее интеллигентного из них, человека умного, но жестокого и абсолютно не авторитетного в делах, касающихся повстанческих операций для остальных двух». Савченко рассказывал о том, как пытался снять с убитой жены комиссара колючку, но не успел отрубить палец, так как подоспели красные. Прочан хвастался тем, как вместе со своими людьми напал ночью на дом еврея-комиссара под Александровском. Хозяина дома не оказалось, и тогда бандиты заставили жену комиссара целовать их руки и сапоги, «самым гнусным и жестоким образом» надругались над ней, после чего убили. Убиты были и четверо детей комиссара, головами которых «стали вышибать косяки дверей и окон»²⁹.

Экс-махновцем был и атаман Кравчатый, действовавший в днепровских плавнях в районе с. Большая Знаменка. Полковник С. А. Мацылев вспоминал: «Это был крепко сложенный человек, лет под сорок, с черной бородой и пронизательными глазами. Одет он был по-солдатски, в гимнастерку защитного цвета и высокие сапоги. Как я узнал, в Германскую войну он был фельдфебелем в артиллерии, после революции вернулся в свое родное село — Большую Лепетиху на Днестре, недалеко от Знаменки, примкнул к Махно и одно время был у него начальником артиллерии. В чем-то они не ладили, махновцы сожгли его усадьбу, он перекинулся

26. ЦГАООУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 351. Л. 386.

27. ГАЗО. Ф. Р-1241. Оп. 1. Д. 870. Л. 59–60.

28. ГАЗО. Ф. Р-5747. Оп. 3. Д. 7923. Л. 26–64.

29. Hoover Institution Archives (далее — HIA). Kusonskiĭ (Pavel A.) papers. Box 8. Folder 31. Некоторая секретная переписка Информационного отделения Штаба генерала Врангеля. Л. 164.

к большевикам, но вскоре в них разочаровался и теперь перешел на нашу сторону. На меня он произвел хорошее впечатление» (Мацылев, 1948: 28). В действительности Кравчатый возглавлял не всю махновскую артиллерию, а лишь ее часть: в 1919 году он был командиром 1-й батареи войск Крымского направления имени батько Махно, а в конце года был назначен временным начальником артиллерии войск Крымского направления (Данилов, 2006: 273). Летом 1920 года он действовал совместно с небольшими отрядами еще двух атаманов: Сохи и Бондаренко. Соха был простым крестьянином из-под Черкасс, говорил только по-украински и люто ненавидел большевиков за то, что они разорили его село и убили жену. Бондаренко же, по словам Мацылева, был «бывший сельский учитель, украинец-самостийник, нахватавшийся верхов, а в общем человек совершенно необразованный, но с большими претензиями». Белое командование решило объединить отряды всех трех атаманов, насчитывавшие в совокупности не более 200 человек, под началом Кравчатого (Мацылев, 1948: 29–29). 5 августа 1920 года от имени Кравчатого, выступавшего теперь в качестве командира партизанского отряда им. батьки Махно, вышло воззвание, в котором он призывал «всех друзей-махновцев, всех оставшихся от мобилизации, всех красноармейцев, всех, в ком еще не угасла русская совесть» идти к нему³⁰. Белое командование понимало, что в данный момент Кравчатый с Махно никак не связан³¹, но все равно в агитационных целях назвало его отряд именем «батьки». Генерал Н. В. Шинкаренко впоследствии крайне скептически отзывался о Кравчатом, вспоминая, что в его отряде состояли в основном люди с правого берега Днепра, которые «болтались по плавням и никаких подвигов не оказали»³². Согласно воспоминаниям Мацылева, в августе 1920 года, после того как красные переправились через Днепр и организовали плацдарм у Каховки, белые временно ушли из Большой Знаменки. Кравчатому было предложено или отходить вместе с ними, или остаться в плавнях. Атаман решил остаться, а перед уходом белых пригласил Мацылева на прощальное застолье с самогоном и обильной закуской. Вскоре после отхода врангелевцев Кравчатый перешел на сторону красных, а впоследствии, как рассказали Мацылеву, был ими расстрелян (Мацылев, 1949: 19–20).

Атаман Никита Чалый, по данным Белаша, был середняком с. Заливное Александровского уезда. С 1917 года состоял членом Гуляйпольской группы анархистов, но сам по себе был политически недалеким человеком. Впоследствии командовал местным

30. Южные ведомости. 1920. 28 июля. № 164. С. 2.

31. РГВА. Ф. 39693. Оп. 1. Д. 62. Л. 5–50б.

32. Центральный музей Вооруженных сил Российской Федерации (ЦМВС РФ). Документальный фонд. Коллекция музея «Родина». Воспоминания генерал-майора Н. В. Шинкаренко. Ч. II. Т. III. Л. 122.

махновским отрядом³³. Сам Махно приводил другие данные: «Никита Чалый — махновец из бедной крестьянской семьи панской деревушки Миргородщины, хороший партизан, блестяще выполнял все задания моего штаба по тылам деникинщины и врангелевщины; но провокация большевиков и самого Врангеля, всей их прессы о том, что Махно в союзе с Врангелем идет против большевиков, сбита с правильного пути его и он очутился у Врангеля в качестве командира 10-й *бригады имени батько Махно...*» (Махно, 1928: 51). Согласно воспоминаниям Белаша, Чалый впоследствии оправдывался тем, что он и его люди не особо верили Врангелю и рассказам о его союзе с Махно, но когда белые стали давать им деньги и оружие, решили этим воспользоваться³⁴. Присоединившись в конце лета или начале осени 1920 года к белым, Чалый выпустил воззвание, в котором утверждал, что Русская армия «есть одно спасение трудовому народу», и призывал показать, что «мы есть сыны революции, а не жидовские комиссары»³⁵. В книге командира дроздовцев генерала А. В. Туркула Чалый выведен под именем атамана Левши: «Атаман партизан, кажется, приказчик с большой эконоимии или конторщик, левша, усы колечками, был, я думаю, из полковых писарей». По словам Туркула, атаман разъезжал в помещичьем экипаже на дутых шинах: «Он сидел в коляске подбоченься. По жилету пущена серебряная цепь от часов, сам увешан пулеметными лентами, а против атамана всегда сидел его гармонист. С венской гармонией в бубенцах и звонках, с перламутровыми клавишами, разъезжал наш союзничек-атаман по селам». Партизаны его ничего не делали, сидя в камышах и играя замасленными картами в очко, но однажды они все-таки смогли оказать дроздовцам большую услугу, захватив пленных с ценными документами (Туркул, 1937: 267–274).

Достаточно заметной фигурой в махновском движении являлся еще один атаман — Яков Ищенко. По сведениям Белаша, Ищенко, батрак из Малой Токмачки, в 1917 году был эсером, с 1918 года — анархистом (или сочувствующим анархистам), в махновском движении являлся бессменным помощником начальника Отдела формирования РПАУ(м)³⁶. В феврале 1920 года Ищенко был арестован красными³⁷, но ему удалось скрыться. В белых источниках найти упоминаний про Ищенко нам не удалось, но зато в официальном «Военном голосе» было напечатано воззвание атамана Щенко, призывавшее крестьян поднять меч «против коммунистов-жидов» и идти вместе с Русской армией, «ибо она есть

33. ЦГАООУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 351. Л. 365.

34. ЦГАООУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 351. Л. 278.

35. РГВА. Ф. 198. Оп. 5. Д. 5. Л. 102.

36. ЦГАООУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 351. Л. 365.

37. РГВА. Ф. 198. Оп. 5. Д. 45. Л. 24.

истинно русская, а не жидовская»³⁸. Вряд ли могут быть сомнения, что неизвестный «атаман Щенко» появился в результате опечатки, а автором воззвания был именно Ищенко.

Несмотря на подобные антисемитские выпады, в рядах «беломахновцев» были и евреи, например, видный деятель международного анархистского движения Максим Матвеевич Черняк. Согласно Белашу, Макс Черняк, родившийся в 1883 году в Гродно в бедной еврейской семье, был по профессии парикмахером, с 1904–1905 года принимал участие в анархистском движении. В 1907 или 1908 году эмигрировал, жил в Америке и Франции, в 1917 году после революции вернулся в Россию и организовал в Макеевке черновардейский отряд. В махновском движении был командиром полка, бригады, начальником формирования и начальником бердянской контрразведки, «выбыл из махновщины» в 1919 году, по состоянию на конец 1920-х годов был жив и находился за границей³⁹. Родился Черняк, по всей видимости, не в 1883, а в 1875 году, и не в Гродно, а в г. Лович Варшавской губернии, в остальном же данные Белаша более или менее верны. Весной 1919 года Черняк был помощником начальника штаба махновской армии по оперативной части, а затем временно возглавлял разведку и контрразведку. В начале лета 1919 года, после объявления Махно вне закона, он уехал в Джанкой и работал парикмахером⁴⁰. В сентябре 1920 года Черняк опубликовал открытое письмо, в котором сообщал, что, вопреки сведениям из большевистских газет, не был расстрелян. Он призывал всех противников «комиссародержавия» собраться и мстить «за всех тех честных крестьян-повстанцев», которых большевики «терзали, мучили и убивали», а от себя лично обещал: «Скоро буду с вами!»⁴¹ В октябре 1920 года было опубликовано еще одно письмо, в котором Черняк сообщал, что большевики «загнали» его в Крым, и он прожил полтора года среди тех, кого раньше ненавидел. Теперь же он наконец решил выехать из Крыма и призвать своих друзей из Мелитопольского, Бердянского, Александровского и других уездов «приняться за работу против врагов России», «против тирании большевизма»⁴². Очевидно, предполагалось, что Черняк вновь соберет свой отряд, но этого так и не случилось из-за отступления врангелевцев из Северной Таврии.

Белаш сообщает, что к Врангелю перешел со своим отрядом и махновец Георгий Захарович Голик (1875–1948)⁴³. Упоминания о Голике есть в работе Кубанина (Кубанин, 1927: 151), но они были

38. Военный голос. 1920. 22 августа. № 113. С. 4.

39. ЦГАООУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 351. Л. 369.

40. ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 50800. Л. 48–49, 5406., 74, 80.

41. Крестьянский путь. 1920. 16 сентября. № 20. С. 2.

42. Голос фронта. 1920. 3 октября. № 170. С. 2.

43. ЦГАООУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 351. Л. 382.

получены им от того же Белаша. Факт службы Голика у Врангеля вряд ли остался бы незамеченным окружающими, но советская власть ему в вину ничего подобного никогда не ставила, напротив, наградила грамотой к 15-летию юбилею «разгрома банд Врангеля»⁴⁴. Нам не удалось обнаружить никаких упоминаний о его сотрудничестве с Русской армией в белых документах или прессе. Напротив, есть воспоминания бывшего военного прокурора И. М. Калинина о том, что в конце лета 1920 года этот атаман воевал против врангелевцев в союзе с большевиками в районе Ногайска (Калинин, 1925: 111). Вопрос о предполагаемом переходе Голика на сторону Русской армии требует дальнейшего изучения, но очень похоже на то, что он является плодом воображения Белаша.

Биографии других «беломахновских» атаманов — Яценко и Самко — мы знаем исключительно из работы Белаша. Он утверждал, что Яценко, называвший себя анархистом, но в организации не состоявший, был «кулаком» из Ореховского района; в махновском движении участвовал с 1918 года в качестве командира роты, затем сотни⁴⁵. Его имя — Григорий — указано только в одной из прокламаций⁴⁶. Атаман Самко, по Белашу, был «кулаком» с. Поповка Бердянского уезда, в махновщине участвовал со дня ее зарождения на командных постах — сначала возглавлял роту, затем сотню. Как и Яценко, он называл себя анархистом, но к анархистским организациям не принадлежал⁴⁷.

А. В. Бинецкий вспоминал также о некоем «бацьке Коробке»⁴⁸. Алексеевец А. Судоплатов упоминал в дневнике об атамане Бурлаке, «высоком, представительном парне в синей бекеше», командовавшем махновским отрядом примерно из 20–25 человек в районе с. Ушкалка. В начале октября 1920 года Бурлак и его люди помогали белым организовать переправу через Конку и Днепр. В начале октября отряд Бурлака был включен в Алексеевский полк и составил в нем команду разведчиков (Судоплатов, 2014: 230, 239–240, 259–260). Генералом Науменко также упоминались атаманы Шило, Дубина и Джанбор, причем, по его словам, первый и последний были офицерами (Ефимов, 2024: 114).

Сам Н. И. Махно категорически отрицал, что большинство из новоявленных врангелевских «махновцев» когда-либо имели отношение к его движению. По утверждению «бацьки», «Савченко, Яценко и другие типы» были «из рядов деникинцев, которые у Врангеля получили разрешение действовать под именем махновцев с целью увлечь за Врангелем трудовое население, прислушивавшееся к голосу махновцев», Володин же являлся командиром Красной

44. ГА РФ. Ф. А-539. Оп. 1. Д. 2368. Л. 12.

45. ЦГАООУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 351. Л. 385, 386.

46. ГА РФ. Ф. 10073. Оп. 2. Д. 1225. Л. 2.

47. ЦГАООУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 351. Л. 385386.

48. ГА РФ. Ф. Р-6562. Оп. 1. Д. 4. Л. 56.

армии, который в августе 1919 года перешел на сторону махновцев, но уже в ноябре испарился. Лишь Чалого он признавал настоящим махновцем, совершившим ошибку (Махно, 1928: 50–51). Конечно, перечисленные атаманы не относились к ближайшему окружению Махно, но все же отрицать принадлежность большинства из них к махновскому движению вряд ли представляется возможным. Впрочем, в словах Махно о существовании «типов из рядов деникинцев», действовавших «под именем махновцев», доля истины все же была. Так, в августе 1920 года белые планировали забросить в красный тыл для работы «под фирмой махновщины» отряд атамана Лазаренко (псевдоним подпоручика Галкина) численностью в 70–90 человек⁴⁹. При Деникине этот атаман со своими людьми служил в Малороссийском партизанском отряде в Киевской губернии⁵⁰, после эвакуации на Принцевы острова перешел на украинские позиции и хотел ехать в петлюровскую армию, но затем передумал и отправился в Крым⁵¹. Забросить отряд Галкина-Лазаренко в красный тыл, по-видимому, так и не удалось, поэтому осенью 1920 года он остался в районе днепровских плавней.

Численность, внешний вид, символика и пропаганда «беломахновцев»

Генерал Шинкаренко полагал, что численность иррегулярных формирований оказалась чрезвычайно скромной, а во всех так называемых махновских отрядах вместе взятых никогда не состояло больше 1000 человек — то ли потому, что «район был уже морально истощен повстанческим усилием 1919 года», то ли потому, что «все атаманы были слишком мелкими разбойниками»⁵². По сведениям Белаша, полученным, по его словам, от махновской разведки (а может быть, и просто выдуманным), в октябре 1920 года в резерве Донской армии, занимавшей фронт в 160 верст от Мариуполя до станции Мечетная, находились отряд Самко (в с. Попово, 400 штыков), бригада Иценко (в Малой Токмачке, 700 штыков), полк Голика (в районе г. Ногайск, 200 штыков); в составе 1-й Русской армии фронт в районе Екатериновки — Новониколаевки — Григорьевки держала пехотная бригада Чалого (1000 штыков), а в резерве находились пехотная бригада Иценко (в с. Жеребец, до 500 штыков) и смешанная бригада Савченко (в Камышевах, 500 штыков и 200 сабель)⁵³. Таким образом, сотрудничавшие с белыми махновские формирования оценивались им примерно в 3500 штыков

49. НИА. Kusonskiĭ (Pavel A.) papers. Box 8. Folder 31. Л. 157–157об.

50. Киевская Русь. 1919. 25 ноября. № 5. С. 1.

51. Последние новости. 1920. 14 ноября. № 173. С. 2.

52. Свобода. 1921. 26 января. № 19. С. 3.

53. ЦГАООУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 351. Л. 271, 274–275.

и сабель, если же добавить сюда еще и «дивизию» Володина, то получится 4300 человек — цифра совершенно фантастическая. Очень большие вопросы вызывает и то, что «беломахновские» отряды Белаш именует бригадами, полками и дивизиями, тогда как в белых источниках подобное наименование (бригада) встречается только в отношении отряда Чалого, да и оно, скорее всего, было неофициальным. На наш взгляд, данные Шинкаренко намного ближе к истине.

К сожалению, фотографий, изображающих внешний вид «беломахновцев», не сохранилось. По словам А. В. Бинецкого, повстанцы Прочана «не носили ни погон, ни кокард, были одеты кто в чем»⁵⁴. А. И. Терский вспоминал о том, как в октябре 1920 года в окрестностях Александровска встретил двух всадников-махновцев. Одеты они «были странно: брюки военного образца, но рубашки “штатские”, с вышитыми воротниками и рукавами. На головах военные фуражки» (Терский, 1970: 15). Похожий внешний вид (фуражки, бескозырки, папахи, вышитые рубахи, отдельные элементы военной формы) имели и маховцы из отряда атамана Бурлака, зарисованные Судоплатовым. Сам он записал в дневнике, что маховцы вели себя и выглядели как «форменная банда»: «Каждый в босяцком пальто, у каждого по 2–3 бомбы и разные винтовки» (Судоплатов, 2014: 239). Несколько дней спустя он вернулся к теме маховцев: «Они не носят погон. На занятия не ходят. Чести офицерам не отдают. Банда бандой. Но наши стараются с ними быть корректными. “Союзники” все-таки» (Там же: 260).

Нет однозначного ответа и на вопрос о символике «беломахновских» подразделений. На школе в Бахчи-Эли, в которой располагался отряд Володина, был вывешен маленький черный флажок с надписью «1-й партизанский отряд крымского направления имени батяко Махно»⁵⁵. Согласно сведениям советской разведки, у володинцев было еще и черное знамя с надписью «Смерть всем гадам!»⁵⁶. Петлюровец Г. М. Гордиенко вспоминал, что в октябре 1920 года перед началом Заднепровской операции к северу от их отряда находилось какое-то «украинское повстанческое подразделение, но под черным флагом», в котором «были такие же самые украинские хлопцы, как и мы» (Гордієнко 1976: 249). Бывший махновец И. Тепер утверждал, что на черных знаменах отрядов Прочана и Савченко были написаны лозунги: «Да здравствует единая, неделимая Россия. С угнетенными против угнетателей всегда!» (Тепер, 1924: 92) Исходя из того, что книга Тепера имела целью разоблачение маховщины, а приведенные лозунги звучат нарочито нелепо, представляется вероятным, что

54. ГА РФ. Ф. Р-6562. Оп. 1. Д. 4. Л. 560б.

55. Время. 1920. 6 августа. № 27. С. 4.

56. ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 1а. Д. 13. Л. 1690б.

их сочинил сам автор. Впрочем, практически наверняка можно утверждать, что знамена у «беломахновцев» действительно были черными, написаны же на них были, скорее всего, номера отрядов — от 1-го (у Володина) до 10-го (у Чалого). Кроме знамен у отрядов могла быть и своя собственная символика. Известно, например, что в начале 1920 года Володин пользовался печатью, на которой было изображено пронзенное кинжалом сердце и две надписи — «Повстанец. Свобода или Смерть» и «1-й из Крымских долин отряд тов. Володина»⁵⁷. У Днепровской партизанской сотни Савченко была печать с изображением черепа и костей и надписью «Партиз. Дніпровська Казачья Сотня»⁵⁸.

Наибольшую известность «беломахновские» атамань приобрели из-за масштабной пропагандистской кампании, организованной врангелевскими властями, стремящимися продемонстрировать изменение политического курса Белого движения. Воззвания атаманов печатались в виде листовок огромными тиражами, а также помещались на страницах белой прессы. «Лидерами» в этом плане были Савченко, Яценко, Прочан и Гришин, воззваниями которых была завалена вся Северная Таврия. Меньший размах носила агитационная кампания Володина и Чалого, а воззвания Кравчатого и Ищенко удалось обнаружить только на страницах газет. «Беломахновские» листовки широко представлены в архивах и библиотеках, часть из них была опубликована (Кривенький, 1999: 392–393, 404; Данилов, 2006: 372–374).

К 14 июля 1920 года в типографии Технического отделения Политической части штаба главнокомандующего ВСЮР было напечатано 107 175 экз. воззвания Савченко, 111 345 — Яценко, 100 160 — Гришина, 97 610 — Прочана. Тираж этих четырех воззваний составлял 21,2% общего тиража всей агитационной продукции, выпущенной Политической частью за два месяца. Если же говорить об отдельных изданиях, то тиражи большие, чем у воззваний атаманов, были только у воззвания «Прекратим братоубийство» и некоторых приказов Врангеля, напечатанных в виде отдельных листовок⁵⁹. Прокламации печатались не только в типографии в Севастополе, но и в других городах, в частности, в Мелитополе в типографии политотдела Северной Таврии (там, например, была выпущена вдвоенная листовка Яценко и Савченко⁶⁰).

Все листовки были написаны примерно в одной стилистике и, вероятно, сочинялись не самими атаманами, а сотрудниками врангелевской пропаганды (может быть, за исключением воззваний

57. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВО Украины). Ф. 1824. Оп. 1. Д. 13. Л. 1.

58. ГАЗО. Ф. Р-5747. Оп. 3. Д. 7923. Л. 606.

59. РГВА. Ф. 39600. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

60. ГА РФ. Ф. 10073. Оп. 2. Д. 1225. Л. 10.

Володина, которые по стилю и размеру отличались от остальных). К числу позитивных образов, обозначенных в воззваниях, относились: «верные дети русской земли», «истинные сыны России», «братья крестьяне и рабочие» (Володин), «товарищи красноармейцы», «истинно трудовой народ» (Савченко), «славные повстанцы Украины» (Яценко, Кравчатый), «трудовой народ», «сыны революции» (Чалый). Им противопоставлялись негативные образы и явления: «кровавые комиссары», «лодыри-коммунисты», «насилыники», «комиссародержавцы» (Володин), «жиды-комиссары» (Савченко), «кровопийцы-коммунисты» (Яценко), «коммунистический комиссариат самодержавия», «самозванцы-насилыники-комиссары», «угнетатели-крепостники» (Яценко), «злодеи-большевики» (Прочан), «коммуна» (Прочан, Гришин, Кравчатый), «насилыники-комиссары», «жидовские комиссары» (Чалый), «коммунисты-жиды» (Ищенко). В воззваниях не только прославлялась Русская армия, но и делался особый упор на то, что она изменилась по сравнению с прошлым годом. Так, например, в листовке Яценко отмечалось, что «Деникина нет, есть Русская армия, которой подадим руку...»⁶¹. Ориентация большинства атаманов была «русской», хотя во всех прокламациях, кроме володинской и гришинской, упоминалась и Украина, понимаемая скорее не как отдельное государство, а как регион России. Так, в листовках Володина говорилось про Россию, «Великую Россию» и «русскую землю», Савченко — Украину и «нашу общую родину Россию», Яценко — Украину, «Русь Святую» и «русский народ», Прочана — Украину и «русских людей», «русский народ», Гришина — Россию и «русский народ», Чалого — Украину, Россию и «украинское население», Кравчатого — Украину и «русскую землю».

Кроме листовок от имени конкретных атаманов выпускались и воззвания от абстрактных крестьян-повстанцев. Так, например, одна из листовок сообщала, что «по всей России широкой волной разлились крестьянские восстания», а на днях крестьянами-повстанцами заняты города Изюм и Славянск. По словам авторов воззвания, все повстанцы, как и Махно, действуют заодно с Русской армией и борются «за право каждого крестьянина на землю, за избавление от безбожников, оскверняющих церкви, от насильников-комиссаров и коммунистов, разоряющих деревни»⁶².

61. Российская национальная библиотека (РНБ). Фонд белогвардейских листовок. ФБЛ п-5/78.

62. ГА РФ. Ф. 10073. Оп. 2. Д. 1225. Л. 70б., 80б., 13.

ИСТОРИЯ

Белым договориться с Махно так и не удалось, зато махновцы в сентябре 1920 года заключили перемирие с красными, а в октябре — предварительное политическое и военное соглашение. Сразу же после заключения перемирия с большевиками штаб РПАУ(м) отдал «беломахновским» отрядам распоряжение о прекращении военных действий против Красной армии и совместном выступлении против белых. Белаш вспоминал, что он просил эти отряды временно не порывать «миролюбивой» связи с Врангелем, а готовиться ударить ему в тыл, как только поступит приказ от Совета революционных повстанцев Украины (махновцев)⁶³.

Еще в конце сентября белые стали подозревать, что часть повстанцев что-то замышляет. Время от времени происходили стычки между белыми патрулями и партизанами. Капитан-марковец Л. Т. Махнушка решил заслать в володинский отряд своего писаря под видом дезертира. Писарь через три дня вернулся из володинского штаба и рассказал, что атаман имеет задание ударить в тыл частям Русской армии во время наступления красных и Махно (Павлов, 1964: 309–311). Белаш утверждал, что к этому времени Володин уже получил распоряжение штаба РПАУ(м) выступить против Врангеля, снялся с фронта и двигался к Александровску, убивая офицеров, ближайшей же задачей он ставил уничтожение штаба 1-й Русской армии генерала Кутепова⁶⁴. По всей видимости, он ошибался, так как впоследствии в вину Володину ставились не убийства офицеров, а лишь намерение перейти на сторону противника.

Конная сотня 1-го Марковского полка направилась в меннонитскую колонию Шенвизе (ныне южная окраина г. Запорожье), где находился штаб отряда, и захватила Володина, его помощников, 200 партизан и пулеметы. Антипартизанскую операцию вдоль южного берега плавней провел запасной батальон марковцев. Белые применили хитрость, выступив из Васильевки колонной с песнями, как будто шли на прогулку. Войдя в с. Скельки, они захватили до 300 ничего не подозревавших партизан, причем не только володинцев. Часть из них, в том числе отряд Савченко, влилась в ряды Марковской дивизии, остальные были отосланы в плавни (Там же: 311). Партизан из отряда Савченко И. З. Эдута вспоминал о произошедшем в Скельках немного иначе: «...когда Савченко узнал о том, что Махно перешел на сторону красных, его помощник собрал митинг в селе Скельки. Один анархист заявил, что нам придется бороться с белыми, потому что Махно перешел

63. ЦГАООУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 351. Л. 264–265.

64. ЦГАООУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 351. Л. 273.

на сторону красных. Когда узнали офицеры о митинге, нас после этого разоружили, и мы разбежались...»⁶⁵.

Ликвидация готовящегося володинского выступления прошла довольно гладко, не оказав влияния на ход событий на фронте. В прессе появился подписанный Кутеповым приказ по 1-й Русской армии от 22 октября 1920 года, согласно которому атаман В. Г. Володин и его соратники — подполковник В. Н. Янус-Черных, Н. Ф. Скориков, В. Н. Каримов, В. И. Цыганков, М. Абильтер, М. Г. Кузина, Б. Р. Сапожников — были преданы военно-полевому суду за то, что вошли в соглашение с предводителями большевистских отрядов и, склонив часть володинского отряда к переходу на сторону неприятеля, направили его в Александровск на соединение с красными⁶⁶. Володина и семерых его сподвижников, доставленных в Мелитополь под усиленным конвоем в сопровождении пулеметов, приговорили к смерти. Казнь состоялась 24 октября 1920 года в помещении казенного винного склада⁶⁷.

Атаман Чалый, узнав о приближении Махно к линии фронта, сразу же приехал к нему и покаялся в своих грехах. Махно не стал его расстреливать, а поручил вернуться во врангелевский стан и привезти ему весь офицерский кадр, выделенный белым штабом для формирования и обслуживания бригады. Чалый так и сделал и в ночь с 17 на 18 октября привез Махно «весь этот кадр — в лице полковника, капитанов и поручиков». Все они были опрошены видным махновским командиром С. Н. Каретниковым в присутствии самого «батьки» и большевистских представителей от штаба Южфронта (Махно, 1928: 51–52). Белаш приводит похожие сведения, утверждая, что переход Чалого состоялся 17 октября (о первом приезде атамана к Махно он, видимо, не знал). По его словам, Чалый появился на заседании Совета революционных повстанцев, простившем его, а Яценко и Савченко вынесшем смертный приговор. Приехавший вместе с Чалым начальник штаба, врангелевский капитан, был застрелен Каретниковым⁶⁸. Похожую версию приводит и один из партизан Чалого, которому удалось скрыться и добраться до белых, правда, он называет другую дату. Согласно его рассказу, 20 октября Чалый узнал о приходе Махно в район Васильковка — Павловка (к северо-востоку от Александровска) и немедленно выступил навстречу. Люди Чалого остались в Павловке, в которой уже стояли части махновцев, а сам он поехал на совещание к «батьке» в Васильковку, где и договорился о соединении с ним, а в качестве доказательства расстрелял состоявшего при отряде офицера-дроздовца⁶⁹.

А. А. Чемакин

«Беломахновцы»: крестьяне-повстанцы Северной Таврии и Русская армия в 1920 году

65. ГАЗО. Ф. Р-5747. Оп. 3. Д. 7923. Л. 62–620б.

66. Голос фронта. 1920. 12 октября. № 178. С. 1.

67. Голос фронта. 1920. 14 октября. № 179. С. 2.

68. ЦГАООУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 351. Л. 276–280.

69. НИА. Kusonskiĭ (Pavel A.) papers. Box 8. Folder 31. Л. 160.

Согласно этому же партизану, 22 октября Махно выступил на Новониколаевку, причем Чалый шел в авангарде его войск и расстрелял еще трех офицеров и трех солдат. Вечером того же дня махновцы напали на 4-й Дроздовский полк и окружили его⁷⁰. Белаш утверждал, что махновцами были разбиты 3-й и 4-й полки Дроздовской дивизии, захвачены 8 орудий, 50 пулеметов, обоз и до 3000 пленных из числа бывших красноармейцев⁷¹. Дроздовцы не отрицали, что понесли потери, хотя и намного меньшие, чем писал Белаш. По их данным, за время боев с махновцами, среди которых были и недавние союзники-чаловцы, 4-й полк потерял около 200 стрелков убитыми, ранеными и пленными, а 7-я гаубичная батарея 17 человек ранеными (Кравченко, 1975: 195–197).

Во время отхода Русской армии в Крым и другие «беломахновские» отряды прекратили свое существование. Согласно данным Белаша, атаман Яценко, взятый в плен в Камышевах, был махновцами расстрелян, а его отряд влит в группу Чалого⁷². В районе Малой Токмачки на сторону РПАУ(м) и красных перешел Ищенко, вскоре принявший участие в наступлении на станцию Полого⁷³. По некоторым данным, Прочан еще ранее получил от Володина приказ напасть на с. Михайловка, в котором располагался белый пехотный полк, но партизаны были окружены и разоружены. Самому Прочану все же удалось перейти на сторону махновцев и принять участие в наступлении на Крым (Посадский, 2017: 385). В эти же октябрьские дни на сторону Махно перешли и другие атаманы. Вызывает некоторые вопросы судьба Савченко. По версии Белаша, он был расстрелян махновцами между Ореховом и Большим Токмаком, а его отряд присоединен к РПАУ(м)⁷⁴. По советским же данным, явно более достоверным, Савченко при отступлении белых скрылся в днепровских плавнях⁷⁵.

Всего через две недели после ухода Врангеля из Крыма махновцы были объявлены вне закона. Прочан, поучаствовавший вместе с махновцами во взятии Крыма и побывавший в Севастополе, вернулся к себе в Григорьевку, где и был арестован чекистами в доме отца в ночь на 5 декабря 1920 года. Он и арестованный вместе с ним крестьянин В. В. Тарасенко, у которого было найдено удостоверение партизана Днепровской сотни, были приговорены к расстрелу⁷⁶. Савченко скрывался в своих родных местах — около станции Канкриновка⁷⁷. В конце декабря 1920 года агенты

70. НИА. Kusonskii (Pavel A.) papers. Box 8. Folder 31. Л. 160.

71. ЦГАООУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 351. Л. 280.

72. ЦГАООУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 351. Л. 280.

73. ЦГАООУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 351. Л. 281.

74. ЦГАООУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 351. Л. 281–282.

75. ГАЗО. Ф. Р-2195. Оп. 1. Д. 5. Л. 36.

76. ГАЗО. Ф. Р-5747. Оп. 3. Д. 7923. Л. 1–22.

77. ГАЗО. Ф. Р-5747. Оп. 3. Д. 7923. Л. 406.

Александровской губернской чрезвычайной комиссии выследили в плавнях атамана и его помощника Павла Швеца и убили их⁷⁸. 5 января 1921 года Александровская губчека сообщила, что ей были расстреляны 35 бандитов. Кроме вышеназванных Прочана, Тарасенко, Савченко, Швеца в списке значились помощник Чалого Никита Мамай, сообщники Чалого Анна Мамай, учитель Иосиф Жинко, извозчик Александр Цверкун⁷⁹. Атаманы Ищенко и Чалый, отрезанные от основных сил «батьки» и поэтому действовавшие самостоятельно⁸⁰, были расстреляны красными в 1921 году — первый в марте, второй в мае. К концу 1920-х годов, по сведениям Белаша, остались в живых Самко и Голик⁸¹. Как уже отмечалось, мы не уверены, что Голик вообще имел отношение к «беломахновцам». Самко же, возможно, все же погиб, а Белаш опирался на непроверенную информацию, хотя с полной уверенностью это утверждать нельзя. В одной из советских сводок говорится, что 21 апреля 1921 года на территории Бердянского уезда был пойман и расстрелян «известный организатор бандитских шаек Сомко»⁸². Таким образом, можно констатировать, что большинство бывших «беломахновских» атаманов — Прочан, Савченко, Чалый, Ищенко, Кравчатый и, вероятно, Самко — были убиты красными.

Заключение

Несмотря на то что многие махновцы ненавидели большевиков и готовы были сотрудничать с белыми, подавляющая часть их атаманов по первому же зову Махно ушла к нему. Очевидно, влияние на них «батьки» было настолько огромным, что даже тот факт, что теперь им придется биться против недавних союзников, не остановил Прочана, Чалого и других. Из этого можно сделать вывод, что именно Махно был главным препятствием для гипотетического союза повстанцев и Русской армии, а единственным шансом на сотрудничество с махновцами для врангелевцев была не договоренность с «батькой», совершенно невозможная и невероятная, а его гибель. В таком случае часть махновцев, выступавшая за союз с большевиками, все равно бы оказалась в рядах красных, но при этом многие атаманы и их отряды, оставшись без своего вождя, вполне могли сделать выбор в пользу белых.

Отношение врангелевцев к «беломахновским» отрядам было крайне неоднозначным. «Рассматривая этот вопрос с точки зрения

78. ГАЗО. Ф. Р-2195. Оп. 1. Д. 5. Л. 36.

79. ГАЗО. Ф. Р-2. Оп. 5. Д. 42. Л. 6.

80. ГАЗО. Ф. Р-2195. Оп. 1. Д. 5. Л. 36.

81. ЦГАООУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 351. Л. 365, 382, 385.

82. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 642. Л. 110.

морали, можно сказать, что во всем белом движении в Крыму не было более позорной страницы, — отмечал А. В. Бинецкий. — Трудно представить себе союз генерала барона Врангеля с отбросами общества». Впрочем, он признавал, что было бы намного хуже, если бы эти отряды воевали против белых: «Для нашей слабой и малочисленной армии подобные маленькие партизанские отряды представляли грозную силу. Они могли делать налеты на наш тыл и опустошать его. Резервов сильных у нас не было, и поэтому бороться с такими шайками было бы невозможно. Кроме этого, местное население сочувственно относилось к повстанцам, доставляло им пищу и укрывало от преследования»⁸³. Примерно в том же духе высказывался и В. А. Рыхлинский: «Таврия — это преданная Махно область. Слух о соединении Махно с Врангелем сильно увеличивал популярность белых. Откуда-то появлялись приверженцы “батька” и поступали добровольцами в регулярные части или же формировали свои партизанские отряды, которые, прекрасно зная местность и отличаясь большой отвагой, наносили большой вред красным» (Рыхлинский, 1967: 31). По словам А. Судоплатова, местные жители «все махновцы», и они поразились, «когда мы сказали, что Махно с нами в союзе» (Судоплатов, 2014: 245). А. А. Валентинов полагал, что «в реальном отношении все расчеты на повстанцев дальше дававшихся им заданий по порче путей и мостов не могли идти», и поэтому значение их «было совершенно ничтожным» (Валентинов, 1922: 32–33). Примерно того же мнения придерживался и Н. В. Шинкаренко: «Все отряды грабили население, подавая войскам дурной пример, которым армия все же не воспользовалась. Ни один из этих отрядов не принял сколько-нибудь серьезного участия в боях, и, в общем, их существование принесло скорее вред»⁸⁴.

Как можно оценить итоги сотрудничества Русской армии с махновскими атаманами? С одной стороны, контакты с повстанцами и слухи о союзе с Махно обеспечили врангелевцам относительно спокойствие в тылу и лояльность крестьян, и это принципиально отличало их положение от положения деникинцев осенью 1919 года. С другой стороны, долговременного взаимодействия не получилось, да и закончилась для белых эта история весьма печально, в особенности для дроздовцев, попавших под неожиданный удар отряда Чалого. Нельзя сбрасывать со счетов и репутационные потери из-за насилий, творимых атаманами. Кроме того, заигрывания с махновцами наглядно показывали, что врангелевцы слабы, сами не верят в то, что одолеют красных в одиночку, и поэтому стараются привлекать в свои ряды тех, кого годом ранее именовали не иначе как «бандитами», а генералы и полковники пытаются «ухаживать» за простыми крестьянами. Один из агентов сообщал слышанные им слова старика-повстанца,

83. ГА РФ. Ф. Р-6562. Оп. 1. Д. 4. Л. 5506.–56.

84. Свобода. 1921. 26 января. № 19. С. 3.

рассказывавшего о впечатлениях атамана Алексея Савченко от посещения белого начальства: «Ляксей сказывал мне <...>, как енералы его в штабе принимали, ручку жали, котлетой закармливали, да вином поили, так кругом и охаживали. Чудилы окайнные. Ей-Богу дивлюсь, начто им плавни дались, а дались потому, что силы за собою не чуют. А коли тонешь, то и за свиной хвост рад бы ухватиться, авось выскочишь»⁸⁵. Представляется, что эти слова весьма точно характеризуют попытку белых наладить отношения с маховскими атаманами и крестьянами-повстанцами.

Библиография

- Азаров В. В. (2011). Старобельское соглашение. Одесса: Набат.
- Белаш А. В., Белаш В. Ф. (1993). Дороги Нестора Махно (Историческое повествование). Киев: Проза.
- Бутовский А. Ю., Бобков А. А. (2019). Василий Герасимович Володин (1890–1920): дороги мятежного атамана // Гражданская война: многовекторный поиск гражданского мира: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (8–9 ноября 2018 г.) / Отв. ред. Д. А. Цыплаков. Новосибирск: Новосибирская Православная духовная семинария. С. 114–129.
- Валентинов А. А. (1922). Крымская эпопея (По дневникам участников и по документам) // Архив русской революции. Т. V. Берлин: Слово. С. 5–100.
- Данилов В. (сост.) (2006). Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918–1921: Документы и материалы. М.: РОССПЭН.
- Ефимов А. В. (сост.) (2024). Дневники кубанского атамана В. Г. Науменко: 1920–1925 гг. Подольск: Музей-Мемориал «Донские казаки в борьбе с большевиками».
- Калинин И. (1925). Под знаменем Врангеля. Заметки бывшего военного прокурора. Л.: Прибой.
- Кравченко В. (1975). Дроздовцы от Ясс до Галлиполи. Сборник. Т. II. Мюнхен.
- Кривенький В. В. (сост.) (1999). Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935 гг. Т. 2. 1917–1935 гг. М.: РОССПЭН.
- Кубанин М. (1927). Маховщина. Крестьянское движение в степной Украине в годы Гражданской войны. Л.: Прибой.
- Махно Н. (1928). Маховщина и ее вчерашние союзники-большевики (Ответ на книгу М. Кубанина «Маховщина»). Париж: Библиотека маховцев.
- Мацылев С. (1948). В Днепровских плавнях // Часовой. № 11. С. 26–29.
- Мацылев С. (1949). В Днепровских плавнях // Часовой. № 2. С. 18–20.
- Павлов В. Е. (сост.) (1964). Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917–1920 годов. Кн. 2. 1919–1920 гг. Париж.
- Посадский А. В. (2006). Белый Юг и маховщина: к проблеме взаимоотношений // Крым. Врангель. 1920 год / Сост. С. М. Исхаков. М.: Социально-политическая мысль. С. 170–184.
- Посадский А. В. (ред.) (2017). Вожаки и лидеры Смуты. 1918–1922 гг. Биографические материалы. М.: АИРО-XXI.
- Росс Н. (1982). Врангель в Крыму. Frankfurt a/M.: Посев.
- Рыхлинский В. (1967). В 1920 году в Северной Таврии // Военная быль. № 87. С. 28–31.
- Судоплатов А. (2014). Дневник / Вступ. ст., сост. О. Матич; подгот. текста, послесл. и коммент. Я. Тинченко. М.: Новое литературное обозрение.

85. НИА. Kusonskiĭ (Pavel A.) papers. Box 8. Folder 31. Л. 16506.

- Тепер И. (Гордеев) (1924). Махно. От «единого анархизма» к стопам румынского короля. [Київ]: Молодой рабочий.
- Терский А. (1970). Батько Махно // Вестник первопоходника. № 92. С. 9–18.
- Трофимов П. М. (2022). Из истории дроздовцев. Боевые действия Дроздовской стрелковой дивизии в Крымский период Гражданской войны (март-октябрь 1920 г.) / Науч. ред. Р. Г. Гагуев. М.: Связь Эпох.
- Туркул А. В. (1937). Дроздовцы в огне. Живые рассказы и материалы. Белград.
- Архирейський Д. В. (2015). Махновська веремія. Тернистий шлях Революційної повстанської армії України (махновців) 1918–1921 рр. Київ: Темпора.
- Гордієнко Г. (1976). Під щитом Марса. Спогади. Т. 1. Філадельфія.

“White Makhnovists”: Peasant rebels in Northern Taurida and Russian Army in 1920

Anton A. Chemakin, PhD (History), Associate Professor, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Neb. 7–9, Saint Petersburg, 199034, Russia.
E-mail: a.chemakin@spbu.ru

Abstract. The article considers the interaction of the Russian Army of General P. N. Wrangel with Makhnovist detachments in Northern Tavria in the summer and autumn of 1920. Although Wrangel's contacts with various insurgent groups (gangs) (mentioned in the movie “Wedding in the village of Malinovka”) are known to wider circles of the population, information about the “White Makhnovists” has not been systematized. The author revealed the names of about 15 atamans who went over to the Whites, and provides information about the most important of them (Volodin, Prochan, Grishin, Savchenko, Kravchaty, Ishchenko, Chaly) and Makhnovites who had contacts with the Russian Army (Chernyak), focusing on the number of the “White Makhnovists”, their appearance and symbols; examining the propaganda campaign of the Whites, who printed huge copies of proclamations on behalf of the Makhnovist atamans. The article mentions the betrayal of the majority of the detachments, their defection to the side of the Reds, the Makhnovists's alliance with them, and the fate of the “White Makhnovists” atamans. The author concludes that, on the one hand, the “White Makhnovists” ensured the Russian Army relative peace in the rear and loyalty of the peasants in Northern Tavria; on the other hand, the very fact of the alliance between the Whites and the “bandits” demonstrated the weakness of the Wrangelists.

Key words: Civil War, Russian army, “White Makhnovists”, Makhnovshchina, rebels, partisans, Northern Tavria, P. N. Wrangel, N. I. Makhno, V. G. Volodin, N. Chaly, V. F. Belash

References

- Azarov V. V. (2011) *Starobelskoe soglasenie* [Starobelsk Agreement], Odessa: Nabat.
- Belash A. V., Belash V. F. (1993) *Dorogi Nestora Makhno (Istoricheskoe povestvovanie)* [Roads of Nestor Makhno (Historical Narrative)], Kiev: Proza.
- Butovsky A.Yu., Bobkov A. A. (2019) Vasily Gerasimovich Volodin (1890–1920): dorogi myatezhnogo atamana [Vasily Gerasimovich Volodin (1890–1920): Roads of the rebellious ataman]. D. A. Cyplakov (Ed.). *Grazhdanskaya vojna: mnogovektorny poisk grazhdanskogo mira*, Novosibirsk: Novosibirskaya Pravoslavnaya dukhovnaya seminariya, pp. 114–129.
- Valentinov A. A. (1922) Krymskaya epopeya (po dnevnikam uchastnikov i po dokumentam) [Crimean epic battle (based on participants' diaries and documents)]. *Arkhiv russkoj revolyutsii*, vol. V, Berlin: Slovo, pp. 5–100.

- Danilov V. (Comp.) (2006) *Nestor Makhno. Krestyanskoe dvizhenie na Ukraine. 1918–1921: Dokumenty i materialy* [Nestor Makhno. Peasant Movement in Ukraine. 1918–1921: Documents and Materials], Moscow: ROSSPEN.
- Efimov A. V. (Comp.) (2024) *Dnevniky kubanskogo atamana V. G. Naumenko: 1920–1925 gg.* [Diaries of the Kuban Ataman V. G. Naumenko: 1920–1925], Podolsk: Muzej-Memorial “Donskie kazaki v borbe s bolshevikami”.
- Kalinin I. (1925) *Pod znamenem Wrangelya. Zametki byvshego voennogo prokurora* [Under the Banner of Wrangel. Notes of the Former Military Prosecutor], Leningrad: Priboj.
- Kravchenko V. (1975) *Drozdovtsy ot Iași do Gallipoli. T. II* [Drozdovites from Iași to Gallipoli. Vol. II.], Munich.
- Krivenky V. V. (Comp.) (1999) *Anarkhisty. Dokumenty i materialy. 1883–1935 gg. T. 2. 1917–1935 gg.* [Anarchists. Documents and Materials. 1883–1935. Vol. 2. 1917–1935], Moscow: ROSSPEN.
- Kubanin M. (1927) *Makhnovshchina. Krestyanskoe dvizhenie v stepnoj Ukraine v gody Grazhdanskoj vojny* [Makhnovshchina. Peasant Movement in Steppe Ukraine During the Civil War], Leningrad: Priboj.
- Makhno N. (1928) *Makhnovshchina i ee vcherashnie soyuzniki-bolsheviki (Otvety na knigu M. Kubanina “Makhnovshchina”)* [Makhnovshchina and Its Yesterday's Bolshevik Allies (Response to M. Kubanin's book *Makhnovshchina*)], Paris: Biblioteka makhnovtsev.
- Matsyev S. (1948) V Dneprovskih plavnyah [In the Dnieper floodplains]. *Chasovoj*, no 11, pp. 26–29.
- Matsyev S. (1949) V Dneprovskih plavnyah [In the Dnieper floodplains]. *Chasovoj*, no 2, pp. 18–20.
- Pavlov V. E. (Comp.) (1964) *Markovtsy v boyah i pokhodah za Rossiju v osvoboditelnoj vojne 1917–1920 godov. Kn. 2. 1919–1920 gg.* [Markovites in the Battles and Campaigns for Russia in the Liberation War of 1917–1920. Book 2. 1919–1920], Paris.
- Posadsky A. V. (2006) Bely Yug i makhnovshchina: k probleme vzaimootnoshenij [White South and Makhnovshchina: On their relationships]. S. M. Ishakov (Ed.). *Krym. Wrangel. 1920 god*, Moscow: Sotsialno-politicheskaya mysl, pp. 170–184.
- Posadsky A. V. (Ed.) (2017) *Vozhaki i lidery Smuty. 1918–1922 gg. Biograficheskie materialy* [Leaders and Chiefs of the Time of Troubles. 1918–1922. Biographical Materials], Moscow: AIRO-XXI.
- Ross N. (1982) *Wrangel v Krymu* [Wrangel in Crimea], Frankfurt am Main: Posev.
- Rykhlin V. (1967) V 1920 godu v Severnoj Tavrii [In 1920, in Northern Tavria]. *Voennaya Byl*, no 87, pp. 28–31.
- Sudoplatov A. (2014) *Dnevnik* [Diary]. Comp. by O. Matich), Moscow: NLO.
- Teper I. (Gordeev) (1924) *Makhno. Ot “edinogo anarkhizma” k stopam rumynskogo korolya* [Makhno. From “United” Anarchism to the Feet of the Romanian King], [Kiev]: Molodoj rabochy.
- Tersky A. (1970) Batko Makhno [Father Makhno]. *Vestnik Pervopokhodnika*, no 92, pp. 9–18.
- Trofimov P. M. (2022) Iz istorii drozdovtsev. Boevye dejstviya Drozdovskoj strelkovoj divizii v Krymsky period Grazhdanskoj vojny (mart — oktyabr 1920 g.) [From the History of the Drozdovites. Combat Operations of the Drozdovskaya Rifle Division in the Crimean Period of the Civil War (March — October 1920)]. Ed. by R. G. Gagkuev, Moscow: Svyaz epokh.
- Turkul A. V. (1937) *Drozdovtsy v ogne. Zhivye rasskazy i materialy* [Drozdovites under Fire. Live Stories and Materials], Belgrade.
- Arkhirejsky D. V. (2015) *Makhnovska veremiya. Ternyisty shlyah Revolyutsijnoi povstanskoi armii Ukrainy (makhnovtsiv) 1918–1921 pp.* [Makhnovist Whirlwind. Thorny Path of the Revolutionary Insurgent Army of Ukraine (Makhnovists), 1918–1921], Kiev: Tempora.
- Gordienko G. (1976) *Pid shchytom Marsa. Spogady. T. 1* [Under the Shield of Mars. Memoirs. Vol. 1], Philadelphia.

Колхозы и земельный вопрос: отчуждение и землеустройство в зонах затопления Обской и Иртышских ГЭС в 1950-е годы¹

Н. Н. Аблажей, М. А. Косицын

Наталья Николаевна Аблажей, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории СО РАН. 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8. E-mail: ablazhey@academ.org

Максим Андреевич Косицын, младший научный сотрудник, Институт истории СО РАН. 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8. E-mail: kosizin2013@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые аспекты политики и практики в области изъятия земель при гидростроительстве на материалах двух Иртышских и Обской ГЭС, построенных в 1950-е годы. Анализируются нормативно-правовая база, регулировавшая отчуждение земель под государственные нужды, и алгоритм изъятия земель у колхозов на практике, механизмы взаимодействия властей и ведомств разного уровня по земельному вопросу в зонах затопления и подтопления, организация и порядок проведения землеустройства. Приводятся агрегированные данные по объемам изъятий и компенсаций колхозам в зонах Усть-Каменогорской, Новосибирской и Бухтарминской гидроэлектростанций, в связи со строительством которых в сложившихся сельскохозяйственных районах появились искусственные водохранилища разного объема и площади. По итогам исследования сделан вывод о применении нескольких сценариев земельного переустройства. Один из них основан на полной или частичной компенсации за счет земель государственного фонда или участков соседних колхозов. Иные сценарии исходили из отказа от земельной компенсации, предлагая взамен государственную поддержку в форме денежных выплат, налоговых льгот, а также права на внутрихозяйственное перераспределение земель и частичное изменение аграрного профиля. Несмотря на то что задачи развития гидроэнергетики превалировали над аграрными, государство предусматривало систему мер по поддержанию жизнеспособности колхозов в зонах затопления и подтопления как главных сельскохозяйственных производителей.

Ключевые слова: ГЭС, Обь, Иртыш, искусственные водохранилища, колхозы, землепользование, изъятие, компенсация, землеустройство

EDN: KGGDXK

Создание искусственных водохранилищ приводит к значительным изменениям ландшафта. Поскольку земля является основным средством производства в сельском хозяйстве, то в случае

1. Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX — начале XXI в.: стратегии и практики управления, динамика, геополитический контекст» (FWZM-2024-0005).

с сельскохозяйственными производителями затопление территорий нарушает сложившиеся системы землепользования, что диктует необходимость разработки новых вариантов землеустройства. Не менее важен и аспект рационального использования земель, под которым обычно понимается применение их в интересах как общества в целом, так и пользователей. Вопрос целесообразности — это производная от экономических приоритетов и экологических последствий. Соображения рациональности и целесообразности в наибольшей степени присущи именно собственнику земли, которым в данном случае выступало советское государство.

Проблема земельных взаимоотношений государства с колхозами — одна из основополагающих в плане объяснения специфики советской аграрной системы и политики в отношении коллективных сельхозпредприятий. В историографии регулирование земельных вопросов рассматривается преимущественно в рамках изучения истории коллективизации и последующих кампаний по укрупнению колхозов (Томилин, 2008; Кометчиков, 2025 и др.). В плане влияния гидроэнергетики на сельское хозяйство в целом данная тематика затрагивается фрагментарно (Бурдин, 2008; Рябов, 2021 и др.). Что касается механизмов отчуждения земли под государственные нужды в связи со строительством ГЭС и созданием искусственных водохранилищ, как на уровне законодательства, так и его правоприменения, то этот вопрос остается неизученным.

Цель нашего исследования — выявление механизма изъятия и компенсации колхозных земель в зонах затопления при строительстве ГЭС в 1950-е годы в контексте анализа эволюции нормативной базы в области землеустройства, практик ее реализации и социально-экономических последствий для сельскохозяйственных производителей. В качестве метода исследования использовался комплексный анализ трех кейсов, а именно: реализованных проектов зон затопления в связи со строительством гидроэлектростанций в 1950-е годы на реках Оби (Новосибирская) и Иртыше (Усть-Каменогорская и Бухтарминская). Это позволило не просто описать ситуацию, но также выявить специфику землеустройства в зонах затопления с опорой на реальные факты и конкретные случаи. Исследование построено на анализе законодательно-правовых актов в области землепользования и землеустройства, распорядительных документов исполнительной власти, касавшихся земельных вопросов, а также технико-проектной документации по зонам затопления. Данные материалы отложились в фондах Центрального государственного архива научно-технической документации Санкт-Петербурга (г. Санкт-Петербург), Государственного архива Новосибирской области, Государственного архива Алтайского края, Государственного архива Восточно-Казахстанской области (Казахстан), районных отделов архивных служб.

Правовая база в области землепользования колхозов и изъятия земель

После принятия Земельного кодекса РСФСР 1922 года государство стало единственным субъектом земельной собственности, тогда как все хозяйствующие единицы — от крестьянских дворов до промышленных предприятий — превратились лишь в держателей земельных наделов на правах пользования. Создание водохранилищ, сопровождавшееся масштабным изъятием сельскохозяйственных и иных земель, влекло за собой необходимость изменения границ землепользования и затрагивало интересы множества хозяйственных субъектов, в том числе колхозов. Это обусловило потребность в законодательном регулировании процедуры изъятия земель и разработке механизма взаимодействия между органами власти. Земельный кодекс РСФСР 1922 г. предусматривал такую возможность для удовлетворения «государственных и общественных надобностей» (ст. 17 е)².

Примерный устав сельскохозяйственной артели, одобренный II Всесоюзным съездом колхозников-ударников и утвержденный СНК СССР и ЦК ВКП(б) 17 февраля 1935 г., в статье 2 провозглашал: «Земля, занимаемая артелью (как и всякая другая земля в СССР) есть общенародная государственная собственность. Она, согласно законам рабоче-крестьянского государства, закрепляется за артелью в бессрочное пользование, то есть навечно...»³. Этот принцип был конкретизирован в постановлении СНК СССР от 7 июля того же года, вводившем систему государственных актов, дающих право на пользование землей⁴.

Вопрос об отчуждении или изъятии земель стал актуальным с началом строительства крупных гидроэнергетических и других водных объектов. Так, в связи со строительством канала Москва — Волга ВЦИК и СНК РСФСР 4 марта 1929 г. приняли «Положение о порядке изъятия земель для государственных и общественных надобностей» (Хронологическое собрание законов, 1959: 13–24)⁵, которое стало первой попыткой «сверху» быстро решить вопрос о земле (Канал Москва — Волга, 1945: 201–203). Однако более предпочтительным оказался алгоритм, позволяющий инициировать этот вопрос «снизу», дав региону полномочия оперативно осуществлять как изъятие, так и отвод земель. В итоге ВЦИК и СНК РСФСР

2. Земельный кодекс РСФСР / URL: <https://docs.cntd.ru/document/901775921?marker=7D8cK5> (дата обращения: 10.12.2025).

3. Свод законов СССР 1935 г. № 11, ст. 82, п. 2.

4. Землепользование и землеустройство: Сборник постановлений, приказов и инструкций за 1935–1946 гг. М.: Сельхозгиз, 1947. С. 45–46.

5. Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР. В 7 т. Т. 2. М.: Госюриздат, 1959. С. 13–24.

20 июля 1933 г. приняли новое Положение «О порядке изъятия земель для строительства канала Москва — Волга, водохранилищ и московского порта (Москва — Волгострой)», дававшее право Московскому облисполкому, при котором была создана Комиссия по рассмотрению земельных вопросов по заявкам строительства, рассматривать и утверждать проектные планы изъятия земель (Собрание узаконений и распоряжений, 1933: 241–244), при сохранении контроля со стороны Центра. Данные положения конкретизировали механизм изъятия земель, передавая его исключительно в компетенцию региональных властей. Разработанный в ходе строительства Волго-Донского канала набор инструкций и решений был рекомендован как типовый для строек, в ходе которых создавались водохранилища. В конце 1936 г. сложился общий порядок изъятия земель колхозов, когда решения комиссий при облисполкомах по изъятию колхозных земель представлялись через президиумы облисполкомов на утверждение СНК СССР (Канал Москва — Волга, 1945: 204). 2 июня 1938 г. СНК СССР принимает новое постановление о порядке изъятия земель у колхозов для государственных нужд, которое утверждало возможность изъятия площадей свыше 10 га лишь с разрешения СНК по ходатайствам СНК республик и региональных исполкомов, и лишь при условии обязательной компенсации (История колхозного права, 1958: 45).

В начале 1949 г. Совет Министров СССР принял постановление «О порядке рассмотрения вопросов об отводе земель для государственных нужд»⁶ (Зона затопления, 2023: 148). Согласно новому положению, изъятие земель могло проводиться только с разрешения Совета Министров СССР по ходатайству республиканских и региональных исполнительных комитетов, при наличии заключений по этим ходатайствам от Министерства сельского хозяйства и Совета по делам колхозов при Правительстве СССР. Отвод земель совхозов также мог проводиться только с разрешения СМ СССР по ходатайствам советов министров союзных республик, автономных республик и областных (краевых) исполкомов РСФСР. К постановлению прилагалась обширная инструкция о порядке рассмотрения ходатайств об отводе и изъятии земель. В случае, если речь шла о земле колхозов, предусматривался отвод земельных участков во временное пользование с последующим возвратом ее тем же хозяйствам. В обязательном порядке предоставлялся полный пакет документов, в том числе справка о землях колхоза с разбивкой по угодьям и видам эксплуатации по прямому назначению, план-карта землепользования, протокол правомочного собрания членов колхоза и решение райисполкома по отводу общественных земель, заключение республиканского или краевого министерства/областного управления сельского хозяйства, акт оценки затрат, связан-

6. Государственный архив Алтайского края (далее — ГААК). Ф. Р-834. Оп. 11. Д. 80. Л. н./ук.

ных с отводом земель (Зона затопления, 2023: 149–150). 22 июня 1954 г. Совет Министров СССР принимает новое постановление, значительно упростившее процесс изъятия земель для государственных нужд. Теперь советы министров союзных республик могли самостоятельно разрешать отвод до 50 га общественных земель и до 25 га земель колхозов. Региональные власти могли изымать до 3 га колхозных земель под объекты общественного назначения. Министерствам, которые так или иначе были связаны с сельским хозяйством, давалось право перераспределять земли внутри своей системы без согласования с Совмином СССР⁷. Крупные изъятия земли по-прежнему должны были согласовываться с союзным правительством. Ко второй половине 1960-х годов правовой механизм изъятия земель для государственных нужд, в том числе в связи со строительством ГЭС, окончательно сложился.

Практики изъятия колхозных земель и отвода земель колхозам в зонах затопления

Ключевыми этапами землеустройства в связи с созданием водохранилищ было изъятие и отвод земель, что требовало поэтапного и комплексного решения целого ряда задач в области землепользования и землеустройства. Под изъятием понималось прекращение права пользования землей, а под отводом — передача земель и межевание. Первоначально определялись границы зоны затопления и подбирались участки для компенсации, далее проводилось установление границ и площадей, предназначенных для сельскохозяйственных нужд и выделение участков для колхозов. Следующим этапом было внутрихозяйственное землеустройство, направленное на организацию территории хозяйства в новых условиях: размещение производственных подразделений, проектирование севооборотов, дорог, лесополос и водоемов с учетом сокращения или перераспределения земельных площадей.

Вопрос об изъятии земель колхозов решался оперативно, в некоторых случаях еще на этапе подготовки проекта и до принятия постановления о строительстве гидроэлектростанции и создании водохранилища. Совет Министров СССР предоставлял республиканским правительствам или непосредственно обл(край)исполкомам право отводить земли колхозов, совхозов, госземфонда и утверждать изменение границ землепользователей⁸. Все распорядительные решения по изъятию и отводу земель колхозов реализовывались региональными властями в лице обл(край)исполкомов, которым предписывалось инициировать добровольно-принудитель-

7. Государственный архив Восточно-Казахстанской области (далее — ГАВКО). Ф. 176. Оп. 1. Д. 75. Л. 373–376.

8. ГАВКО. Ф. 176. Оп. 5. Д. 102. Л. 55.

ное отчуждение земли с условием компенсации, подготовить проекты земельного переустройства и выдать колхозам новые государственные акты на пользование землей⁹. Важную роль в этом процессе также играли региональные управления сельского хозяйства¹⁰, появившиеся во второй половине 1940-х годов в связи с образованием единого союзно-республиканского министерства сельского хозяйства и призванные осуществлять комплексное руководство аграрным сектором на местах (История колхозного права, 1958: 297). Организация экспедиций и создание проектов земельного переустройства возлагались на отделы землеустройства и севооборотов, которые входили в состав областных и краевых сельхозуправлений. Они проводили общую оценку земельных фондов, на основе которой составлялись порайонные таблицы текущего земельного состава и подлежащих изъятию участков. Поступившие на рассмотрение райисполкома или облисполкома акты обследования зоны затопления и подтопления с указанием, находится ли эта земля в пользовании колхозов, утверждались с резолюцией «считать подлежащими изъятию и компенсации».

После изъятия земель под водохранилище начинался длительный процесс согласования компенсаций, который зачастую выявлял противоречия между интересами региональных органов власти и Центра. Среди материалов проекта Новосибирской ГЭС присутствует достаточно объемный документ, подробно отражающий рекомендации областного управления землеустройства и севооборотов, а также конечные решения, принятые «Ленгидропроектом». При сравнении рекомендаций с итоговыми решениями видно, что региональный орган управления в подавляющем большинстве случаев выступал за расширение компенсационных мероприятий, тогда как составители проекта, напротив, стремились ограничить эти меры, ориентируясь на сокращение расходов. К примеру, рассмотрим кейс колхоза «Победа» Искитимского района Новосибирской области. Облсельхозуправление подчеркивало, что изъятие земель приведет к критической потере кормовых угодий: сенокосы площадью 280 га и пастбища площадью 105 га (из 143) полностью затапливались, а из 48 га усадебных земель 19 га уходили под воду. В итоге в колхозе оставалось лишь 157 га из 1350 га. Потеря близких к хозяйственному центру угодий делала невозможным эффективное содержание скота и требовала транспортировки кормов на расстояние 20–25 км, что угрожало экономической устойчивости колхоза. «Ленгидропроект» исходил из технических расчетов, утверждая, что под затопление попадает лишь сравнительно небольшая часть земель: 280 га из 1383 га сенокосов (20%) и 93 га из 798 га пастбищ (11,6%), преимущественно неудобные земли. Оставшиеся 116 га

*Н. Н. Аблажей,
М. А. Косицын*
Колхозы и земель-
ный вопрос: отчу-
ждение и земле-
устройство в зонах
затопления Обской
и Иртышских ГЭС
в 1950-е годы

9. ГАВКО. Ф. 176. Оп. 5. Д. 100. Л. 24–35.

10. Государственный архив Новосибирской области (далее — ГАНО). Ф. Р-1020. Оп. 2. Д. 525. Л. 118–118 об.

удобных земель могли быть сохранены или компенсированы за счет лесных территорий рядом с селением. Проектировщики считали, что экономическая эффективность колхоза не пострадает, а перенос села Антоново не требуется. Стоимость переноса оценивалась в два миллиона рублей, тогда как освоение лесных угодий для сенокосов — всего в 200 тысяч рублей. Таким образом, областное управление землеустройства выступало в роли защитника региональных интересов, отстаивая права колхоза и необходимость сохранения экономической устойчивости хозяйства, в то время как центральные власти и «Ленгидропроект» ориентировались на минимизацию расходов (Зона затопления, 2023: 162–163).

Важную роль в оформлении отвода и компенсации земель играли землеустроительные экспедиции, подчиненные союзному или республиканскому министерству сельского хозяйства, которые обеспечивали переход от бумажных расчетов к реальным изменениям на местности. Экспедиция обладала широкими полномочиями по проектированию и перераспределению земель в зоне затопления. В ее компетенцию входило: разработка схем межхозяйственного и внутрихозяйственного землеустройства, определение объемов компенсации за изымаемые земли (включая прирезку угодий из госземфонда и лесфонда), инициирование слияний или переселения колхозов, а также согласование проектов с местными и областными властями¹¹. Работа велась по четкому алгоритму: сначала экспедиция анализировала масштабы затопления по подготовленному проектной организацией техническому проекту и потери сельхозугодий по каждому колхозу¹² и району¹³, затем разрабатывала предварительные схемы землеустройства с вариантами компенсации. Предусматривалось несколько вариантов решения вопроса с компенсациями: 1) выделение земель из госфонда и гослесфонда; 2) прирезка земель за счет соседних многоземельных колхозов; 3) оптимизация землепользования за счет устранения чересполосицы и прочих недостатков; 4) денежная компенсация; 5) укрупнение колхозов и объединение поселений. Зачастую экспедиция не просто предлагала вариант решения, но и инициировала процесс его реализации через координацию с другими работниками, например, специализирующимися в области ирригации. Это показывает комплексный подход к землеустройству, где компенсация могла быть не только земельной, но и инфраструктурной. Предложенные варианты обсуждались на региональном уровне и после согласия всех сторон с проектом документ получал одобрение региональных властей¹⁴. Генеральный проект изъят-

11. ГАВКО. Ф. 176. Оп. 5. Д. 102. Л. 54–55.

12. ГАВКО. Ф. 176. Оп. 5. Д. 128. Л. 59–68.

13. ГАВКО. Ф. 176. Оп. 5. Д. 129. Л. 36–37.

14. Отдел архивной службы (ОАС) Администрации г. Бердска. Ф. 24. Оп. 1. Д. 54. Л. н./ук.

тия и выделения земель согласовывался Министерством сельского хозяйства (Бурдин, 2008: 157), после чего поступал на утверждение правительства СССР, которое узаконивало новую ситуацию. Изъятие и отвод земель закреплялись общими собраниями колхозов и их правлениями¹⁵. Только после прохождения всех этих ступеней проект нового землеустройства считался окончательно принятым.

После проведения межхозяйственного землеустройства начиналась организация внутривоспользовательного землеустройства. Проекты переустройства колхозов первоначально составлялись преимущественно сторонними проектными организациями («Ленгидропроект», «Ленгипроводхоз»), но дорабатывались землеустроительными экспедициями при содействии региональных властей (Зона затопления, 2023: 200)¹⁶. На этапе разработки проекта изъятия и выделения земель, на подготовку которого уходил не один год, колхозы получали «право использования отрезаемых земель» на краткосрочный период, который мог быть продлен. Только после завершения всего цикла подготовительных мероприятий и согласований колхозам выдавались государственные акты на пользование землей. В результате переустройства предусматривалось «исправление недостатков в их землепользованиях», а именно: спрямление границ, устранение вклинивания других землепользований, решение проблемы удаленности земель от хозяйственных центров и т.д.¹⁷ Подобные недостатки существовали в колхозах изначально, а при строительстве гидроэлектростанции они устранялись «попутно». Более того, эти мероприятия вписывались в контекст политики укрупнения колхозов, которая реализовывалась на протяжении 1950-х годов.

Внутривоспользовательное землеустройство представляло собой комплекс мер по адаптации колхозного производства к изменившимся условиям. Поскольку колхозы пользовались своими прежними угодьями вплоть до наполнения водохранилища, у хозяйств было несколько лет от момента изъятия земель до начала подъема воды, чтобы разработать и реализовать проекты внутреннего переустройства хозяйства. По задумке землеустроительные мероприятия носили не только компенсационный, но и превентивный характер, позволяя колхозам заранее подготовиться к грядущим изменениям и сохранить экономическую устойчивость. Эффективная реализация данных мероприятий требовала индивидуального подхода и детального анализа особенностей каждого колхоза (Зона затопления, 2023: 69).

15. ОАС Администрации Ордынского района Новосибирской области. Ф. 36. Оп. 1. Д. 75. Л. 10–11.

16. ГАВКО. Ф. 176. Оп. 6. Д. 287. Л. 190.

17. ГАНО. Ф. Р-1020. Оп. 7. Д. 1. Л. 21–21 об.

Исследовательские кейсы: земельный вопрос в зонах затопления Усть-Каменогорской, Бухтарминской и Новосибирской ГЭС

Гидроэнергетические проекты в зоне Обского и Иртышского речных бассейнов начали разрабатывать с середины 1930-х годов. Изначально они планировались как каскады ГЭС. Схема энергетического использования вод Верхнего Иртыша на протяжении около 600 км, включая оз. Зайсан и верховья Черного Иртыша, предполагала сооружение двух гидроэлектростанций: Усть-Каменогорской и Бухтарминской. Проектные работы по Усть-Каменогорской ГЭС начались в 1936 году, строительство стартовало накануне войны, однако вскоре было приостановлено. В 1950 году технический проект модернизировали и лишь в 1952-м станцию ввели в эксплуатацию. Заполнение водохранилища площадью 37 км² и объемом 0,65 км³ продолжалось три года, с 1952-го по 1954-й. Что касается Бухтарминского моря, образованного вследствие строительства Бухтарминской ГЭС в 1958–1960 годы, то оно заполнялось пять лет. Его объем составил 49,6 км³, а площадь — 5,5 тыс. км² (пятое место среди крупнейших долинных водохранилищ мира по площади водной поверхности). Следующую ГЭС, Ульбинскую на Иртыше, построили уже в 1980-е годы.

На р. Оби также планировалось сооружение каскада ГЭС, но построили только одну — Новосибирскую. Проект был утвержден в 1951 году, а строительство плотины завершено в 1958-м. Новосибирское водохранилище (или Обское море) возникло в 1957–1959 годы, его зеркало составляет 970 км², при объеме 8,8 км³. Все реализованные на Оби и Иртыше ГЭС проектировались ведущим НИИ страны в области гидроэнергетики — «Ленгидропроектом». Таким образом, уже в 1950-е годы было реализовано три проекта, вследствие чего на больших равнинных реках появились искусственные водохранилища, притом что здесь было развитое аграрное производство.

Усть-Каменогорская ГЭС

В зоне ее затопления площадь сельхозугодий составляла 1910 га, из которых 1158 га принадлежали пяти колхозам, в состав которых входили 16 поселений. Основные изъятия затронули земли четырех колхозов Кировского района Восточно-Казахстанской области: у них отчуждали 723 га¹⁸, что составляло 5,1% от всех земель, закрепленных за колхозами этого района. Специфика отчуждаемого

18. Центральный государственный архив научно-технической документации Санкт-Петербурга (далее — ЦГАНТД СПб). Ф. Р-72. Оп. 39. Д. 714. Л. 15–15 об.

земельного фонда была в том, что сюда попали почти 90% наличных площадей личных усадеб колхозников (86,2 га). Из обращения выбывало также 21,7% земель, занятых под сенокосы. Колхоз «Иртыш», расположенный в Бухтарминском районе, утрачивал 14% земель и терял почти все сенокосы (97%).

Вопросы отчуждения колхозных земель рассматривались на местном и региональном уровнях с марта по сентябрь 1949 года. В ходе общих собраний колхозов и далее на районном уровне были признаны оптимальными несколько мероприятий. Два поселения одного из колхозов объединялись и ходатайствовали о передаче им в пользование 400 га земли госфонда. К областной власти обратились с просьбой решить вопрос с прирезкой земель за счет угодий прилегающих колхозов, в том числе из соседнего района¹⁹. Областная власть, в свою очередь, оценила наносимый ущерб как крайне незначительный, т.к. затапливаемые площади сельхозугодий составляли всего только 0,16% сельхозугодий, попадающих в зону затопления районов. Дополнительным аргументом было то, что затапливались в основном выгоны, в то же время пахотные земли почти не пострадали. Затапливаемые площади составили 5,1% от всех земель, закрепленных за колхозами.

Согласно решениям Кировского и Бухтарминского райсоветов, согласованных с Восточно-Казахстанским областным управлением сельского хозяйства, компенсация площадей угодий намечалась только колхозу «Иртыш», притом полностью за счет освоения земель смежного колхоза «Красный Сибиряк». По четырем колхозам Кировского района компенсация не предусматривалась. Власти посчитали затапливаемые участки «малоценными» и «незначительными», а ходатайство общего собрания колхоза «Горный Орел» о прирезке к нему земель соседнего колхоза «Путь к Коммуне» взамен затопляемых было отвергнуто облисполкомом. Основным мероприятием по восстановлению утраченных сельскохозяйственных угодий в Кировском районе стало введение в севооборот 2808 гектаров ранее неиспользуемых земель. Помимо этого, предполагалось сооружение ирригационной сети в местах нового размещения затапливаемых селений.

Бухтарминская ГЭС

По техническому проекту в зону затопления водохранилища Бухтарминской ГЭС попадали 48 колхозов с 132,7 тыс. га колхозных земель (всего в зоне затопления оказывалось свыше 330 тыс. га²⁰), из них 43,1 тыс. га выгонов, 32,8 тыс. га пашни, 25,8 тыс. га сено-

19. ЦГАНТД СПб. Ф. Р-72. Оп. 39. Д. 714. Л. 15–150б.

20. ГАВКО. Ф. 176. Оп. 5. Д. 121. Л. 238.

косов, 5,7 тыс. га залежей и перелогов, 3,7 тыс. га целинных земель и 0,06 тыс. га огородов.

2 июля 1953 года Восточно-Казахстанский обком Коммунистической партии Казахстана и Восточно-Казахстанский облисполком направили совместное обращение в ЦК КПК и Совет Министров Казахской ССР с критикой предложений «Ленгидропроекта» по проекту переустройства земель колхозов, попадающих в зону затопления Бухтарминской ГЭС. «Ленгидропроект» предлагал оставить 17 колхозов в существующих хозяйственных центрах на их землях; 27 колхозов оставить на своем землепользовании, но с перенесением хозцентра в незатопаемые места; 4 колхоза объединить со смежными колхозами. Примерно треть затопляемых земель (43 тыс. га) предлагалось компенсировать за счет земель госземфонда, остальные — за счет земель смежных хозяйств и внутрихозяйственного переустройства земель (трансформации выгонов и сенокосов в пашню, выгонов — в сенокосы, а также вовлечения в сельскохозяйственный оборот перелогов и целинных земель).

В ряде случаев колхозам отказывали в предоставлении земельных компенсаций, ссылаясь на то, что затоплению подлежит лишь незначительная часть их угодий. Так было с землями колхозов им. Абая и им. Сталина Больше-Нарымского района Восточно-Казахстанской области. У первого изымались 15 га сенокосов (из 1351 га), а у второго — 17 га перелогов (из 11 276 га)²¹. Власти сочли, что данные колхозы обеспечены сенокосами и перелогам, поэтому могут «и в дальнейшем развивать свое хозяйство без дополнительных прирезок»²². Стоит отметить, что колхоз им. Абая вскоре был объединен с колхозом им. Андреева, однако колхоз им. Сталина остался в своих прежних границах, с учетом отвода части земель под водохранилище²³.

Тем не менее облисполком отметил «неприемлемость большинства предложений “Ленгидропроекта” в части компенсации земель». Региональные органы власти, опираясь на предложения Облсельхозуправления, отметили, что внутрихозяйственное переустройство за счет трансформации земель невозможно в силу географических причин (сложного рельефа и каменистости), а смежные колхозы зачастую не имеют свободных земель.

Обком и облисполком предложили республиканским властям следующую конфигурацию землеустройства: 21 колхоз оставить в существующих хозяйственных центрах на своем землепользовании; 19 колхозов оставить на своем землепользовании, но с переселением их центров в незатопаемые места; три колхоза объединить со смежными хозяйствами; пять колхозов переселить в пограничные животноводческие районы в порядке «доприсоединения» к су-

21. ГАВКО. Ф. 1п. Оп. 1. Д. 6428. Л. 34–35.

22. ГАВКО. Ф. 176. Оп. 5. Д. 129. Л. 45.

23. ГАВКО. Ф. 176. Оп. 5. Д. 129. Л. 46.

ществующим колхозам. Полное переселение пяти колхозов было необходимо, поскольку требовалось возместить 52 тысячи га пахотных и сенокосных земель, что невозможно было сделать при частичном расселении в административных границах прежних районов. Помимо этого, региональные власти предлагали развернуть масштабное ирригационное строительство в четырех районах ВКО для орошения 15,0 тыс. га пахотных и 37,0 тыс. га сенокосных угодий в качестве компенсации²⁴.

Совет Министров Казахской ССР 29 июля 1953 года дал ответ на обращение региональных властей, согласившись с предложениями Облсельхозуправления о переселении колхозов. Однако предложения об орошении были отвергнуты как дорогостоящие. Вместо этого правительство поддержало проект «Ленгидропроекта», который предполагал реализацию целого спектра менее дорогостоящих компенсационных мероприятий²⁵. В этом же ответе Совет Министров Казахской ССР, по примеру других крупных гидротехнических строек, выступил с инициативой создания землеустроительной экспедиции. Ее основной задачей была разработка детального проекта межхозяйственного землеустройства.

Особое значение имел вопрос организационного подчинения экспедиции. Казахское правительство настаивало на ее создании под эгидой союзного, а не республиканского министерства сельского хозяйства. Это обосновывалось серьезными техническими сложностями — существующие проекты компенсаций опирались на неточные крупномасштабные карты, а для разработки качественных графических материалов требовались дополнительные изыскания. Республика испытывала острую нехватку квалифицированных кадров, способных выполнить такие работы на должном уровне²⁶.

Тем не менее организация экспедиции затянулась. Только через год Совет Министров СССР постановлением обязал Минсельхоз СССР и Совет Министров Казахской ССР организовать в 1954 году специальную экспедицию для составления земельно-хозяйственного переустройства землепользователей²⁷. Одновременно на проектную организацию «Ленгипроводхоз» было возложено составление проектов Уйдененской и Кендерлыкской оросительных систем, которые строились для компенсации затопляемых орошаемых земель²⁸.

Бухтарминская землеустроительная экспедиция была организована по линии министерства сельского хозяйства Казахской ССР и прибыла в Восточный Казахстан только в мае 1955 года, прорабо-

24. ГАВКО. Ф. 176. Оп. 5. Д. 102. Л. 79–85.

25. ГАВКО. Ф. 176. Оп. 5. Д. 102. Л. 77.

26. ГАВКО. Ф. 176. Оп. 5. Д. 129. Л. 68.

27. ГАВКО. Ф. 176. Оп. 6. Д. 124. Л. 234–244.

28. ГАВКО. Ф. 176. Оп. 5. Д. 107. Л. 34–35.

тав там до ноября²⁹. Экспедиция разрабатывала технические проекты землеустройства, определяла оптимальные формы земельной компенсации для каждого колхоза. В случаях, когда земельная компенсация была невозможна, инициировались денежные выплаты. Так было, например, с колхозами Зырянского района, которым облисполком постановил выплатить 87 295 руб. на восстановление и улучшение сельхозугодий из-за невозможности земельной компенсации³⁰. Экспедиция могла и отложить решение до завершения сопутствующих проектов, как в случае с проектом межхозяйственного землеустройства Зайсанского района, который был отложен в связи реконструкцией Уйдененской и Кендерлыкской оросительных систем³¹. При этом она балансировала между противоречивыми требованиями: необходимостью минимизировать бюджетные затраты на переселение (по линии Минэлектрo) и обязательством сохранить экономическую жизнеспособность сельхозпредприятий (по линии Минсельхоза). Особую сложность представляла работа по индивидуальной адаптации типовых решений к конкретным хозяйствам: экспедиции приходилось учитывать местные условия, сложившуюся специализацию колхозов и их экономический потенциал. Деятельность Бухтарминской землеустроительной экспедиции носила комплексный характер, что определялось необходимостью решать не только технические вопросы землеустройства, но и другие взаимосвязанные проблемы: экономические (расчет компенсаций и оптимизация сельхозпроизводства) и политические (согласование интересов центра, республики и местных властей). Такой широкий круг полномочий превращал экспедицию не просто в исполнителя, а в «междисциплинарный штаб», который должен был одновременно выступать землемером, экономистом и переговорщиком.

Политика земельной компенсации колхозов в ходе строительства Бухтарминской ГЭС отличалась двумя ключевыми аспектами: крупными масштабами затопления сельскохозяйственных угодий и комплексной системой возмещения ущерба. Примечательно, что компенсационные меры вышли за рамки простого восстановления потерь и переросли в масштабную программу регионального развития, включавшую, в частности, создание разветвленной оросительной системы.

Новосибирская ГЭС

В зоне затопления и подтопления водохранилища Новосибирской ГЭС, согласно техническому проекту, оказывалось 38 кол-

29. ГАВКО. Ф. 1п. Оп. 1. Д. 7098. Л. 45.

30. ГАВКО. Ф. 176. Оп. 6. Д. 124. Л. 290.

31. ГАВКО. Ф. 176. Оп. 6. Д. 124. Л. 291.

хозов: 32 в Новосибирской области и 6 в Алтайском крае. Колхозам принадлежало 59,1 тыс. га из 94,3 тыс. га затопляемых земель, при этом в сельскохозяйственном обороте находилось только 25,6 тыс. га (Зона затопления, 2023: 67–68). В зоне отчуждения находилось 54 населенных пункта. Полностью попадали под затопление 28 населенных пунктов, частично — 23, два поселения оказывались в островном положении, один — в зоне берегоразрушения³².

Наиболее сильно пострадали из-за затопления колхозы Ирменского района. Они потеряли свыше 20% используемых земель, утратив при этом половину сенокосов и 55% выгонов и пастбищ. Заместитель председателя Ирменского райисполкома Богидаев в 1953 году докладывал, что в результате изъятия земель район лишается значительной части кормовой базы для скота, призывал областное управление сельского хозяйства «этот вопрос немедленно решать, иначе наши колхозы в затопляемой зоне поставим в тяжелое состояние, а их 50% по нашему району» (Зона затопления, 2023: 324). Ситуация с животноводством в Ирменском районе была настолько тяжелой, что районные власти запросили уменьшение минимума общественного поголовья (Зона затопления, 2023: 344). За год до этого Новосибирский облисполком уже отказывал району в уменьшении плана поголовья скота. Ситуация с экономическим положением района была настолько критичной, что в 1954 году Ирменский район был упразднен, а его территория разделена между Новосибирским и Ордынским районами (Зона затопления, 2023: 232). В схожей степени пострадали колхозы Новосибирского района, которые утратили 43% земельного фонда, четверть пашенных земель и половину сенокосов. Председатель колхоза «Страна Советов» Сорокин отмечал: «У нас крайне напряженное положение. В 1954 г. нам последний срок. Пока мы пользуемся лугами затопляемой зоны, а в 1955 г. колхоз встанет перед фактом, когда скот кормить будет нечем <...> хоть все стадо ликвидируй. Нужно немедленно вводить севообороты, прифермерские севообороты и провести нарезку» (Зона затопления, 2023: 231). Искитимский и Ордынский районы теряли примерно 7–8% пашенных земель и от четверти до трети сенокосов и пастбищ. Серьезный урон получили колхозы Крутихинского района, которые практически полностью лишились сенокосов, а соответственно и кормовых фондов (Зона затопления, 2023: 67–77).

Земельные шнуры книги колхозов наглядно иллюстрируют изменения площадей и их использование. Рассмотрим записи шнуровой книги за 1949–1956 годы колхоза им. Молотова Ордынского района Новосибирской области, попавшего в зону затопления. В 1949 году в его пользовании находилось 4163 га земель, из них

32. ГАНО. Ф. Р-1020. Оп. 7. Д. 3. Л. 10–12.

пашни — 1992 га, перелогов и залежи — 1093 га, выгонов — 200 га. В первой половине 1950-х годов колхоз несколько раз укрупняли в рамках общегосударственной политики: в 1950 году к нему был присоединен колхоз «Коммунист», а в 1953 году — колхоз им. Тельмана. В сентябре 1954 года Совет Министров СССР своим решением изъял 3028 га, однако земли остались во временном пользовании колхоза вплоть до начала наполнения водохранилища. В качестве компенсации от соседнего колхоза и госземофонда были прирезаны 660 га земель, из которых 630 составили пашни. В 1955 году колхоз имел 13 447 га общественных земель, где больше половины, 7178 га, занимали пашни, около 1000 га — перелог и залежи, 1283 га — выгоны и пастбища, 325 га — сенокосы.

Окончательно земли под водохранилище были отведены в 1956 году и земельный фонд колхоза сократился до 10 448 га. К новым реалиям колхоз приспосабливался через переконфигурацию уже имеющихся земель: пашня была расширена за счет распашки целины, выгонов и перелогов. В результате размер перелогов сократился до 219 га, выгонов — до 895 га, сенокосов — до 89 га, а пашни — увеличился до 7922 га³³. Однако в таком виде колхоз просуществовал недолго: в 1958 году он был присоединен к колхозу им. Ильича, который, в свою очередь, в 1961 году был преобразован в совхоз Ордынский.

Основным механизмом реализации внутривоспроизводственного переустройства было введение новых севооборотов и трансформация одних земельных угодий в другие. Однако также рассматривались и иные варианты: изменение специализации хозяйства (переход на овощеводство или производство мясомолочной продукции), создание кормовых баз, организационно-хозяйственные решения, такие как переход на круглогодичное содержание скота. В некоторых случаях внутривоспроизводственное землеустройство становилось единственным вариантом компенсации земельных потерь. Например, в Новосибирском районе в зоне затопления находилось три колхоза, которые имели 21,2 тыс. га, из них в сельскохозяйственном обороте находилось только 14,2 тыс. га, а после затопления их площадь уменьшилась бы на 2 тыс. га. Из-за затопления колхозы теряли 15% выгонов (0,5 тыс. га из 3,5 тыс. га). Ввиду отсутствия пригодных для прирезки земельных участков, решить проблему с обеспечением растущего поголовья скота предполагалось введением полевых и лугопастбищных севооборотов. Несмотря на общее сокращение используемых земель, обеспечение кормовыми должно было вырасти в четыре раза — с 623 га до 2638 га (Зона затопления, 2023: 69–71).

Всесторонний анализ среднесрочных и долгосрочных последствий переселения и земельного переустройства для колхозов пред-

33. ОАС Администрации Ордынского района Новосибирской области. Ф. 36. Оп. 1. Д. 74. Л. 4–7.

ставляет собой тему, требующую отдельного исследования. Очевидно, что переселение из зон затопления стало серьезным бременем для колхозов. При необходимости сохранения аграрного производства и выполнения государственных планов они были вынуждены в сжатые сроки осуществить перенос колхозных построек и индивидуальных домов колхозников, создать колхозную и поселковую инфраструктуру, ввести в сельскохозяйственный оборот новые, ранее неиспользуемые земли. Затянувшаяся неопределенность, связанная с ожиданием переселения, лишала колхозы возможности вести капитальное строительство и осуществлять меры по улучшению производства³⁴.

В зависимости от масштабов переселения колхозы в зонах затопления строящихся станций получили от государства те или иные льготы. Для переселяемых хозяйств предусматривались наиболее существенные преференции: двухгодичное освобождение от большинства налогов и обязательных государственных поставок сельхозпродукции³⁵. Переселяемые колхозы также могли получить долгосрочный кредит на возведение новых сельскохозяйственных построек (Зона затопления, 2023: 243). Помимо денежной компенсации, как колхозы, так и отдельные граждане могли получить в свое распоряжение строительный лес, прежде всего из зон затопления³⁶. Предусматривались также компенсации за понесенные затраты труда на обработку земли и мелиорацию³⁷.

Заключение

Строительство гидроэлектростанций на Оби и Иртыше в 1950-е годы наглядно показало, что приоритетом для государства было развитие энергетики и промышленности, а не устойчивость сельского хозяйства. Даже изъятие значительных площадей сельхозугодий трактовалось властями как рациональный и необходимый шаг ради «общегосударственных нужд».

При этом функционировала система компенсаций, которая декларировалась как комплексная: предусматривались прирезка земель, переселение, финансовая поддержка и внутрихозяйственное переустройство. Однако на практике колхозы нередко получали меньше, чем теряли, или вовсе оставались без возмещения. Подобная ситуация демонстрировала, что государство оставляло за собой исключительное право распоряжаться землей, тогда как кол-

34. ГАВКО. Ф. 176. Оп. 5. Д. 100. Л. 112–114.

35. ГАВКО. Ф. 176. Оп. 6. Д. 124. Л. 284.

36. ГААК. Ф. Р-834. Оп. 12. Д. 118. Л. 117.

37. ГАНО. Коллекция постановлений Совета Министров РСФСР. 1953 г. № 398–597. Л. 187–190.

хозы воспринимались лишь как пользователи, лишенные реальных гарантий.

Сценарии земельного переустройства 1950-х годов были выстроены, с одной стороны, на основе полной или частичной компенсации за счет иных категорий государственных земель, в том числе и угодий соседних колхозов, с другой — на отказе в компенсации, заменяемой государственной поддержкой в виде денежных выплат, предоставления налоговых льгот, внутрихозяйственного земельного переустройства и частичного изменения аграрного профиля хозяйств. В случаях с наиболее пострадавшими колхозами широко применялись радикальные варианты, связанные с объединением и укрупнением колхозов и поселений. Прирезка дополнительных угодий производилась в случае частичного затопления земель колхоза и при благоприятных прогнозах его дальнейшего экономического развития. Денежная компенсация применялась в исключительных случаях, когда земельная была невозможна. Отказ в компенсации практиковался в случаях незначительного изъятия земель, которое, по мнению органов управления, не влияло на экономическое состояние колхоза. Внутрихозяйственному переустройству подлежали большинство колхозов, однако в отдельных случаях, когда земельная компенсация была невозможна, могла происходить перестройка всего хозяйства колхоза и освоение ранее неиспользуемых земель. Речь могла идти, например, об изменении специализации, введении новой системы севооборота, мелиорации, оптимизации животноводческого направления, орошении, раскорчевке лесных угодий и других мерах адаптации к сократившемуся земельному фонду.

Региональные и местные власти, хорошо понимавшие реальные потребности хозяйств и масштабы потерь от затопления, активно лоббировали расширение компенсационных мер. При этом землеустроительные мероприятия могли носить не только компенсационный, но и превентивный характер, что на практике лишь частично позволило колхозам заранее подготовиться к грядущим изменениям и сохранить экономическую устойчивость.

Библиография

- Бурдин Е. А. (2008). Волжская Атлантида: трагедия великой реки. Ульяновск: ИП Тухтаров. Зона затопления (2023). Социальные и экологические аспекты строительства Новосибирской ГЭС (1950-е годы): сборник документов и материалов / сост.: Н. Н. Аблажей, М. А. Косицын. Новосибирск.
- Канал Москва—Волга (1945): Вспомогательные работы, 1932–1937. [Технический отчет]. М.; Л.: Стройиздат.
- Кометчиков И. В. Повседневные взаимоотношения власти и деревни Центрального Нечерноземья (1945 — начало 1960-х годы) СПб: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2025.

Кукушкин Ю. С., Чистяков О. И. (1987). Очерк истории Советской Конституции. М.: Политиздат.

Рябов Ю. В. (2021). История переселения населения из зоны затопления водохранилищ Ангарских ГЭС (1950–1970-е годы). Красноярск: Изд-во Красноярского государственного аграрного университета.

Томилин В. Н. (2008). Землеустройство колхозов Центрального Черноземья и их укрупнение во второй половине 1940-х гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Вып. 4 (60). С. 52–56.

Н. Н. Аблазhey,
М. А. Косицын
Колхозы и земель-
ный вопрос: отчу-
ждение и земле-
устройство в зонах
затопления Обской
и Иртышских ГЭС
в 1950-е годы

Collective farms and land question: Land alienation and management in flood zones of the Ob and Irtysh hydroelectric power stations in the 1950s

Natalia N. Ablazhey, DSc (History), Leading Researcher, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Nikolaeva St., 8, Novosibirsk, 630090, Russia. E-mail: ablazhey@academ.org

Maxim A. Kositsin, Junior Researcher, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Nikolaeva St., 8, Novosibirsk, 630090, Russia. E-mail: kosizin2013@gmail.com

Abstract. Based on the materials of the Irtysh and Ob hydroelectric power stations built in the 1950s, the article considers the key aspects of policies and practices of land alienation and compensation for collective farms during hydraulic construction: the regulatory framework of land alienation for state needs and its practice in relation to collective farms; mechanisms of interaction between authorities and departments of different levels on land issue in flood zones; organization and implementation of land alienation and management. The authors provide data on the volume of exemptions and compensations to collective farms in the zones of the Ust-Kamenogorsk, Novosibirsk and Bukhtarma hydroelectric power plants, the construction of which created artificial reservoirs of various volumes and sizes mainly in agricultural areas. The authors identify several land reconstruction scenarios, which usually implied complete or partial compensation at the expense of other categories of state lands. Although the objective of developing hydropower took precedence over agricultural goals, the state provided for a system of measures to maintain the viability of collective farms as the main agricultural producers in flood zones.

Key words: hydroelectric power stations, Ob, Irtysh, artificial reservoirs, collective farms, land use, land alienation, compensation, land management

References

- Burdin E. A. (2008) Volzhskaya Atlantida: tragediya velikoy reki [Volga Atlantis: Tragedy of the Great River], Ulyanovsk: IP Tukhtarov.
- Kanal Moskva–Volga (1945). Vspomogatelnye raboty. 1932–1937 [Moscow–Volga Canal. Auxiliary Works. 1932–1937: Technical Report], Moscow; Leningrad: Strojizdat.
- Kometchikov I. V. (2025) Povsednevnye vzaimootnosheniya vlasti i derevni Tsentralnogo Nechernozem'ya (1945 — nachalo 1960-h gg.) [Everyday Relationships between the Authorities and the Village of the Central Non-Black Earth Region (1945 — early 1960s)], Saint Petersburg: Dmitry Bulanin.
- Kukushkin Yu. S., Chistyakov O. I. (1987) Ocherk istorii Sovetskoy Konstitutsii [An Outline of the Soviet Constitution History], Moscow: Politizdat.
- Ryabov Yu. V. (2021) Istoriya pereseleniya naseleniya iz zony zatopleniya vodokhranilishch Angarskikh GES (1950–1970-e gg.) [History of Population Resettlement from Flood

- Zones of the Angara Hydroelectric Power Stations (1950s–1970s)], Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyarskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta.
- Tomilin V. N. (2008) Zemleustroystvo kolkhozov Tsentralnogo Chernozemya i ih ukрупnenie vo vtoroy polovine 1940-h gg. [Land Management of Collective Farms in the Central Black Earth Region, and Their Consolidation in the Late 1940s]. Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarny`e nauki, no 4, pp. 52–56.
- Zona zatopleniya (2023). Sotsialnye i ekologicheskie aspekty stroitelstva Novosibirskoy GES (1950-e gody) / sost.: N. N. Ablazhej, M. A. Kosicyn [Flood Zone: Social and Environmental Aspects of the Novosibirsk Hydroelectric Power Station Construction (1950s), comp.: N. N. Ablazhey, M. A. Kositsyn], Novosibirsk.

Научное наследие В. П. Данилова и современное крестьяноведение в Тамбовской области: к 100-летию ученого¹

В. В. Канищев

Валерий Владимирович Канищев, доктор исторических наук, заведующий лабораторией социальной истории, профессор кафедры истории и философии, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина. 392036, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33. E-mail: valcan@mail.ru

Аннотация. В первой части статьи речь идет об оценке В. П. Даниловым особенностей истории крестьянства Тамбовской губернии. Автор подробно повествует о сотрудничестве Данилова с тамбовскими историками в проектах по подготовке сборников документов и научных статей, по изучению отдельных сельских поселений Тамбовской области. Особое внимание уделено сборникам документов по истории крестьянского движения в Тамбовской губернии 1917–1921 годов, созданных при широком участии ученого. Во второй части статьи излагаются некоторые результаты анализа тамбовскими историками аграрной истории Тамбовской губернии, конкретизирующие ряд положений работ Данилова с применением различных информационных технологий. На основе электронной базы данных по истории сельских поселений Тамбовской области подтверждены выводы Данилова о закономерном объединении крестьянских общин в процессе уравнительного передела земли, а также длительном сохранении в регионе многодворных поселений. По результатам анализа разновременных карт и съемок средствами дистанционного зондирования земли определены естественные причины сохранения самостоятельности части поселений после земельного передела. Автор статьи показал претворение в жизнь пожелания Данилова о переходе от публикации ранее недоступных документов по истории аграрной революции в России к их анализу. В статье приводятся характеристики электронной базы данных о крестьянском движении в России во второй половине XIX — первой трети XX в., выводы некоторых статей, подготовленных путем обработки базы данных с помощью информационных технологий.

Ключевые слова: историография, аграрная история, Тамбовская губерния, сельские поселения, крестьянские общины, протестные выступления, информационные технологии

EDN: NJDLIU

100-летний юбилей Виктора Петровича Данилова стал заметным событием 2025 года в научной жизни российских историков. Его

1. Статья подготовлена в Тамбовском государственном университете при поддержке Российского научного фонда, № 25-18-00310, «Изучение исторических антропогенных ландшафтов средствами дистанционного зондирования Земли».

отметили специальными конференциями в Институте российской истории РАН и родной для Виктора Петровича Оренбургской области, круглым столом и публикациями в журнале «Крестьяноведение», издания, у истоков которого он стоял (Красильников, 2025: 43–57; Фельдман, 2025: 58–69). Как и авторы указанных статей, автор этих строк также решил соединить в своей публикации воспоминания о сотрудничестве с замечательным ученым с рассуждениями о возможностях развития его научного наследия в современных условиях, особенно в связи с использованием информационных технологий, которые только начинали осваиваться историками в период научной деятельности Данилова.

Представляется закономерным, что В. П. Данилов, изначально избравший путь историка-аграрника, не мог обойти в своих исследованиях материалы по истории тамбовского крестьянства. Хорошо известны его оценки особенностей истории доколхозной деревни Центрально-Черноземного региона, данные в еще 1970-е годы (Данилов, 1977). В частности, он писал о специфике тамбовской деревни как важной составной части большого аграрного региона России. Прежде всего, он выделял традиционные черты, сохранявшиеся в среде тамбовского крестьянства вплоть до конца 1920-х годов. Данилов обращал особое внимание на сохранение заметной прочности общинных порядков: широкое распространение практики земельных переделов, медленное расселение многодворных общин, сохранение многосемейных дворов (Данилов, 1977: 115, 162, 238).

В своих работах советского периода Данилов отмечал последствия уравнительного раздела земли в послереволюционные месяцы. В частности, он писал, что Тамбовская губерния входила в число регионов, где уже к 1920 году заметно сократилось число земельных обществ в результате слияния общин бывших помещичьих, государственных и других категорий крестьян (Данилов, 1977: 96).

Приходилось Данилову затрагивать и вопрос о высокой степени осереднячивания тамбовской деревни (Данилов, 1977: 220). Хотя некоторые современные историки подвергают критике его взгляды на доколхозную деревню, тезис о преобладании в ней середняка вплоть до конца 1920-х годов признается верным. В частности, об этом недавно писал один из учеников Данилова — В. В. Кондрашин (Кондрашин, 2019: 22–31), и тамбовские историки с этим солидарны.

Непосредственное сотрудничество тамбовских историков с Виктором Петровичем началось еще в 1980-е годы, когда он принял участие в конференции по истории городских средних слоев эпохи Революции 1917 года и Гражданской войны, проходившей на базе Тамбовского государственного пединститута. Данилов тогда выступил с интересным докладом о деятельности в период Гражданской войны чрезвычайной комиссии по изготовлению и распределению валенок и лаптей для Красной Армии (Чеквалап). Хотя он

не опубликовал свой доклад, тема запала в память тамбовских историков и получила определенное развитие в их исследованиях.

Другой целью приезда Данилова в Тамбов в 1983 году была работа в Государственном архиве Тамбовской области с документами по аграрной истории. Мы не знаем достоверно, как Виктор Петрович распорядился собранными архивными документами, но точно можно сказать, что знакомство с фондами тамбовского архива повлияло на рост его интереса к истории крестьянства Тамбовской губернии.

Зная о богатстве тамбовских архивных фондов, Данилов в начале 1990-х годов привлек тамбовского историка С. А. Есикова к сотрудничеству в большом крестьяноведческом проекте по истории отдельных российских сел, который Виктор Петрович организовал вместе с Теодором Шаниным. Опыт, приобретенный в проекте, Есиков передал своим тамбовским коллегам. «По подсказке» Данилова впервые нами было обращено внимание на первичные документы по истории отдельных сельских поселений, колхозов, совхозов, источников, отразивших жизненные «траектории» отдельных крестьянских дворов и конкретных крестьян.

Изучение истории сельских поселений Тамбовской губернии и области стало одним из важных исследовательских направлений тамбовских историков в 1990–2020-е годы. Указанные материалы первичных источников использовались в целом ряде проектов и публикаций по истории крестьянства, в том числе с применением современных технологий, которые были еще недоступны несколько десятилетий назад.

В 1990-е годы одним из главных направлений исследований Данилова стала тема крестьянского протеста против некоторых неприемлемых для него сторон аграрной политики Советской власти. Интерес к этому аспекту истории советского крестьянства был и раньше. Не случайно в своей монографии 1977 года Данилов среди редких примеров сопротивления колхозному строительству привел избиения организаторов колхозов в Тамбовском округе (Данилов, 1977: 181). В начале 1990-х годов, когда появилась возможность доступа к закрытым ранее материалам о выступлениях крестьян против Советской власти, Данилов в числе первых поставил вопрос о подготовке специального сборника документов по истории крестьянского восстания в Тамбовской губернии, часто называвшегося «Антоновщиной». Сам Виктор Петрович был против такого названия. Он предлагал более широкий подход к теме, видя необходимость изучения массового движения, а не только его лидеров. Хотя восстание под руководством А. С. Антонова началось летом 1920 года, Данилов убедил тамбовских коллег обратиться к изучению массового крестьянского движения, истоки которого восходили еще к 1919 году (Данилов, 1994).

На протяжении второй половины 1990-х — 2000-х годов сотрудничество Данилова с тамбовскими историками стало регулярным,

В. В. Канищев

Научное наследие В. П. Данилова и современное крестьяноведение в Тамбовской области: к 100-летию ученого

почти повседневным. Он участвовал в нескольких проходивших в Тамбове конференциях, одна из которых, в 1995 году, была посвящена его 70-летию (Есиков, 1995). Финальным аккордом сотрудничества Данилова с тамбовскими историками стала подготовка сборника документов о крестьянском движении в Тамбовской губернии (Данилов, 2003). Хотя формально Виктор Петрович не был руководителем этого проекта, фактически он являлся его вдохновителем и главным редактором. Его авторитет способствовал тому, что сборник документов был опубликован в одном из самых авторитетных издательств России — РОССПЭН.

Современные технологии позволяют конкретизировать некоторые сделанные Даниловым наблюдения. В частности, созданная в лаборатории социальной истории Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина электронная база данных населенных пунктов Тамбовской области по материалам различных переписей населения позволила уточнить вопрос о степени слияния общин бывших помещичьих, государственных и других категорий крестьян.

Таблицы базы дали возможность сравнить списки населенных пунктов 1916 года и поселенные данные переписи 1920 года с целью выявить судьбы поселений, которые могли быть соседними общинами. Мы обратили внимание на поселения внутри отдельных волостей с одинаковыми названиями, но с разными номерами или разными фамилиями владельцев (помещиков или хуторян). Сравнительный анализ позволил выявить около 365 населенных пунктов 1916 года с такими характеристиками, что составило примерно 20% от общего числа сельских поселений Тамбовской губернии (в сопоставимых границах современной Тамбовской области). Определение судеб этих поселений к 1920 году показало, что более 270 из них (75% от всей выборки) в послереволюционные годы объединились в «связки», включившие от 2 до 19 самостоятельных в 1916 году поселений.

Около 65 населенных пунктов (17%) сохранили в 1920 году свою самостоятельность.

Судьба 30 поселений (8%) оказалась под вопросом. Как правило, это были группы из двух-трех поселений 1916 года с одинаковыми названиями, которые в переписи 1920 года не упоминались. Поэтому логично предположить, что они вошли в состав населенных пунктов с другими названиями. Таким образом, можно утверждать, что около 80% выделенной по названиям группы поселений 1916 года к 1920 году объединились.

Относительно части объединившихся поселений можно говорить об их разной социальной принадлежности (есть данные о частях помещичьих владений в одном поселении, соседстве с ними поселений бывших государственных крестьян, хуторов, крестьянских товариществ). Это можно считать подтверждением гипотезы Данилова о закономерности процесса слияния смежных общин

в ходе земельного передела 1918 года независимо от дореволюционной принадлежности.

Вместе с тем данное наблюдение, справедливое для макроуровня большого региона, не полностью подтверждается фактами наблюдений на микроуровне. Реальная жизнь оказалась сложнее. В данном случае около 20% общин остались самостоятельными, что требует дополнительного изучения.

Первые результаты изучения межобщинных границ на основе разновременных карт и планов с помощью средств дистанционного зондирования показали устойчивость таких границ вплоть до настоящего времени. Так, совмещение космоснимка территории современного поселка городского типа Знаменка с планом принадлежавшего графам Строгановым имения Знаменка Тамбовского уезда 1911 года обнаружило различия частей поселка, связанных с давними разграничениями. В составе нынешней Знаменки находится территория бывшего самостоятельного села Сергиевка. При наблюдении «сверху» достаточно явно видно отличие селитебной застройки на месте прежнего села от жилой зоны поселка городского типа. При этом на снимке есть совпадение границ села Сергиевка и имения Знаменка, обозначенных на плане начала XX века. Поскольку Сергиевка оставалась самостоятельным селом как минимум до переписи населения 1926 года, можно утверждать, что слияния его земель с землями бывшего имения Строгановых в период передела 1918 года не произошло.

Интереснейшим фактом мы сочли сохранение проселочной дороги между землями современного поселка Знаменка и села Воронцовка, которая еще в середине XIX века была границей между имениями графов Строгановых и Воронцовых.

Использование современных технологий позволило зафиксировать сохранившиеся различия землевладений бывших самостоятельных сельских поселений, в советское время административно объединенных в поселок городского типа Новая Ляда Тамбовского округа.

Наблюдаемые различия между бывшими частями одного поселения, как свидетельствуют картографические и другие источники, отразившие пространственное расположение селений, в первую очередь указывают на естественные границы: между Знаменкой и бывшей Сергиевкой проходит река и кусок леса, между прежде небольшим поселком Ляда и некогда волостным селом Малая Та-linka располагаются небольшая река, кусок леса и большая лесная поляна.

Мы сейчас не углубляемся в вопрос о причинах длительного сохранения общинных явлений. Подчеркнем, что наши новые наблюдения подтвердили утверждение Данилова об устойчивости общинных традиций тамбовского крестьянства на поселенном уровне. Устойчивость таких традиций удастся проследить и по данным о многодворных и многосемейных общинах. Особенно интересны

В. В. Канищев

Научное наследие В. П. Данилова и современное крестьяноведение в Тамбовской области: к 100-летию ученого

наблюдения, полученные при сравнении числа дворов в сельских поселениях Тамбовской губернии (в современных границах Тамбовской области) по данным списков населенных пунктов 1912 и переписи 1920 года. При почти равном числе поселений (1646 в 1912 году и 1728 в 1920-м) число поселений с тысячами дворов за изученный период времени выросло с 11 до 30 (с 0,6 до 1,7%), то есть почти в три раза. Значительно увеличилось количество сельских поселений с сотнями дворов — с 524 до 721, или с 32 до 43%.

Таким образом, мы получили убедительное подтверждение тезиса Данилова о длительном сохранении и даже послереволюционном росте удельного веса многодворных поселений. Особенно отметим, что приведенные цифры относятся к той территории, которая оставалась в Тамбовской губернии в середине 1920-х годов. Именно об этом периоде писал Данилов в своей упомянутой выше монографии о доколхозной деревне.

Тезис Данилова относительно заметного сохранения многосемейных дворов в Тамбовской губернии получил частичное подтверждение в конкретных исследованиях тамбовских историков. В период передела земель в 1918 году, как пишет В. П. Николашин, заметно проявилось стремление крестьян Центрального Черноземья к ведению семейно-трудового хозяйства силами своей семьи. Исследователь специально отметил, что многосемейные хозяйства при уравнительном распределении земли имели выгоды, однако в Центрально-Черноземном регионе их было немного (Николашин, 2020: 24, 187). Д. П. Иванов увидел специфические явления в зоне Тамбовского восстания 1920–1921 годов: к 1920-м годам во всех волостях число хозяйств сократилось, что можно считать проявлением стремления крестьянских семей к консолидации как средству выживания в кризисных условиях эпохи «военного коммунизма» (Иванов, 2009: 68). М. А. Облицов, напротив, отметил, что в «неповстанческих» северной и западной частях Тамбовской губернии, а также сопредельных уездах Рязанской губернии в период Гражданской войны продолжала уменьшаться необходимость в больших семьях в связи с заметным отходом крестьян от земледельческой деятельности (Облицов, 2003).

В период НЭПа во многих частях Тамбовской губернии наблюдалось восстановление многих дореволюционных традиций, в частности, в процессе выхода из кризиса периода Гражданской вновь проявилось стремление к обработке земли силами большой семьи (Дьячков, Канищев, 2009: 164–185; Канищев, 2010: 31–42). В целом мы получили подтверждение высказывания Данилова о заметной роли крестьянских многосемейных хозяйств вплоть до середины 1920-х годов. Но эта роль была неоднозначной, особенно в северно-черноземной части Тамбовской губернии и сопряженных с ней территориях.

Идея о неизбежных сложностях процесса уравнительного распределения земли побудила Данилова поставить вопрос о поиске

документов, отразивших поземельные конфликты между общинами в 1918 году. Некоторые документы такого рода были выявлены в процессе подготовки сборника о крестьянском движении в Тамбовской губернии 1917–1918 годов. Они свидетельствуют о сравнительно частых межобщинных и внутриобщинных конфликтах в процессе распределения земли и начале практического использования новых землевладений, которые обычно в документах того времени представлялись в качестве проявления борьбы кулаков и бедняков (Данилов, 2003).

Существенным дополнением в изучении межобщинных конфликтов периода революционного земельного переустройства стал материал докторской диссертации тамбовского историка В. П. Николашина, который обратил внимание на многочисленные споры в Центральном Черноземье внутри крестьянских общин и между ними весной–летом 1918 года, а также привел немалое число конкретных проявлений таких конфликтов, в том числе в Тамбовской губернии (Николашин, 2020). Следующим этапом изучения этого процесса может стать анализ земельных границ соседних общин на основе картографических материалов и результатов съемок средствами дистанционного зондирования земли.

В ходе подготовки документальных сборников о Тамбовском восстании 1919–1921 годов Данилов подчеркивал особую важность документов, в которых нашли отражение предпосылки крестьянского протеста. С тех пор тамбовские историки не раз обращались к изучению источников, позволяющих выяснить такие предпосылки. Д. П. Иванов специально изучил факторы и мотивы включения в восстание населения отдельных повстанческих волостей, поселений, конкретных повстанцев. Этот историк одним из первых приступил к созданию электронных карт, отражавших пространственное распространение Тамбовского восстания в 1920–1921 годы (Иванов, 2009).

В сотрудничестве с саратовским историком А. В. Посадским тамбовские историки конкретизировали возможности пространственного отображения крестьянского движения периода Гражданской войны средствами ГИС-технологий не только на территории Тамбовской губернии, но и в соседних регионах. Первые эксперименты с применением ГИС-технологий в изучении протестного движения российского крестьянства позволили наглядно показать географию его распространения и дополнительно прояснить конкретно-исторические сюжеты этого движения (Канищев и др., 2015б: 155–163).

При изучении вопроса о предпосылках восстания 1919–1921 годов в Тамбовской губернии, историки попытались описать ту часть тамбовского крестьянства, которая не приняла участия в антисоветском восстании. В частности, Облицов в своей кандидатской диссертации показал, что в западной и северной частях Тамбовской губернии предпосылки для вооруженного выступления кре-

стьян против Советской власти не сложились во многом в связи с ослаблением общинных традиций (Облицов, 2023).

Почти через 40 лет тамбовские историки вспомнили доклад Данилова о Чеквалап и специально изучили деятельность этой комиссии в Тамбовской губернии (Канищев, Махрачев, 2025: 237–250).

Тамбовские историки включили в электронную базу данных крестьянских протестных выступлений в России второй половины XIX — первой трети XX века целый ряд документов, опубликованных в сборниках, подготовленных при активном участии Данилова (Анфимов, 1998; Берелович, Данилов, 1998–2012; Данилов, 1994; Данилов, 2007; Данилов, Маннинг, Виола, 1996–2006). Материалы базы данных крестьянских выступлений были использованы также для подготовки специальной статьи о возможностях изучения просопографии вожаков этих выступлений, в заключении к которой автор подчеркнул, что следовал высказанному Даниловым «завету» о необходимости переходить от сбора ранее недоступных документов о протестном движении крестьян к анализу этих документов (Канищев, 2015а: 20–30).

В целом можно сказать, что наблюдения и обобщения выдающегося историка-аграрника Виктора Петровича Данилова продолжают побуждать новые поколения историков углубленно изучать его научное наследие в области крестьяноведения, используя при этом современные информационные технологии.

Библиография

- Анфимов А. М. (ред.) (1998). Крестьянское движение в России в 1901–1904 гг. М.: Наука.
- Берелович А., Данилов В. (ред.) (1998–2012). Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: в 4 т. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
- Данилов В. П. (1977). Советская доколхозная деревня. Население, землепользование, хозяйство. М.: Наука.
- Данилов В. П. и др. (сост.) (1994). Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг.: «Антоновщина»: Документы и материалы. Тамбов: Гос. хозрасчет. предприятие «Ред.-изд. отд.»: Междисциплинар. акад. центр социал. наук.
- Данилов В., Маннинг Р., Виола Л. (ред.) (1996–2006). Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы: В 5 т. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
- Данилов В. П. и др. (сост.) (2007). «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920–1921 гг. Документы, материалы, воспоминания. Тамбов: Упр. культуры и архивного дела Тамбовской обл.
- Данилов В. П. и др. (сост.) (2003). Крестьянское движение в Тамбовской губернии, 1917–1918. М.: РОССПЭН.
- Дьячков В. Л., Канищев В. В. (2009). Начальный этап агрегации поселенных демографических данных (по материалам книг ЗАГС сельских советов Тамбовской губернии 1925–1926 гг.) // Вестник Тамбовского университета. Приложение к журналу. Кафедра российской истории. 1994–2009. С. 164–185.
- Есиков С. А. (ред.) (1995). Крестьяне и власть. Тамбов: ИПЦ ТГТУ.

- Иванов Д. П. (2009). Предпосылки и мотивы участия крестьян в Тамбовском восстании 1920–1921 гг. Микроисторический подход. Дисс. ... канд. ист. наук. Тамбов: Тамбовский государственный университет.
- Канищев В. В. (2010). Восстановление численности населения демографической нагрузки на природную среду в России после Гражданской войны. Тамбовская губерния, первая половина 1920-х гг. // *The NEP Era: Soviet Russia 1921-1928*. Vol. 4., P. 31–42.
- Канищев В. В. (2015а). Информационные возможности источников для изучения просопографии вожаков крестьянских протестных выступлений конца XIX — первой четверти XX в. // «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры: Сб. статей и материалов / Сост. А. В. Посадский; науч. ред. А. В. Посадский. М.: АИРО-XXI. С. 20–30.
- Канищев В. В. и др. (2015б). Возможности пространственного отображения крестьянского движения периода Гражданской войны средствами ГИС-технологий // *Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в России: сборник научных трудов*. Вып. 2. Гражданская война в России в контексте международных отношений первой четверти XX века. Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет. С. 155–163.
- Канищев В. В., Махрачев Г. С. (2025). Советская мобилизация кустарной промышленности в годы Гражданской войны (на материалах Тамбовской губернии) // *Известия Уральского федерального университета*. Сер. 2: Гуманитарные науки. Т. 27. № 1. С. 237–250.
- Кондрашин В. В. (2019). Великий перелом: сталинская коллективизация стала настоящей трагедией советской деревни. Миллионы сельских тружеников были обречены на страдания и гибель от голода и репрессий. Была ли неизбежной коллективизация? // *Историк*. № 10 (58). С. 22–31.
- Красильников С. А. (2025). В. П. Данилов: научный оппонент «Великого перелома» // *Крестьяноведение*. Т. 10. № 1. С. 43–57.
- Николашин В. П. (2020). Советские аграрные преобразования в губерниях Черноземного Центра 1917–1918 гг. Дисс. ... докт. ист. наук. Тамбов: Тамбовский государственный университет.
- Облицов М. А. (2023). Социально-экономическое положение и протестная активность крестьянства «неповстанческих» территорий Тамбовской и Рязанской губерний в 1920–1921 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. Тамбов: Тамбовский государственный университет.
- Фельдман М. А. (2025). «Как ломали НЭП»: введения к книгам пятитомника как феномен историографии (к 100-летию В. П. Данилова) // *Крестьяноведение*. Т. 10. № 1. С. 58–69.

В. В. Канищев
 Научное наследие В. П. Данилова и современное крестьяноведение в Тамбовской области: к 100-летию ученого

Scientific legacy of V. P. Danilov and contemporary Peasant Studies in the Tambov Region. On the centenary of the scholar

Valery V. Kanishchev, DSc (History), Head of the Laboratory of Social History; Professor, Department of History and Philosophy, Tambov State University named after G. R. Derzhavin. Internatsionalnaya St., 33, Tambov, 392036, Russia.
 E-mail: valcan@mail.ru

Abstract. The first part of the article considers V. P. Danilov's ideas about the history of the peasantry in the Tambov Province, focusing on his collaboration with Tambov historians to compile collections of documents and research articles, especially on the peasant movement in the Tambov Province in 1917–1921, and to study certain rural settlements in the Tambov Region. The second part of the article presents the results of the Tambov historians' study of the agrarian history of the Tambov Province, presented as

a continuation of Danilov's legacy due to being based on his ideas and the use of information technologies. The electronic database on rural settlements in the Tambov Province confirmed Danilov's observations about the reasonable consolidation of peasant communes during the egalitarian land redistribution and the long-term survival of settlements consisting of several homesteads. The analysis of historical maps and remote sensing data revealed natural factors that contributed to the preserved independence of certain settlements after repartition. The article also follows Danilov's call to move from publishing previously unknown documents on the agrarian revolution in Russia to their analysis by describing the electronic database on the peasant movement from the second half of the 19th to the first third of the 20th centuries, highlighting findings of several studies based in this database.

Key words: historiography, agrarian history, Tambov Province, rural settlements, peasant communes, protests, information technology

References

- Anfimov A. M. (Ed.) (1998) *Krestyanskoe dvizhenie v Rossii v 1901–1904 gg.* [Peasant Movement in Russia in 1901–1904], Moscow: Nauka.
- Berelovich A., Danilov V. (Eds.) (1998–2012) *Sovetskaya derevnya glazami VChK-OG-PU-NKVD. 1918–1939* [Soviet Village through the Eyes of the VChK-OGPU-NKVD. 1918–1939], Moscow: ROSSPEN.
- Danilov V., Manning R., Viola L. (Eds.) (2002) *Tragediya sovetskoj derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. 1927–1939. Dokumenty i materialy: v 5 t.* [Tragedy of the Soviet Village. Collectivization and Dispossession. 1927–1939. Documents and Materials: in 5 vols], Moscow: ROSSPEN.
- Danilov V. P. et al (Comp.) (2007) *“Antonovshchina”. Krestyanskoe vosstanie v Tambovskoj gubernii v 1920–1921 gg. Dokumenty, materialy, vospominaniya* [“Antonovshchina”. Peasant Uprising in the Tambov Province in 1920–1921. Documents, Materials, Memories], Tambov: Upr. kultury i arkhivnogo dela Tambovskoj obl.
- Danilov V. P. et al (Comp.) (2003) *Krestyanskoe dvizhenie v Tambovskoj gubernii, 1917–1918* [Peasant Movement in the Tambov Province, 1917–1918], Moscow: ROSSPEN.
- Danilov V. P. (1977) *Sovetskaya dokolkhoznaya derevnya. Naselenie, zemlepolzovanie, khozyajstvo* [Soviet Pre-Collective-Farm Village. Population, Land Use, Economy], Moscow: Nauka.
- Dyachkov V. L., Kanishchev V. V. (2009) Nachalny etap agregatsii poselennykh demograficheskikh dannykh (po materialam knig ZAGS selskih sovetov Tambovskoj gubernii 1925–1926 gg.) [The initial stage of aggregation of settlements demographic data (based on the ZAGS Books of village councils of the Tambov Province in 1925–1926)]. *Vestnik Tambovskogo Universiteta. Prilozhenie: Kafedra Rossijskoj Istorii.* 1994–2009, pp. 164–185.
- Esikov S. A. (Ed.) (1995) *Krestyane i vlast* [Peasantry and Power], Tambov: IPC TGTU.
- Ivanov D. P. (2009) *Predposylki i motivy uchastiya krestyan v Tambovskom vosstanii 1920–1921 gg. Mikroistorichesky podkhod* [Prerequisites and Motives for Peasant Participation in the Tambov Uprising of 1920–1921. A Micro-Historical Approach]: Diss. k.i.n., Tambov: Tambovsky gosudarstvenny universitet.
- Kanishchev V. V. (2010) Vosstanovlenie chislennosti naseleniya i demograficheskoy nagruzki na prirodnuju sredu v Rossii posle Grazhdanskoj vojny. Tambovskaya guberniya, pervaya polovina 1920-h gg. [Restoration of the population size and demographic load on the natural environment in Russia after the Civil War. Tambov Province, first half of the 1920s]. *The NEP Era*, no 4, pp. 31–42.
- Kanishchev V. V. (2015) Informatsionnye vozmozhnosti istochnikov dlya izucheniya prosopografii vozhakov krestyanskih protestnykh vystuplenij kontsa XIX — pervoj chetverti XX v. [Information capabilities of sources for the prosopographic study of the peasant protest leaders in the late 19th — first quarter of the 20th century]. *“Atamansh-*

- china*" i "partizanshchina" v Grazhdanskoj vojne: ideologiya, voennoe uchastie, kadry. Sost., nauch. red. A. V. Posadsky, Moscow: AIRO-XXI, pp. 20–30.
- Kanishchev V. V., Baranova E. V., Ivanov D. P., Posadsky A. V. (2015) Vozможности пространственного отображения крестьянского движения периода Гражданской войны средствами GIS-технологий [Possibilities of spatial representation of the peasant movement during the Civil War with GIS technologies]. *Almanah Assotsiatsii issledovatelej Grazhdanskoj vojny v Rossii. Vyp. 2: Grazhdanskaya vojna v Rossii v kontekste mezhdunarodnyh otnoshenij pervoj chetverti XX veka*, Arkhangelsk: Severnyy (Arkticheskyy) federalnyy universitet, pp. 155–163.
- Kanishchev V. V., Makhrachev G. S. (2025) Sovetskaya mobilizatsiya kustarnoy promyshlennosti v gody Grazhdanskoj vojny (na materialah Tambovskoy gubernii) [Soviet mobilization of the handicraft industry during the Civil War (based on materials from the Tambov Province)]. *Izvestiya Uralskogo Federalnogo Universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye Nauki*, vol. 27, no 1, pp. 237–250.
- Kondrashin V. V. (2019) Veliky perelom: stalinskaya kollektivizatsiya stala nastojashchej tragediej sovetskoy derevni. Milliony selskih truzhenikov byli obrecheny na stradanija i gibel ot goloda i repressij. Byla li neizbezhnoj kollektivizatsiya? [The Great Break: Stalin's collectivization was a true tragedy for the Soviet village. Millions of rural workers were doomed to suffering and death from hunger and repression. Was collectivization inevitable?]. *Istoriik*, no 10, pp. 22–31.
- Krasilnikov S. A. (2025) V. P. Danilov: nauchnyy opponent "Velikogo Pereloma" [V. P. Danilov: Scientific opponent of the "Great Break"]. *Russian Peasant Studies*, vol. 10, no 1, pp. 43–57.
- Nikolashin V. P. (2020) *Sovetskie agrarnye preobrazovaniya v guberniyah Chernozemno-go Tsentra 1917–1918 gg.* [Soviet Agrarian Transformations in the Provinces of the Black Earth Center in 1917–1918]: Diss. d.i.n., Tambov: Tambovskyy gosudarstvennyy universitet.
- Oblitsov M. A. (2023) *Sotsialno-ekonomicheskoe polozhenie i protestnaya aktivnost krestyanstva "nepovstancheskikh" territorij Tambovskoj i Ryazanskoy gubernij v 1920–1921 gg.* [Social-Economic Situation and Peasant Protests in the "Non-Rebel" Territories of the Tambov and Ryazan Provinces in 1920–1921]: Diss. k.i.n., Tambov: Tambovskyy gosudarstvennyy universitet.
- Feldman M. A. (2025) "Kak lomali NEP": vvedeniya k knigam pyatitomnika kak fenomen istoriografii (k 100-letiyu V. P. Danilova) ["How the NEP was broken": Introductions to the books of the five-volume edition as a historiographic phenomenon (on the 100th anniversary of V. P. Danilov)]. *Russian Peasant Studies*, vol. 10, no 1, pp. 58–69.

В. В. Канищев
 Научное наследие В. П. Данилова и современное крестьяноведение в Тамбовской области: к 100-летию ученого

С огорода в поля: непростой путь картофеля¹

Н. И. Шагайда, Д. С. Терновский

Наталья Ивановна Шагайда, доктор экономических наук, директор Центра агропродовольственной политики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, просп. Вернадского, 82. E-mail: nshagaida@mail.ru

Денис Сергеевич Терновский, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра агропродовольственной политики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, просп. Вернадского, 82. E-mail: ternovskiy-ds@ranepa.ru

Аннотация. В статье анализируются структурные сдвиги на рынке картофеля в России за период с 1991 по 2025 год. На основе данных Росстата, сельскохозяйственных переписей и бюджетных обследований домохозяйств исследуются долгосрочные тенденции в динамике цен, потреблении, производстве и экономической доступности картофеля. Показано, что, несмотря на периодические всплески, в долгосрочной перспективе картофель неуклонно дешевеет в реальном выражении, одновременно теряя свою значимость в потребительской корзине на фоне роста доходов населения. Ключевое внимание уделяется глубокой трансформации структуры производства: происходит стремительный переход от доминирования хозяйств населения, доля в производстве которых сократилась с 90% в 1990-х годах до 50% в 2022 году, к коммерческому сектору (сельхозорганизациям и крестьянским (фермерским) хозяйствам). Этот сдвиг обусловлен снижением экономической целесообразности производства в хозяйствах населения и значительным отставанием в урожайности по сравнению с крупными предприятиями, внедряющими современные технологии. Авторы предупреждают о рисках для продовольственной безопасности, связанных с тем, что сокращение производства в хозяйствах населения опережает рост в коммерческом секторе, что может вести к усилению волатильности цен. В заключении предлагаются меры государственной поддержки, направленные на стимулирование кооперации, облегчение доступа к земле и повышение эффективности производства для обеспечения стабильности рынка картофеля.

Ключевые слова: картофель, хозяйства населения, потребление продовольствия, продовольственная безопасность, цены на продовольствие, волатильность цен, экономическая доступность, покупательная способность

EDN: PDSUBX

Картофель традиционно занимает важное место в рационе населения России. Историческая значимость продукта отразилась в том, что его называют «вторым хлебом». Современная значимость — если

1. Статья подготовлена в рамках Государственного задания РАНХиГС в 2025 году.

ее оценивать в экономических категориях — существенно скромнее: сегодня в расходах семей он занимает лишь доли процента. Тем не менее последние два года тема роста цен на картофель на слуху. Очевидно, что происходят какие-то структурные сдвиги, которые отражаются не только в номинальных ценах, вызывающих волнение потребителей. В статье рассматривается временной период с 1991 года, в начале которого картофель стоил 13 копеек за килограмм, ели его 112 килограмм в год на каждого и производили на всех 34,3 млн тонн в год. Правда, реализация в рознице составляла всего 28,9 кг на человека. Остальное — 83,1 кг пищевого картофеля — потреблялось из выращенного в хозяйствах населения. Хозяйства населения не просто были основными производителями картофеля, они формировали 74% продовольственного рынка картофеля.

На выявление этих сдвигов — в производстве, в потреблении, в кошельке потребителя, в его отношении к картофелю — направлена настоящая статья. В работе анализируются следующие аспекты:

- динамика цен на картофель, в т.ч. — в сравнении с общим уровнем инфляции и ценами на другие продукты питания;
- изменение экономической доступности картофеля;
- изменение посевных площадей и урожайность в хозяйствах населения;
- экономическая целесообразность производства картофеля в хозяйствах граждан.

Тема рынка картофеля достаточно широко представлена в экономической литературе. Однако ее рассмотрение, как правило, ограничивается экономико-технологическими аспектами выращивания картофеля (Жевора и др., 2019; Симаков и др., 2022; Жевора и др., 2023), глобальными тенденциями производства, торговли и потребления (Девяткина, 2018; Агирбов и др., 2020; Тульчеев и др., 2021), вопросами мониторинга и регулирования внутреннего рынка (Шагайда, 2018; Терновский, Шагайда, 2021). Кроме того, динамика цен на картофель в контексте анализа цен на продовольственные товары рассматривалась в работах (Узун, Шишкина, 2022; Шагайда, Терновский, 2023). Вместе с тем рассмотрение производства и потребления картофеля в долгосрочном периоде как результата взаимосвязанной трансформации аграрного сектора и потребительской экономики в полной мере не отражено в известных нам исследованиях.

Проведенный в работе анализ основан на данных Росстата, материалах Всероссийских сельскохозяйственных переписей и бюджетных обследований домохозяйств.

Результаты исследования позволяют говорить о долгосрочном тренде, к которому придется приспосабливаться в первую очередь покупателям, а также государству, чтобы не допускать скачков цен.

Работа вносит вклад в дискуссию о причинах роста цен на картофель.

СОВРЕМЕННОСТЬ

Если смотреть на темпы изменения розничной цены на картофель в 2025 г., то видно резкое удорожание продукта: в мае 2025 г. он подорожал почти вдвое относительно мая 2024 г. Однако если взглянуть на ценовую траекторию с 1991 по 2024 год в реальном выражении, становится очевидным факт: несмотря на периодические всплески, картофель неуклонно дешевеет (рис. 1). Это полностью укладывается в логику мирового развития: высокотехнологичные ресурсы должны повышать производительность труда, выпуск продукции, удешевляя стоимость единицы продукта. В пересчете на постоянные цены декабря 2024 года килограмм картофеля, стоивший в начале 1990-х около 60 рублей, к середине 2020-х подешевел почти вдвое.

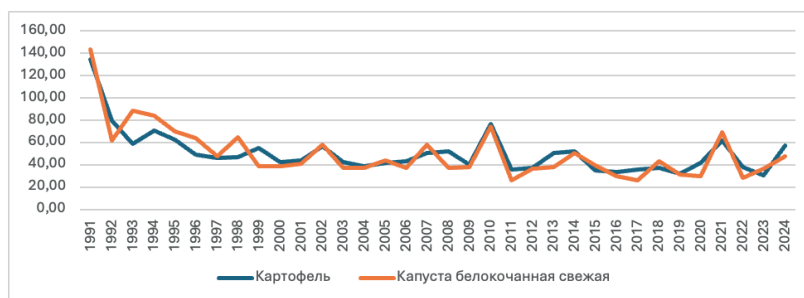

Рис. 1. Розничные цены на картофель в России в 1991–2024 гг., декабрь каждого года, в ценах декабря 2024 г.

Источник: построено по данным Росстата

При этом последние 10 лет его реальная цена меняется слабо: в ценах 2014 г. она колеблется вокруг 25 руб./кг (рис. 2).

Тенденция «картофельных» цен не является изолированной. Цены на картофель достаточно точно повторяют общую динамику продовольственного рынка, особенно по отношению к другим продуктам российской потребительской корзины, производимых в хозяйствах населения. Однако первые постсоветские годы стали исключением: в 1991–1993 годах, когда общие цены на продукты взлетели в 237 раз, картофель подорожал «всего лишь» в 106 раз². Это отставание объясняется особенностями его производства — в отличие от многих других товаров, картофель в основном выращивался в личных подсобных хозяйствах, что делало его менее зависимым от рыночных шоков. После этого можно наблюдать стабилизацию цен относительно друг друга — в 2000 г. по отношению

2. Рассчитано по: Российская Федерация в цифрах в 1993 году (1994): крат. стат. сборник / Госкомстат России. М.: Респ. инф.-изд. центр.

к 1993 г. номинальные цены как на картофель, так и на продовольствие в целом выросли в 23–24 раза.

Н. И. Шагайда,
Д. С. Терновский
С огорода в поля:
непростой путь
картофеля

Рис. 2. Динамика реальной и номинальной цены на картофель в России в 2014–2025 гг.

Источник: построено по данным Росстата за соответствующие годы

Периодические ценовые пики, такие как в 2010, 2017, 2021, 2022 и 2024 годах, напоминают о том, что картофель остается чувствительным к размеру урожая (рис. 3). Неурожайные годы вызывают резкий рост цен, иногда на 50% и более. После всплеска цен номинальная цена возвращается в сложившийся коридор цен — около 25 руб. за кг.

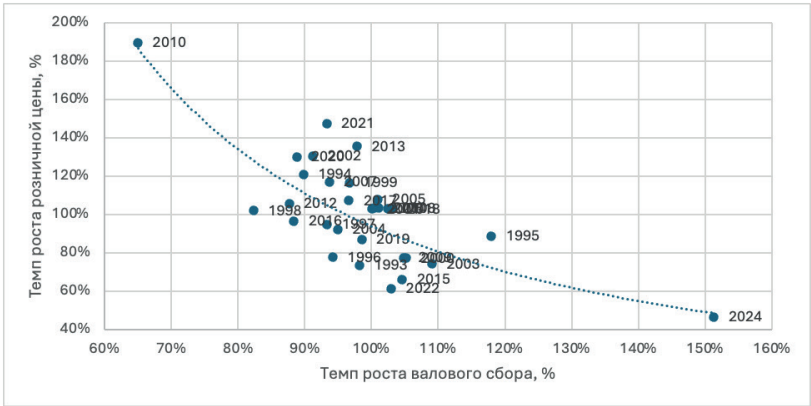

Рис. 3. Зависимость динамики розничных цен на картофель и валового сбора в России в 1992–2023 гг.

Источник: построено по данным Росстата

Дефляция картофеля на длительном горизонте коррелирует с динамикой многих других продуктов питания. При этом фактическое потребление самих продуктов меняется по-разному.

Изменение в потреблении

Картофель — единственный продукт, потребление которого на фоне роста доходов в последние два десятилетия заметно сократилось. Остальные группы продуктов, если значительно не выросли, то сократились незначительно (например, хлебопродукты) (рис. 4).

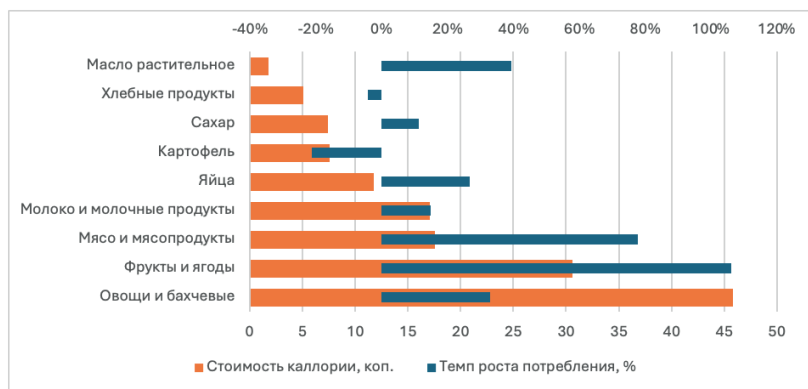

Рис. 4. Динамика среднедушевого потребления продуктов питания (по продовольственным балансам) в 2000–2023 гг. и стоимость 1 калории в 2023 г.
Источник: построено по данным Росстата

Потребление картофеля 10 лет назад соответствовало рациональной норме, а в 2023 г. составило уже 96% от рациональной нормы. При этом экономических причин не видно: стоимость калории картофеля — одна из самых дешевых среди основных групп продовольствия.

Тем не менее его потребление сокращалось быстрее, чем других дешевых продуктов, исключая растительное масло, потребление которого незначительно, но выросло. Здесь проявилась характерная особенность картофеля как товара низшей категории — с повышением благосостояния люди стали заменять его более дорогими продуктами.

Доступность картофеля: есть нюансы

В долгосрочной ретроспективе картофель становился доступнее, но этот процесс происходил неравномерно, отражая сложные экономические процессы в стране (рис. 5). В 1990-е годы, несмотря на катастрофическое падение реальных доходов населения, доступность картофеля оставалась стабильной. Парадоксальным образом этому способствовало само ухудшение уровня жизни населения — реальные цены на картофель снижались даже быстрее, чем зарплаты, поскольку спрос на этот базовый продукт оставался неэластичным. В те годы картофель действительно стал «вторым хлебом», занимая значительную долю в потребительской корзине.

*Н. И. Шагайда,
Д. С. Терновский*
С огорода в поля:
непростой путь
картофеля

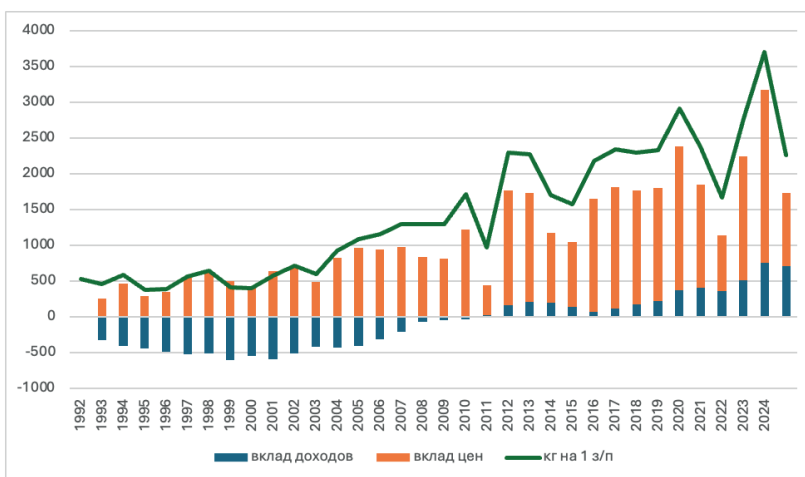

Рис. 5. Доступность картофеля (количество кг на среднюю заработную плату) в России в 1991–2024 гг., декабрь каждого года
Источник: построено по данным Росстата

В 2025 г. произошел резкий рост цен, что существенно снизило его доступность для населения: если в январе-марте 2024 г. на среднедушевые доходы можно было купить почти 1718 кг картофеля, то в январе-марте 2025 г. только 964 кг. Доля расходов на картофель в расходах семей выросла почти в два раза (табл. 1). На фоне значительно меньшего подорожания других продуктов это вызвало широкую общественную дискуссию, волну разного рода предложений о способах ограничения такого роста цен³.

3. Картофельный союз предложил ритейлерам договориться с производителями о заморозке закупочных цен на картофель. <https://retailer.ru/>

Таблица 1. Изменение покупательной способности среднедушевых денежных доходов населения по отдельным продуктам питания в России в 2024–2025 гг.

	2024	2025	2025 г. к 2024 г., %	Вклад в структуру потребительских расходов населе- ния, %	
	январь- март	январь- март		2024	2025
Картофель	1 717,7	964,4	-43,9	0,294	0,418
Лук репчатый	1 356,0	1 137,9	-16,1	0,097	0,139
Масло сливочное	58,5	50,4	-13,8	0,734	0,853
Капуста белокочанная свежая	1 272,1	1 198,1	-5,8	0,133	0,154
Сельдь соленая	180,5	170,7	-5,4	0,122	0,127
Рыба замороженная	194,2	187,9	-3,2	0,392	0,413
Молоко питьевое	605,2	588,3	-2,8	0,663	1,019
Сметана	180,3	176,5	-2,1	0,448	0,474
Баранина	76,5	75,6	-1,2	0,139	0,145
Свёкла столовая	1 239,0	1 226,4	-1,0	0,037	0,056
Яблоки	402,3	400,4	-0,5	0,670	0,706
Сыры	66,0	66,3	0,5	0,951	0,986
Кисломолочные продукты	510,3	518,5	1,6	0,428	0,437
Хлеб из ржаной муки	667,3	682,5	2,3	0,390	0,395
Масло подсолнечное	401,5	410,7	2,3	0,335	0,331
Цитрусовые	327,3	335,5	2,5	0,381	0,413
Горох и фасоль	582,3	602,4	3,5	0,036	0,039
Хлеб и булочные изделия из пшеничной муки	561,3	581,5	3,6	0,716	0,732

Источник: построено по данным Росстата

Как показывает прошлая динамика цен, такие всплески временны, однако в последние годы они встречаются чаще, волатильность в сравнении с серединой 2010-х годов выросла. В чем причина? Если есть зависимость между поведением цен и производством, то нужно понять, не был ли всплеск 2025 г. связан с производством.

Производство: а какое оно?

Вопрос об объемах производства довольно сложный: подавляющая часть картофеля производится на плохо статистически наблюдаемых участках граждан. Существуют, безусловно, методики выбо-

kartofelnyj-sojuz-predlozhit-ritejleram-dogovoritsja-s-proizvoditeljami-o-zamorozke-zakupochnyh-cen-na-kartofel

рочного наблюдения Росстата, результаты которого затем переносятся на всю массу каким-то образом учтенных участков граждан. Однако проблема в том, что здесь слишком много неизвестных. Это предопределяет уже стандартные действия Росстата после каждой сельскохозяйственной переписи — оценки производства по годам ретроспективно корректируются в сторону понижения. Когда картофеля производится много больше потребности, то завышение объемов производства между переписями не страшно, но когда идет сокращение объемов производства, то неверные расчеты используемой площади могут создать неверную картину наличия картофеля. То есть всплеск цен может быть из-за банального недостатка производства, которого никто не видит!

Предугадать масштабы сокращения используемых участков в личных подсобных хозяйствах (далее — ЛПХ), где традиционно картофель занимал основное место, трудно. Это однолетняя культура, ее площадь резко может быть сокращена в любой год из-за многих факторов, как социально-экономических (старения населения, отъезда работоспособных из села, роста доходов), так и производственных (проблемы с покупкой здоровых и урожайных семян, с наймом тракториста для обработки участка и т.д.). В ходе последней всероссийской сельскохозяйственной микропереписи 2021 года было выявлено, что доля неиспользуемых площадей на участках граждан в сельской местности на момент переписи составила 3,2 из 9,7 млн га, которые у них были. В 2016 году, когда в ходе переписи обследовались все участки граждан (в сельской и городской местности), неиспользуемых было всего 1,5 млн га из 13,1 млн га. Когда идет сокращение площадей, как имеющейся в хозяйствах граждан земли, так и используемой, возможно серьезное искажение расчетных данных об урожае по стране.

Российское картофелеводство переживает глубокую структурную трансформацию, которая коренным образом меняет ландшафт отрасли. На протяжении всего постсоветского периода хозяйства населения оставались главными поставщиками картофеля на российский рынок. В середине 1990-х годов на их долю приходилось более 90% всего производимого в стране картофеля. Однако сегодня эта картина стремительно меняется, еще в 2022 году доля ЛПХ сократилась до 50%, и процесс перераспределения продолжается (рис. 6).

Официальная статистика долгое время недооценивала масштабы этого спада. Только после сельскохозяйственных переписей 2006 и 2016 годов стало ясно, насколько значительно сократились реальные объемы производства в ЛПХ. Корректировки данных показали, что тенденция к снижению началась гораздо раньше, чем предполагалось, и носит более глубокий характер. Данная тенденция ведет (что наблюдалось по итогам переписей 2006 и 2016 гг.) не только к сдвигу размеров урожая вниз, но и к смене знака основной тенденции объемов производства (рис. 7).

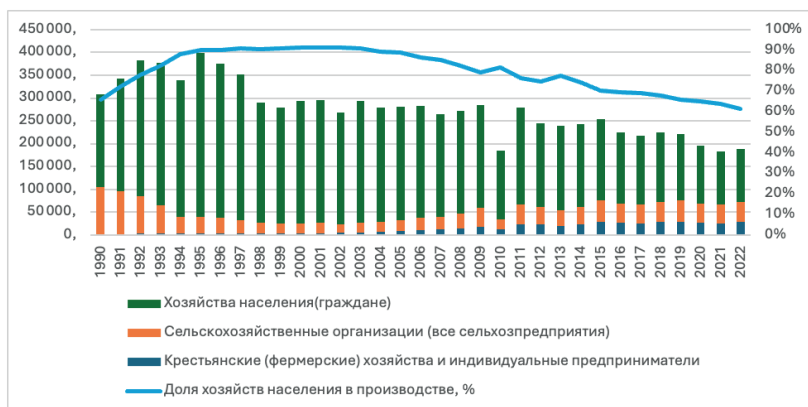

Рис. 6. Структура производства картофеля в России в 1990–2022 гг. по категориям хозяйств

Источник: построено по данным Росстата

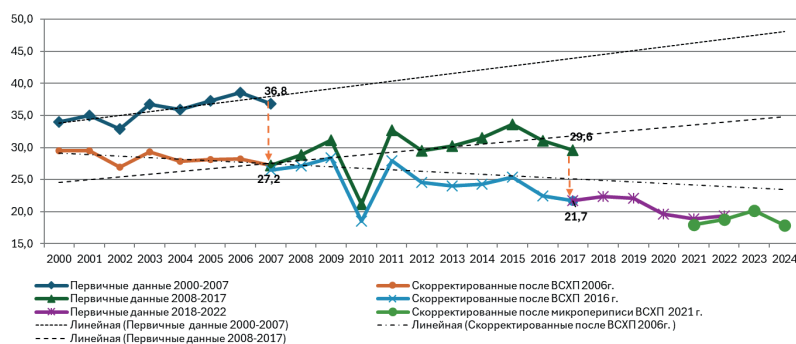

Рис. 7. Результаты корректировок объемов производства картофеля в России после сельскохозяйственных переписей в 2000–2024 гг.

Источник: построено по данным Росстата

После 2021 г. опять статистика отчитывается о некотором росте производства с 2021 г., но, очевидно, как показывает прошлый опыт, этот рост может быть пересмотрен после переписи, которая должна была бы быть в 2026 г. Таким образом, всплеск цен в 2025 г. мог быть вызван неверно оцененным урожаем в сезоне 2024–2025 в хозяйствах населения.

*Н. И. Шагайда,
Д. С. Терновский*
С огорода в поля:
непростой путь
картофеля

Структурный сдвиг в производстве картофеля по категориям хозяйств особенно интересен, если рассматривать его в динамике. В 1990-е годы, когда крупные сельхозпредприятия переживали кризис, именно хозяйства населения стали своеобразным буфером, обеспечивающим продовольственную безопасность страны и семей. Личные подсобные хозяйства, часто использующие ручной труд и традиционные технологии, тем не менее демонстрировали удивительную устойчивость. Более того, в тот период они даже превосходили крупные хозяйства по урожайности — в 1990–1999 годах хозяйства населения собирали в среднем 109 центнеров с гектара против 95 центнеров в сельхозорганизациях.

Однако с начала 2000-х годов начался постепенный, но необратимый рост урожайности в сельхозорганизациях за счет внедрения современных технологий. К 2017–2022 годам урожайность достигла 259 центнеров с гектара. В то же время хозяйства населения, несмотря на некоторый прогресс (до 145 ц/га), стали заметно отставать. Этот разрыв в эффективности был бы ключевым фактором перераспределения долей на рынке, если бы дело не касалось хозяйств граждан. Граждане далеко не всегда смотрели на то, что происходит в крупных хозяйствах, какая там урожайность. Граждане смотрели на свои возможности: насколько выгодно производить, чтобы продать, а если не продать, то накормить свою семью с меньшими денежными затратами. Свой труд не считали, если не было возможности заработать в другом месте. Видимо, сейчас эта ситуация меняется.

Если смотреть на объем производства как результат взаимодействия факторов посевных площадей и урожайности, то можно заметить, что основной причиной снижения урожая картофеля за последние десятилетия выступает сокращение посевных площадей в хозяйствах населения. При этом динамика урожайности положительно влияет на объемы производства для всех категорий хозяйств (табл. 2).

Приведенные данные показывают значительные изменения в структуре и характеристиках производства картофеля. Если в 1990-х годах для хозяйств населения была характерна относительно высокая урожайность, превышающая как показатели сельхозорганизаций, так и фермерских хозяйств, то ко второй половине 2010-х эта ситуация резко изменилась. Кроме того, как для хозяйств населения, так и для сельхозорганизаций рост урожайности сопровождался сокращением посевных площадей, что ставит вопрос: наблюдаемый рост являлся следствием повышения технологического уровня производства, или его смещения на более урожайные территории? Использование системы индексов структурных сдвигов показывает, что основной вклад в прирост урожайности карто-

феля во всех категориях хозяйств вносят именно агротехнологии, в то время как вклад структуры площадей — отрицателен.

Таблица 2. Производство, посевные площади и урожайность картофеля в России в 1990–2022 гг. по категориям хозяйств

Категории	Сельскохозяйственные организации	КФХ и ИП	Хозяйства населения	Хозяйства всех категорий
Среднее за 1990–1999 гг.				
Урожай, тыс. ц	29 125	2786	289 541	344 601
Урожайность, ц/га	95	79	109	106
Площадь, га	305	35	2655	3245
Среднее за 2017–2022 гг.				
Урожай, тыс. ц	42 777	27 484	134 610	204 870
Урожайность, ц/га	259	208	145	167
Площадь, га	165	132	930	1228
Прирост среднегодовых урожаев, тыс. ц				
Всего, в т.ч. под влиянием	13 651	24 698	-154 931	-139 731
урожайности	35 457	10 431	57 252	121 457
площади	-21 806	14 267	-212 183	-261 188
Темп прироста урожайности, %				
Всего, в т.ч. под влиянием	171,9%	164,3%	32,7%	52,9%
урожайности в отдельных регионах	178,0%	174,2%	34,1%	53,8%
региональной структуры площадей	-2,2%	-3,6%	-1,1%	-0,6%

Источник: построено по данным Росстата

Наиболее заметное изменение — стремительное сокращение посевных площадей в хозяйствах населения — с 2,6 млн га в 1990-х до менее чем 1 млн га в последние годы. Это сокращение невозможно объяснить только экономическими факторами. Здесь вступают в действие социальные и демографические процессы: старение сельского населения, отток молодежи в города, изменение обра-

за жизни и реальных доходов населения. Производство картофеля, которое раньше было необходимостью для формирования набора питания семьи, теперь все чаще воспринимается как обременительная повинность.

Региональная картина этого процесса также заслуживает внимания. В 1990-е годы существовал огромный разрыв между регионами по урожайности в ЛПХ — от 60 до 160 центнеров с гектара. К 2020-м годам этот разрыв значительно сократился, причем не за счет роста отстающих регионов, а скорее из-за снижения показателей разрыва в урожайности в традиционных «картофельных» областях. Это свидетельствует о том, что профессиональное картофелеводство постепенно концентрируется в оптимальных для этого регионах, в то время как повсеместное любительское выращивание картофеля уходит в прошлое.

Для хозяйств населения мы наблюдаем тенденцию к выравниванию урожайности (рис. 8) — наибольшие темпы роста фиксируются в регионах с низкой урожайностью в 1990-е годы. И наоборот — в регионах с самой высокой урожайностью в 1990-е, к концу 2010-х произошло ее снижение.

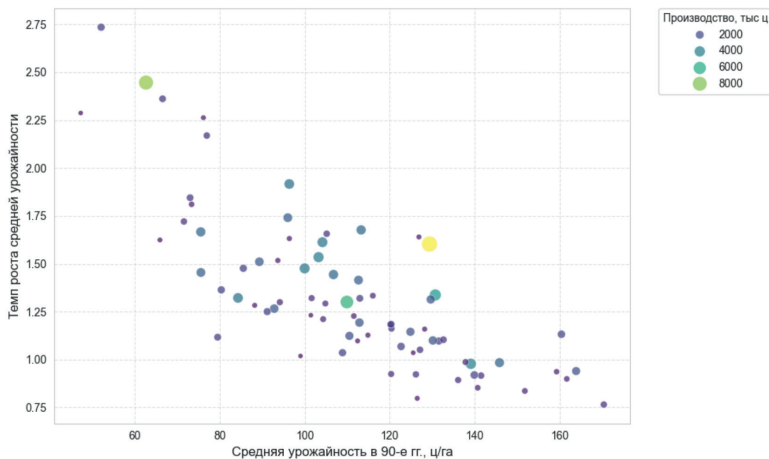

Рис. 8. Сходимость урожайности картофеля в хозяйствах населения во времени (2017–2022 гг. к 1990–1999 гг.)

Такая трансформация ставит перед отраслью серьезные вызовы. С одной стороны, рост эффективности в профессиональном секторе — безусловно, положительное явление. С другой — исчезновение традиционного уклада создает риски для продовольственной безопасности. В домохозяйствах оптимизируют соотношение физических затрат, времени и экономии от того, что они едят свой, а не купленный картофель, и сокращают производство. Это плохо

видно по данным текущей статистики, и неожиданно выявляется в виде недостатка картофеля в стране. Возникают вопросы: сможет ли коммерческий сектор полностью заменить уходящие хозяйства населения, и какие последствия это будет иметь для ценовой доступности картофеля? Ответы на них во многом определяют будущее российского картофелеводства в ближайшие десятилетия. Остроты проблеме добавляет то, что картофелеводство, как и современное овощеводство, капиталоемко, специализированных хозяйств, целью которых является повышение эффективности производства этих видов продукции, довольно мало (в 2016 г. — 3,4% от числа всех сельхозорганизаций). Новые игроки могут появиться только при отдельных стимулах. Высокие цены весны 2025 г. выступают таким стимулом. И действительно, площади под картофелем в 2025 г. немного, но выросли⁴, прервав динамику многолетнего снижения (рис. 9). Вероятно, что весной 2025 г. все, кто мог, посадили картофель. Однако останутся ли они в этом бизнесе всерьез и надолго, сохранят ли без специализированных хранилищ урожай до весны — не ясно.

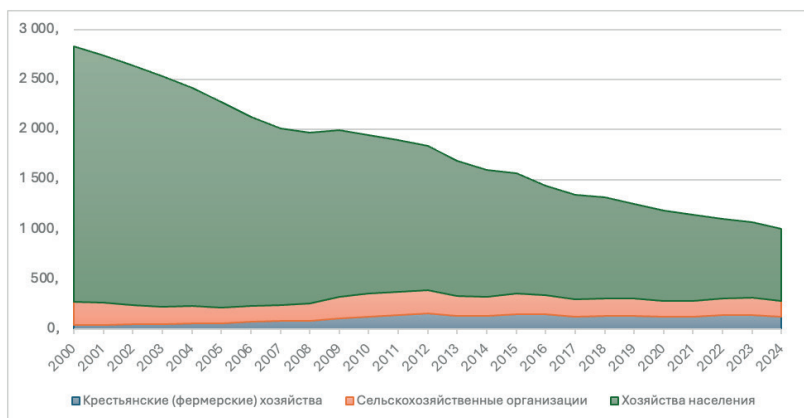

Рис. 9. Посевные площади под картофелем в России в 2000–2024 гг., тыс. га

Экономическая целесообразность: почему картофель больше не кормилец

Традиционный образ русского огорода с обязательными рядами картофельных грядок стремительно уходит в прошлое. За этим культурным сдвигом стоит экономический расчет, выращивание картофеля в личных хозяйствах теряет всякий практический смысл.

4. Агапов В. Россиянам пообещали увеличить урожай картофеля. <https://lenta.ru/news/2025/06/03/rossiyanam-poobeschali-uvelichit-urozhay-kartofelya/>

Еще в середине 1990-х среднестатистическому россиянину требовалось отработать 45 часов, чтобы заработать на годовой запас картофеля. Сегодня для этого достаточно всего 4–7 часов труда — в десять раз меньше.

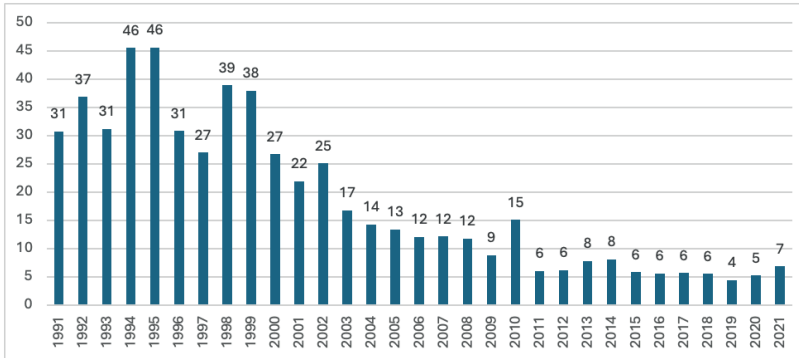

Рис. 10. Количество часов рабочего времени, которое необходимо отработать при средней заработной плате по экономике, для того чтобы приобрести годовой запас потребляемого картофеля в России в 1991–2021 гг.

Источник: построено по данным Росстата

Этот поразительный прогресс, однако, имеет оборотную сторону. Когда покупка картофеля требует столь незначительных затрат, его самостоятельное выращивание превращается в экономически неоправданную роскошь. Если учесть рыночную стоимость рабочего времени, затраты на семена, удобрения и обработку, домашний картофель обходится дороже магазинного. Особенно наглядно это проявляется в пригородных зонах, где альтернативная стоимость земли и труда особенно высока. В сентябре 2025 г. мешок картофеля в 25 кг стоил в московских магазинах менее 500 руб. Это после того, как в мае этого же года кг картофеля в среднем по стране — по данным Росстата — стоил 94,8 руб./кг.

В крупных сельхозпредприятиях применение инноваций и экономия на масштабе позволяют относительно дешево производить продукцию. А вот для личных хозяйств современные технологии часто оказываются недоступны, ручной труд по-прежнему остается основным ресурсом. В результате разрыв в эффективности только растет: если в 1990-х урожайность в ЛПХ превышала показатели сельхозорганизаций, то сегодня она отстает почти вдвое.

Меняется мотивация для производства картофеля. Раньше картофель выращивали «для себя» из соображений продовольственной безопасности. В условиях дефицита продовольствия и низких денежных доходов это было разумной стратегией. Разумной будет стратегия продолжения выращивания картофеля, если сейчас получаешь низкую заработную плату или пенсию. Молодое поколе-

ние сельских жителей все чаще предпочитает покупать картофель, а освободившееся время использовать для более доходных занятий или других целей.

Парадоксально, что и система потребительской кооперации, благодаря которой люди в селе могли бы заработать, сдавая излишки картофеля, система, которая была создана для того, чтобы они заработали, сама способствовала лишению стимулов производства картофеля. В первые пореформенные годы, когда из сельского хозяйства массово высвобождались люди, потребительская кооперация не смогла предложить конкурентных цен за продукцию. Позднее ее магазины тихо и незаметно для правительства превратились в «Пятерочки», где картофель не принимали на продажу, а продавали.

Заключение: что дальше?

Анализ российского картофельного рынка последних трех десятилетий рисует картину глубокой трансформации, выходящей за рамки простых экономических закономерностей. Картофель, некогда бывший символом продовольственной стабильности и основой народного рациона, постепенно утрачивает свои традиционные позиции, и этот процесс носит системный характер.

Главный парадокс, известный в экономической теории и подтвержденный в ходе анализа, заключается в том, что картофель, становясь все более доступным, одновременно теряет свою значимость в потребительской корзине. Социальные и культурные факторы могут перевешивать чисто экономическую логику, что замедляет процесс перераспределения производства из хозяйств населения в коммерческие организации и КФХ. Рост благосостояния населения неожиданным образом для людей, но ожидаемо для экономистов, превратил некогда незаменимый продукт в «аутсайдера» продовольственного рынка. Продукт дешевый, но его потребление ниже рекомендуемой нормы потребления. Его ели раньше много еще и потому, что много выращивали в хозяйствах населения. Зачем идти в магазин, покупать что-то другое, если погреб ломится от запасов? Сейчас намного меньше есть в погребе, люди идут в магазин и среди разнообразия покупают другие продукты. Отчасти и оттого, что с готовыми продуктами питания, полуфабрикатами, крупами, макаронными изделиями меньше времени тратится на приготовление еды. Судя по тенденциям в потреблении, если производитель не заинтересует каким-то массовым продуктом из картофеля, если ничего драматического не произойдет с доходами населения, то спрос на картофель не увеличится.

Хозяйства населения, долгое время остававшиеся оплотом картофелеводства, стремительно сворачивают производство, не находя в нем ни экономического смысла, ни социальной необходимости. Этот процесс идет значительно быстрее, чем развитие коммерческо-

го сектора, способного заполнить образующийся вакуум. Не видно массового перетока из других видов деятельности в производство картофеля в сельскохозяйственных организациях. Фермерские хозяйства тоже не увеличивают площади посадки.

Россия, исторически считавшаяся «картофельной державой», может столкнуться с устойчиво высокими ценами на продукт. Картофель — социально значимый продукт. При росте цен на него на 10% за 60 дней у государства есть возможность установить предельные цены на него. Этого нужно избегать: ограничение цены — ущерб для производителей, как и ограничение его доступа к современным ресурсам, в первую очередь — семенам. Ограничение цены остановит импорт, что еще более негативно скажется на предложении картофеля.

Очевидно, что государству нужно сделать картофельное производство, как и производство овощей, приоритетным, предусмотрев особую систему государственной поддержки. Цель: вывести производство и хранение в фермерских хозяйствах и организациях на уровень мировых технологий и производительности для удовлетворения внутренних потребностей.

Учитывая разные группы сельхозпроизводителей, очевидно, нужны свои стратегии. В отношении хозяйств населения вряд ли целесообразно дожидаться, когда там само собой прекратится производство. Здесь нужны возможности, которыми могут воспользоваться активные люди, переводя архаичные технологии производства на более современные. Перспективно выглядит тиражирование Должанского опыта объединения владельцев ЛПХ⁵ вокруг опорного фермера. Здесь опорный фермер должен иметь возможность получить субсидии приоритетной отрасли (для приобретения техники, организации современных хранилищ), если имеет долгосрочные контракты на обработку участков граждан для производства картофеля и овощей. Аналогичная программа может быть целесообразна для фермеров, которые имеют долгосрочные контракты на обработку мелких фермерских участков. Субсидия для строительства домашнего хранилища картофеля должна быть доступна владельцу участка, согласному зарегистрироваться самозанятым и производить для реализации не менее установленного объема картофеля и овощей. Аналогичная программа может быть для фермера или объединения фермеров. Здесь могут возразить, что в России реализуется программа поддержки кооперации, что можно и там пользоваться субсидиями и иными способами поддержки. Однако следует сказать, что уже многократно выявлялись проблемы такой кооперации: издержки организации и функционирования кооператива как организации не компенсируются выгодами от такой кооперации. Поддерживать нужно не организацию (кооператив), а кооперацию как усилия по повышению доходов мелких сельхозпроизводителей.

*Н. И. Шагайда,
Д. С. Терновский*
С огорода в поля:
непростой путь
картофеля

5. Опыт Должанской кооперации — <https://vinodelrf.ru/news/vinograd-eto-spasenie-ot-bednosti-kubanskiy-fermer-o-derevne-xxi-veka>

Нужны меры для доступа к неиспользуемой земле. Сейчас неиспользуемая земля есть, а получить ее для использования — долго и трудно. Нужна простая процедура получения неиспользуемого участка: обращение заинтересованного лица в местную администрацию, которая инициирует процесс (проверка, акт о неиспользовании). Если собственник не известен, не отвечает на обращения, не соглашается передать в аренду по рыночной цене, то распоряжаться таким участком в интересах собственника может местная администрация. Она может передать его в аренду, аккумулировать полученную арендную плату для собственника участка на определенном счете, удерживая плату за свои услуги. Действующая в настоящее время процедура вовлечения в оборот неиспользуемых земель настолько затратна и несовершенна, что затрудняет получение участка в аренду даже тогда, когда есть заинтересованное в производстве на нем лицо. Местная администрация должна иметь стимулы заниматься этим, но самый близкий уровень власти к земле не имеет таких стимулов. Значит, нужно эти стимулы создавать.

Для сельхозорганизаций — производителей овощей и картофеля — должны быть доступны субсидии для любых целей, которые нужны производителю для наращивания производства и реализации картофеля и овощей без излишней бюрократической процедуры. Здесь неизбежна дальнейшая специализация и концентрация производства в наиболее эффективных хозяйствах.

Очевидно, что производство картофеля и овощей долгое время удовлетворяло внутренние потребности страны и почти ничего не стоило государству: граждане сами производили картофель для себя и продажи. При этом российский картофель был абсолютно конкурентным продуктом по сравнению с импортным. Сейчас ситуация меняется, экономические стимулы такого производства исчезают. Единственная возможность роста в этих типах хозяйств — повышение эффективности производства, применение инноваций. Сохранение производства в хозяйствах населения очень важно. Но для этого оно должно перестать быть архаичным, превратиться в семейный мини, но бизнес. Число таких семей со временем будет сокращаться, какие-то хозяйства увеличатся и перейдут в фермерство, увеличивая производство. И последнее — в условиях, когда производство картофеля сокращается, важно не закрывать рынок для импортного продукта для поддержания конкуренции.

Картофельный парадокс России — это частный случай глобальных изменений в продовольственных системах. Он наглядно показывает, как технологический прогресс, рост доходов и изменение образа жизни трансформируют, а порой и полностью перечеркивают многовековые сельскохозяйственные традиции. Понимание этих процессов важно не только для аграрной политики, но и для осмысления более широких социально-экономических трансформаций современного российского общества.

- Агирбов Ю. И., Мухаметзянов Р. Р., Бритик Э. В. (2020). Россия в мировом производстве и рынке картофеля и плодовоовощной продукции // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. № 9. С. 74–83.
- Анисимов Б. В., Жевора С. В., Митюшкин А. В., Симаков Е. А., Журавлев А. А., Зебрин С. Н. (2022). Картофелеводство России: состояние и перспективы в новых условиях // Картофель и овощи. № 4. С. 3–6.
- Девяткина Л. Н. (2018). Производство картофеля: глобальные и национальные дискуссии // Вестник НГИЭИ. № 5 (84). С. 122–134.
- Жевора С. В., Анисимов Б. В., Симаков Е. А., Овзс Е. В., Зебрин С. Н. (2019). Картофель: проблемы и перспективы // Картофель и овощи. № 7. С. 2–7.
- Жевора С. В., Симаков Е. А., Анисимов Б. В., Митюшкин А. В., Журавлев А. А., Зебрин С. Н. (2023). Селекция и семеноводство картофеля: научное обеспечение и бизнес-проекты // Картофель и овощи. № 4. С. 6–10.
- Терновский Д. С., Шагайда Н. И. (2021). Цена на картофель: факторы роста и способы снижения // Экономическое развитие России. Т. 28. № 11. С. 56–61.
- Тулъчев В. В., Жевора С. В., Овзс Е. В., Гордиенко Н. Н. (2021). Рынок картофеля в России и мире // АПК: экономика, управление. № 9. С. 73–81.
- Узун В. Я., Шишкина Е. А. (2022). Борщовая безопасность // АПК: экономика, управление. № 8. С. 22–30.
- Шагайда Н. И. (2018). Грозит ли России картофельный дефицит? // Экономическое развитие России. Т. 25. № 3. С. 55–63.
- Шагайда Н. И., Терновский Д. С. (2023). Волатильность цен на продовольственные товары в 2021–2022 гг. в контексте продовольственной безопасности // Вопросы экономики. № 9. С. 29–46.

*Н. И. Шагайда,
Д. С. Терновский*
С огорода в поля:
непростой путь
картофеля

From garden to fields: The difficult path of the potato

Natalia I. Shagaida, DSc (Economics), Head of the Center for Agro-Food Policy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia. E-mail: nshagaida@mail.ru

Denis S. Ternovsky, DSc (Economics), Senior Researcher, Center for Agro-Food Policy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia. E-mail: ternovskiy-ds@ranepa.ru

Abstract. The article considers the structural shifts in the Russian potato market from 1991 to 2025. Based on the Rosstat data, agricultural censuses and household budget surveys, the authors identify long-term trends in the potato price dynamics, consumption, production and economic affordability. Thus, despite periodic price jumps, in the long run the potato has steadily become cheaper in real terms, while simultaneously losing significance in the consumer basket under the rising population income. The authors focus on the deep transformation of the production structure — a rapid shift in dominance from households (their share in production fell from 90% in the 1990s to 50% in 2022) to the commercial sector (agricultural enterprises and (peasant) farms). This shift is determined by the declining economic viability of household production compared to large enterprises implementing new technologies. The authors warn of risks to food security associated with the decline in household production outpacing growth in the commercial sector, which potentially leads to increased price volatility, and propose government support measures aimed at stimulating cooperation, facilitating access to land, and increasing production efficiency to ensure a stable potato market.

Key words: potato, households, food consumption, agricultural production, food security, food prices, price volatility, economic affordability, purchasing power

References

- Agirbov Yu.I., Mukhametzyanov R.R., Britik E.V. (2020) Rossiya v mirovom proizvodstve i rynke kartofelya i plodoovoshchnoy produktsii [Russia in the global production and market of potato, fruits and vegetables]. *Ekonomika Selskokhozyaystvennyh i Pererabatyvayushchih Predpriyatij*, no 9, pp. 74–83.
- Anisimov B.V., Zhegora S.V., Mityushkin A.V., Simakov E.A., Zhuravlev A.A., Zebrin S.N. (2022) Kartofelevodstvo Rossii: sostoyanie i perspektivy v novykh usloviyakh [Potato growing in Russia: State and prospects in new conditions]. *Kartofel i Ovoshchi*, no 4, pp. 3–6.
- Devyatkina L.N. (2018) Proizvodstvo kartofelya: globalnye i natsionalnye diskursy [Potato production: Global and national discourses]. *Vestnik NGIEI*, no 5, pp. 122–134.
- Zhegora S.V., Anisimov B.V., Simakov E.A., Oves E.V., Zebrin S.N. (2019) Kartofel: problemy i perspektivy [Potato: Challenges and prospects]. *Kartofel i Ovoshchi*, no 7, pp. 2–7.
- Zhegora S.V., Simakov E.A., Anisimov B.V., Mityushkin A.V., Zhuravlev A.A., Zebrin S.N. (2023) Selektsiya i semenovodstvo kartofelya: nauchnoe obespechenie i biznes-proekty [Potato breeding and seed production: Scientific support and business projects]. *Kartofel i Ovoshchi*, no 4, pp. 6–10.
- Ternovsky D.S., Shagaida N.I. (2021) Tsena na kartofel: faktory rosta i sposoby snizheniya [Potato price: Growth factors and ways to reduce it]. *Ekonomicheskoe Razvitie Rossii*, vol. 28, no 11, pp. 56–61.
- Tulcheev V.V., Zhegora S.V., Oves E.V., Gordienko N.N. (2021) Rynok kartofelya v Rossii i mire [Potato market in Russia and the world]. *APK: Ekonomika, Upravlenie*, no 9, pp. 73–81.
- Uzun V.Ya., Shishkina E.A. (2022) Borshchevaya bezopasnost [Borscht security]. *APK: Ekonomika, Upravlenie*, no 8, pp. 22–30.
- Shagaida N.I. (2018) Grozit li Rossii kartofelny defitsit? [Is Russia facing a potato shortage?]. *Ekonomicheskoe Razvitie Rossii*, vol. 25, no 3, pp. 55–63.
- Shagaida N.I., Ternovsky D.S. (2023) Volatilnost tsen na prodovolstvennye tovary v 2021–2022 gg. v kontekste prodovolstvennoy bezopasnosti [Food price volatility in 2021–2022 in the context of food security]. *Voprosy Ekonomiki*, no 9, pp. 29–46.

Влияние «эффекта колеи» на адаптацию старопромышленных районов Нижнего Поочья к меняющимся экономическим условиям в постсоветский период¹

**Е. А. Черепанова, П. А. Широкова, Г. А. Назаренко,
О. Е. Прусихин, О. Д. Крутов, Е. А. Александров,
Н. А. Колдобская**

Екатерина Александровна Черепанова, ведущий аналитик, фонд «Центр стратегических разработок». 125009, Москва, пер. Газетный, д. 3-5, стр. 1. E-mail: ekcherepanowa2016@yandex.ru

Полина Андреевна Широкова, независимый исследователь. 143923, Московская область, г. Балашиха, ул. Ситникова, 2. E-mail: shirokova-poly@yandex.ru.

Григорий Александрович Назаренко, студент магистратуры, кафедра экономической и социальной географии России, географический факультет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1. E-mail: nga-02@mail.ru

Олег Евгеньевич Прусихин, аспирант, ведущий инженер, кафедра экономической и социальной географии России, географический факультет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1. E-mail: olegprus2000@mail.ru

Олег Дмитриевич Крутов, аспирант, ведущий инженер, кафедра экономической и социальной географии России, географический факультет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1. E-mail: bigolegg11@yandex.ru

Евгений Алексеевич Александров, студент магистратуры, кафедра экономической и социальной географии России, географический факультет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1. E-mail: aleksandrovea@my.msu.ru

Наталья Андреевна Колдобская, кандидат географических наук, доцент, кафедра экономической и социальной географии России, географический факультет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1. E-mail: koldobskaya@gmail.com

-
1. Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 24-17-00107 «Малые города и сельские населенные пункты в системе расселения регионов России (1989–2021)». Авторы выражают благодарность доценту кафедры культурологии ННГАСУ, к.ю.н. Ю. Л. Крузе, доценту ФГГТ НИУ ВШЭ, к.г.н. К. В. Аверкиевой и Г. А. Пивовар.

Аннотация. Статья посвящена исследованию влияния «эффекта колеи» на адаптацию старопромышленных территорий Нижнего Поочья (Нижегородская область) к изменяющимся экономическим условиям в постсоветский период. Выделяются две различные траектории развития: северной части (Павловский и Вачский округа), где преобладает малое предпринимательство и кустарное производство, и южной части (Выкса, Кулебаки, Навашино), где доминируют крупные предприятия. Исследование основано на анализе материалов интервью, статистических и архивных данных. Сравнительный анализ показал, что северные территории смогли адаптироваться через реструктуризацию и диверсификацию производства, основанную на исторических традициях кустарного промысла, в то время как южные территории сохранили моноцентричную модель, где градообразующие предприятия определяют экономическую и социальную жизнь. Авторы рассматривают три типа «эффектов блокировки» (функциональный, политический и когнитивный), которые затрудняют диверсификацию экономики в южных районах. В северных районах, напротив, развитая сеть малых предприятий и кооперация между ними способствуют устойчивости и гибкости местной экономики. Исследование подчеркивает, что исторически сложившаяся специализация территорий продолжает определять их траектории развития.

Ключевые слова: старопромышленные территории, эффект колеи, Нижегородская область, Нижнее Поочье, малые города, моногорода, черная металлургия

EDN: RHYULJ

Периферийные территории, малые города и сельская местность зачастую располагают меньшими условиями для приспособления к меняющимся социально-экономическим условиям, в результате чего проигрывают в конкуренции за ресурсы. Наиболее ярко подобные тенденции проявляются на старопромышленных территориях, где масштаб основных фондов, вовлеченных в промышленное производство, и высокая степень зависимости от одной или нескольких отраслей производства приводят к значительному влиянию «эффекта колеи» на экономическое развитие территории. Проблема адаптации старопромышленных территорий очень актуальна для России, где более четверти всех городов отнесены к моногородам, а значительная часть территории испытывает депопуляцию и постепенное затухание хозяйственной деятельности.

Именно поэтому особый интерес для исследования имеют стратегии адаптации старопромышленных территорий: факторы и пути, благодаря которым удастся переломить «эффект колеи» или же использовать его на благо территории.

Данный вопрос был изучен на примере Нижнего Поочья — юго-западной части Нижегородской области у побережья Оки (Павловский и Вачский муниципальные округа, городские округа Выкса, Кулебаки и Навашинский) (рис. 1). Выбор территории был определен близким соседством на ней двух кардинально отличающихся по динамике и особенностям развития районов: южной части (Выкса, Кулебаки и Навашино), жизнь которой завязана на крупные предприятия (Выксунский металлургический завод,

Русполимет, Навашинская судовой верфь), и северной (Павловский, Вачский районы), где широко представлен малый и средний бизнес, промыслы, а промышленные мощности распределены между собственниками и между населенными пунктами. Исследуемая территория включает в себя как малые города, так и сельскую местность. Подобный подбор кейсов был необходим для того, чтобы минимизировать влияние экономико-географического положения² (ЭГП) и отраслевой структуры экономики на дифференциацию траекторий развития изучаемых старопромышленных территорий, и для того, чтобы иметь возможность более качественно оценить влияние «эффекта колеи».

Рис. 1. Исследуемая территория и специализация посещенных населенных пунктов. Составлено авторами

2. Экономико-географическое положение (ЭГП) — географическое положение места, объекта (предприятия, населенного пункта, района, страны) относительно внешних объектов, важных для его появления и развития (цит. по: Социально-экономическая география..., 2013).

Старопромышленные территории широко исследуются как в российских географических работах (Аверкиева и др., 2021; Нефедова, Трейвиш, 2020), так и в международных (Стратегии развития..., 2011; Акимова, Чернецкий, 2024). Несмотря на отсутствие единого подхода, в научной литературе сформировался ряд ключевых характеристик, позволяющих идентифицировать данные территории. Отмечено три ключевых диагностических признака таких территорий в отечественных исследованиях (Сорокина, 2025):

1) *Утяжеленная структура экономики* — преобладание в экономике промышленных отраслей устаревших технологических укладов (Глазьев, 1993). Для промышленности характерен низкий уровень наукоемкости продукции (Глonti, 2008). Сами же предприятия являются не производителями, но потребителями инноваций (Сорокина, 2005).

К старопромышленным регионам России традиционно относят территории, где промышленное развитие началось в дореволюционный период или в первые десятилетия советской индустриализации, — чаще регионы Центральной России и Нижегородскую область, Санкт-Петербург и окружающие его территории, Средний Урал (Староосвоенные районы..., 2021).

2) *Замедление темпов экономического развития в условиях сложившейся отраслевой структуры экономики.* Старопромышленные территории на определенном этапе были лидерами экономического роста, но в условиях смены технологических укладов не смогли перестроиться (Глonti, 2008). Критическим стал период экономических трансформаций 1990-х годов (Сорокина, 2005; Староосвоенные районы..., 2021).

3) *Сложность адаптации к изменяющимся под влиянием нового технологического уклада условиям внешней среды.* Старопромышленные территории демонстрируют устойчивую негативную динамику по ключевым социально-экономическим показателям. Их географическое положение на постсоветском этапе смещается от ядерного в субпериферийное и периферийное (Бабурин и др., 2023), что проявляется как на уровне регионов, так и городов. Старопромышленные города часто оказываются аутсайдерами из-за низких показателей экономического развития, устаревшей инфраструктуры и деградации человеческого капитала (Землянский и др., 2020).

В зарубежной литературе выделяется несколько подходов к причинам упадка старопромышленных территорий. Согласно традиционалистскому подходу (Boschma, Lambooy, 1999), упадок связан с изменением спроса на выпускаемую продукцию. Причинами выступают доминирование стагнирующей отрасли; падение экспортного спроса на продукцию; последний этап жизненного цикла продукта (Steiner, 1985). С точки зрения

институционального подхода экономическая стагнация анализируется через систему сложившихся на территории неэффективных институтов. Ключевой концепт — «эффект колен» (Boschma, 2007): современная динамика территории определена предыдущим развитием. Для институциональной среды старопромышленных регионов свойственна ограниченная способность к адаптации, что способствует возникновению феномена, известного как «эффект блокировки» (Hassink, 2005). Он проявляется в трех формах: функциональная блокировка, выражающаяся в создании замкнутой на себе сети взаимодействий между ключевыми акторами; когнитивная блокировка, выражающаяся в доминировании единой консервативной системы ценностей, политическая блокировка, характеризующаяся тесным переплетением интересов экономических и властных структур. В итоге сложившиеся институциональные структуры формируют самоподдерживающуюся коалицию, что в конечном счете приводит к стагнации и упадку территории.

Другим основополагающим понятием в рамках институционального подхода является рассмотрение сети как формы промышленного производства. Формирование неэффективной сети может быть одной из причин стагнации (Замятина, Пилясов, 2016). Появление «неэффективных» сетей связывают с так называемыми «ловушками» (Hassink, 2005). Это ловушка интеграции — установление в регионе сети экономических и политических акторов, одновременно очень тесной и жесткой; ловушка специализации — устойчивая, негибкая специализация региона; ловушка фрагментации — напротив, слишком слабое взаимодействие между предприятиями внутри региона.

В то же время выделяют три группы факторов трансформации старопромышленных территорий (Hu, Hassink, 2015): отраслевые факторы — жизненный цикл продукта, спрос на продукцию, возможность отрасли создавать новые продукты и т.д.; политико-институциональные факторы воздействия — уровень централизации, существующие институты, политические лидеры и т.д.; «непредсказуемые и непреодолимые» факторы воздействия — кризисы, ухудшение окружающей среды, чрезвычайные ситуации.

Ключевой акцент делается на изучении механизмов создания «родственного» (появление компаний в смежных секторах) и «неродственного» (развитие технологически не связанных между собой отраслей) разнообразия (Boschma, Carone, 2015). Экономическая динамика во многом определяется исторически сложившейся специализацией: новые предприятия, как правило, возникают в той же или смежной сфере, что и ранее доминировавшие на данной территории производства. Например, на ранней стадии развития автомобильной промышленности Великобритании фирмы имели более высокий уровень выживаемости, если их предприниматели ранее работали в смежных отраслях, таких

как производство велосипедов, автобусов или машиностроение, и если в их регионах было значительное присутствие этих отраслей (Boschma, Wenting, 2007).

Методы и материалы

Информационной базой исследования стали материалы экспедиции, проведенной в январе 2025 года. В рамках экспедиции было проведено более 50 фокусированных интервью с представителями бизнеса, системы образования, местной власти и местного сообщества, посещено 9 предприятий металлургии, металлообработки и производства изделий из стали, проведены полевые обследования городов Павлово и Выкса. Интервью с представителями местных органов власти фокусировались на структуре экономики и занятости, динамике социально-экономического развития муниципалитетов, роли отдельных отраслей и предприятий в локальной экономике; с представителями системы образования — на взаимодействиях с предприятиями и трудоустройстве выпускников; с представителями предприятий, малого и среднего бизнеса — на выборе сферы деятельности, особенностях производственного процесса, кооперационных и сбытовых связях. В рамках полевых обследований и визуальных наблюдений отмечались проявления влияния предприятий и экономической специализации территории в городском пространстве и символическом капитале. Дополнительно использовались статистические данные (БДПМО Росстата³, СПАРК-Интерфакс⁴), архивные и литературные источники. На этапе сбора данных главными методами в работе стали экспертные интервью, полевые наблюдения и статистические методы, на этапе анализа — сравнительно-географический метод. Описание адаптаций промышленности опирается на данные экспертных интервью и полевые наблюдения.

Результаты и их обсуждение

Исторический и современный контекст

Уже на протяжении первой половины XIX века можно говорить о формировании в Нижнем Поочье двух промышленных районов с ярко выраженной специализацией: Павловского металлопромышленного (в терминологии некоторых

3. Здесь и далее: База данных показателей муниципальных образований // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/databases/munst.php>

4. Здесь и далее: СПАРК-Интерфакс. URL: <https://spark-interfax.ru/>

дореволюционных авторов — сталелесарного (Савельев, 1916)) и Выксунско-Кулебакского металлургического.

Вместе с тем история зарождения Павловского металлопромышленного района уходит своими корнями в конец XVI — XVII век, когда на пересечении двух транспортных магистралей — р. Ока и Московско-Нижегородского тракта в Павлове возникают многочисленные кузницы, в которых местные ковали занимались *«заваркой ружейных стволов»* и изготовлением оружия для удовлетворения потребности в нем гарнизонов Окской оборонительной линии. Другим важным фактором стала близость источников сырья — болотных железных руд.

Во второй четверти XVIII века благодаря открытию павловским помещиком графом П. Б. Шереметьевым *«железного завода»* вкупе с развитием речной торговли и ростом на Волге крупных ежегодных ярмарок (Макарьевской, впоследствии Лысковской и др.) возникает мануфактурное производство складных ножей, замков и ружей. Завод просуществовал в Павлове до 1770 года, однако сталелесарное производство на этом не закончилось, а преобразовалось: *«мануфактурная форма промышленности раздробилась, расплылась по отдельным семьям, ушла в избы»*, приняв форму кустарного промысла (Савельев, 1916: 7–9). Это нашло свое отражение в другой особенности местной металлообработки, а именно в возникновении конце XVIII — первой половине XIX века в разных частях уже формирующегося в пределах Горбатовского уезда Нижегородской губернии металлопромышленного района локальных «гнёзд», «кустов» поселений, где местные кустари из крепостных крестьян начинали специализироваться на производстве определенного вида металлических изделий.

Впоследствии, в течение 1830–1850-х годов благодаря постепенному проникновению новых технологий металлообработки возникает потребность в усилении постадийного разделения труда, что выразилось в возникновении объединений кустарей — мастерских и артелей. Некоторые из них в пореформенный период разрослись до крупных фабрик. Вследствие этого начиная с 1860–1870-х годов Павловский кустарный район становится кустарно-промышленным (Волго-Вятский экономический район..., 1961: 228). Характерным явлением времени становится возникновение династий фабрикантов, многие основатели которых в прошлом — разбогатевшие мастеровые и кустари. Среди них в Павлове — Воротиловы, Вырыпаевы, Калякины, Банины, в Ворсме — братья Завьяловы, Залявины, Шмаковы, в Ваче — Кондратовы и др. Вместе с тем к началу XX века прочно закрепилась товарная специализация отдельных сёл и «кустов» поселений: с. Павлово — центр производства замков, с. Ворсма — перочинного ножа, с. Тумботино — ножниц, селения Детковской и Панинской волостей — коромысел, селения Новосельской (прежде всего с. Вача) и соседних волостей Муромского уезда Владимирской

Е. А. Черепанова и др.

Влияние «эффекта колен» на адаптацию старопромышленных районов Нижнего Поочья к меняющимся экономическим условиям в постсоветский период

губернии, пограничных с Горбатовским, — столового и хлебного ножа, вилок и др. приборов.

Так, согласно данным переписи кустарных промыслов, проведенной в Нижегородской губернии в 1912 году в границах Павловского сталеслесарного района, выделяемого Савельевым в пределах 13 волостей Горбатовского уезда, в промыслах было занято 13,8 тыс. чел., или 15,1% всего населения⁵ района. В отдельных волостях доля занятых в промыслах была заметно выше средней по району: например, она составляла 23,5% населения в Ворсменской и более половины всего населения — 53% в Детковской волости (Савельев, 1916: 2). При этом если исключить детскую и подростковую занятость, то в промыслах было занято от 87% (Ворсменская) до 98–98,5% (Павловская и Тумботинская) экономически активного мужского населения означенных выше волостей, учитывая также тех, для кого подобная занятость была сезонной, преимущественно вне основного периода сельскохозяйственных работ (Савельев, 1916: 4). В свою очередь, согласно данным Владимирского губернского статистического комитета, к 1901 году «выделкой различных ножей, ножниц и кинжалов» в левобережной части Муромского уезда в 69 селениях в окрестностях Вачи было занято около 4,5 тыс. чел., тогда как производством сундуков в 10 селениях Арефинской, Загаринской (современный Вачский район) и Варежской волостей (крайний запад Павловского района) было занято 379 кустарей (Федосеев, 1901: 8–9).

После 1917 года крупные фабрики национализуются, а свободные кустари объединяются в артели, в 1930-е годы возникает новое направление промышленной специализации: производство хирургического (медико-инструментальный завод им. В. И. Ленина в Ворсме), слесарно-монтажного, столярного, сапожного (в Павлове) инструмента, что делает Павловский металлопромышленный район одной из крупнейших баз по производству инструмента в Советском Союзе. Вместе с тем кустарный характер производства район потеряет уже в послевоенные десятилетия, а именно в 1957 году, когда «с целью ликвидации распыленности производства и остатков кустарничества» 5 заводов и 72 артели Павловского и Вачского районов Горьковской области были реорганизованы и объединены в 27 новых заводов (Волго-Вятский экономический район..., 1961: 228–229). Такая организация местной металлической промышленности сохранялась вплоть до начала 1990-х годов. Накопленные компетенции обработки металла станут востребованы и в машиностроении: так, в 1930 году в Павлово запускается завод автотракторного инструмента, который позже станет Павловским

5. Среди 13 772 занятых в кустарных промыслах было учтено 9066 мужчин, 2429 женщин и 2277 несовершеннолетних детей и подростков обоего пола (Савельев, 1916: 2).

автобусным заводом⁶, а в 1940 году вводится в эксплуатацию завод авиационного оборудования (современные заводы «Гидроагрегат» и «Восход»)⁷.

В свою очередь, история Выксунско-Кулебакского металлургического района берет свое начало во второй половине XVIII века с основания в 1765 году первого завода в Выксе тульскими промышленниками братьями Баташевыми, перенесшими свои производства в Нижнее Поочье. До конца века в районе будет основано более десяти железоделательных и чугуноплавильных заводов, большинство из которых просуществует до 1860–1870-х годов. Развитие металлургии в Нижнем Поочье в означенный период обусловлено благоприятным сочетанием основных факторов производства: наличие собственной сырьевой и топливной базы, выгодное транспортно-географическое положение на Оке относительно основных потребителей в центральных губерниях страны, а также дешевизна крепостного труда. Впоследствии, до 1917 года в связи с нерентабельностью закрывается большинство небольших старых заводов (Илевский, Вознесенский, Велетьминский и др.), некоторые будут ликвидированы в раннесоветский период (Вилевский завод). В советское время в районе произойдет резкая концентрация металлургического производства в Выксе и Кулебаках, которое приобретает характер переделного: основным сырьем становится привозной лом, стружка, а также переделный чугун. Возникает специализация на производстве труб в Выксе и металлических комплектующих для железнодорожного машиностроения, а также металлоконструкций в Кулебаках (Волго-Вятский экономический район..., 1961: 233–234).

К настоящему времени постсоветские рыночные трансформации сформировали разные направления развития ключевых промышленных предприятий района. В южной части Нижнего Поочья крупные металлургические предприятия продолжают оставаться ключевыми экономическими акторами, формирующими наибольшее число рабочих мест, в т.ч. в смежных отраслях; более того, создаются новые металлургические предприятия. В массе своей они сумели воспользоваться благоприятной конъюнктурой рынка, диверсифицировать свою продукцию и нарастить объемы производства (рис. 2). В северной же части среди крупных предприятий наибольшую значимость получают

Е. А. Черепанова и др.

Влияние «эффекта колен» на адаптацию старопромышленных районов Нижнего Поочья к меняющимся экономическим условиям в постсоветский период

6. Павловский автобусный завод отмечает 85-летие. Союз машиностроителей России. [Электронный ресурс]. <https://soyuzmash.ru/news/companies-news/pavlovskiy-avtobusnyy-zavod-otmechaet-85-letie/> (дата обращения: 04.04.2025).

7. 19 октября — день основания завода «Гидроагрегат». Нижегородская ассоциация промышленников и предпринимателей. [Электронный ресурс]. <https://napp52.ru/19-oktyabrya-den-osnovaniya-zavoda-gidroagregat/> (дата обращения: 04.04.2025).

машиностроительные производства, в то время как заводы-наследники металлопромышленных артелей оказываются не в лучшем экономическом положении.

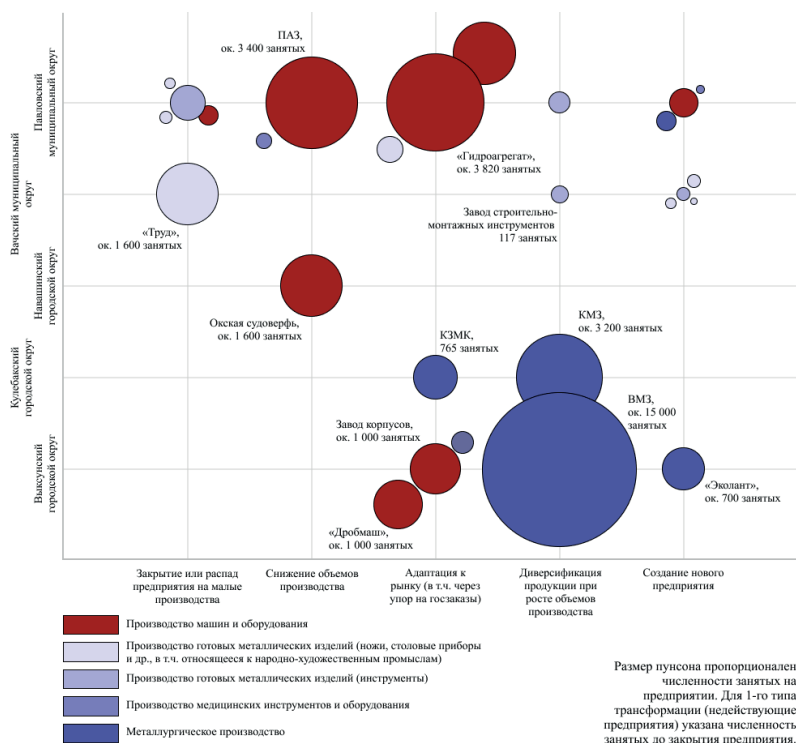

Рис. 2. Типы трансформации отдельных крупных, средних и малых предприятий металлургии, металлообработки и машиностроения Нижнего Поочья по муниципалитетам за постсоветский период⁸. Составлено авторами на основе интервью и СПАРК-Интерфакс

Сегодня наиболее высоким уровнем социально-экономического развития среди исследуемых муниципальных образований выделяется городской округ Выкса, являющийся лидером по промышленному производству, привлеченным инвестициям и среднемесячной заработной плате не только среди районов

8. Расшифровка сокращений: ВМЗ — АО «Выксунский металлургический завод», КМЗ — Кулебакский металлургический завод (юридическое лицо АО «Русполимет»), ПАЗ — Павловский автобусный завод (юридическое лицо ПАО «Павловский автобус»), «Труд» — завод металлоизделий «Труд-Вача», «Эколант» — металлургический завод АО «Эколант», КЗМК — Кулебакский завод металлоконструкций (юридическое лицо АО «СМК Кулебаки»).

Нижнего Поочья, но и в Нижегородской области (табл. 1). Навашинский, Павловский округа и Кулебаки занимают примерно одинаковое социально-экономическое положение. Вачский муниципальный округ — аутсайдер по большей части социально-экономических показателей как среди исследуемых районов, так и среди Нижегородской области в целом.

Таблица 1. Отдельные показатели социально-экономического развития исследуемых муниципальных образований

Муниципальное образование	Показатель (место в Нижегородской области)			
	Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами (без субъектов малого предпринимательства) в 2023 г. на душу населения, тыс. руб.	Инвестиции в основной капитал, осуществляемые организациями, находящимися на территории муниципального образования (без субъектов малого предпринимательства) в среднем за 2021–2023 гг. на душу населения, тыс. руб.	Введено в действие жилых домов на территории муниципального образования в среднем за 2020–2022 гг. на 1000 человек, квадратный метр общей площади жилых зданий	Среднемесячная заработная плата работников организаций (без субъектов малого предпринимательства) в 2023 г., тыс. руб.
городской округ г. Выкса	3485,3 (1)	491,2 (1)	468,6 (10)	74,0 (2)
городской округ г. Кулебаки	762,5 (7)	57,3 (12)	176,6 (45)	56,4 (9)
городской округ Нава-шинский	571,2 (12)	35,1 (25)	350,9 (25)	54,3 (10)
Павлов-ский муниципальный округ	752,6 (8)	42,5 (19)	361,9 (24)	58,7 (6)
Вачский муниципальный округ	36,4 (44)	18,4 (39)	289,8 (30)	39,6 (39)

Источник: составлено и рассчитано авторами по данным БДПМО.

Е. А. Черепанова и др.

Влияние «эффекта колен» на адаптацию старопромышленных районов Нижнего Поочья к меняющимся экономическим условиям в постсоветский период

СОВРЕМЕННОСТЬ

Можно выделить два различных типа адаптации к изменившимся социально-экономическим условиям в постсоветский период. Северный район — это пример стихийной реструктуризации. После закрытия основных предприятий в постсоветский период отрасль смогла перестроиться и вернуться к малоформатному типу организации. Этот переход происходил эволюционно, в два этапа. Сначала бывшие сотрудники инструментальных фабрик, оставшиеся без работы, перешли на индивидуальное изготовление продукции металлообработки, выполняя весь цикл работ самостоятельно и выпуская привычные им типовые столовые приборы. В тот же период появились единичные крупные производства, например, «САРО», с десятками и сотнями наемных сотрудников, которые превратились в своеобразные «университеты», откуда мастера, набравшись опыта, уходили в индивидуальное предпринимательство.

На втором этапе начала формироваться кооперация между мастерами. Ранее на фабриках мастера выполняли отдельные операции, поэтому при переходе на самостоятельную работу возникали трудности с выполнением всех операций по производству готового продукта. Выходом из этой ситуации стало постадийное разделение труда, когда каждый выполняет работу, соответствующую его навыкам. Также произошло кратное увеличение ассортимента выпускаемых товаров, вызванное конкуренцией с китайским импортом и расширением потребительского спроса. Сегодня в районе производится широкий спектр продукции: от туристических и охотничьих ножей до исторических реплик, от садового инвентаря до художественного литья.

Современный рынок металлообработки в северном районе Нижнего Поочья — это крайне разветвленная хозяйственная структура с тесными внутренними связями, диверсифицированная не только горизонтально (по стадиям и по продукции), но и вертикально. Среди форм организации производства на территории встречаются индивидуальные мастера, небольшие артели до 10–15 человек, выпускающие серийную продукцию, и предприятия, выполняющие крупные заказы. Появление большого числа рыночных ниш добавляет гибкости, по словам одного из респондентов: «Сколько людей сюда ни привези, они найдут чем заняться». Характерна и территориальная дифференциация: многие мастера и малые предприятия расположены в селах Павловского (важный центр здесь — второй по значению г. Ворсма) и Вачского округов.

Е. А. Черепанова и др.

Влияние «эффекта колен» на адаптацию старопромышленных районов Нижнего Поочья к меняющимся экономическим условиям в постсоветский период

Рис. 3. Примеры продукции малых металлообрабатывающих производств. Фотографии авторов

В отличие от северного района, реструктуризацию в южном районе можно считать ложной, поскольку не произошла трансформации местной хозяйственной системы, наоборот, усиливается ее

моноцентричность. Реструктуризация в южном районе началась с производственной модернизации. В Выксе этот процесс идет непрерывно с 2000-х, включая внедрение новых технологий изготовления труб и снижения воздействия на окружающую среду. Основным направлением остается выпуск железнодорожных колес и труб большого диаметра.

Развитие малого и среднего предпринимательства в Выксе затруднено, поскольку металлургический завод концентрирует экономически активное население. Градообразующее предприятие сформировало вокруг себя сеть «смежников», в том числе из числа малых и средних предприятий. Образовательная инфраструктура в Выксе ориентирована преимущественно на потребности завода в кадрах. Альтернативных проектов в сфере образования в Выксе пока не планируется, что снижает потенциал для появления новых отраслей и инновационных изменений на территории.

Завод ведет довольно агрессивную кадровую политику. Выбрав своей стратегией удержание местного населения и привлечение рабочей силы, компания активно вкладывается в городскую среду для формирования привлекательного образа территории. На средства ОМК в Выксе не только строится инфраструктура, но и поддерживаются городские события и социально-культурные инициативы. Ориентация на завод, как показало обследование сел г.о. Выкса, характерна и для жителей пригородной сельской местности, плотно связанной с городом сетью автобусных маршрутов и потоками ежедневной маятниковой миграции.

Влияние «эффектов блокировки»

Функциональная блокировка обусловлена существованием жесткой структуры хозяйственных связей, в которой доминирующее положение занимает ВМЗ. На завод приходится около 70% всей выручки в городе, а сотрудничество с ВМЗ является самым маргинальным вариантом коммерческой деятельности в городе. Один из респондентов отмечал, что из всех бизнесов, которыми он владеет, прибыль приносят только те, что оказывают услуги заводу.

Возникновение политической блокировки обусловлено кадровыми связями администрации городского округа и металлургического завода. Сближение руководства округа с заводом отразилось на стратегии развития округа, в основе которой лежит потребность градообразующего предприятия в привлечении дополнительно 5–6 тысяч человек рабочей силы. Практически все заложенные в стратегию мероприятия инициированы и финансируются «Объединенной металлургической компанией» (ОМК).

Наконец, когнитивная блокировка проявляется в инерции взглядов местного сообщества, неосознанном отождествлении города с заводом. Максима «все в городе держится на ВМЗ» часто звучала в ответах интервьюируемых. Событием для города стала

остановка последней мартеновской печи, потому что «мартен — это сердце завода, а завод — сердце города»: *«Когда в 2018 году останавливали мартен, боялись, что завод закроется и жизнь в городе остановится»* (местная жительница, 56 лет). Жители не видят альтернатив развития города и возможностей для себя в этом городе, проявляют меньшую социальную активность и креативность, играющие важную роль в трансформации старопромышленных территорий.

Факторы трансформации экономики

В рамках вышеописанной модели (Hu, Hassink, 2015) можно выделить три группы факторов, обусловивших различия в траектории развития северной и южной части Нижнего Поочья.

Политико-институциональные факторы. Ключевым фактором дифференциации выступает эффект колеи, проявившийся в воспроизводстве дореволюционных моделей экономической организации. Северные районы сохранили традиции малого предпринимательства в металлообработке, тогда как южные — ориентацию на крупные промышленные предприятия.

На севере, в Павлово и Ворсме, сложилась «особенная» среда, способствующая обучению и взаимодействию предпринимателей. Ее ключевыми элементами выступают: инфраструктура, способствующая передаче знаний (в частности, Павловский техникум народных художественных промыслов и одно из первых постсоветских предприятий — «САРО» в Ворсме), и устойчивые практики неформального взаимодействия между субъектами предпринимательской деятельности (предприниматели активно обмениваются опытом и знаниями, развивается «цеховая» структура со специализацией мастеров на отдельных операциях). На юге, напротив, эффекты блокировки не способствуют формированию сети предприятий, активно взаимодействующих, но не замкнутых на градообразующем предприятии.

Отраслевые факторы. Если север Нижнего Поочья традиционно ориентирован на металлообработку, то на юге ключевой отраслью остается металлургия (за исключением Навашино). Существенна разница в барьерах входа: организация мелкосерийного производства ножей требует относительно скромных инвестиций, в отличие от металлургии. Специализация крупных предприятий южной части (особенно производство труб большого и сверхбольшого диаметра на ВМЗ) оказалась более выгодной, в то время как на севере предприятия оказались в более трудных условиях.

Непрогнозируемые факторы. Недостаточная маржинальность внутреннего рынка для крупных предприятий севера Нижнего Поочья и кризисы 1990-х и 2000-х годов привели к значительному сжатию роли крупных предприятий в занятости жителей. Оказавшись без работы, жители были вынуждены искать другие способы заработка, в том числе и создание собственного дела.

Е. А. Черепанова и др.

Влияние «эффекта колеи» на адаптацию старопромышленных районов Нижнего Поочья к меняющимся экономическим условиям в постсоветский период

Кроме того, важно добавить еще один фактор, чья роль значительна в российских условиях. Это *близость к рынкам сбыта продукции*. Павлово и Ворсма расположены в Европейской части России, на территории со сравнительно высокой плотностью населения. Развитие платформ дистанционной торговли (СДЭК, Авито) и маркетплейсов создали дополнительные конкурентные преимущества для малых производителей металлоизделий. Например, в Ворсме инфраструктура служб курьерской доставки и маркетплейсов адаптировалась под нужды «ножевиков».

Выводы

Сравнение двух территориальных ареалов Нижнего Поочья показывает, как небольшие различия в природно-ресурсном потенциале сформировали две разные траектории развития и постсоветской трансформации. В северной части (Павловский и Вачский округа) более низкое качество железных руд привело к формированию не фабрично-заводского, а кустарного производства, распределенного по отдельным мастерам и их семьям. Это привело к формированию особой предпринимательской среды, формированию специализации окрестных сел на определенных видах продукции металлообрабатывающего промысла, наработке и передаче соответствующих компетенций. Даже советская индустриализация шла по уже проложенной «колее» металлообрабатывающей специализации. В постсоветский период произошло частичное возрождение кустарного, индивидуального металлического промысла, чему поспособствовали как низкий порог входа, так и развитие новых цифровых платформ, упрощающих поиск покупателей и ставших фактическим заменителем прежнего механизма — ярмарок. В южной части (Выкса, Кулебаки и Навашино) более высокое качество руд стало предпосылкой для формирования крупного заводского производства, специализации на капиталоемкой металлургии. Это сформировало ситуацию, в которой главным «действующим лицом» в городе оказывается завод, находящийся на «особом положении» и распространяющий свое влияние не только на экономическую, но и на другие сферы жизни города. Дополнительно углубили эту централизацию сначала концентрация производств в основных центрах (Выксе и Кулебаках), а затем и советская индустриализация. В постсоветское время Выкса, Кулебаки и Навашино сохранили свой статус «городов при заводах»: заводы по-прежнему играют ключевую роль в принятии решений в городах, являются основными источниками пополнения муниципальных бюджетов и источниками финансирования для реализации городских проектов (ситуация, характерная в первую очередь для Выксы) и служат местом приложения труда для большей части жителей.

Преодоление такой моноспециализации затруднено за счет действия «эффектов блокировки».

В рамках исследования наряду со старопромышленными городами изучена старопромышленная сельская местность. В северной части исследуемого ареала сохраняется рассредоточенный характер производства: в селах Вачского и Павловского округов металлообрабатывающие и инструментальные производства возрождаются в постсоветское время, а некоторые из них — действовали и в советский период. Села, окружающие города на юге ареала, после ликвидации небольших металлургических предприятий функционируют как пригородные «спальные районы».

В современных условиях траектория «юга» оказалась более выгодной. Выкса действительно является одним из экономических «локомотивов» Нижегородской области, городская инфраструктура активно развивается, чему как раз способствует тесная связь города и заводом и заинтересованность завода в развитии города. Однако нельзя забывать и о рисках такой модели. Успех Выксы во многом обусловлен благоприятной рыночной конъюнктурой и специализацией на выгодных видах продукции, таких как трубы большого диаметра. В то же время соседние Кулебаки и Навашино, которым со специализацией повезло меньше, не демонстрируют похожего уровня развития — их социально-экономическое положение в целом не лучше, чем у «севера». Возможно, траектория развития северной части ареала при должной работе окажется хотя и менее быстрой, но более устойчивой.

Библиография

- Аверкиева К. В., Нефедова Т. Г., Кондакова Т. Ю. (2021). Поляризация социально-экономического пространства в регионах староосвоенного центра России: пример Ярославской области // Мир России. Социология. Этнология. Т. 30. № 1. С. 49–66.
- Акимова В. В., Чернецкий Ф. М. (2024). Трансформация территориальной структуры обрабатывающей промышленности Республики Корея в XXI в. // Вестник Московского университета. Серия 5. География. № 5. С. 90–100.
- Бабурин В. Л., Горячко М. Д., Демидова К. В., Макушин М. А. (2023). Ядро-периферийная модель размещения промышленности: мир и Россия // Вестник Московского университета. Серия 5. География. № 4. С. 3–17.
- Матвеев Г. П., Приваловская Г. А., Хорев Б. С. (сост.) (1961). Волго-Вятский район: экономико-географическая характеристика. М.: Географгиз.
- Глазьев С. Ю. (1993). Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: ВладДар.
- Глonti К. М. (2008). Старопромышленные регионы: проблемы и перспективы развития // Регионология. № 4. С. 27–39.
- Замятина Н. Ю., Пилясов А. Н. (2015). Инновационный поиск в монопрофильных городах: блокировки развития, новая промышленная политика и план действий. М.: URSS.
- Землянский Д. Ю., Калиновский Л. В., Махрова А. Г., Медведникова Д. М., Чуженькова В. А. (2020). Комплексный индекс социально-экономического развития городов

- России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. Т. 84. № 6. С. 805–818.
- Нефедова Т. Г., Трейвиш А. И. (2020). Среднеуральский меридиан: поляризация пространства старопромышленных регионов // Известия Русского географического общества. Т. 152. № 5. С. 3–25.
- Савельев М. А. (1916). Металлические промыслы Нижегородской губернии. Нижний Новгород: Кустарный отдел Нижегородского губернского земства.
- Сорокина Н. Ю. (2025). Диагностика старопромышленных регионов как предпосылка стратегирования их социально-экономического развития: Научный доклад. М.: ИЗ РАН.
- Горкин А. П. (отв. ред.) (2013). Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник. Смоленск: Ойкумена.
- Нефедова Т. Г., Старикова А. В. (ред.) (2021). Староосвоенные районы в пространстве России: история и современность. М.: Товарищество научных изданий КМК.
- Стародубровская И. (под ред.) (2011). Стратегии развития старопромышленных городов: международный опыт и перспективы в России. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Федосеев Л. А. (1901). Краткий очерк кустарной промышленности Владимирской губернии: издание Владимирского губернского статистического комитета. Владимир: типо-литография Губернского правления.
- Boschma R. (2007). Path creation, path dependence and regional development // Path Dependence and the Evolution of City Regional Economies, Working Paper Series. Vol. 197. № 3. P. 40–55.
- Boschma R., Capone G. (2015). Institutions and diversification: Related versus unrelated diversification in a varieties of capitalism framework // Research Policy. Vol. 44. № 10. P. 1902–1914.
- Boschma R., Lambooy J. (1999). The prospects of an adjustment policy based on collective learning in old industrial regions // GeoJournal. Vol. 49. № 4. P. 391–399.
- Boschma R., Wenting R. (2007). The spatial evolution of the British automobile industry: Does location matter? // Industrial and corporate change. Vol. 16. № 2. P. 213–238.
- Hassink R. (2005). How to unlock regional economies from path dependency? From learning region to learning cluster // European Planning Studies. Vol. 13. № 4. P. 521–535.
- Hu X., Hassink R. (2015). Explaining differences in the adaptability of old industrial areas // Routledge Handbook of Politics and Technology. Routledge. P. 186–196.
- Steiner M. (1985). Old industrial areas: A theoretical approach // Urban Studies. Vol. 22. P. 387–398.

The impact of path dependence on the adaptation of old-developed industrial regions of the Lower Oka Region to changing economic conditions in the post-Soviet period

Ekaterina A. Cherepanova, Senior Analyst, Center for Strategic Research, Gazetny Per., 3–5, bldg. 1, Moscow, 125009, Russia. E-mail: ekcherepanowa2016@yandex.ru

Polina A. Shirokova, Independent Researcher. Sitnikova St., 2, Balashikha, Moscow Region, 143923, Russia. E-mail: shirokova-poly@yandex.ru

Grigory A. Nazarenko, PhD Student, Department of Economic and Social Geography of Russia, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University. Leninskie Gory, 1, GSP-1, Moscow, 119991, Russia. E-mail: nga-02@mail.ru

Oleg E. Prusikhin, PhD Student, Senior Engineer, Department of Economic and Social Geography of Russia, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University. Leninskie Gory, 1, GSP-1, Moscow, 119991, Russia. E-mail: olegprus2000@mail.ru

Oleg D. Krutov, PhD Student, Senior Engineer, Department of Economic and Social Geography of Russia, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University. Leninskie Gory, 1, GSP-1, Moscow, 119991, Russia. E-mail: bigolegg11@yandex.ru

Evgeny A. Aleksandrov, Master's Student, Department of Economic and Social Geography of Russia, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University. Leninskie Gory, 1, GSP-1, Moscow, 119991, Russia. E-mail: aleksandrovea@my.msu.ru

Natalia A. Koldobskaya, PhD (Geography), Associate Professor, Department of Economic and Social Geography of Russia, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University. Leninskie Gory, 1, GSP-1, Moscow, 119991, Russia. E-mail: koldobskaya@gmail.com

Abstract. The article considers the influence of “path dependence” on the adaptation of old industrial territories of the Nizhny Novgorod Region to the changing economic conditions in the post-Soviet period. The authors identify two different development trajectories — in the northern part (Pavlovsky and Vachsky districts) with a predominance of small business and handicraft production and in the southern part (Vyksa, Kulebaki, Navashino) with a predominance of large enterprises. The study is based on interviews, statistical and archival data. The comparative analysis showed that northern territories managed to adapt by restructuring and diversification of production based on the historical handicraft traditions, while southern territories maintained a monocentric model with the city-forming enterprise determining economic and social life. The authors identify three types of “blocking effects” (functional, political, and cognitive) that make it difficult to diversify the economy in southern regions. On the contrary, in northern regions, a developed network of cooperating small enterprises contributes to the sustainability and flexibility of the local economy. Thus, historical specialization of territories still determines their development trajectories.

Key words: old industrial territories, path dependency, Nizhny Novgorod Region, Lower Oka Region, small towns, single-industry towns, ferrous metallurgy

References

- Akimova V. V., Chernetsky F. M. (2024) Transformation of the territorial structure of manufacturing industry in the Republic of Korea in the 21st century. *Bulletin of epy Moscow University. Series 5: Geography*, no 5, pp. 90–100. (In Russian)
- Averkiewa K. V., Nefedova T. G., Kondakova T. Yu. (2021) Polarization of social-economic space in regions of the old-developed center of Russia: The case of the Yaroslavl Region. *Mir Rossii*, vol. 30, no 1, pp. 49–66. (In Russian)
- Baburin V. L., Goryachko M. D., Demidova K. V., Makushin M. A. (2023) The core-periphery model of industrialization: The world and Russia. *Bulletin of the Moscow University. Series 5: Geography*, no 4, pp. 3–17. (In Russian)
- Boschma R. (2007) Path creation, path dependence and regional development. *Path Dependence and the Evolution of City Regional Economies. Working Paper Series*, vol. 197, no 3, pp. 40–55.
- Boschma R., Capone G. (2015) Institutions and diversification: Related versus unrelated diversification in a variety of capitalism frameworks. *Research Policy*, vol. 44, no 10, pp. 1902–1914.
- Boschma R., Lambooy J. (1999) The prospects of an adjustment policy based on collective learning in old industrial regions. *GeoJournal*, vol. 49, no 4, pp. 391–399.
- Boschma R., Wenting R. (2007) The spatial evolution of the British automobile industry: Does location matter? *Industrial and Corporate Change*, vol. 16, no 2, pp. 213–238.
- Fedoseev L. A. (1901) *A Brief Essay on the Handicraft Industry in the Vladimir Province*, Vladimir: State Printing and Lithography Office. (In Russian)

Е. А. Черепанова и др.

Влияние «эффекта колен» на адаптацию старопромышленных районов Нижнего Поочья к меняющимся экономическим условиям в постсоветский период

- Glazyev S.Yu. (1993) *Theory of the Long-Term Techno-Economic Development*, Moscow: Vldar. (In Russian)
- Glonti K. M. (2008) Old industrial regions: Challenges and development prospects. *Regional Studies*, no 4, pp. 27–39. (In Russian)
- Gorkin A. P. (Ed.) (2013) *Social-Economic Geography: Concepts and Terms*. Reference Dictionary, Smolensk: Oikumene. (In Russian)
- Hassink R. (2005) How to unlock regional economies from path dependency? From learning region to learning cluster. *European Planning Studies*, vol. 13, no 4, pp. 521–535.
- Hu X., Hassink R. (2015) Explaining differences in the adaptability of old industrial areas. *Routledge Handbook of Politics and Technology*, Routledge, pp. 186–196.
- Matveev G. P., Privalovskaya G. A., Khorev B. S. (Eds.) (1961) *Volga-Vyatka Region: Economic-Geographical Characteristics*, Moscow: Geografiz. (In Russian)
- Nefedova T. G., Starikova A. V. (Eds.) (2021) *Old-Developed Regions in the Russian Space: History and the Present Time*, Moscow: ASP KMK. (In Russian)
- Nefedova T. G., Treyvish A. I. (2020) Middle Urals meridian: Polarization of space in old industrial regions. *Proceedings of the Russian Geographical Society*, vol. 152, no 5, pp. 3–25. (In Russian)
- Savelyev M. A. (1916) *Metal Crafts of the Nizhny Novgorod Province*, Nizhny Novgorod: Handicraft Department of the Nizhny Novgorod Provincial Zemstvo. (In Russian)
- Sorokina N.Yu. (2025) Diagnosis of Old Industrial Regions as a Prerequisite for the Strategy of Their Social-Economic Development, Moscow: IE RAS. (In Russian)
- Starodubrovskaya I. (Ed.) (2011) *Development Strategies for Old Industrial Cities: International Experience and Prospects in Russia*, Moscow: Gaidar Institute Publishing House. (In Russian)
- Steiner M. (1985) Old industrial areas: A theoretical approach. *Urban Studies*, no 22, pp. 387–398.
- Zamyatina N.Yu., Pilyasov A. N. (2015) *In Search of Innovations in Single-Industry Cities: Obstacles to Development, New Industrial Policy and Action Plan*, Moscow: URSS. (In Russian)
- Zemlyansky D.Yu., Kalinovskiy L. V., Makhrova A. G., Medvednikova D. M., Chuzhenkova V. A. (2020) Composite index of social-economic development of Russian cities. *News of the Russian Academy of Sciences. Geographical Series*, vol. 84, no 6, pp. 805–818. (In Russian)

Миграция в сельской местности Калининградской области: масштабы и география потоков¹

А. В. Лялина, К. Ю. Волошенко, А. П. Плотникова

Анна Валентиновна Лялина, кандидат географических наук, научный сотрудник Центра социально-экономических исследований региона, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта. 236041, Калининград, ул. Александра Невского, 14. Россия. E-mail: anuta-mazova@mail.ru.

Ксения Юрьевна Волошенко, кандидат экономических наук, директор Центра социально-экономических исследований региона, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта. 236041, Калининград, ул. Александра Невского, 14. Россия. E-mail: KVoloshenko@kantiana.ru

Ангелина Петровна Плотникова, аспирант, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта. 236041, Калининград, ул. Александра Невского, 14. Россия. E-mail: a.plotnikova.1416@gmail.com

Миграционные процессы в сельской местности российских регионов сегодня в высокой мере пространственно неоднородны и отражают протекание встречных по направлению процессов — урбанизации, дезурбанизации и субурбанизации. Пандемия COVID-19, сопровождавшаяся ростом удаленной занятости, а также усиление эксклавности Калининградской области в условиях действия внешних ограничений (которая проявляется в росте уязвимости, изолированности, периферийности, закрытости, ограниченности ресурсов и потенциала), с одной стороны, и рост популярности региона среди российских туристов — с другой, создают предпосылки к трансформации внутренних и внешних миграционных процессов в Калининградской области, которые, несомненно, затрагивают и сельскую местность. Целью исследования стало выявление изменений в масштабах и географии миграционных потоков в сельской местности Калининградской области на временном интервале 2011–2023 гг. Традиционные для миграционных исследований относительные показатели, характеризующие интенсивность миграционных потоков, рассчитаны впервые на данных о внутрирегиональной миграции между муниципалитетами отдельно для сельской местности. С помощью типологизации и картографических методов обоснованы различия в миграционной привлекательности и специфике протекания миграционных процессов в ближней пригородной, дальней пригородной и периферийной зонах. Миграционный прирост сельской местности ближних пригородов характеризуется стремительным ростом, главным образом за счет мигрантов из других регионов России и жителей областного центра, но также и в результате переселения жителей городов и сел восточной части области. Сельская местность дальних пригородов и периферии стала медленнее терять население по причине более заметного замещения оттока в результате сельско-городской миграции приростом за счет межрегиональной миграции.

1. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-27-00098, <https://rscf.ru/project/25-27-00098/>

Ключевые слова: сельская местность, внутренняя миграция, сельско-городская миграция, муниципальные образования, пригороды, периферия, агломерация, Калининградская область

EDN: UPONPO

Сельская местность Калининградской области начиная с 2021 г. все активнее включается в миграционные процессы, происходящие в регионе. Вовлечение сельских территорий влечет не только внутрорегиональное перераспределение населения, но внешний миграционный обмен с другими регионами России и странами. В 2023 г. на сельскую местность пришлось более 34% суммарного сальдо миграции региона, в то время как в 2011–2020 гг. в среднем этот показатель не превышал и 10%. За период 2011–2023 гг. в сельскую местность переехало на постоянное место жительства более 131 тыс. человек, или 24% от всех прибывших. Это в целом соответствует распределению населения между городской и сельской местностью — в среднем в 2011–2023 гг. в сельской местности проживало около 22% населения. Однако в структуре выбывших удельный вес сельской местности оказался выше — 27%, или 115 тыс. человек.

Происходящие изменения в социально-экономическом развитии сельской местности Калининградской области обуславливают рост ее привлекательности. В числе этих изменений рост транспортной связности внутри региона, которая расширяет возможности маятниковой миграции для сельских жителей в городах области. Растет и число рабочих мест на селе, как в сфере сельского хозяйства и агропромышленного комплекса, так и в альтернативных формах занятости, например, в туризме. На социально-экономическое развитие удаленных сельских муниципалитетов области направлен ряд региональных мер и механизмов поддержки предпринимателей (программа «Восток»², программа «Агростартап»³). Кроме того, влияние оказала и пандемия COVID-19, когда в условиях широко распространившейся дистанционной занятости актуализировались миграционные факторы качества жизни, обусловившие процессы дезурбанизации. В то же время на уровне муниципалитетов по линии запад-восток, город-село сохраняются диспропорции в уровне социально-экономического развития, что продолжает играть важную роль в формировании внутренних миграционных потоков.

-
2. Льготные займы субъектам малого и среднего предпринимательства на инвестиционные цели из средств региональной субсидии. Утверждено Протоколом Наблюдательного совета фонда «Центр поддержки предпринимательства Калининградской области» № 12/2021 от 29.06.2021.
 3. Грант в форме субсидии юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям в рамках создания поддержки фермеров и развития сельской кооперации. Утверждено Приказом Министерства сельского хозяйства Калининградской области от 04.05.2021 № 108.

Происходящие изменения трансформируют пространственную структуру миграционных потоков в сельской местности, оказывают неравномерное воздействие на замещение населения, что предопределяет территориальные особенности экономико-демографической безопасности региона. Таким образом, целью настоящего исследования стало выявление и описание пространственных изменений в масштабах и географии миграционных потоков в сельской местности Калининградской области на временном интервале 2011–2023 гг.

Степень изученности проблемы и научная новизна исследования

Миграционные процессы в сельской местности в России являются предметом изучения многих отечественных авторов. Для целей данного исследования интерес представляют следующие ранее полученные результаты.

Урбанизация и ассоциированные с ней перетоки населения из сельской местности в городскую демонстрируют заметное снижение интенсивности. Основной причиной этого является сокращение миграционного потенциала на селе (Карцева, Мкртчян, Флоринская, 2024), а также встречный поток возвратной миграции в сельскую местность и дезурбанизация (Никулина, Арефьева, Сарайкин, 2022). Значение имеет также замещение внутреннего оттока сельского населения в города притоком в сельскую местность мигрантов из других стран или регионов России (Ryazantsev, Bragin, 2023).

Отмечаются пространственные особенности протекания миграционных процессов в сельской местности в зависимости от удаленности от крупного города. Доказано, что на периферии сельская местность испытывает отток населения, в то время как пригородные села прирастают за счет мигрантов, как по причине субурбанизации, дезурбанизации, возвратной миграции и транзитной миграции с периферии поближе к крупному городу, так и внешней миграции (Карцева, Мкртчян, Флоринская, 2024; Мкртчян, 2024; Югов, 2021; Mkrtchyan, 2019). Как правило, именно здесь складываются потоки село-село в пределах одного региона, когда жители удаленных периферийных сел переезжают ближе к центру. Именно в пригородах формируется среда, объединяющая городскую и сельский образ жизни, и, по сути, они представляют промежуточное положение в сельско-городском континууме (Трейвиш, 2016; Григоричев, 2013). В то же время исследователи отмечают (Аверкиева, 2023), что дезурбанизация, т.е. переселение городских жителей в сельскую местность, имеет место не только в пригородах, но за их пределами, на периферии, тем самым смягчая последствия оттока селян в города.

Объясняя масштабы и географию миграционных процессов в сельской местности российских регионов, исследователи отмеча-

ют, что ведущими факторами сельско-городской миграции по-прежнему выступают выталкивающие, связанные с отставанием сельской местности от городской по показателям уровня и качества жизни (Карцева, Мкртчян, Флоринская, 2024; Нефедова, Мкртчян, 2017; Хагуров и др., 2020; Chaplitskaya, Tassinari, Heijman, van Ophem, 2024). Это более низкие возможности получения образования и трудоустройства на квалифицированные рабочие места, с чем связан разрыв в уровне оплаты труда в городской и сельской местности, слабо развитая культурная, социальная, хозяйственно-бытовая инфраструктура, дефицит квалифицированной медицинской помощи, социальные болезни общества (наркомания, алкоголизм, тунеядство) и другие. В миграции село-село движущей силой выступают в целом те же самые факторы, дополненные нежеланием менять образ сельской жизни на городской, при этом имея доступ к городской инфраструктуре. Такое стремление может быть сопряжено в том числе с более широкими возможностями ведения сельского хозяйства (личного подсобного или крестьянско-фермерского) в пригородах по причине наличия удобного рынка сбыта в крупном городе. В то же время исследования доказывают, что зачастую такие потоки ограничены сложившимися «ловушками бедности», которые характеризуются, прежде всего, высоким уровнем бедности среди сельского населения и внутрирегиональным неравенством (Вакуленко, 2019). Согласно (Андреева, Карачурина, 2021; Моляренко, 2013; Никулина, Апрефьева, Сарайкин, 2022; Овчинцева, 2021; Мкртчян, 2019; Ryazantsev, Bragin, 2023), факторы возвратной миграции и дезурбанизации могут иметь не только экономическую природу. Наравне с возможностями развития предпринимательства на селе, приобретения более дешевой недвижимости мигранты из городов выбирают сельскую местность по семейным, психологическим, экологическим и личным причинам.

В более ранних исследованиях, посвященных миграции населения в Калининградской области (Лялина, 2022; Лялина, 2019; Лялина, 2023; Федоров, Киндер, Кузнецова, 2021), выявлен и описан центростремительный переток населения восточной периферийной, с преобладанием сельского населения, части региона в западную более развитую. Это обусловлено градиентами в социально-экономическом развитии поселений области по линии восток-запад, центр-периферия, которые в большинстве своем совпадают (Гуменюк, Гуменюк, 2021; Гуменюк, Юстратова, 2024; Кузнецова, Сибирева, 2020; Лялина, 2020; Федоров, Киндер, Кузнецова, 2021; Федоров, Кузнецова, Разумовский, 2017; Lialina, Morachevskaya, 2022). В своей работе Г. М. Федоров (Федоров, 2023: 132) указывает на отставание «периферии в развитии социальной инфраструктуры от пригородной зоны» и, как правило, меньшие возможности «развития сельско-городских связей (в особенности обслуживания села городской инфраструктурой) периферийных восточных муниципалитетов по сравнению с пригородными западными».

В данной статье приведена попытка на основе новых данных о миграции в сельской местности муниципальных образований Калининградской области проследить, насколько общероссийские миграционные тенденции в сельской местности, такие как урбанизация, дезурбанизация, возвратная миграция, сельско-сельская миграция, замещение внутренних миграционных потерь внешней миграцией, выражены в российском эксклаве на Балтике.

*А. В. Лялина,
К. Ю. Волошенко,
А. П. Плотникова*
Миграция в сельской местности Калининградской области: масштабы и география потоков

Материалы и методика исследования

Оценка масштабов и обобщенных миграционных потоков на уровне муниципальных образований Калининградской области проводилась на данных Калининградстат за 2011–2023 гг. с использованием традиционных для миграционных исследований показателей. Для выявления внутрирегиональных особенностей протекания миграционных процессов применялся метод типологии, который традиционно предшествует дальнейшим глубоким качественным исследованиям факторов миграции в конкретных типологических группах территориальных единиц. Как правило, для анализа и сравнения территорий по уровню вовлеченности в миграционные процессы в типологиях применяют абсолютные и относительные показатели сальдо, оборота и результативности миграции, числа прибытий и выбытий (Алешковский, 2015; Алешковский, 2007; Лялина, 2023; Einem, Panter, Reid, 2023; Реск, 2021). Детализация географии внутренней миграции на уровне муниципальных образований проводилась на данных матрицы внутренней миграции населения между муниципалитетами Калининградской области — статистическая форма t-pt2n — «Внутрирегиональная миграция населения по территориям прибытия и выбытия». Впервые в работе использованы данные применительно к сельской местности, а не суммарно для городской и сельской местности, которые ранее уже являлись базой ряда исследований российских ученых (Карачурина, Мкртчян, 2021; Стешина, 2010; Тарасова, 2018). Это позволило выделить миграционные потоки между сельской местностью и городскими округами, образованными городами без сельских населенных пунктов (Калининград, Советск, Пионерский), и другими муниципальными образованиями региона.

Обоснование пространственных особенностей миграционных процессов в сельской местности региона проводится в рамках территориальных зон, выделенных профессором Г. М. Федоровым (Федоров, Киндер, Кузнецова, 2021): ближняя пригородная зона — Гурьевский, Зеленоградский, Багратионовский муниципальные округа (МО), Светлогорский, Пионерский, Светловский, Янтарный, Мамоновский, Ладушкинский и Балтийский городские округа (ГО); дальняя пригородная зона — Полесский, Гвардейский и Правдинский МО; периферийная зона — Славский, Краснознаменский, Неманский, Нестеровский, Озерский, Черняховский МО, Гусевский и Советский ГО.

СОВРЕМЕННОСТЬ

Сельская местность Калининградской области в 2011–2023 гг. демонстрировала растущую миграционную привлекательность, и в 2022–2023 гг. сальдо миграции на селе оказалось на 77% выше, чем в городах области. Это обусловлено, прежде всего, увеличением интереса к сельской местности региона со стороны межрегиональных и внутренних мигрантов. Только в 2014 и 2018 г. сальдо миграции в сельской местности опускалось до нулевых значений вследствие кратковременного увеличения внутренних переселений в города, а в 2014 г. — также за рубеж (рис. 1). Максимальное значение сальдо миграции в сельской местности пришлось на два пандемийных года (2020–2021 гг.). Рост прибытий достиг максимальных значений за рассматриваемый период в 2021 г. — почти 13 тыс. человек (179% к 2011 г.), а сальдо миграции составило 3,2 тыс. человек.

Развитие миграционной ситуации в сельской местности Калининградской области в рассматриваемый период имело ряд схожих черт с городской местностью, которые отражают рост миграционной привлекательности области для переселенцев из других регионов России после 2014 г. и вплоть до 2022 г. Такая тенденция сопряжена с увеличением привлекательности региона для туристов и ростом экономики как вследствие реализации крупных инвестиционных проектов, так и поддержки малого и среднего бизнеса в регионе, расширения рыночных возможностей для их развития (на фоне импортозамещения), в том числе в сельской местности.

Волатильность знака сальдо миграции с другими странами определяется, прежде всего, возможностями занятости для трудовых мигрантов в регионе (например, строительство объектов к ЧМ-2018 по футболу), ограничениями в период противодействия распространения пандемии COVID-19 в 2020–2021 гг. и особенностями пребывания мигрантов в России в этот период⁴, курсом рубля по отношению к мировым валютам. В целом на новом этапе развития миграционной обстановки после 2019 г. роль международной миграции в значительной степени сократилась — если в 2011–2018 гг. интенсивность сальдо международной миграции в сельской местности была сопоставима с межрегиональной (1,2‰ против 1,5‰), то в 2019–2023 гг. — уже в 18 раз ниже (0,3‰ против 5,3‰).

Во внутрирегиональной миграции населения сельская местность в 2011–2019 гг. выступала донором мигрантов для городов области. Однако в 2020–2023 гг. отмечается баланс между городской и сельской местностью.

4. Например, продление сроков регистрации в России иностранных граждан в 2020 г., которое сказалось на сокращении числа выбытий во второй половине 2021 г. и избыточном учете выбытий, не попавших в учет 2021 — в начале 2022 г.

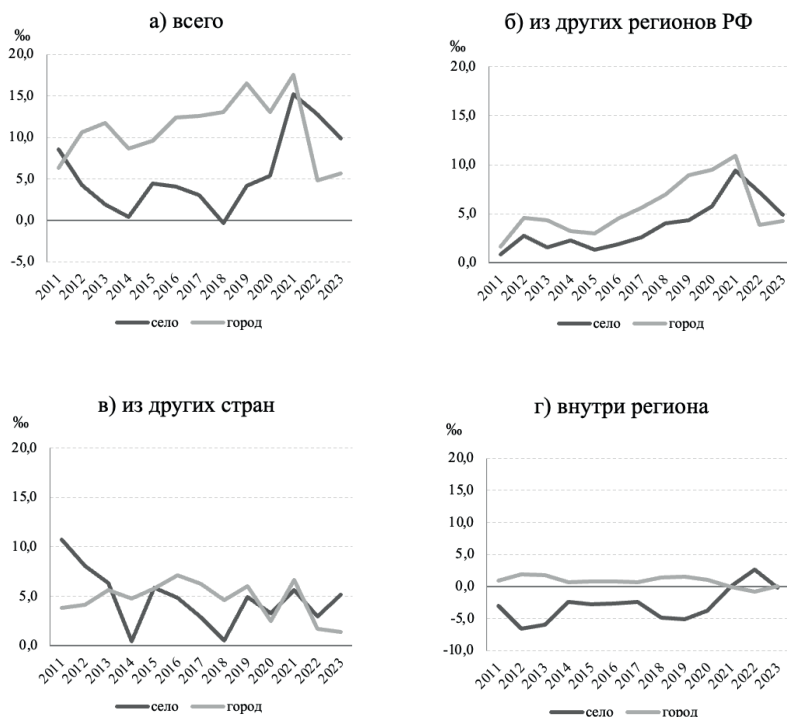

Рис. 1. Коэффициент сальдо миграции населения в городской и сельской местности Калининградской области по направлениям миграции, %

За период 2011–2023 гг. в сельскую местность Калининградской области переехало на постоянное место жительства 15,6 тыс. мигрантов, что составило чуть более половины суммарного прироста численности населения сельских поселений региона.

Таким образом, в пандемийные и постпандемийные годы роль сельской местности в российском эксклаве заметно возросла, как и повысилась миграционная привлекательность региона не только для проживания в городах, но и на селе. При этом отмечаются пространственные особенности протекания миграционных процессов в сельской местности на уровне территориальных зон.

Межмуниципальные различия в миграционной обстановке

Сельское население в пределах области концентрируется в ближней пригородной зоне — здесь проживает почти 60% всего сельского населения региона (табл. 1). При этом доля его в численности населения округов зоны незначительна — в среднем до 30%. Напротив, преимущественно сельское население в сравнении с численностью городского проживает в дальней пригородной зоне и на периферии.

*А. В. Лялина,
К. Ю. Волошенко,
А. П. Плотникова*
Миграция в сельской местности Калининградской области: масштабы и география потоков

В 2011–2023 гг. миграционная обстановка в ближней пригородной зоне позитивно выделялась по сравнению с дальней пригородной и периферийной зонами. По сравнению с 2011–2018 гг. в 2019–2023 гг. миграционная привлекательность сельской местности ближних пригородов, относящихся к Калининградской городской агломерации, выросла в 3,7 раза, что позволило нарастить численность сельского населения за 13 лет на 5% (рис. 2). Это касается, прежде всего, Гурьевского МО и приморских Зеленоградского МО, Светлогорского ГО и Янтарного ГО.

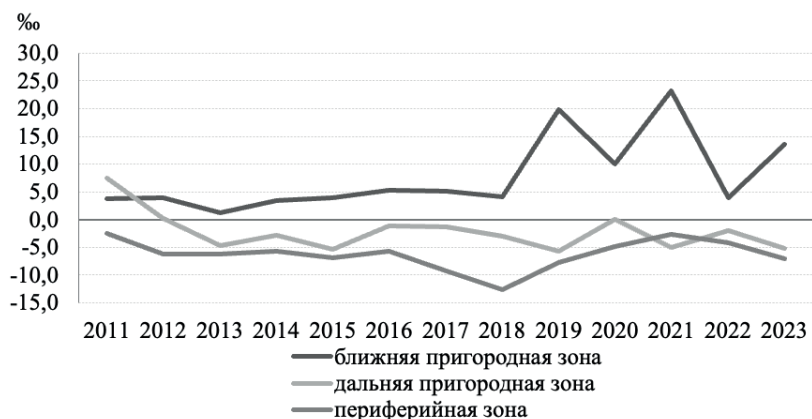

Рис. 2. Коэффициент сальдо миграции в сельской местности в пространственных зонах Калининградской области, %

Таблица 1. Некоторые показатели изменения численности и доли сельского населения в пространственных зонах Калининградской области

	Доля сельского населения, % (2023)	Суммарная численность сельского населения, тыс. чел. (2023)	Изменение численности населения, % (2023/2011)	Изменение доли сельского населения, % (2023/2011)
Ближняя пригородная зона	30,0	141,7	105,1*	90,6*
Дальняя пригородная зона	63,3	39,5	99,4	106,4
Периферийная зона	52,4	60,9	80,4	96,9

Примечание: *без учета изменения численности сельского населения Светлогорского ГО по причине включения двух городских поселений (Донское и Приморье) в 2018 г. совокупной численностью населения более 4,1 тыс. чел. в состав сельской местности.

В муниципалитетах с преобладающим сельским населением в дальних пригородах и на периферии, напротив, сохранялся отток населения, в 2020–2022 гг. приблизившийся к минимуму — 0,0‰ и -2,7‰ соответственно. На этом фоне в рассматриваемом периоде численность сельского населения на периферии сократилась на 20%, а его доля — на 3%. При этом в дальних пригородах, напротив, доля сельского населения возросла. Это обусловлено главным образом более интенсивным оттоком горожан, преимущественно в областной центр и его ближайшие пригороды. Второстепенную роль играет переток сюда населения периферии, в том числе вследствие более широких возможностей для занятости в сфере агропромышленного комплекса (для фермеров — ближе большой рынок сбыта, для наемных работников — есть крупные агрохолдинги).

По специфике сложившейся миграционной обстановки в сельской местности муниципалитеты Калининградской области могут быть типологизированы следующим образом:

Тип 1 объединил муниципалитеты с миграционным приростом: подтип 1.1 — более 10,1‰, подтип 1.2 — от 5,1 до 10,0‰, подтип 1.3 — от 2,1 до 5,0‰.

Наиболее быстро растет за счет мигрантов сельская местность Гурьевского, Зеленоградского и Светлогорского округов по причине значительного увеличения притока из других регионов РФ (в Светлогорском ГО — в 9 раз, в Зеленоградском МО — в 2 раза) и других поселений области (Зеленоградский МО — в 5 раз) по сравнению с 2011–2018 гг. (табл. 2).

Подтип 1.2 с повышенной миграционной привлекательностью также включает два муниципалитета ближней пригородной зоны. Отмечается увеличение интенсивности миграционного прироста в Янтарном. Как и в подтипе 1.1, ключевую роль сыграл рост сальдо миграции внутри региона (смена убыли на прирост) и с другими субъектами РФ. В Светловском ГО, напротив, общий прирост несколько сократился вследствие снижения сальдо международной миграции практически до нуля.

В подтип 1.3 выделен Багратионовский МО с прилегающими городскими округами Ладушкин и Мамоново, где более чем в два раза сократившийся внутрирегиональный отток полностью компенсируется внешней, прежде всего межрегиональной, миграцией.

Тип 2 — это муниципалитеты с околонулевым сальдо миграции. В 2019–2023 гг. в составе типа Черняховский, который выступает центром притяжения на востоке области (административный центр округа — Черняховск, один из трех полусредних городов области) и Полесский МО с динамично развивающимся сектором АПК, характеризующиеся улучшением миграционной ситуации, и Балтийский ГО, наоборот, — ухудшением. В первых двух отмечается снижение оттока населения в пределах области и увеличение прироста в межрегиональной миграции. В Балтийском ГО почти в 4 раза

вырос внутрирегиональный отток населения, а межрегиональный приток сократился более чем в 2 раза.

Тип 3 включает округа дальней пригородной и периферийной зон с миграционной убылью населения различной интенсивности: подтип 3.1 — от -5,0 до -2,1‰, подтип 3.2 — от -9,9 до -5,1, подтип 3.3 — менее -10,0‰.

Наименее ярко выраженный отток населения сложился в Нестеровском, Краснознаменском и Гвардейском округах подтипа 3.1. При этом если в периферийных муниципалитетах отток сократился почти в 3 раза, то в Гвардейском МО дальней пригородной зоны он сопоставимо вырос. В Нестеровском районе увеличился приток из других регионов РФ, в том числе по причине интенсивного развития сектора АПК (занятость в сельском хозяйстве выросла в 2 раза, 2024 к 2011). Для Краснознаменского района значение имеет прежде всего сокращение оттока внутри региона. Рост миграционной убыли в Гвардейском МО связан с сохранением внутриобластного оттока при практически полном исчерпании замещения внешней миграцией.

Подтип 3.2 объединил два округа, демонстрирующие ухудшение миграционной ситуации, — Гусевский ГО (административный центр округа — Гусев, один из трех полусредних городов области) и Правдинский МО в дальней пригородной зоне. Здесь отмечается значительное увеличение внутрирегионального оттока (в Гусевском ГО — более чем в 10 раз). Это также два муниципалитета периферии — Озерский МО и Славский МО, традиционно характеризующиеся высоким внутрирегиональным миграционным оттоком, но в 2019–2023 гг. он заметно сократился.

К подтипу 3.3 отнесен периферийный Неманский МО с максимальной миграционной убылью вследствие усиления оттока в пределах области.

Таблица 2. Типология муниципальных образований Калининградской области по специфике сложившейся миграционной обстановки в сельской местности

		Тип	Коэффициент сальдо миграции населения, ‰ (в среднем за период)							
			2011–2018 гг.				2019–2023 гг.			
			вну-три ре-гио-на	с други-ми ре-гионами РФ	с дру-гими стра-нами	об-щий	вну-три ре-гио-на	с други-ми ре-гионами РФ	с дру-гими стра-нами	об-щий
Ближняя пригородная зона	Багратионовский МО*	1,3	-8,7	0,4	7,0	-1,3	-3,3	5,3	2,7	4,7
	Светловский МО	1,2	0,4	4,9	2,6	12,6	1,5	6,4	0,1	7,7
	Балтийский ГО	2	-2,7	11,5	0,1	9,8	-10,1	5,3	0,1	1,2
	Гурьевский МО	1,1	8,9	5,2	2,0	23,7	8,2	9,5	0,8	23,5
	Зеленоградский МО	1,1	2,3	5,6	0,6	11,2	11,9	11,6	0,5	28,4
	Светлогорский МО	1,1	5,3	2,5	0,1	9,4	4,3	24,0	0,2	35,8
	ГО «П. Янтарный»	1,2	-1,9	3,0	0,1	3,6	3,1	5,0	0,3	6,9
	всего по зоне		-2,3	2,7	1,5	4,3	3,2	9,0	0,4	15,2
Дальняя пригородная зона	Полесский МО	2	-8,2	0,7	1,0	-4,1	-5,3	2,1	0,4	1,1
	Правдинский МО	3,2	-5,8	1,9	1,9	1,7	-9,2	2,9	0,0	-7,7
	Гвардейский МО	3,1	-7,2	1,6	1,3	-1,6	-7,2	0,2	0,2	-4,4
	всего по зоне		-7,0	1,4	1,4	-1,3	-7,3	1,7	0,2	-3,7
Периферийная зона	Гусевский ГО	3,2	-0,5	0,8	0,7	2,8	-5,8	0,3	0,2	-5,4
	Краснознаменский МО	3,1	-12,9	1,0	0,6	-9,9	-9,6	2,4	0,2	-3,5
	Неманский МО	3,3	-13,1	-0,3	0,9	-10,7	-14,9	1,9	0,2	-12,2
	Озерский МО	3,2	-13,6	-1,0	0,5	-13,5	-13,0	0,4	0,3	-8,5
	Славский МО	3,2	-12,1	-0,5	0,9	-10,4	-10,3	1,3	0,2	-6,2
	Черняховский МО	2	-6,6	-0,6	0,6	-4,8	-6,6	1,7	0,4	-1,7
	Нестеровский МО	3,1	-11,0	0,5	0,6	-8,5	-13,1	6,3	0,3	-2,8
	всего по зоне		-10,0	0,0	0,7	-7,9	-10,5	2,0	0,2	-5,8

Примечание: *здесь и в таблице 3, включая ГО «г. Ладушкин» и ГО «г. Мамоново», поскольку в 1962–1997 гг. они входили в состав Багратионовского муниципалитета, а численность сельского населения невелика: в Ладушкине — 89 человек, в Мамонове — 213 человек (2023 г.).

А. В. Лялина,
К. Ю. Волошенко,
А. П. Плотникова
Миграция в сельской местности Калининградской области: масштабы и география потоков

СОВРЕМЕННОСТЬ

Процессы внутренней миграции населения протекают в сельской местности в пространственных зонах Калининградской области по-разному (рис. 3). В дальней пригородной зоне и на периферии преобладает отток по линии село-город (85% всех миграционных потерь в сельской местности), который дополняется хоть и менее интенсивной убылью населения в рамках миграции село-село. В ближней пригородной зоне ранее преобладающий отток из сел в города сменился в 2019–2023 гг. обратным процессом переселения из городов в села. Практически равнозначную роль для увеличения численности сельского населения ближних пригородов играет и миграция по линии село-село.

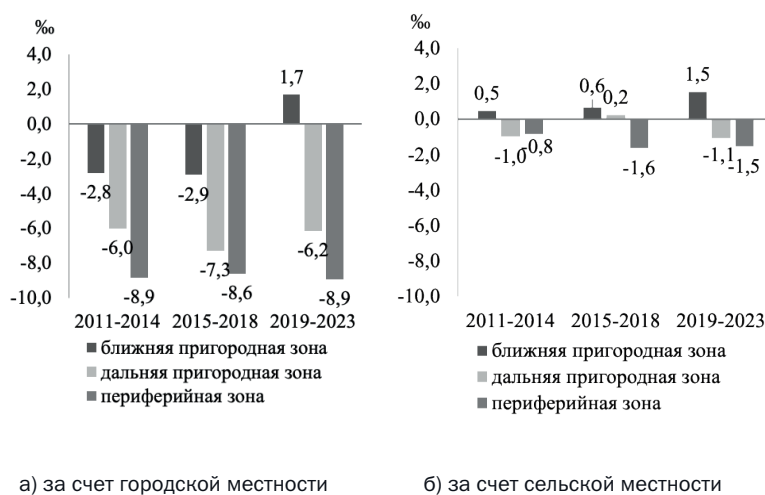
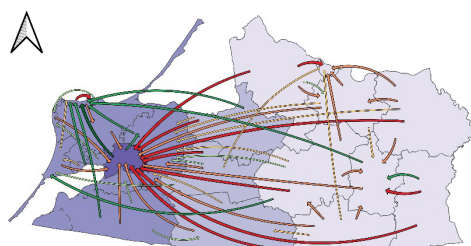

Рис. 3. Коэффициент сальдо внутренней миграции населения сельской местности по пространственным зонам Калининградской области

Суммарно за 2011–2023 гг. сельская местность Калининградской области потеряла почти 15 тыс. человек за счет миграции в города. Сегодня интенсивность миграционной убыли колеблется по муниципалитетам от -4,7‰ до -14,3‰ (табл. 3). При этом суммарная естественная убыль сельского населения в этот период составила около 2 тыс. человек. В этих потоках наиболее заметно переселение в города сельского населения Багратионовского МО (включая Ладушкин и Мамоново) и Славского МО, на которые приходится 17,0% и 14,0% соответственно совокупной убыли сельского населения в городскую местность. Основными рецепторами мигрантов из сел выступает областной центр г. Калининград с пригородом г. Гурьевском, а также административные центры соответствующих муниципальных образований (рис. 4). На востоке области зону

притяжения селян также формирует полусредний город Советск, влияние которого распространяется главным образом на соседние Славский и Неманский округа, значительно меньше — на Краснознаменский МО. Для сельской местности восточной периферии также значение имеет переезд и в другие полусредние города — Гусев и Черняховск.

*А. В. Лялина,
К. Ю. Волошенко,
А. П. Плотникова*
Миграция в сельской местности Калининградской области: масштабы и география потоков

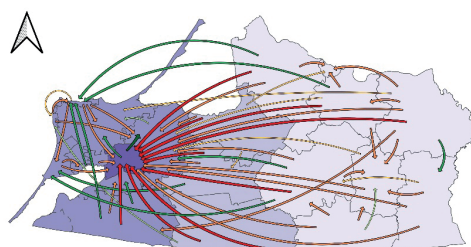

Сальдо миграции сельской местности муниципальных образований в 2011-2014 гг., на 1000 сельского населения:

менее -5.00	-0.99 - -0.70	1.00 - 4.99
-4.99 - -1	0.70 - 0.99	более 5.00

Зоны Калининградской области:

Областной центр	Дальняя пригородная
Ближняя пригородная	Периферийная

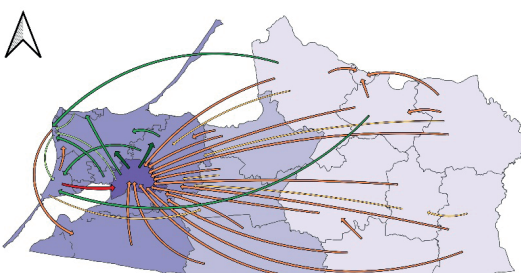

Сальдо миграции сельской местности муниципальных образований в 2015-2018 гг., на 1000 сельского населения:

менее -5.00	-0.99 - -0.70	1.00 - 4.99
-4.99 - -1	0.70 - 0.99	более 5.00

Зоны Калининградской области:

Областной центр	Дальняя пригородная
Ближняя пригородная	Периферийная

Сальдо миграции сельской местности муниципальных образований в 2019-2023 гг., на 1000 сельского населения:

менее -5.00	-0.99 - -0.70	1.00 - 4.99
-4.99 - -1	0.70 - 0.99	более 5.00

Зоны Калининградской области:

Областной центр	Дальняя пригородная
Ближняя пригородная	Периферийная

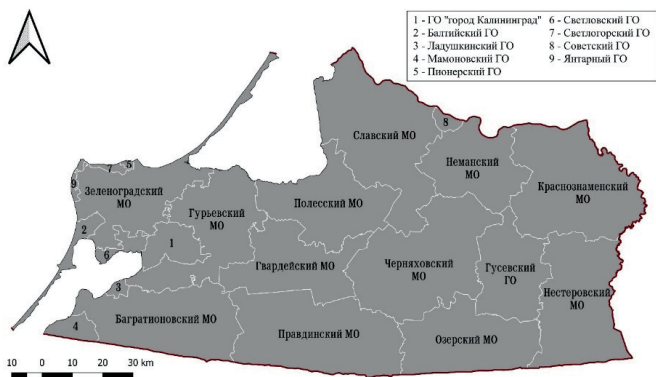

Рис. 4. Миграционные потоки между сельской местностью и муниципальными образованиями Калининградской области в 2011–2014 гг. (а), 2015–2018 гг. (б), 2019–2023 гг. (в)

Примечание: миграционные потоки, отражающие миграционную убыль, приведены к численности сельского населения муниципалитета исхода; миграционные потоки, отражающие миграционный прирост, рассчитаны к численности населения сельской местности муниципалитета вселения.

Особый режим воспроизводства сельского населения за счет внутренней миграции сложился начиная с 2014 г. в Гурьевском МО и Зеленоградском МО (рис. 4). Вследствие расположения в зоне влияния областного центра сельская местность прирастает главным образом в результате миграции горожан — жителей столицы Калининграда (дезурбанизация), а также в меньшей степени жителей городов и сел более удаленных от центра муниципалитетов. Так, в сельскую местность Гурьевского МО в 2011–2023 гг. переехало из Калининграда 3,8 тыс. чел. при совокупном приросте за счет городской местности 4,9 тыс. чел.; в села Зеленоградского МО — 0,9 тыс. чел. при 1,2 тыс. чел. всего прироста за счет городской местности. Из муниципалитетов дальней пригородной зоны и периферии в сельскую местность Гурьевского МО в этот период переехало 1,9 тыс. чел., Зеленоградского МО — 0,5 тыс. чел. Кроме того, между этими округами также сформировался небольшой переток населения по линии село-село.

В целом миграционные потоки между муниципалитетами по направлению село-село выражены крайне слабо — их интенсивность не превышает 2,5 человека на 1000 населения. Кроме вышеназванного перетока сельского населения периферии и дальних пригородов в сельскую местность ближайших пригородов областного центра (Гурьевский МО и Зеленоградский МО), значение представляет перемещение в сельскую местность Багратионов-

ского МО (включая Ладушкин и Мамоново), который также относится к ближней пригородной зоне, сельского населения более удаленных от центра округов (Правдинского, Краснознаменского и Славского).

Таблица 3. Коэффициент сальдо внутренней миграции населения сельской местности Калининградской области, ‰

		За счет городской местности			За счет сельской местности			Всего		
		2011–2014	2015–2018	2019–2023	2011–2014	2015–2018	2019–2023	2011–2014	2015–2018	2019–2023
Ближняя пригородная зона	Багратионовский МО	-6,7	-8,4	-5,6	-0,7	-1,4	0,6	-7,5	-9,9	-4,9
	Светловский ГО	2,8	-2,7	0,9	0,9	-0,2	0,6	3,7	-2,8	1,5
	Балтийский ГО	-1,8	-4,7	-9,4	2,3	-1,3	-0,7	0,5	-6,0	-10,1
	Гурьевский МО	4,3	8,9	7,2	2,2	2,5	1,0	6,4	11,4	8,2
	Зеленоградский МО	-2,4	3,6	9,7	1,1	2,2	2,2	-1,3	5,8	11,9
	Светлогорский ГО	11,6	-6,1	3,0	0,1	5,1	1,4	11,7	-1,0	4,3
	ГО «П. Янтарный»	-2,8	0,0	3,3	-0,6	-0,3	-0,3	-3,6	-0,2	3,1
Дальняя пригородная зона	Полесский МО	-5,9	-8,6	-4,7	-1,3	-0,5	-0,6	-7,2	-9,1	-5,3
	Правдинский МО	-5,1	-7,0	-7,6	0,2	0,3	-1,6	-4,8	-6,7	-9,2
	Гвардейский МО	-7,1	-6,4	-6,2	-1,8	0,9	-1,0	-8,9	-5,5	-7,2
Периферийная зона	Гусевский ГО	0,8	-3,0	-3,8	1,4	-0,1	-2,0	2,2	-3,2	-5,8
	Краснознаменский МО	-12,6	-9,0	-8,1	-1,1	-3,0	-1,5	-13,7	-12,0	-9,6
	Неманский МО	-12,0	-14,6	-14,3	1,1	-0,6	-0,6	-10,9	-15,2	-14,9
	Озерский МО	-10,6	-10,5	-10,9	-4,3	-1,8	-2,1	-14,9	-12,3	-13,0
	Славский МО	-11,1	-9,4	-9,1	-0,4	-3,3	-1,2	-11,6	-12,7	-10,3
	Черняховский МО	-5,5	-6,3	-4,9	-0,8	-0,7	-1,7	-6,3	-7,0	-6,6
	Нестеровский МО	-10,9	-7,5	-11,4	-1,6	-2,0	-1,7	-12,4	-9,5	-13,1

А. В. Лялина,
К. Ю. Волошенко,
А. П. Плотникова
Миграция в сельской местности Калининградской области: масштабы и география потоков

СОВРЕМЕННОСТЬ

Миграционные потери сельской местности в результате внутрирегионального перемещения сегодня полностью компенсируются притоком извне, а в муниципалитетах с положительным внутренним миграционным сальдо внешняя миграция усиливает его. Соотношение международной и межрегиональной миграции в структуре сальдо миграции в целом сбалансировано.

Кроме рассмотренного выше (см. рис. 1) сокращения объемов *международной миграции* в расселении мигрантов из-за рубежа отмечается рост концентрации в ближней пригородной зоне: если в 2011–2018 гг. на эти муниципалитеты приходилось 69% суммарного сальдо международной миграции в регионе, то в 2019–2023 гг. — уже 75%, главным образом за счет пригородов областного центра — Гурьевского МО (50%), Зеленоградского МО (13%) и Багратионовского МО (с Ладушкиным и Мамоновым) (11%). При этом дальние пригороды снизили свою привлекательность для иммигрантов в 2 раза. Высокие показатели в Багратионовском МО, кроме прочего, связаны с размещением на его территории Центра временного размещения в пос. Северный для временного пребывания участников Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом.

В межрегиональной миграции, значительно нарастившей свои объемы в рассматриваемый период, важной особенностью стал рост вовлеченности в миграционный обмен не только западной части области, но и восточной периферийной: если в 2011–2018 гг. здесь фиксировался отток населения в другие регионы России, то в 2019–2023 гг. среднегодовой миграционный прирост в группе периферийных муниципалитетов сравнялся со значениями по группе округов дальней пригородной зоны. Именно поэтому в структуре миграционного прироста за счет обмена с другими регионами России доля муниципалитетов-лидеров снизилась, несмотря на рост абсолютных значений: Гурьевский МО — с 51 до 45%, Зеленоградский МО — с 24 до 19%. В то же время привлекательность сельских пригородов для переселенцев из других регионов РФ росла заметно быстрее, чем остальной территории региона. К числу других округов реципиентов переселенцев из других регионов России выделяются курорт федерального значения Светлогорский ГО (8%), промышленный пригород областного центра — Багратионовский МО (9%), сельскохозяйственный Нестеровский МО (5%).

Длительное замещение внутрирегионального оттока внешней миграцией в сельской местности нашло отражение и в национальном составе наличного населения по данным всероссийских переписей населения (ВПН). В целом для сельской местности характерен более пестрый состав населения, чем для городской, — доля иноэтничного населения (не русского) составила, по данным ВПН-2010,

в среднем в сельской местности 16%, в городской — 13%. Эта разница достигает максимальных значений в сельской местности именно на периферии, испытывающей максимальный отток внутри региона. Так, в Неманском МО она составляет 14 пп. — 27% против 13%, в Краснознаменском МО и Черняховском МО — 7% (20–21% против 13–14%). Значительное сокращение доли иных национальностей в составе сельского населения, по данным ВПН-2020 (до 9%), может быть обусловлено как изменением миграционной обстановки (сокращение объемов международного входящего потока и снижение внутреннего оттока), так и качеством проведенной переписи⁵.

*А. В. Лялина,
К. Ю. Волошенко,
А. П. Плотникова*
Миграция в сельской местности Калининградской области: масштабы и география потоков

Дискуссия и выводы

В Калининградской области, как и в Крыму (Ожегова, Сазонова, 2024) или в Алтайском крае (Миграция..., 2019), наиболее быстро растут сельские пригороды столиц. Однако в отличие от ряда других регионов России (Григоричев, 2011), миграционная привлекательность сельских пригородов в пределах Калининградской городской агломерации стала возрастать относительно недавно — начиная с 2014 г., а наиболее интенсивно — после 2020 г. Главной движущей силой при этом выступают не только жители областной столицы, но и переселенцы из других регионов России и зарубежных стран. Это обусловлено возросшей миграционной привлекательностью Калининградской области в этот период и выделяет регион на фоне других регионов России.

Для роста численности населения сельских пригородов Калининградской области в рассматриваемом периоде возросло значение потоков по линии город-село, переселения жителей областного центра, что характеризует процессы дезурбанизации и субурбанизации. При этом вклад потоков из периферии и дальних пригородов в сельскую местность ближних пригородов, как часть процесса урбанизации (Григоричев, 2016), несмотря на абсолютный рост, снизился. В целом переток сельского населения востока области ближе к центру может быть обусловлен как расширенными возможностями ведения сельского хозяйства вблизи крупного рынка сбыта, так и финансовыми ограничениями («ловушки бедности») переезда в областной центр.

5. Так, по данным ВПН-2020, не указали национальную принадлежность 10% сельских жителей Калининградской области, по данным ВПН-2010 — 3%. Эксперты отмечают критическое количество «неответов» на вопрос о национальности по причинам: ограничения, связанные с пандемией COVID-19 (отказ от общения с переписчиками), нежелание респондентов заполнять онлайн анкету до конца, отсутствие у молодежи желания самоидентификации, отсутствие многих переменных в административных данных, которые широко использовались в качестве альтернативы.

Миграционная привлекательность сельских территорий приморских курортов Калининградской области сближает регион с черноморскими курортными муниципалитетами Крыма (Гусаков, 2021).

В Калининградской области фиксируются перетоки населения в пределах городской агломерации между сельскими поселениями соседних муниципалитетов, что ранее не было описано в отечественной литературе. Это в первую очередь перемещение населения из промышленных пригородов областного центра на территории Гурьевского МО в приморский Зеленоградский МО, что, по мнению авторов, свидетельствует о развитии субурбии, подобно процессам, происходящим в других регионах России (Перькова, Маркова, 2020).

Сельская местность периферии, которая практически в полном составе (кроме Черняховского МО) относится к третьему типу муниципалитетов — с преобладанием миграционной убыли населения, — продолжает испытывать влияние урбанизации. В то же время ежегодная миграционная убыль здесь снижается на фоне смены источника замещения внутрирегионального оттока — с международной миграции на межрегиональную — и укрепления его роли. Важнейшую роль в стабилизации миграционной обстановки в сельской местности периферии и дальней пригородной зоны играет реализация инвестиционных проектов в сфере сельского хозяйства, АПК и туризма, развитие системы профессионального образования, инфраструктуры (транспортной, жилищной, социальной), содействие развитию предпринимательства.

Библиография

- Абылкаликов С. И. (2015). Типологический анализ регионов России по миграционным характеристикам // Региональная экономика: теория и практика. № 22(397). С. 21–30.
- Аверкиева К. В. (2023). Сельская джентрификация: горожане в сельской местности российского Нечерноземья // Крестьяноведение. Т. 8. № 4. С. 137–151.
- Алешковский И. А. (2007). Внутренняя миграция в современной России: тенденции, детерминанты, политика. М.: ТЕИС.
- Андреева Е. А., Карачурина Л. Б. (2021). Стратегии миграции врачей в периферийные муниципальные образования (на примере Тверской области) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 3. С. 316–338.
- Вакуленко Е. С. (2019). Мотивы внутренней миграции населения в России: что изменилось в последние годы? // Прикладная эконометрика. Т. 3. № 55. С. 113–138.
- Григоричев К. В. (2011). Миграционные процессы в зоне Иркутской агломерации на рубеже XX–XXI вв. // Известия АлтГУ. № 4-1. С. 53–59.
- Григоричев К. В. (2016). Многообразие пригорода: субурбанизация в сибирском регионе (случай Иркутска) // Городские исследования и практики. № 2. С. 7–23.
- Григоричев К. В. (2013). В тени большого города: социальное пространство пригорода. Иркутск: ООО «Издательство Оттиск».
- Гуменюк И. С., Гуменюк Л. Г. (2021). Транспортная связность как фактор преодоления периферийности: пример сельских поселений Калининградской области // Балтийский регион. Т. 13. № 4. С. 147–160.

- Гуменюк И. С., Юстратова В. О. (2024). Сельская агломерация как новая форма пространственного развития сельско-городского партнерства: пример Калининградской области // Крестьяноведение. Т. 9. № 4. С. 21—43.
- Гусаков Т. Ю. (2021). Сельско-городская миграция на Крымском полуострове // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 21. № 2. С. 279—295.
- Карачурина Л. Б., Мкртчян Н. В. (2021). Внутрирегиональная миграция населения в России: пригороды выигрывают у столиц // Известия РАН. Серия географическая. Т. 85. № 1. С. 24—38.
- Карцева М. А., Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф. (2024). Сельско-городская миграция в современной России через призму количественного и качественного анализа // Крестьяноведение. № 2. С. 153—179.
- Кузнецова Т. Ю., Сибирева Н. И. (2020). Экономико-демографические различия муниципальных образований Калининградской области // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. № 1. С. 43—55.
- Лялина А. В. (2020). Внутрирегиональная дифференциация Калининградской области по уровню жизни: тенденции и проблемы // Балтийский регион — регион сотрудничества. Регионы в условиях глобальных изменений / А. А. Михайлова (ред.). Материалы IV международной научно-практической конференции. Т. 4. Ч. 1. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта. С. 281—295.
- Лялина А. В. (2022). Миграция сельского населения // Калининградское село в начале XXI века: производство, расселение, социальные инновации / Г. М. Федоров (ред.). Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта. С. 64—75.
- Лялина А. В. (2019). Роль миграции в демографическом развитии Калининградской области // Региональные исследования. № 4. С. 73—84.
- Лялина А. В. (2023). Внутрирегиональная миграция как фактор динамики численности населения муниципальных образований Калининградской области // Региональные исследования. № 3. С. 65—80.
- Мкртчян Н. В. (2024). Миграция сельского населения в России в 2010-е годы // Демографическое обозрение. Т. 11. № 2. С. 21—43.
- Моляренко О. А. (2013). Распределенный образ жизни и контрурбанизационные процессы как факторы развития сельских и городских поселений // Вопросы государственного и муниципального управления. № 1. С. 48—70.
- Нефедова Т. Г., Мкртчян Н. В. (2017). Миграция сельского населения и динамика сельскохозяйственной занятости в регионах России // Вестник Московского университета. Серия 5. География. № 5. С. 58—67.
- Никулина Ю. Н., Арефьева В. А., Сарайкин В. А. (2022). Альтернативная сельская занятость и ее связь с возвратной миграцией горожан // Народонаселение. Т. 25. № 1. С. 118—128.
- Овчинцева Л. О. (2021). Новые селяне: мотивы и факторы переселения из города в сельскую местность // Вестник РУДН. Серия: Социология. № 2. С. 296—310.
- Ожегова Л. А., Сазонова Г. В. (2024). Миграционные процессы в сельской местности Республики Крым // Геополитика и экогеодинамика регионов. Т. 20. № 3. С. 104—115.
- Перькова М. В., Макарова М. Г. (2020). Проблемы развития субурбии в г. Белгород // Техническая эстетика и дизайн-исследования. Т. 2. № 2. С. 47—56.
- Сергиенко А. М. (ред.) (2019). Миграция сельской молодежи: в фокусе — Алтайский край. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та.
- Стешина М. П. (2010). Методика оценки межмуниципальных миграционных связей // Вестн. Самар. гос. экон. ун-та. № 6 (68). С. 76—80.
- Тарасова Е. В. (2018). Миграционные связи муниципальных образований Алтайского края // Мир Большого Алтая. Т. 4. № 4. С. 576—590.
- Трейвиш А. И. (2016). Сельско-городской континуум: судьба представления и его связь с пространственной мобильностью населения // Демографическое обозрение. № 1. С. 52—69.

А. В. Лялина,
К. Ю. Волошенко,
А. П. Плотникова
Миграция в сель-
ской местности Ка-
лининградской
области: масшта-
бы и география
потоков

- Федоров Г. М. (2023). О пространственной дифференциации сельской местности Калининградской области и территориальных различиях социально-экономической политики на селе // Балтийский регион. Т. 15. № 3. С. 117–139.
- Федоров Г. М., Киндер С., Кузнецова Т. Ю. (2021). О роли географического положения и изменений занятости в динамике сельского расселения // Балтийский регион. Т. 13. № 4. С. 129–146.
- Федоров Г. М., Кузнецова Т. Ю., Разумовский В. М. (2017). Влияние близости моря на развитие экономики и расселения Калининградской области // Известия Русского географического общества. Т. 149. № 3. С. 15–31.
- Хагуров А. А., Тамбиянц Ю. Г., Клыч в Е. Н., Жукова Т. А., Передерий В. А., Аутлев Д. М., Асланов Ш. С. (2020). Устойчивое развитие сельских территорий. Институциональные основания устойчивого развития (управление, экономика, экология и социальная сфера как основные факторы устойчивости общества). Краснодар: КубГАУ.
- Югов Е. А. (2021). Миграционные процессы в сельской местности и их влияние на состояние трудовых ресурсов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. № 3. С. 81–93.
- Chapliitskaya A., Tassinari G., Heijman W., van Ophem J. (2024). Rural-urban migration within Russia: Prospects and drivers // Regional Science Policy and Practice. Vol. 16. № 9. P. 100053.
- Einem C. K-V., Panter J., Reid A. (2023). A longitudinal area classification of migration in Great Britain: Testing the application of Group-Based Multi-Trajectory modelling // Population, Space and Place. Vol. 29. № 7.
- Lialina A. V., Morachevskaya K. A. (2022). Economic access to food and COVID-19: New challenges for the Russian exclave // Regional Research of Russia. № 12. P. 335–349.
- Mkrtchyan N. V. (2019). Migration in rural areas of Russia: Territorial differences // Population and Economics. № 3(1). P. 39–51.
- Peck B. (2021). Understanding US Regions through Cluster Analysis. URL: <https://medium.com/geekculture/understanding-us-regions-through-cluster-analysis-4ab87472b899> (дата доступа: 23.04.2025).
- Ryazantsev S. V., Bragin A. (2023). Migration in rural areas of Ethno-national regions of the Russian Federation: Trends and consequences // Urban Studies. № 4. P. 62–77.

Rural migration in the Kaliningrad Region: Scale and geography of flows⁶

Anna V. Lialina, PhD (Geography), Researcher, Center for Socio-Economic Research of the Region, Immanuel Kant Baltic Federal University, A. Nevskogo St., 14, Kaliningrad, 236016, Russia. E-mail: anuta-mazova@mail.ru

Ksenia Yu. Voloshenko, PhD (Economy), Head of the Center for Socio-Economic Research of the Region, Immanuel Kant Baltic Federal University, A. Nevskogo St., 14, Kaliningrad, 236016, Russia. E-mail: KVoloshenko@kantiana.ru

Angelina P. Plotnikova, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, A. Nevskogo St., 14, Kaliningrad, 236016, Russia. E-mail: a.plotnikova.1416@gmail.com

Abstract. Today's migration in rural areas of Russian regions is highly spatially heterogeneous, reflecting opposite directions of urbanization, deurbanization and suburbanization. The covid-19 pandemic together with an increase in remote employment and exclivity of the Kaliningrad Region under external restrictions (which is manifested in

6. The research was supported by the Russian Science Foundation. Project No. 25-27-00098, <https://rscf.ru/project/25-27-00098/>

the region's increased vulnerability, isolation, peripherality, closeness, limited resources and potential), on the one hand, and the region's growing popularity among internal tourists, on the other hand, determine the transformation of internal and external migration, which undoubtedly affects rural areas. The article aims at identifying changes in the scale and geography of migration flows in rural areas of the Kaliningrad Region in 2011–2023. Relative indicators of the intensity of migration flows, which are traditional for migration studies, were calculated for the first time based on the data on internal migration between municipalities separately for rural areas. The authors applied typologization and cartographic methods to explain the differences in migration attractiveness and the features of migration in the near suburban, far suburban and peripheral zones. Thus, migration in rural areas of near suburbs is characterized by rapid growth, mainly due to the inflow from other regions and the regional center, but also as a result of resettlement in the eastern part of the region. Rural areas in far suburbs and peripheries have slowed their loss of population due to a noticeable replacement of rural-urban outflow by interregional migration.

Key words: rural area, internal migration, rural-urban migration, municipalities, suburbs, periphery, agglomeration, Kaliningrad Region

References

- Abylkalikov S. I. (2015) A typological analysis of Russian regions based on migration characteristics. *Regional Economics: Theory and Practice*, vol. 22, no 397, pp. 21–30. (In Russian)
- Aleshkovsky I. A. (2007) *Vnutrennyaya migratsiya v sovremennoj Rossii: tendentsii, determinanty, politika* [Internal Migration in Today's Russia: Trends, Determinants, Policy], Moscow: TEIS. (In Russian)
- Andreeva E. A., Karachurina L. B. (2021) Strategies for the migration of physicians to remote and rural areas (on the example of the Tver Region). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no 3, pp. 316–338. (In Russian)
- Averkiewa K. V. (2023) Rural gentrification: City dwellers in rural areas of Russia's Non-Black-Earth region. *Russian Peasant Studies*, vol. 8, no 4, pp. 137–151. (In Russian)
- Chaplitskaya A., Tassinari G., Heijman W., van Ophem J. (2024) Rural-urban migration within Russia: Prospects and drivers. *Regional Science Policy and Practice*, vol. 16, no 9, 100053.
- Einem C.K-V., Panter J., Reid A. (2023) A longitudinal area classification of migration in Great Britain: Testing the application of Group-Based Multi-Trajectory modelling. *Population, Space and Place*, vol. 29, no 7, e2694.
- Fedorov G. M. (2023) Spatial differentiation of rural territories in the Kaliningrad Region: Implications for social-economic policies. *Baltic Region*, vol. 15, no 3, pp. 117–139. (In Russian)
- Fedorov G. M., Kinder S., Kuznetsova T.Yu. (2021) The effect of geographical position and employment fluctuations on rural settlement trends. *Baltic Region*, vol. 13, no 4, pp. 129–146. (In Russian)
- Fedorov G. M., Kuznetsova T.Yu., Razumovsky V. M. (2017) The sea effect on economic development and settlement structure in the Kaliningrad Region. *Proceedings of the Russian Geographical Society*, vol. 149, no 3, pp. 15–31. (In Russian)
- Grigorichev K. V. (2011) Migration in the Irkutsk agglomeration (late 20th — early 21st centuries). *News of the Altai State University*, no 4–1, pp. 53–59. (In Russian)
- Grigorichev K. V. (2013) *V teni bolshogo goroda: sotsialnoe prostranstvo prigoroda* [In the Shadow of the Big City: Social Space of Suburbs], Irkutsk: Izd-vo "Ottisk". (In Russian)
- Grigorichev K. V. (2016) Diversity of suburbs: Suburbanization in the Siberian region (the case of Irkutsk). *Urban Studies and Practices*, vol. 1, no 2, pp. 7–23. (In Russian)

- Gumenyuk I. S., Gumenyuk L. G. (2021) Transport connectivity as a factor in overcoming challenges of the periphery: The case of rural areas in the Kaliningrad Region. *Baltic Region*, vol. 13, no 4, pp. 147–160. (In Russian)
- Gumenyuk I. S., Yustratova V. O. (2024) Rural agglomeration as a new form of spatial development of the rural-urban partnership (on the example of the Kaliningrad Region). *Russian Peasant Studies*, vol. 9, no 4, pp. 21–43. (In Russian)
- Gusakov T.Yu. (2021) Rural-urban migration on the Crimean Peninsula. *RUDN Journal of Sociology*, vol. 21, no 2, pp. 279–295. (In Russian)
- Karachurina L. B., Mkrtchyan N. V. (2021) Intraregional migration in Russia: Suburbs overtake capitals. *News of the RAS. Geographical Series*, vol. 85, no 1, pp. 24–38. (In Russian)
- Kartseva M. A., Mkrtchyan N. V., Florinskaya Yu. F. (2024) Rural-urban migration in contemporary Russia through the prism of quantitative and qualitative analysis. *Russian Peasant Studies*, no 2, pp. 153–179. (In Russian)
- Khagurov A. A., Tambiyants Yu. G., Klychev E. N., Zhukova T. A., Peredery V. A., Autlev D. M., Aslanov Sh. S. (2020) *Ustojchivoe razvitie selskih territorij. Institucionalnye osnovaniya ustojchivogo razvitiya (upravlenie, ekonomika, ekologija i sotsialnaja sfera kak osnovnye faktory ustojchivosti obshhestva)* [Sustainable Development of Rural Areas. Institutional Foundations of Sustainable Development (Management, Economy, Ecology and Social Sphere as the Main Factors of Sustainability)], Krasnodar: Kuban SAU. (In Russian)
- Kuznetsova T. Yu., Sibireva N. I. (2020) Economic and demographic distinctions between municipal districts of the Kaliningrad Region. *Bulletin of the IKBFU. Series: Humanities and Social Sciences*, no 1, pp. 43–55. (In Russian)
- Lialina A. V. (2019) The role of migration in demographic development of the Kaliningrad Region. *Regional Studies*, no 4, pp. 73–84. (In Russian)
- Lialina A. V. (2020) Intraregional disparity of the Kaliningrad Region by living standards: Trends and problems. *Baltiysky region — region sotrudnichestva. Regiony v usloviyah globalnyh izmenenij*, Kaliningrad: IKBFU Publishing, pp. 281–295. (In Russian)
- Lialina A. V. (2022) Rural migration. G. M. Fedorov (Ed.) *Kaliningrad Village at the Beginning of the 21st Century: Production, Settlement, Social Innovations*, Kaliningrad: IKBFU Publishing, pp. 64–75. (In Russian)
- Lialina A. V. (2023) Intraregional migration as a factor of population growth in municipalities of the Kaliningrad Region. *Regional Studies*, no 3, pp. 65–80. (In Russian)
- Lialina A. V., Morachevskaya K. A. (2022) Economic access to food and covid-19: New challenges for the Russian exclave. *Regional Research of Russia*, no 12, pp. 335–349.
- Mkrtchyan N. V. (2019) Migration in rural areas of Russia: Territorial differences. *Population and Economics*, vol. 3, no 1, pp. 39–51.
- Mkrtchyan N. V. (2024) Rural migration in Russia in the 2010s. *Demographic Review*, vol. 11, no 2, pp. 21–43. (In Russian)
- Molyarenko O. A. (2013) A distributed way of life and counter-urbanization as development factors of rural and urban settlement. *Public Administration Issues*, no 1, pp. 48–70. (In Russian)
- Nefedova T. G., Mkrtchyan N. V. (2017) Rural migration and dynamics of agricultural employment in the regions of Russia. *Bulletin of the Moscow University. Series 5: Geography*, no 5, pp. 58–67. (In Russian)
- Nikulina Yu. N., Arefyeva V. A., Saraikin V. A. (2022) Non-agricultural rural employment and urban-rural migration: Is there a connection? *Population*, vol. 25, no 1, pp. 128–128. (In Russian)
- Ovchintseva L. A. (2021) New villagers: motives and factors for moving from urban to rural areas. *RUDN Journal of Sociology*, no 2, pp. 296–310. (In Russian)
- Ozhegova L. A., Sazonova G. V. (2024). Migration in rural areas of the Republic of Crimea. *Regional Geopolitics and Ecogeodynamics*, vol. 20, no 3, pp. 104–115. (In Russian)

- Peck B. (2021) Understanding US Regions through Cluster Analysis. URL: <https://medium.com/geekculture/understanding-us-regions-through-cluster-analysis-4ab87472b899>.
- Perkova M. V., Makarova M. G. (2020) Issues of suburban development in Belgorod. *Technical Aesthetics and Design Research*, vol. 2, no 2, pp. 47–56. (In Russian)
- Ryazantsev S. V., Bragin A. (2023) Migration in rural areas of ethno-national regions of the Russian Federation: Trends and consequences. *Urban Studies*, no 4, pp. 62–77.
- Sergienko A. M. (Ed.) (2019) *Migratsiya selskoj molodezhi: v fokuse — Altajskij kraj* [Migration of the Rural Youth: Focus on the Altai Region], Barnaul: Altai State University Publishing. (In Russian)
- Steshina M. P. (2010) Methods for assessing intermunicipal migration links. *Bulletin of the Samara State University of Economics*, no 6, pp. 76–80. (In Russian)
- Tarasova E. V. (2018) Migration links between municipal units of the Altai Region. *World of Great Altai*, vol. 4, no 4, pp. 576–590. (In Russian)
- Treyvish A. I. (2016) Rural-urban continuum: Fate of the notion and its connection to the population spatial mobility. *Demographic Review*, no 1, pp. 52–69. (In Russian)
- Vakulenko E. S. (2019) Motives for internal migration in Russia: What has changed in recent years? *Applied Econometrics*, no 3, pp. 113–138. (In Russian)
- Yugov E. A. (2021) Migration in rural areas and its effect on labor resources. *Proceedings of the Voronezh State University. Series: Economics and Management*, no 3, pp. 81–93. (In Russian)

А. В. Лялина,
К. Ю. Волошенко,
А. П. Плотникова
Миграция в сель-
ской местности Ка-
лининградской
области: масшта-
бы и география
потокaв

«Малая родина» в большом городе: роль землячеств в формировании идентичности (на примере Республики Татарстан)

Э. А. Сагдиева

Эльвина Азадовна Сагдиева, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела этнологических исследований, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. 420111, Казань, ул. Батурина, 7. E-mail: elvina_n@inbox.ru

Статья посвящена исследованию земляческих сообществ муниципальных районов Республики Татарстан как неформальной самоорганизации и являющихся важными элементами социальной и культурной жизни региона. Эти сообщества анализируются как особые формы объединения татарстанцев, приезжающих из сельской местности в города, и выполняющие социальные, культурные и коммуникативные функции. На основе эмпирических наблюдений, интервью и анализа кейсов автор показывает, как землячества становятся пространством воспроизводства локальной идентичности, поддержания горизонтальных связей и символического образа «малой родины». Рассмотрена их интеграция в систему властных отношений и использование в качестве инструмента социально-экономического развития территорий. Проанализирован процесс трансформации землячеств от неформальных групп взаимопомощи до структурированных образований, взаимодействующих с властями, бизнесом и культурными организациями. Рассматривается их роль в поддержке социокультурных практик, символической политике и неформальной легитимации.

Теоретическая основа исследования включает концепции локальной идентичности, социальных сетей, теорию капиталов П. Бурдьё и теорию патрон-клиентских отношений, что позволяет трактовать землячества не как пережиток сельской культуры, а как современные динамичные образования, встроенные в систему управления регионом.

Ключевые слова: землячества Республики Татарстан, локальная идентичность, территориальная идентичность, сетевые отношения, локальное сообщество, социальная благотворительность

EDN: UWKQIC

Республика Татарстан, являясь культурно богатым регионом России, обладает уникальной этнокультурной мозаикой. Землячества муниципальных районов, объединяющие уроженцев различных территорий республики, играют значительную роль в сохранении культурного наследия, поддержании социальных связей и содействии экономическому развитию районов. Важной особенностью является их интеграция в систему властных отношений республики, что превращает их в инструмент реализации региональной

политики. Представители землячеств участвуют в развитии предпринимательства, установлении межрегиональных экономических связей и привлечении инвестиций, что делает их значимым элементом социально-экономической системы Республики Татарстан. Анализ роли земляческих объединений региона в интеграции земляков, поддержании межрегиональных связей и укреплении гражданской идентичности важен и для разработки государственной политики в сфере внутренней миграции, национальных отношений и культурного развития.

Землячества Республики Татарстан как форма социальной организации возникли в начале 1990-х годов в ответ на необходимость поддержки выходцев из районов, переезжающих в крупные города, такие как Казань, Набережные Челны. Уроженцы муниципальных районов, оказавшись в новых условиях, стремились сохранить связь с малой родиной, что способствовало формированию землячеств. Можно очертить несколько функций, которые выполняют земляческие объединения.

Одной из ключевых является сохранение и популяризация культурного наследия. В рамках своей деятельности они организуют мероприятия, направленные на возрождение народных традиций, языков и обычаев, исторических дат и личностей, что особенно актуально для районов с компактным проживанием представителей различных этнических групп. Это способствует укреплению культурной идентичности и формированию чувства принадлежности к малой родине.

Земляческие объединения реализуют социально-экономические функции, оказывая поддержку муниципальным районам как регионам исхода. Через механизмы взаимопомощи и солидарности они способствуют решению локальных проблем, таких как благоустройство территорий, поддержка малоимущих слоев населения, развитие инфраструктуры. Они также выступают инициаторами проектов, привлекая инвестиции и создавая новые рабочие места, что особенно важно для сельских районов с низкой экономической активностью.

Реализуя политическую функцию, представители землячеств могут отстаивать интересы своих районов на республиканском, межрегиональном или федеральном уровнях. Благодаря активному взаимодействию с выходцами из районов, находящимися в других регионах России и за рубежом, землячества способствуют привлечению ресурсов и обмену опытом, что положительно сказывается на развитии районов Татарстана. Деятельность сообществ получает поддержку региональных властей, увидевших в этом институте потенциал для решения задач сельского развития.

Таким образом, исследование землячеств способствует углублению понимания процессов этнокультурной динамики, разработке механизмов укрепления межатнического согласия и формированию стратегий развития муниципальных районов республики.

Э. А. Сагдиева

«Малая родина»

в большом городе:

роль землячеств

в формирова-

нии идентично-

сти (на приме-

ре Республики

Татарстан)

Тема землячеств представлена в научной литературе разными историческими периодами, регионами и типами объединений. Исследования этнических землячеств охватывают различные аспекты: миграционные процессы, адаптацию, социальные сети, культурную самоорганизацию, криминализацию. Среди работ по историческим землячествам можно выделить следующие направления: дореволюционные (Тарасов, 2014), советские (Крякин, 2018; Смирнова, 2001), студенческие (Баринов, 2022; Иванов, 2001), землячества в эмиграции (Костерин, 2023; Хисамутдинов, 2002; Raeff, 1990). Исследования земляческих объединений раннего постсоветского периода и современных также представлены разными направлениями. Часть авторов рассматривает влияние земляческих связей на адаптацию и социализацию иностранных студентов в университетах (Гущина, Стенько, 2019; Хвалина, Аразнепесов, 2023; Холод, Холод, 2019). Наибольший интерес у исследователей вызывают мигрантские и этнические землячества, оценка работы национально-культурных автономий (Арутюнов, 2000; Арутюнян, 2005; Дробижева, 2013; Дятлов, 1999; Попков, 2003). В рамках социологических и культурно-этнографических подходов в работах авторов проанализированы мигрантские и этнические земляческие объединения как часть диаспоральных структур, их роль в адаптации, трудоустройстве мигрантов, влияние на межэтнические отношения и неформальные экономические сети. Тема региональных землячеств в научной литературе рассмотрена в разных аспектах. И. К. Жуков исследовал их деятельность, проблемы и роль в общественно-политической жизни Москвы и регионов и сделал вывод, что потенциал земляческих объединений не используется в полной мере из-за их правовой и организационной неопределенности (Жуков, 2016). Авторский подход к изучению элиты посредством моделирования сетевых связей и земляческих групп представлен исследователями из Санкт-Петербургского государственного университета (Шерстобитов и др., 2020). А. В. Уляндина отводит важную роль чувашскому землячеству в сохранении народного песенного творчества (Уляндина, 2021). Д. М. Галлямова и Н. Н. Топольникова исследовали роль землячеств в жизни молодежи Республики Башкортостан, их проектные направления и результаты деятельности (Галлямова, Топольникова, 2025). Представление о локальной идентичности городского сообщества Белгорода раскрыли в своей работе А. Г. Истомин и С. Д. Лебедев (Истомин, Лебедев, 2015).

Изучение деятельности региональных землячеств с позиции территориальной и локальной идентичности в научной литературе представлено фрагментарно и в небольшом объеме, в связи с чем заявленная тема представляется актуальной для рассмотрения.

В фокусе нашего исследования — землячества, объединения людей, связанные общим происхождением из одной территории (села, города, района и региона). Они играют важную роль в формировании территориальной идентичности, помогая сохранять культурные традиции, социальные связи в условиях жизни вдали от родных мест. Поскольку мы рассматриваем деятельность землячеств муниципальных районов Республики Татарстан в городах республики, то такая форма территориальной идентичности, как локальная, наиболее точно характеризует данное проявление групповой солидарности. Локальная идентичность — вид идентификации, выражающийся в осознанной принадлежности человека к конкретному месту проживания и включает в себя: чувство привязанности к малой родине и сопричастность к жизни его сообщества, разделение культурных ценностей и практик, характерных для данной территории, самоидентификацию в рамках локального социума.

Изучение деятельности землячеств муниципальных районов Республики Татарстан через призму локальной идентичности предполагает применение нескольких теоретических подходов:

В рамках *социокультурного* подхода предполагается анализ взаимодействия социальных и культурных факторов, формирующих чувство групповой солидарности и принадлежности к определенному сообществу: социальные, экономические связи и структуры, культурные маркеры идентичности, практики повседневности, взаимодействие с «другими».

Институциональный подход позволяет изучить землячества как социальные институты, способствующие сохранению связей между уроженцами района.

Сетевой подход рассматривает землячества как социальные сети, где формируются формальные и неформальные связи, взаимодействия и структуры. Типы формируемых сетей: этнокультурные, профессиональные, бизнес-сообщества, молодежные.

Исследование в рамках *теории капиталов* П. Бурдьё (Бурдьё, 2002) выделяет несколько форм капитала, которые могут быть применены для анализа землячеств: экономический капитал (финансовые ресурсы землячеств, их вклад в развитие районов), социальный капитал (сети связей внутри землячеств, их взаимодействие с местными властями, бизнесом), культурный капитал (сохранение традиций, языка, ценностей), символический капитал (признание землячеств, их роль в формировании локальной идентичности). Землячества можно рассматривать как агентов, конвертирующих одни формы капитала в другие (например, социальные связи в экономические возможности).

Для анализа взаимоотношений землячеств с властными структурами применяется *теория патрон-клиентских отношений* (Барсукова, 2004: 172–173; Патрон-клиентские отношения в истории

Э. А. Сагдиева
«Малая родина»
в большом городе:
роль землячеств
в формировании
идентичности
(на примере
Республики
Татарстан)

и современности, 2016), которая позволяет описать неформальные связи между руководством землячеств (клиенты, обладающие экономическим и социальным капиталом) и муниципальными властями (патроны, обладающие административным ресурсом). В рамках этой модели землячества получают доступ к ресурсам и символическому признанию, а власти — канал мобилизации элит и реализации социально-экономических проектов на местах.

Использование этих подходов в комплексе позволит более всесторонне проанализировать механизмы формирования и проявления локальной идентичности среди представителей землячеств муниципальных районов Татарстана в городах республики и их роль в системе управления регионом.

Методы исследования

Для изучения обозначенной темы были проведены восемь глубинных интервью с председателями земляческих объединений Республики Татарстан (Высокогорское, Буинское, Лаишевское, Пестречинское, Чистопольское, Нурлатское, Черемшанское землячества, Ассоциация землячеств по городу Набережные Челны) и два — со специалистами Ассоциации «Совет муниципальных образований Республики Татарстан», курирующими деятельность этих объединений. Также был проведен анализ информации о деятельности всех землячеств на собственных сайтах и порталах муниципальных образований республики, изучены Уставы земляческих объединений, документация о деятельности Координационного совета землячеств при Ассоциации «Совет муниципальных образований Республики Татарстан», о республиканском конкурсе «Лучшее землячество Республики Татарстан». Проанализирована информация о земляческих объединениях в крупных республиканских СМИ.

Применение данных теоретико-методологических подходов и методов позволит понять, как землячества Татарстана формируют и воспроизводят локальную идентичность через экономические, социальные и символические практики и сетевое взаимодействие.

Процесс институционализации и регулирование деятельности

Землячества играют значительную роль в поддержании и развитии районов Республики Татарстан. В условиях многонационального и поликонфессионального состава Республики Татарстан землячества выступают важным инструментом гармонизации межэтнических отношений и поддержания культурного разнообразия. В российских законодательных и нормативных документах нет прямого определения понятия «землячество», но оно упоминается в некоторых правовых актах. В Федеральном законе от 19.05.1995 № 82

ФЗ «Об общественных объединениях»¹ обозначено, что землячества могут регистрироваться как общественные организации или общественные движения, если их деятельность соответствует закону. В 2004 году депутатами Государственной Думы Н. Ф. Герасименко, В. С. Груздевым, А. А. Козловским, С. Ю. Осадчим, А. А. Тягуновым на рассмотрение был внесен проект федерального закона № 119280-4 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общественных объединениях» (в части оформления землячества в качестве самостоятельной организационно-правовой формы общественных объединений), в котором содержались положения, определяющие правовой статус землячеств, процедуру оформления и вопросы деятельности. Но в 2005 году данный проект был снят авторами с рассмотрения². В Федеральном законе от 17.06.1996 № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии»³ указано, что землячества могут быть частью национально-культурных автономий, объединяя людей по территориальному (земляческому) или этническому признаку. Также в своей деятельности земляческие объединения руководствуются принятыми Уставами. В рамках данного исследования под «землячеством» подразумевается добровольное, некоммерческое объединение людей, являющихся выходцами из одной определенной территории, созданное для культурного, социального, делового взаимодействия и оказания поддержки своим членам.

Традиция объединения по территориальному признаку у татар существует давно. В Казанской губернии выходцы из одних уездов поддерживали связи в городах, создавая неформальные сообщества. Г. Ф. Габдрахманова отмечает, что для татарской этнической группы характерна устойчивая приверженность локальной идентичности, связанной с местом происхождения и территорией проживания, и истоки этого восходят к историческому институту «джиенов» — регулярным собраниям сельских общин, выполнявшим социально-организующую функцию⁴. Во времена советской власти при жестком идеологическом контроле землячества как фор-

Э. А. Сагдиева
«Малая родина»
в большом городе:
роль землячеств
в формировании
идентичности
(на примере
Республики
Татарстан)

1. Федеральный закон «Об общественных объединениях» от 19.05.1995 № 82-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693/ (дата доступа: 15.04.2025).
2. Пояснительная записка к проекту федерального закона № 119280-4 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об общественных объединениях”» (в части оформления землячества в качестве самостоятельной организационно-правовой формы общественных объединений). URL: <https://base.garant.ru/5129988/> (дата доступа: 15.04.2025).
3. Федеральный закон «О национально-культурной автономии» от 17.06.1996 № 74-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10722/ (дата доступа: 15.04.2025).
4. *Кирилов М., Колбакина-Усманова Е.* Буинские, актанышские и арские: 10 самых влиятельных землячеств Татарстана. 14.11.2022. <https://www.business-gazeta.ru/article/571481> (дата доступа: 18.04.2025).

ма общественной организации были практически ликвидированы, но неформальные связи между уроженцами районов сохранялись всегда. После распада СССР и обретения Татарстаном статуса республики в 1990-е годы в городах стали создаваться официальные землячества, объединяющие уроженцев муниципальных районов Татарстана. В 2000-е годы произошла институционализация земляческих объединений республики. Часть землячеств прошли юридическое оформление, получив статус общественных организаций. Ключевым моментом стало создание в 2017 году при Ассоциации «Совет муниципальных образований Республики Татарстан» Координационного совета землячеств, который выполняет регулирующие и координирующие функции. Он призван укреплять связи между земляками, объединять их усилия и помогать в решении социально-экономических, культурных и иных вопросов. Таким образом, деятельность землячеств осуществляется не только по их собственной инициативе, но и в рамках выстроенной республиканской системы взаимодействия с органами местного самоуправления.

Некоторые земляческие объединения уроженцев муниципальных районов Татарстана от неформальных объединений перешли до крупных общественных организаций и являются важным звеном в сохранении идентичности, развитии межрегиональных связей и поддержке социальных инициатив. Всего на момент исследования в Республике Татарстан вели свою деятельность 33 объединения по г. Казани и 34 по г. Набережные Челны. Земляческие объединения разные по активности, составу, способам работы. Есть объединения, которые ведут регулярную работу практически с момента основания, у некоторых активность носит волнообразный характер, часть не осуществляет практически никакой деятельности. Рассмотрим особенности образования земляческих объединений, способы работы и получаемые результаты.

Цели землячеств

Земляческие сообщества ведут разную по форме и содержанию работу, но общее направление одно — благотворительная деятельность. Реализуемые проекты охватывают помощь домам ребенка и престарелых, чествования ветеранов, организацию праздников, издание книг о родных краях, обустройство спортивных площадок, дорогостоящее лечение, юридические консультации, курирование студентов-земляков, популяризацию известных личностей выходцев из районов, оформление подписок на газеты для пенсионеров села и т.д.

Председатель одного из старейших в республике землячеств подчеркивает, что деятельность объединения не прерывалась с момента его образования, и у них есть курируемые с 1990-х годов направления по оказанию помощи.

«Есть Дом сирот <...> Дом престарелых, тоже в плохом состоянии. Это 90-е годы, самые голодные годы же. Мы <...> решили взять шефство над этими организациями. Уточнили, что им нужно — и детям, и старикам. Там было очень плохое материальное обеспечение. <...> приезжаем перед Новым годом, делегацией, поздравляем с наступающим... Ну и в течение года что нужно. Там, одеяла, телевизоры, еще что-то. <...> Потом написали книгу про своих земляков, про себя книгу написали. <...> Потом были слепые дети, помогали пенсионерам, просто приходили, операцию надо сделать на глаза <...> Деньги собирали и помогали. Потом мы начали устанавливать памятные знаки на месте исчезнувших деревень» (№ 1).

Интересна и многопрофильна деятельность другого землячества, одного из «молодых» в республике:

«Помочь своему близкому, своему соседу, своему земляку в критической ситуации. У нас, кроме помощи погорельцам, реализуется программа «Чишма» (родник — с тат. яз. — Авт.) <...> У нас сейчас шестнадцать родников и порядка ста десяти тонн каждый день воды мы раздаем. <...> Еще один проект у нас есть помощи людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации. <...> продуктовые наборы мы делаем... Это у нас вот сотрудничество с организацией есть... «Приют человека» <...> Вместе с ними мы ставим <...> пункты по раздаче горячего питания. <...> На стадии проработки сейчас какие-то соглашения с вузами республики, чтобы уроженцы нашего района могли поступать в эти вузы с учетом каких-то льготных условий. <...> Отдельное направление <...> устраиваем большие семейные праздники с надувными горками, с бесплатной сладкой ватой, попкорном и так далее. Хотим <...> закрепить в нашем обществе положительные модели поведения <...> это семейные ценности, спортивные ценности, образовательные ценности. Об этом мы говорим с подрастающим поколением. Периодически выезжаем в школу. <...> еще одно направление... цикл, так скажем, небольших репортажей, роликов о наших выдающихся земляках. <...> У нас хорошие отношения с музеем истории района. Руководитель этого музея снимается в наших роликах, рассказывает об этом. Вот наше землячество» (№ 4).

Помощь может быть как адресной, так и крупным социально значимым проектом, а также внимание уделяется отдельным группам населения, например, молодежи или тем, кто вышел из мест лишения свободы. Важно, что такие объединения — это желание людей «снизу», а не обязывающее действие «сверху» от республиканских властей.

«Это позыв души каждого. И здесь люди же разные. Кому-то малая родина близка, кому-то начихать на свою деревню» (№ 1).

Э. А. Сагдиева
«Малая родина»
в большом городе:
роль землячеств
в формировании
идентичности
(на примере
Республики
Татарстан)

Проекты по оказанию помощи реализуются как в сельской, так и в городской местности. Помимо участия в официальных мероприятиях республиканского, городского, муниципального масштаба земляческие объединения часто сами выступают с инициативой проведения каких-то работ. В таких случаях оповещаются все члены объединений и сообщается необходимая сумма к сбору. В нескольких землячествах нам подчеркнули, что меценаты часто желают остаться анонимными при финансировании какого-то проекта.

«Работа разная проводилась, в благоустройстве города <...> участвуем все, без исключения, знаковые даты, во всех общегородских делах, участвуем. <...> Потом обратили внимание на патриархальные места и практически входную группу на <...> кладбище, мы сделали и полностью оградил забором. <...> Все это собрали наши члены, так сказать. Они обычно не разрешают говорить, что это они дали средства какие-то, но тем не менее все это есть» (№ 9).

Важным направлением в деятельности земляческих объединений является работа с молодежью. Это и вовлечение молодых людей, приехавших в города, в круг земляков, помощь в проблемных ситуациях в учебе или с жильем и в целом некий патронаж над молодым поколением. Представители землячеств говорят о необходимости работы со студентами не только представителям землячеств, но администрации муниципального образования с целью их дальнейшего возвращения на малую родину для трудового пути: *«Надо их, кто где учиться присматривать, и чтобы они потом вернулись, и им потом работу предоставить, чтобы они уже знали, куда возвращаются» (№ 5).* На молодежь, которая еще растет в муниципальных районах, землячества также обращают внимание.

«У нас эта программа называется “Здоровое поколение”. Здесь мы, конечно, обращаем внимание и на образование подрастающего нашего поколения, мотивацию к получению хорошего образования. Так, например, в нашем землячестве учреждена ежегодная премия отличникам, медалистам, выпускникам наших школ районных, и они получают денежную такую мотивацию по итогам года. И плюс к этому еще и педагоги получают тоже денежную премию. <...> Мы за спортивный образ жизни, мы против любого вида вот этих зависимостей, которые у нас, к сожалению, в обществе присутствуют. И юных спортсменов мы тоже мотивируем» (№ 4).

Мотивация участия и «дивиденды» членства

Анализ интервью позволяет выявить комплекс мотивов участия в землячествах и потенциальных выгод для их членов. Помимо альтруистических побуждений и ностальгии по малой родине, участие предоставляет возможности для накопления и конвертации различных форм капитала:

— Социальный капитал: расширение деловых и неформальных связей, доступ к ценным знакомствам в бизнес-среде и властных структурах.

— Символический капитал: повышение социального статуса и узнаваемости в регионе, укрепление репутации «успешного выходца».

— Экономический капитал: получение доступа к деловой информации, потенциальным партнерам и инвесторам, участие в распределении грантов и субсидий.

— Политический капитал: усиление влияния на местном уровне, возможность лоббирования интересов, формирование позитивного имиджа для региональных властей.

Э. А. Сагдиева

«Малая родина»
в большом городе:
роль землячеств
в формировании
идентичности
(на примере
Республики
Татарстан)

Локомотив земляческих сообществ

Успешность землячества, его известность во многом зависит от избранного руководителя, от его позиции, желания и возможностей. Согласно Уставам землячеств, руководит сообществом президент или председатель, *«человек, который прямо всей душой должен переживать за организацию. Она же некоммерческая <...> там исключительно такие духовно-моральные, этические мотиваторы»* (№ 4). Во главе землячеств находятся разные по статусу и социальному положению люди. Это и влиятельные в республике фигуры, и рядовые сотрудники разных учреждений. *«Просто есть люди, которые имеют организаторские способности. Он сварщик был, а его выбирают. Это же прекрасно»* (№ 3). СМИ отмечают, что эффективность землячества во многом объясняется участием в нем известных персон, способных влиять на различные процессы⁵. В интервью такое предположение также прослеживается. Цитата респондента, оценивающего предполагаемого нового кандидата на должность председателя сообщества: *«Но он генерал все-таки. Пусть пенсионер будет. Там же бегать не надо, там опыт нужен, там связи нужны»* (№ 2). В каждом объединении есть костяк активистов, иногда их называют «Совет землячества», «Члены правления», которые ведут основную работу, принимают обязательное участие в ежегодных собраниях, в то время как точное количество членов в каком-либо объединении не смог назвать ни один из респондентов, поскольку такой учет не ведется.

Руководящий состав землячеств — их «мотор». Без него объединение становится клубом по переписке в различных чатах, социальных сетях. А с ним — реальным инструментом взаимопомощи и сохранения культуры.

5. Кирилов М., Колебакина-Усманова Е. Буинские, актаньшские и арские: 10 самых влиятельных землячеств Татарстана. 14.11.2022. <https://www.business-gazeta.ru/article/571481> (дата доступа: 18.04.2025).

СОВРЕМЕННОСТЬ

В Уставах многих землячеств прописаны критерии, которым должен соответствовать желающий кандидат, и порядок вступления в объединение: подача заявления, прохождение собеседования с Советом землячества, оплата вступительных взносов, участие в ежегодных собраниях, выполнение определенных поручений. Почти все респонденты сообщили, что данный порядок действий не соблюдается полностью, поскольку *«это же общественная организация. Она вообще ничем не может никого обязать. Там без оплаты, без ничего, просто активисты, своими деньгами»* (№ 5). В общественной организации все делается на добровольных началах, а лишние процедуры могут отбить желание у кандидатов.

«В наше землячество очень просто вступить. Мы не любиме-ли каких-то бюрократических моментов, торжественной обстановки, вручения этих удостоверений членских, каких-то партийных билетов. Нет. Два простых правила: иметь отношение к <...> району и не всегда можно там жить, да? <...> Жителей, кто приехал, не всегда коренной <...> у кого-то предки проживали, кто считает себя сопричастным к нашей родной земле, к родному краю. <...> И второй момент — у нас есть много социальных площадок. Это и соцсети, мессенджеры, видеохостинги. <...> вот мы считаем все, кто, например, состоит у нас в группе в Telegram, члены нашего землячества» (№ 4).

Только в одном земляческом сообществе подтвердили, что тщательно подходят к выбору и одобрению кандидатов, желающих вступить в их ряды. Смотрят на соответствие определенным критериям: быть коренным жителем, заручиться поддержкой двух членов общества и исполнить некое обязательство, которое бы улучшило жизнь территории. И только по прошествии года, во время собрания членов сообщества путем открытого голосования решается судьба кандидата. Примечательно, что в данное землячество с момента образования принимают только мужчин, но сделали исключение одной женщине, которая является сотрудником Дома культуры, на базе которого проходят собрания сообщества. *«Только меня они взяли. <...> сказали, нам болтологи много не надо, мы будем работать сами»* (№ 3). Респонденты неоднократно подчеркивали принцип общности, добровольности участников сообществ при реализации каких-то проектов. *«В нашем землячестве все работают на общественных началах, в том числе и я. Никакой зарплаты не получаем. У нас даже бухгалтера нет»* (№ 9).

Статус земляческого сообщества

Возможности у землячеств в республике разные, поэтому каждое объединение выбирает для себя оптимальный статус, способствующий

щий работе. Часть землячеств имеет юридическую регистрацию как местная или региональная общественная организация.

«Никакое действие, никакое письмо, никакой документ не сделаешь, если эта организация не зарегистрирована. У нас официально юридически зарегистрировано в Минюсте РФ, как некоммерческая организация» (№ 9).

Следует отметить, что официальная регистрация предоставляет объединению правовой статус и действия в рамках закона, открывает доступ к грантам, субсидиям и другим формам финансирования от государства, позволяет осуществлять легальный сбор средств, пожертвований на расчетный счет, дает право участвовать в общественной и политической жизни республики и организовывать официальные мероприятия, повышает доверие со стороны участников и спонсоров.

«Мы сейчас называемся МООК — Местная общественная организация Казани <...> Это, конечно, дало нам официальный статус. Но мы, как общественная организация, ежеквартально Министерству юстиции отчеты даем о проделанной работе. То есть жесткий контроль. Если отчет не дал, там сразу штраф. <...> Счет открыли в банке. Раньше из кармана в карман деньги собирали, сейчас перечислениями, туда-сюда. Какие-то договора заключаем. Наша сфера деятельности расширилась» (№ 1).

Поскольку земляческие объединения не имеют постоянного и гарантированного источника доходов, чтобы нанимать постоянных сотрудников для ведения отчетности, то позволить себе юридическую регистрацию могут только те сообщества, где председатель или член актива имеет частный бизнес и может привлечь оттуда специалистов для нужд землячества за дополнительную оплату.

«Вот у меня большой кабинет, есть где собраться, правление собратъ, да? <...> мой заместитель по основной работе <...> ведет все дела и касается там организационных, дел землячества. <...> Мой секретарь, она печатает все дела землячества. <...> Еще одна сотрудница, она ведет бухгалтерию. <...> а все это нужно, если ты официально зарегистрированная организация» (№ 1).

Юридическое оформление дает землячествам защиту и больше возможностей для реализации своих целей, но в то же время оно требует своевременную отчетность в необходимых органах, наличие специалистов, способных осуществлять эту деятельность. Это и сдерживает часть объединений от образования юридического лица. Такие земляческие объединения находят иные способы для работы. Некоторые проводят все денежные операции через благотворительные фонды, что позволяет им осуществлять финансовые сборы и выплаты для земляческих целей. *«...если какие-то дела есть, у меня есть благотворительный фонд <...> и расчетный счет есть, какие-то если официальные письма давать» (№ 5).*

Э. А. Сагдиева
«Малая родина»
в большом городе:
роль землячеств
в формировании
идентичности
(на примере
Республики
Татарстан)

Благотворительные фонды могут быть как частные, так и муниципальные. И в таких случаях земляческое объединение путем письменных обращений в район распоряжается финансами на определенные цели.

«У нас в <...> районе есть, «Фонд поддержки» называется. Мы туда направляем все финансирование. Мы реквизиты показываем, они туда перечисляют». (№ 8). Пополнение Фонда напрямую зависит от активности земляческого актива. *«Мы пишем письма. Очень часто. Наверно, раз в квартал мы пишем письма руководителям предприятий, ИП, людям пишем письма, чтобы помогли в наш Фонд» (№ 6).*

Способы взаимодействия

У каждого землячества свой способ работы, но все респонденты подчеркнули важность взаимодействия с администрацией муниципального образования, необходимость позитивного диалога с главой района.

«Без администрации ничего не сделаешь. <...> Вот у нас <...> новый глава, он еще вникает во все, можно сказать, до нас, общественников, не очень дошел, но откликается» (№ 6).

Выстраивание отношений с районной администрацией является ключевым фактором успеха землячества. Несмотря на то что изначально в республике землячества создавались с целью помощи выходцам из районов в городах, современная деятельность таких объединений в основном направлена на непосредственную помощь району на местах. И в этом вопросе интервью с респондентами позволили выделить два типа сообществ: землячества муниципальных образований, являющихся пригородами города Казани, и землячества отдаленных от города районов. В первом случае — это землячества внутри района, их представители в основном проживают и работают в районе, а деятельность объединения неотделима от экономической, социальной, культурной жизни муниципального образования.

«Деятельность землячества в большей степени нужна для района. <...> На заседаниях обсуждаются эти вопросы. И иногда целенаправленно на одного человека из членов землячества обращается район, иногда совместно они помогают району. <...> Главам нужна эта дополнительная помощь в развитии района» (№ 2).

Несмотря на тесное взаимодействие членов сообщества с администрацией района, представители некоторых землячеств признают, что эта работа является дополнительной нагрузкой на сотрудников администрации, которую они просто обязаны вести, а изначальная цель землячества полностью трансформировалась в помощь району и его жителям.

В случае, когда муниципальные районы территориально удалены от г. Казани, у землячеств выстраиваются свои стратегии. Так, за некоторыми закреплены представители администрации района, которые помогают решать вопросы.

«У нас конкретно закреплён заместитель главы администрации. Мы с ним работаем постоянно. <...> Ну и такие хорошие, чисто человеческие отношения с главой администрации» (№ 9).

А тем, кому не удастся в силу разных обстоятельств установить взаимодействие с районом, приходится самим решать каждую бюрократическую проволочку, узнавать о планируемых мероприятиях, о первостепенных нуждах. Для эффективной работы представителю землячества необходим статус и узнаваемость.

«Главы меняются, одни приходят, одни уходят. <...> Но я представляю землячество — как филиал, представитель района в городе. Какие-то, может, даже вопросы будут там, и этот представитель должен знать ситуацию, чтобы у него какой-то статус худо-бедно был. Он должен, наверно, участвовать в районных советах, заседаниях. Ну чтобы его знали люди» (№ 5). Иногда, муниципальным образованиям, считающим земляческие объединения собственностью района, «приходилось тактично объяснять, что <...> землячество — это не районное подразделение, и там какие-то поручения, что-то, что нас можно только просить» (№ 1).

Реализуя какую-то цель, землячества, как правило, вкладывают финансовые средства и, конечно, желают получить долгосрочный результат. Так, полностью финансируя проекты, представители некоторых землячеств заметили некоторую социально-психологическую особенность — люди меньше ценили то, что получали бесплатно. Тогда они решили попробовать внедрить совместное вложение финансов, сил, и такая практика оправдала себя.

«Мы когда-то в самом начале этого проекта пробовали, брали на себя такие большие финансовые обязательства, в населённых пунктах ходили, договаривались с администрацией. Когда хозяина нет у родника, он начинает чахнуть. Сейчас мы немножко по-другому делаем: ищем людей. Жителей непосредственно этого населённого пункта. С ними договариваемся либо на равных условиях, вот так пополам, либо, ну, на разных условиях. Вот этот родник делаем, и у родника появляется хозяин. <...> это их дите, детёныш, да. Потому что это гордость населённого пункта, и они уже в нём, так сказать, прочно заинтересованы. Да, вот мы решили по такому принципу, и это тоже работает» (№ 4).

Другое землячество решило также не выдавать деньги напрямую, а устроить конкурс на премию от землячества по благоустройству поселений в родном районе.

«И теперь муниципальные местные образования соревнуются, чтобы получить премию от землячества <...> в прошлом году

Э. А. Сагдиева

«Малая родина»

в большом городе:

роль землячеств

в формировании

идентичности

(на примере

Республики

Татарстан)

*<...> они благоустроили родники свои. Мы тоже им помогли не-
большой суммой» (№ 9).*

Успех в делах во многом зависит от личности руководителя объединения, от умения вести переговоры и оформлять договоренности. Часто землячествам приходится письменно обращаться за помощью в крупные организации, предварительно получив устное согласие. Землячества выступают некими посредниками между организациями и непосредственными исполнителями, ручаясь за реализацию какого-то дела.

«От нашего землячества мы пишем письмо <...> У села <...> нет финансовых возможностей благоустроить это озеро, вот ищем мы. <...> Мы же в Татнефть обратились. <...> К часовщикам обращаемся. <...> Казанская медтехника <...> Ну, например, стройка шла у нас, там есть <...> такой, он производит бетон. Он нам весь бетон бесплатно выдал. <...> директор завода ЖБИ, все плиты перекрытия, транспорт бесплатно выдал. Это не денежные какие-то дела, это их изыски» (№ 9).

Вопросы этничности

Земляческие сообщества Республики Татарстан созданы по территориальному принципу и объединяют выходцев с конкретного муниципального образования республики вне зависимости от их этнической принадлежности. Так, респонденты упоминали о помощи патриархальным местам, ремонтах и обустройстве культовых сооружений (строительство купели при церкви, ремонт часовни, участие в строительстве мечетей, научные чтения, посвященные известным личностям — богословам, поддержание кладбищ).

Некоторые землячества подчеркивают важность соблюдения равенства между этническими представителями района при реализации мероприятий.

«Мы проводим конкурс на самого лучшего учителя и учительницу. На русском языке, на чувашском и на татарском. <...> И на чувашском у нас есть свое, мы его называем уже отделение. <...> И все соревнования, концерты <...> мы всегда, например, татарская поэзия, тут же чувашская. <...> Конечно, когда фольклорные ансамбли <...> там татарское фольклорное, русское и чувашское. И на сцене все исполнители то же самое. И в этом смысле мы паритет держим» (№ 1).

Есть землячества, в которых преобладают татары, активно занимающиеся сохранением родного языка и считающие это одной из ключевых задач своей организации.

«Если брать национальный фактор, то мы понимаем, что надо сохранить язык. Мы знаем, что в деревнях сохраняется язык, все разговаривают на татарском языке, к сожалению, в город люди приезжают, это и было и есть (говорят по-русски. — Авт.) <...>

Поэтому касаясь языков в работе нашей <...> к сожалению, нет такой активизации землячеств в этом плане. Еще раз говорю, приехавшие из деревень, они все равно могли бы много сделать и для нации, и для языка, и для своей деревни. Поэтому это очень нужное направление, очень нужная работа» (№ 5).

Безусловно, все земляческие объединения принимают участие в республиканских национальных праздниках. Сабантуй является объединяющим праздником для всех татарстанцев! Также представители землячеств участвуют в таких праздниках, как русский народный праздник «Каравон», праздник марийской культуры «Семык», праздник мордовской культуры «Валда Шинясь», праздник удмуртской культуры «Гырон Быдтон», праздник чувашской культуры «Уяв», праздник славянской культуры «Иван Купала», праздник культуры крышен «Питрау».

Поскольку Республика Татарстан представляет собой полиэтничный и поликонфессиональный регион, в котором поддерживается стабильное межэтническое и межконфессиональное взаимодействие, основанное на принципах толерантности и социальной гармонии, вопросы этнической идентичности не являются острыми в земляческих объединениях.

Эффект для республики и для самих членов землячеств

Респонденты высоко оценили роль землячеств для республики, поскольку считают, что их деятельность носит лишь положительный характер, порождает добрую конкуренцию между районами и влияет на статус лиц, входящих в объединение, путем повышения узнаваемости.

«И вообще можно было бы, чтобы эту структуру всех этих землячеств применять еще больше, использовать, скажем, для каких-то целей государства» (№ 5).

Немаловажным является и количество решенных дел и проектов земляческими объединениями, результат которых остается в республике.

«Первое — это патриотическое воспитание. Во-вторых, это участие в благоустройстве всевозможных дорог, помещений, патриархальных мест и так далее. Третье — дает возможность общаться людям взрослым по этим вопросам. И четвертое, самое главное, пожалуй, не забываем, откуда наши корни» (№ 9).

Вариант огосударствления земляческих сообществ разделил респондентов на две группы. Некоторые высказались, что не против дополнительного внимания государства к вопросам землячеств хотя бы с точки зрения постоянного финансирования, чтобы объединения могли иметь помещение, расчетный счет, бухгалтера.

«Я бы на месте руководства еще больше поддерживал землячество. <...> давайте каждому землячеству дадим там паек

Э. А. Сагдиева
«Малая родина»
в большом городе:
роль землячеств
в формировании
идентичности
(на примере
Республики
Татарстан)

какой-то, например, энную сумму денег <...> на секретаря и на бухгалтерию. <...> Небольшие деньги для республики <...> Но зато мы получим организованную структуру так называемую мягкую силу» (№ 1).

В ответ на свои вложения, считают респонденты, государство получит помимо организованной управляемой структуры — здоровое и удовлетворенное население.

«Государство, оно может дать денег <...> пусть контроль будет, но зато эти люди будут задействованы, почувствуют себя нужными в обществе. Я думаю, для государства — это небольшие деньги» (№ 5).

Некоторые же землячества считают, что необходимо держаться от государственного контроля подальше, поскольку теряется статус независимости и добровольности объединений, возможность выбора приоритетных направлений для работы.

«Тут, наверное, от государства самая лучшая, самая действенная помощь это — административный ресурс, которым обладают власти и мушкетеры на местах. <...> Но землячество — это ведь не только послушный какой-то инструмент, да? Мы ведь для того, чтобы подсказывать администрации на местах. А тут, попадая в такую финансовую зависимость, уже очень тяжело будет проявлять свое мнение независимое и так далее. Пусть будет так, как есть, и землячества будут независимы, в том числе и финансово, потому что это альтернативное мнение. Ну в нашем случае направлено исключительно на созидательные моменты» (№ 4).

Республиканская финансовая поддержка землячествам выражается в ежегодном конкурсе «Лучшее землячество года Республики Татарстан», где победители получают гранты за определенные призовые места. За 2024 год призовой фонд составил 2 миллиона рублей, которые разделили 15 лауреатов из Казани и Набережных Челнов⁶. По городу Казань призовой фонд составил 1,5 миллиона и его разделили на два первых места, три вторых, четыре третьих. По городу Набережные Челны денежный приз в 500 тысяч рублей разделили на одно первое место, два вторых, три третьих⁷.

«У нас проводится республиканский конкурс — «Лучшее землячество» под эгидой Совета муниципальных образований. Его поддержал Р. Н. Минниханов. Ежегодно выделяется премиальный фонд, определяются лучшие землячества Казани, победи-

6. В Казани наградили лучшие землячества Татарстана. 28.08.2024. URL: <https://sovmo.tatarstan.ru/index.htm/news/2337652.htm> (дата доступа: 20.05.2025).

7. Протокол заседания организационного комитета по организации и проведению республиканского конкурса «Лучшее землячество года Республики Татарстан». URL: https://sovmo.tatarstan.ru/konkursi.htm?pub_id=4274252 (дата доступа: 20.05.2025).

тели и лауреаты Набережных Челнов. Это тоже такая весомая поддержка» (№ 10).

В этом конкурсе стараются участвовать многие землячества, но часто первые места достаются одним и тем же, поскольку их объемом выполненных работ и их возможности доступны не всем земляческим объединениям. Данный факт отбивает у некоторых желание подавать заявку для участия на конкурс, поскольку *«там, как всегда, одни и те же начали побеждать <...> поэтому мы в последние два года даже не участвуем»* (№ 5). Для тех, кто выигрывает, — это возможность больше вложить в развитие района.

Активность землячества — это прежде всего заинтересованная в его результатах рабочая группа. Это дополнительная миссия, которую возлагают на себя люди, несмотря на занятость в трудовой сфере, социальной жизни. Отвечая на вопрос о значении деятельности землячества для респондента, информанты отмечали:

«Чтобы интересно было жить на этой территории. Вот, говоря, столько интересных мероприятий проводим. <...> А ведь интересную жизнь только мы можем же сделать!» (№ 6)

«Мы наводим порядок на той земле, где мы живем. А если он будет в каждом нашем маленьком доме порядок, то будет порядок и в нашем любимом Татарстане большим, дружном» (№ 4).

* * *

Настоящее исследование демонстрирует, что земляческие сообщества, функционирующие в Республике Татарстан, представляют собой устойчивые и адаптивные формы локальной самоорганизации, органично встроенные в систему властных отношений региона. Их деятельность сформировалась на стыке нескольких социальных процессов: миграции из муниципальных районов в города, распада советских институтов социальной интеграции, возрождения локальной и этнической идентичности, а также целенаправленной политики региональных властей по созданию каналов взаимодействия с активными гражданами. Проанализировав деятельность этих объединений, можно выделить их основные аспекты как формы локальной идентичности: сохранение культурного наследия, многосторонняя социально-экономическая поддержка, формирование экономических и этнических сетей. Важнейшей характеристикой является их двойственная природа: с одной стороны, это самоорганизующиеся сообщества «снизу», а с другой — институты, используемые властью для реализации задач развития территорий.

Таким образом, землячества Республики Татарстан представляют собой гибридный институт, находящийся на стыке общества и власти, традиции и современности, локальной идентичности и региональной политики. Это структуры, которые за свою многолетнюю историю показали свою стойкость, работоспособность,

полезность и адаптивность. Такие объединения могут являться фокусом для дальнейших исследований неформальных институтов и механизмов социального воспроизводства как отражение локальной идентичности и эффективный инструмент регионального развития.

Библиография

- Арутюнов С. А. (2000). Диаспора — это процесс // Этнографическое обозрение. № 2. С. 74–78.
- Арутюнян Ю. В. (2005). О потенциале межэтнической интеграции в московском мегаполисе // Социологические исследования. № 1. С. 27–40.
- Баринов Д. А. (2022). Студенческие землячества императорского и советского университета // Петербургский исторический журнал. № 2. С. 70–81.
- Барсукова С. Ю. (2004). Неформальная экономика. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ.
- Бурдые П. (2002). Формы капитала / Пер. М. С. Добряковой // Экономическая социология. Т. 3. № 5. С. 60–74.
- Галлямова Д. М., Топольникова Н. Н. (2025). Значимость землячеств Республики Башкортостан в жизни молодежи // Актуальные вопросы отечественной теории и практики социального воспитания подрастающего поколения: Сборник научных трудов III Всероссийской научно-практической конференции, Глазов, 19–21 февраля 2025 года. Глазов: Глазовский государственный инженерно-педагогический университет им. В. Г. Короленко. С. 65–68.
- Гущина Л. Н., Стенько А. А. (2019). Землячества иностранных студентов и их роль в жизни университета // Журнал Гродненского государственного медицинского университета. Т. 17. № 2. С. 229–233.
- Дробижева Л. М. (2013). Государственно-гражданская идентичность в общероссийском масштабе // Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра. М.: Российская политическая энциклопедия. С. 39–50.
- Дятлов В. И. (1999). Диаспора: Попытка определиться в понятиях // Диаспоры. № 1. С. 8–23.
- Жуков И. К. (2016). Региональные землячества города Москвы: специфика деятельности, общественно-политические функции, перспективы развития // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. № 4(12). С. 146–162.
- Иванов А. Е. (2001). Студенческие землячества в России (конец XIX — начало XX в.) // Россия и современный мир. № 3(32). С. 138–149.
- Истомин А. Г., Лебедев С. Д. (2015). Локальная идентичность жителей города Белгорода (по материалам качественного исследования) // Научный результат. Социология и управление. 2015. Т. 1. Вып. 2.
- Костерин С. В. (2023). Малые дела российских и украинских землячеств в Париже // Интеллигенция и мир. № 4. С. 9–33.
- Крякин Е. Н. (2018). Мордовские этнические объединения в Москве в 1920-е гг. // Вестник угроведения. Т. 8. № 2. С. 356–364.
- Патрон-клиентские отношения в истории и современности: хрестоматия (2016). М.: Политическая энциклопедия.
- Попков В. Д. (2003). Сообщество афганских мигрантов в Москве: вопросы структуры и идентичности // Социология и социальная антропология. № 2. С. 150–164.
- Смирнова Т. М. (2001). Ликвидация советской системы культурной жизни национальных меньшинств Ленинграда и Ленинградской области // Россия и мир. Гуманитарные проблемы: Межвузовский сб. научн. трудов. Вып. 1. СПб.: Изд-во СПбГУВК. С. 116–122.

- Тарасов К. А. (2014). Военная организация большевиков и землячества Петрограда в 1917 г. // Клио. № 9(93). С. 58–61.
- Уляндина А. В. (2021). Роль чувашских землячеств в сохранении народных песенных традиций // Вестник Чувашского государственного института культуры и искусств. № 16. С. 40–43.
- Хвалица Е. А., Аразнелесов О. Д. (2023). Роль землячеств в социокультурной адаптации иностранных учащихся // Вестник Тульского государственного университета. Серия: Современные образовательные технологии в преподавании естественнонаучных дисциплин. № 1(22). С. 22–25.
- Хисамутдинов А. А. (2002). Российская эмиграция в Китае: опыт энциклопедии. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та.
- Холод В. Л., Холод А. В. (2019). Землячество как форма наставничества в образовании // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Т. 38. № 1. С. 169–178.
- Шерстобитов А. С., Бегарь Е. В., Горохов Н. М., Дмитриева В. Д., Дыбкина А. Н., Еремин Д. Н., Киселева О. С., Ковалевский А. В. (2020). Роль землячества в рекрутировании политико-административных элит: эвристический потенциал сетевого анализа для исследования элит в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. Т. 7. № 2. С. 99–108.
- Raeff M. (1990). *Russia Abroad: A Cultural History of the Russian Emigration, 1919-1939*. Oxford University Press.

Э. А. Сагдиева
«Малая родина»
в большом городе:
роль землячеств
в формировании
идентичности
(на примере
Республики
Татарстан)

“Small homeland” in the big city: The role of regional communities in identity formation (on the example of the Republic of Tatarstan)

Elvina A. Sagdieva, PhD (Sociology), Senior Researcher, Department for Ethnological Research, Marjani Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences. Baturina St. 7, Kazan, 420111, Russia. E-mail: elvina_n@inbox.ru

Abstract. The article considers fellowmen communities in municipal districts of the Republic of Tatarstan as a form of informal self-organization and influential elements in the regional social-cultural life. These communities are analyzed as erroneous forms of unification of Tatarstan rural residents in cities, which perform social, cultural and communicative functions. Based on empirical observations, interviews and case studies, the author shows how fellowmen communities become a space for reproducing local identity and maintaining horizontal connections and a symbol of the “small homeland”; considers their integration into the system of power relations and their role in the territorial social-economic development; explains transformation of regional communities from informal mutual aid groups to structured entities interacting with the authorities, business and cultural organizations, supporting social-cultural practices, symbolic politics and informal legitimation. The theoretical basis of the study includes the concepts of local identity, social networks, P. Bourdieu’s theory of capital and theory of patron-client relations, which allows to interpret regional communities not as relics of rural culture but as contemporary dynamic formations integrated into the regional governance system. Thus, the study reveals mechanisms for preserving local communities and new forms of collectivity emerging at the intersection of urbanization, migration and cultural self-determination, which helps to understand hybrid models of regional development.

Key words: communities, Republic of Tatarstan, local identity, territorial identity, network relations, local community, social charity

References

- Arutyunyan Yu.V. (2005) O potentsiale mezhetnicheskoy integratsii v moskovskom mega-polise [On the potential of interethnic integration in the Moscow metropolis]. *Sociological Research*, no 1, pp. 27–40.
- Arutyunov S.A. (2000) Diaspora — eto protsess [Diaspora is a process]. *Ethnographic Review*, no 2, pp. 74–78.
- Barinov D.A. (2022) Studencheskie zemlyachestva imperatorskogo i sovetskogo universiteta [Student communities in the imperial and soviet university]. *Petersburg Historical Journal*, no 2, pp. 70–81.
- Barsukova S.Yu. (2004) *Neformalnaya ekonomika* [Informal Economy], Moscow: HSE.
- Bourdieu P. (2002) Formy kapitala [Forms of capital]. *Economic Sociology*, vol. 3, no 5, pp. 60–74.
- Dyatlov V.I. (1999) Diaspora: Popytka opredelitsya v ponyatiyah [Diaspora: An attempt to define the concepts]. *Diasporas*, no 1, pp. 8–23.
- Drobizheva L.M. (2013) Gosudarstvenno-grazhdanskaya identichnost v obshherossiiskom masshtabe [State-civil identity on the all-Russian scale]. L.M. Drobizheva (Ed.) *Grazhdanskaya, etnicheskaya i regionalnaya identichnost: vchera, segodnya, zavtra*, Moscow: ROSSPEN, pp. 39–50.
- Gallyamova D.M., Topolnikova N.N. (2025) Znachimost zemlyachestv respubliki Bashkortostan v zhizni molodezhi [The importance of the Republic of Bashkortostan's communities in the life of the youth]. *Aktualnye voprosy otechestvennoy teorii i praktiki sotsialnogo vospitaniya podrastayushchego pokoleniya*, Glazov: Glazovsky State Engineering and Pedagogical University named after V.G. Korolenko, pp. 65–68.
- Gushchina L.N., Stenko A.A. (2019) Zemlyachestva inostrannykh studentov i ih rol v zhizni universiteta [Communities of foreign students and their role in university life]. *Journal of the Grodno State Medical University*, vol. 17, no 2, pp. 229–233.
- Khislamutdinov A.A. (2002) *Rossiiskaya emigratsiya v Kitae: opyt entsiklopedii* [Russian Emigration in China: An Encyclopedia], Vladivostok: Publishing House of the Far Eastern University.
- Kholod V.L., Kholod A.V. (2019) Zemlyachestvo kak forma nastavnichestva v obrazovanii [Community as a form of mentoring in education]. *Scientific Bulletin of the Belgorod State University. Series: Humanities*, vol. 38, no 1, pp. 169–178.
- Khvalina E.A., Araznepesov O.D. (2023) Rol zemlyachestv v sotsiokulturnoy adaptatsii inostrannykh uchashchihsya [The role of communities in the social-cultural adaptation of foreign students]. *Bulletin of the Tula State University. Series: Contemporary Educational Technologies in Teaching Natural Sciences*, no 1, pp. 22–25.
- Istomin A.G., Lebedev S.D. (2015) Lokalnaya identichnost zhitel'ev goroda Belgoroda (po materialam kachestvennogo issledovaniya) [Local identity of Belgorod residents (based on the qualitative study)]. *Scientific Result. Sociology and Management*, vol. 1, no 2.
- Ivanov A.E. (2001) Studencheskie zemlyachestva v Rossii (konets XIX — nachalo XX v.) [Student communities in Russia (late 19th — early 20th centuries)]. *Russia and the Contemporary World*, no 3, pp. 138–149.
- Kosterin S.V. (2023) Malye dela rossiiskikh i ukrainskikh zemlyachestv v Parizhe [Small deeds of Russian and Ukrainian communities in Paris]. *Intelligentsia and the World*, no 4, pp. 9–33.
- Kryakin E.N. (2018) Mordovskie etnicheskije ob`edineniya v Moskve v 1920-e gg. [Mordovian ethnic associations in Moscow in the 1920s]. *Bulletin of Ugrology*, vol. 8, no 2, pp. 356–364.
- Patron-klientskie otnosheniya v istorii i sovremennosti* (2016) [Patron-Client Relations in the History and Present Time], Moscow: Political Encyclopedia.
- Popkov V.D. (2003) Soobshchestvo afganskikh migrantov v Moskve: voprosy struktury i identichnosti [Afghan migrant community in Moscow: Structure and identity]. *Sociology and Social Anthropology*, no 2, pp. 150–164.

- Raeff M. (1990) *Russia Abroad: A Cultural History of the Russian Emigration, 1919–1939*, Oxford University Press.
- Sherstobitov A. S., Begar E. V., Gorokhov N. M., Dmitrieva V. D., Dybkina A. N., Eremin D. N., Kiseleva O. S., Kovalevsky A. V. (2020) Rol zemlyachestva v rekrutirovanii politiko-administrativnykh elit: evristichesky potentsial setevogo analiza dlya issledovaniya elit v Rossii [The role of community in recruiting political and administrative elites: Heuristic potential of the network analysis for elite research in Russia]. *RUDN Journal of State and Municipal Administration*, vol. 7, no 2, pp. 99–108.
- Smirnova T. M. (2001) Likvidatsiya sovetskoj sistemy kulturnoj zhizni natsionalnykh men'shinstv Leningrada i Leningradskoj oblasti [Liquidation of the Soviet system of cultural life for national minorities in Leningrad and Leningrad Region]. *Rossija i mir. Gumanitarnye problemy*, vol. 1, Saint Petersburg: Publishing House of the Saint Petersburg State University of Economics, pp. 116–122.
- Tarasov K. A. (2014) Voennaya organizatsiya bolshevikov i zemlyachestva Petrograda v 1917 g [Military organization of the Bolsheviks and Petrograd communities in 1917]. *Clío*, no 9, pp. 58–61.
- Ulyandina A. V. (2021) Rol chuvashskih zemlyachestv v sokhranении narodnykh pesennykh traditsij [The role of Chuvash communities in preserving folk song traditions]. *Bulletin of the Chuvash State Institute of Culture and Arts*, no 16, pp. 40–43.
- Zhukov I. K. (2016) Regionalnye zemlyachestva goroda Moskvy: spetsifika deyatel'nosti, obshchestvenno-politicheskie funktsii, perspektivy razvitiya [Regional communities of the city of Moscow: Features of activity, social-political functions, and development prospects]. *Bulletin of the Omsk University. Series: Historical Sciences*, no 4, pp. 146–162.

Э. А. Сагдиева
«Малая родина»
в большом городе:
роль землячеств
в формировании
идентичности
(на примере
Республики
Татарстан)

Роль родителей в обеспечении устойчивости сельских школ (результаты разведывательного исследования в Республике Башкортостан)

Р. Р. Ишмухаметов

*Рустам Рифатович Ишмухаметов, кандидат социологических наук, доцент кафедры управления современным образованием Института развития образования
Ул. Мингажева, 120, Уфа, Республика Башкортостан, 450005. E-mail: rustish@list.ru*

Аннотация. В статье представлены, с одной стороны, аналитические обобщения автора по результатам «включенного наблюдения» за жизнью школ в его родном регионе (Республике Башкортостан), где он долгое время занимается решением вопросов школьного управления, повышения квалификации и переподготовки школьных учителей и администраторов в целях предотвращения и устранения управленческих рисков в системе школьного образования на муниципальном и региональном уровнях; с другой стороны, результаты разведывательного исследования, проведенного в ряде северных районов Башкортостана методами анкетирования, фокус-групповых и экспертных полуструктурированных интервью, — чтобы определить основные категории рисков в управлении школой с точки зрения родителей школьников и оценить потенциал родительского сообщества в их преодолении. Ранее автором были опубликованы общие выводы по итогам другого разведывательного исследования, реализованного в тех же районах и теми же методами, но для понимания того, как родители школьников воспринимают реалии и потенциал школьного самоуправления и своего участия в нем (Ишмухаметов, 2025). Статья представляет результаты схожего по дизайну, но тематически иного исследования, реализованного в сельских поселениях: понимая ограниченные возможности обобщения эмпирических данных в разведывательном проекте с небольшой смещенной выборкой (учтены мнения наиболее заинтересованных и ответственных родителей), автор все же отмечает как общеизвестные объективные ограничения, с которыми сталкиваются школы в периферийных (по разным критериям) районах, так и специфические проблемы сельских школ в рассмотренном региональном «кейсе»; как значительную, особенно в сопоставлении с городской ситуацией, вовлеченность родителей в школьную жизнь, так и потенциал расширения родительского соучастия; как инициативную, так и вынужденно-компенсаторную функцию родителей в поддержании жизнедеятельности сельских школ.

Ключевые слова: сельская школа, школьное управление, родительское сообщество, управленческие риски, разведывательное исследование, Республика Башкортостан

EDN: VQQNIN

В нынешних условиях очередного реформирования российской системы образования и внедрения все новых образовательных стандартов (см., напр.: Киселева, Турянская, 2021; Крюкова, Щербина, 2023; Немирич, 2023; Тимченко, 2023) роль родителей в обеспече-

нии качества образования становится особенно важной, особенно когда речь идет о сельских поселениях. Функционирование системы образования в сельской местности подвержено общероссийским тенденциям, однако здесь действует и ряд особых социально-экономических и демографических факторов: ограниченность ресурсов (финансовых, кадровых, организационных и др.) и инфраструктуры (транспортной, образовательной, досуговой и пр.), дефицит квалифицированных педагогических кадров, общие проблемы доступности качественного школьного образования в сельских районах (см., напр.: Игнатов и др., 2020; Кашаев, 2021). В отличие от высокоурбанизированных жизненных пространств больших городов, где подобное не распространено и вряд ли может стать эффективным инструментом школьного управления и повышения качества жизни местных сообществ, расширение форм взаимодействия школы и семьи в условиях села, активное вовлечение родителей в процесс управления школой (прежде всего принятия важных решений) относительно ее образовательной и внеучебной деятельности) становятся предельно значимыми факторами устойчивости (сохранения и развития) образовательной организации. Родители, выступая одновременно в двух «ролях» — непосредственных участников образовательного процесса и членов местного сельского сообщества, — хорошо понимают специфику деятельности, запросы и потребности, возможности и проблемы сельской школы, поэтому их участие в принятии управленческих решений, разработке (уточнении, корректировке, оценке) образовательных программ, контроле качества образования и создании благоприятной образовательной среды, несомненно, поможет более точно и на более ранних стадиях выявлять назревающие управленческие риски, оценивать их опасность и возможности устранения (предотвращения в будущем) и тем самым минимизировать благодаря привлечению к решению школьных проблем внешкольного социального и экономического капитала местных сельских сообществ.

Иными словами, общие для всей страны и конкретного региона, а также специфические для местного сообщества и его образовательных учреждений трудности, с которыми сегодня сталкиваются сельские школы, могут быть успешно «диагностированы» и, по крайней мере частично, преодолены при активном вовлечении родительской общественности. Чтобы эти утверждения не оставались теми очевидными и бесспорными декларациями, какими выглядят сейчас, необходимо создавать условия для активного участия родителей в управлении школой, разрабатывать механизмы вовлечения родителей в процесс принятия решений, обеспечивая им соответствующую информационную и методическую поддержку (заинтересованность и готовность родителей к участию в управлении школой и решении ее проблем далеко не всегда означает наличие необходимых для этого знаний и компетенций). Однако прежде чем переходить к конкретным мерам, следует сначала провести

социологическую «диагностику» — оценить запрос и готовность школьной системы и родительского сообщества к новому, более партнерскому формату сотрудничества, который, с одной стороны, по определению должен быть более понятным и простым в небольших сельских поселениях (где формируется достаточно устойчивая сетевая система информирования и взаимной поддержки), но, с другой стороны, может оказаться менее востребованным в силу характерной для российского села «безресурсности».

Крупномасштабное социологическое исследование по данной проблематике — оценки роли родителей обучающихся сельских школ в преодолении управленческих рисков, характерных для данных учебных заведений, и определения факторов, влияющих на заинтересованность, готовность и эффективность их участия в управлении школой и решении ее проблем — потребовало бы решения множества задач на общероссийском и даже региональном (в разрезе федеральных административных округов, республик, краев и пр.) уровне, по сути, превратив соответствующий социологический проект в междисциплинарное социальное обследование, предполагающее привлечение специалистов из смежных с социологией дисциплинарных и экспертных полей. Более оптимальной исследовательской стратегией представляются небольшие региональные кейс-стади (см., напр.: Божков, Троцук, 2018; Овчинцева, 2020; Троцук, 2007), позволяющие определить наиболее значимые управленческие риски для сельских школ в конкретном российском регионе (в нашем случае это Республика Башкортостан), выявить спектр форм участия родителей в жизни школы с точки зрения эффективности таковых для преодоления выявленных рисков, оценить вклад различных форм участия родителей в школьной жизни в минимизацию управленческих рисков, характерных для сельских школ данного региона, обозначить факторы, препятствующие активному участию родителей в жизни сельской школы, и, наконец, на основе решения перечисленных задач сформулировать рекомендации по укреплению партнерства «школа–семья» и развитию механизмов этого партнерства в интересах повышения устойчивости сельских сообществ и школ.

Как показывают, пусть и немногочисленные, исследования, вовлечение родителей в управление школой способствует повышению успеваемости обучающихся, улучшению дисциплины, развитию социальной ответственности и формированию позитивного отношения к образованию (см., напр.: Henderson, Mapp, 2002). Как правило, участие родителей в школьной жизни способствует укреплению связей между образовательным учреждением и местным сообществом, повышению доверия к школе как образовательной организации и формированию чувства сопричастности к ее устойчивости, развитию и успешности (см., напр.: Hoover-Dempsey, Sandler, 2005). Эмпирические данные свидетельствуют об устойчиво прослеживаемой взаимосвязи между уровнем вовлеченности родителей в школь-

ное управление и повседневную жизнь образовательного учреждения, с одной стороны, и эффективностью функционирования сельских школ, особенно в характерной для них в российском контексте ситуации ограниченных ресурсов и возможностей, — с другой. По сути, равнодушие и активное участие родителей позволяет компенсировать недостаток финансирования и других типов институциональных ресурсов за счет привлечения внебюджетных средств, добровольного труда и материальной поддержки нефинансового характера. Более того, родители, вовлеченные в управление школой, могут оказывать позитивное влияние на кадровую политику, содействуя (самыми разными материальными и нематериальными способами) привлечению в сельскую местность и, главное, удержанию в школе квалифицированных педагогов, что критически важно для сельских школ (см., напр.: Epstein, 2001).

В целом внедрение практик школьного соуправления с участием родителей помогает обеспечивать институциональную прозрачность и организационную подотчетность школы перед местным сообществом: родительские комитеты и советы школ, наделенные реальными, а не декларативно-отчетными полномочиями, осуществляя контроль за расходованием бюджетных средств, качеством образовательных программ и соблюдением прав обучающихся (вернее, всех участников образовательного процесса), способствуют снижению управленческих рисков, связанных с коррупцией, злоупотреблениями и неэффективными решениями (см., напр.: Гусева, 2020; Данилов, Шустова, 2024; Джембек и др., 2024; Мельничук, 2023; Пожидаева, 2021). Однако сам факт родительского участия в школьном управлении не является панацеей от характерных для данной системы рисков — для эффективного вовлечения родителей в управление школой необходима целенаправленная работа со стороны администрации образовательной организации: разработка четких механизмов взаимодействия с родителями, обеспечение их доступа к информации, предоставление родителям возможности для участия в принятии решений, информирование и даже обучение их навыкам управленческой деятельности (см., напр.: Darling-Hammond, 2010). Только при условии создания благоприятной среды для участия родителей в жизни школы можно рассчитывать на реальное преодоление управленческих рисков и повышение качества образования в сельских школах.

Безусловно, для этого необходимо проводить социологические опросы мониторингового характера — чтобы на основе мнений родителей составлять и постоянно обновлять целостную картину того, как родительское сообщество в целом воспринимает свою роль в нынешнем «обществе рисков», оценивает возможности и ограничения российского школьного образования, насколько заинтересовано в личном участии в предотвращении, минимизации и устранении управленческих рисков (см., напр.: Васильев, Шулаев, Васильев, 2024; Егорышев, 2023; Ефимова, Семенов, 2018).

При разработке и реализации таких опросов необходимо принимать во внимание такую особенность российского общества, как сохраняющийся разрыв (образовательный, культурный, экономический, инфраструктурный, цифровой и пр.) между городом и селом (см., напр.: Ефанов, Буданова, Юдина, 2020; Коршунова, 2022; Троцук, Дурсина, 2025), в частности, участие родителей обучающихся сельских школ в преодолении управленческих рисков будет отличаться от аналогичного участия родителей учащихся городских школ уже в силу существенных различий в контексте сельской/городской жизни и функционировании сельских/городских образовательных учреждений.

Так, сельская школа часто является центром общественной жизни поселения, местом встреч, общения и сотрудничества всех «акторов» сельского социума: в отличие от городской предельно дифференцированной среды, на селе родители более тесно связаны друг с другом и с администрацией школы, причем их взаимодействие носит более неформальный и доверительный характер, чем в условиях города. Как правило, на селе наблюдается сильная и осознанная коллективная ответственность за успешное функционирование школы, родители заинтересованы в сохранении школы и обеспечении качественного образования для своих детей, тогда как в городе школа — лишь одно из многих учреждений обучающе-социализационного типа, поэтому ее взаимоотношения с родительским сообществом более формализованы — родители практически не знакомы друг с другом, их общение с администрацией, как правило, проходит по официальным/формальным каналам, а индивидуальная ответственность за собственного ребенка однозначно доминирует над коллективной ответственностью за школу и судьбу сельского сообщества и даже самого сельского поселения.

В сельских школах часто наблюдается более высокая степень вовлеченности родителей в решение всех текущих вопросов, что обусловлено меньшим количеством школ на сельской территории, более тесными социальными связями в небольшом сельском сообществе и его ощутимой зависимостью от школы как центра общественной жизни (см., напр.: Троцук, 2017). Как правило, сельские родители школьников чаще соглашаются на непосредственное участие в практической подготовке и обеспечении жизнедеятельности школы — ремонте, организации мероприятий, привлечении ресурсов. Причем их вклад часто носит более многогранный характер, чем просто финансовая поддержка, характерная для городских школ, особенно крупных, где участие родителей в школьной жизни предельно фрагментировано и формализовано: собственно большое количество школ и значительное число учащихся в каждой из них снижает потенциал индивидуального влияния каждого родителя, и часто участие городских родителей школьников сводится к представительству (нередко номинально-молчаливому) в родительских комитетах, тогда как непосредственное, постоянное и заинтересо-

ванное участие в жизнедеятельности школы — вещь достаточно редкая (особенно в старших классах).

Безусловно, родители школьников в сельской местности по определению ограничены в доступе к финансовым, экономическим, культурным и иным ресурсам в сравнении с горожанами. Однако сельские родители, как правило, обладают обширными социальными связями как члены устойчивого местного сообщества, что помогает им привлечь спонсорскую помощь со стороны местных предприятий, фермеров и организаций (см., напр.: Божков, Никулин, Полещук, 2020). Городские родители, как правило, обладают значительно большим экономическим капиталом, имеют больший доступ к финансовым ресурсам и широкому кругу профильных специалистов, однако их социальные сети носят сугубо прагматический (коммуникативный) характер, т.е. речь не идет о сплоченном сообществе и о выстраивании со школьной администрацией каких-либо связей, помимо предельно формальных. Участие родителей обучающихся в сельских школах часто выходит за рамки традиционных организационных форм и может включать: практическую помощь в ремонте помещений, предоставление сельскохозяйственной продукции для праздников и в ежедневном формате, помощь в организации внеклассных мероприятий, использование личного транспорта для перевозки детей и т.д. В городе участие родителей в школьной жизни в основном ограничивается финансовой поддержкой, (номинальным) участием в родительских собраниях, организацией отдельных (часто обязательных) мероприятий и взаимодействием с учителями по вопросам успеваемости детей. Соответственно, в сельских школах коммуникация между родителями и школьной администрацией обычно носит неформальный характер, будучи основана на личных контактах и внутригрупповом доверии, тогда как в городских школах общение всех взрослых участников образовательного процесса носит формализованный характер — осуществляется через специальные, часто рекомендуемые региональными и федеральными ведомствами, каналы (электронная приемная на сайте школы, корпоративная электронная почта, конкретная социальная сеть или мессенджер и т.д.).

Сельские школы часто сталкиваются с уникальными управленческими рисками, связанными с географической изоляцией, ограниченными ресурсами, демографическими изменениями и спецификой сельской культуры и др. Соответственно, в качестве основных управленческих рисков в сельских школах следует назвать: общий отток населения, особенно молодежи, в города приводит к нехватке квалифицированных кадров; недостаток финансирования в силу скромных местных бюджетов (незначительные налоговые и иные поступления на фоне значительных по объему и количеству обязательств); ограниченный доступ к ресурсам и технологиям; нежелание выпускников педагогических вузов возвращаться в родные села или вообще работать в сельских школах. Очевидно, что эти

Р. Р. Ишмухаметов
Роль родителей в обеспечении устойчивости сельских школ...

первоочередные для сельских школ риски отличаются от насущных проблем городских школ, особенно в крупных городах: высокая конкуренция между школами, большое количество учащихся (особенно в условиях нынешнего увлечения укрупнением и созданием огромных образовательных комплексов), разнообразие социальных групп внутри школы (по критериям этнической и религиозной принадлежности, гражданства, уровня знаний и даже владения русским языком и пр.), проблемы безопасности и др. Соответственно, и участие родителей в школьном управлении и преодолении управленческих рисков будет различаться в сельских поселениях и городах, причем вследствие не только различий в масштабах и ресурсах, но и социально-культурных особенностей, характера взаимоотношений между школой с родительским и местным сообществом. В целом участие родителей в сельских школах часто характеризуется большей непосредственностью, многогранностью и опорой на местные ресурсы и социальные связи, тогда как в городских школах участие родителей, как правило, носит более дистанцированный, формализованный характер — ориентировано на финансовую поддержку и взаимодействие с администрацией исключительно по вопросам успеваемости и безопасности детей.

Для уточнения суммированных выше характеристик родительского участия в жизни сельских школ было проведено разведывательное социологическое исследование (с февраля по июнь 2025 года), сочетающее количественные и качественные методики: анкетирование родителей школьников (вопросы о формах участия родителей в школьной жизни, восприятии ими управленческих рисков и оценке успешности/эффективности взаимодействия с администрацией), полуформализованные интервью с родителями, учителями и представителями школьных администраций (для уточнения и подтверждения информации о формах родительского участия, проблемах и перспективах сотрудничества школ с родителями в общих интересах обеспечения качества образования и устойчивости сельских школ), фокус-группы с родителями (для сопоставления личных и групповых оценок и выработки общих рекомендаций/предложений по улучшению взаимодействия родительского сообщества с представителями школы). Выборка анкетирования составила 124 родителя обучающихся в сельских школах северных районов Республики Башкортостан: столь незначительный объем выборки объясняется тем, что акцент был сделан не на количестве, а на «качестве» опрошенных — отбор родителей осуществлялся целевым образом из реестров школ и через школьные администрации с соблюдением этических норм и требований конфиденциальности, и небольшую по объему анкету респонденты могли заполнить в удобном для себя режиме (офлайн и онлайн).

Итак, основными управленческими рисками родители школьников считают (сочли таковыми значимыми, выбирая вариант ответа на соответствующий вопрос анкеты): ограниченную материально-

техническую базу (80%), нехватку финансирования (75%) и квалифицированных педагогических кадров (60%), со значительным отставанием за ними следуют проблемы транспортной доступности образовательных учреждений (40%, видимо, потому что на решение этой проблемы родители могут повлиять, в отличие от первых трех в списке), а также низкая учебная мотивация школьников (30%), в чем сельских школьников сложно упрекнуть, принимая во внимание перечисленные выше проблемы.

Ограниченность материально-технической базы — наиболее значимый риск для современной сельской школы, по мнению родителей ее учеников: *«компьютеров в школе мало, интернет работает плохо, детям трудно готовиться к урокам»*. Устаревшие (материально и «морально») здания, неудовлетворительное состояние учебных классов и других школьных помещений, отсутствие или недостаточное количество оборудования, мебели, учебных пособий и инструментов, отсутствие современного оснащения не могут не снижать качество образования. Недостаток финансирования не позволяет сельским школам обновлять учебные пособия и оборудование, обеспечивать доступ к современным информационно-коммуникативным технологиям и образовательным ресурсам, что снижает эффективность учебного процесса и затрудняет подготовку учащихся к жизни в современном высокотехнологичном мире. Родители, используя свои личные и профессиональные навыки и ресурсы, помогают сельским школам организовать доступ к интернету и расширить библиотечные ресурсы, чтобы обеспечить детей необходимыми учебными материалами. Конечно, усилий только родителей здесь недостаточно — необходим комплексный подход: такие меры, как увеличение финансирования сельских школ, целевое выделение средств на обновление материально-технической базы и внедрение инновационных образовательных технологий, очевидны, но необходимо учитывать специфику сельских территорий и разрабатывать если не индивидуальные программы поддержки для каждой сельской школы, основанные на ее потребностях и ресурсах, то хотя бы разные блоки рекомендаций для разных типов школ (выстраивая типологию на основе ключевых характеристик образовательных учреждений).

Нехватка финансирования — второй по значимости управленческий риск, названный родителями сельских школьников, но фактически речь идет, опять же, об отсутствии у сельских школ возможностей улучшить свое материально-техническое оснащение, привлечь квалифицированных специалистов (и удержать их) и обеспечить высокое качество обучения. Здесь представители школьных администраций и родители солидарны: *«постоянно не хватает денег на ремонт, на новые учебники, на школьные мероприятия... дети учатся в ветхих классах»; «школа разваливается, крыша течет, а на ремонт денег нет... обращались в местную администрацию, но пока безрезультатно»*. Несмотря на значи-

тельно меньшие ресурсы, чем в городах, сельские родители все же прилагают максимум усилий для привлечения дополнительного финансирования — внебюджетных средств через благотворительные акции, гранты и спонсорство, организуя различные фандрайзинг-мероприятия, а также экономя скудные школьные средства: самостоятельно ремонтируют школьные помещения, благоустраивают школьные территории, ухаживают за школьным имуществом, купленным на спонсорские средства, ведут или помогают в организации кружков, секций и мероприятий, например, по освоению навыков ведения сельского хозяйства или ремесел, способствующих всестороннему развитию детей.

Особенно остро в российских сельских школах стоит задача сначала привлечения, а затем и удержания учителей, особенно специалистов по таким предметам, как иностранные языки, математика, физика и информатика: *«учителя физики и информатики у нас меняются каждый год, найти специалистов в деревню очень сложно»*; *«учителя математики постоянно меняются, детям сложно привыкнуть к новому учителю»*. Родители помогают сельским школам в привлечении молодых специалистов, оказывая содействие в решении жилищных проблем, организуя встречи с потенциальными кандидатами на позиции школьных педагогов и администраторов, распространяя информацию о школьных вакансиях в своих социальных сетях и сообществах, создавая поддерживающую атмосферу, благоприятный морально-психологический климат в школе, содействуя в решении определенных бытовых проблем педагогов, помогая в организации их досуга и т.д., — все это снижает текучесть сельских педагогических кадров (см., напр.: Обносов, 2022; Панцевич, Шебловинская, 2021; Попова, Попов, Гусева, 2023).

Характеризуя свое участие в жизни сельских школ, большинство родителей (75%) отметили, что таковое сводится преимущественно к родительским собраниям, где они обсуждают вопросы, связанные с учебным процессом, внеучебными мероприятиями и поведением детей, а также узнают о текущей деятельности и планах школы, хотя *«информация о собраниях доходит не ко всем родителям, особенно тем, кто не пользуется интернетом»* (что сложно себе представить применительно к городским школам), а *«родительский комитет старается, но не всегда удается решить все проблемы»*. Каждый третий опрошенный родитель отметил, что оказывает школе финансовую помощь, и в ходе интервью таковая была «расшифрована» — как правило, это покупка необходимого оборудования для кабинетов, учебников и рабочих тетрадей по текущим предметам, организация праздничных мероприятий в плане закупки необходимой для них атрибутики, финансовая и организационная помощь во внешкольных поездках и т.д. Конечно, объем оказываемой финансовой помощи зависит от дохода домохозяйств — *«мы стараемся помочь школе, сколько можем, но не у всех есть та-*

кая возможность», однако показателен уже сам факт, что треть родителей открыто признается в этом в ходе анкетирования, несмотря на официальные запреты «сверху» и серьезные потенциальные риски обвинения в коррупционной деятельности.

Доля помогающих школам родителей на самом деле значительно больше: каждый четвертый лично участвовал в ремонте школьных помещений (например, покраска стен, ремонт и замена мебели, утепление помещений перед холодным сезоном, починка парт и т.д.), что, по утверждению учителей, *«очень выручает»*; каждый седьмой помогал в проведении школьных (утренники, олимпиады) и внешкольных (экскурсии) мероприятий учителям; каждый десятый использовал свои возможности привлечения дополнительных ресурсов/финансирования от местных органов власти или спонсоров. Перечисленные виды активности и доли участвующих в них родителей школьников явно подтверждают их принципиально важную роль в поддержании жизнеспособности сельских школ и тем самым сохранении образовательной среды сельских территорий.

Тем не менее говорить о том, что родительское сообщество сельских поселений буквально в едином порыве прилагает огромные усилия для сохранения жизнеспособных школ, не приходится в силу наличия объективных для этого препятствий. Прежде всего, это недостаток свободного времени (70%), что объясняется в первую очередь спецификой занятости сельского населения в тех районах, где проводился опрос (высокая доля тяжелого физического труда в аграрном секторе и ненормированный рабочий день). Второй по частоте упоминаний причиной неучастия родителей в жизни школы (40%) стал недостаток информации, включая данные о текущей успеваемости ребенка, отсутствие четкого понимания учебных планов и программ, ограниченный доступ к информации о внеклассных мероприятиях и возможностях для дополнительного образования. Недостаточная информированность родителей сельских школьников — результат действия одновременно объективных и субъективных причин: с одной стороны, преждевременно говорить о налаживании эффективных каналов коммуникации между школой и семьей (для этого у школ просто нет необходимых кадров, особенно в сельских поселениях) в условиях ограниченного доступа сельских организаций в целом к современным информационным технологиям и нарастания цифрового разрыва между разными поколениями и жителями сел и городов; с другой стороны, у взрослых участников образовательного процесса, с учетом всех перечисленных выше объективных трудностей, просто не хватает знаний, сил, времени и желания еще и на дополнительные коммуникативные практики необязательного характера (в рамках выполнения педагогических и родительских задач).

Каждый третий опрошенный родитель, несмотря на смещенную в сторону «позитивных» респондентов выборку и «прозрачность»

Р. Р. Ишмухаметов

Роль родителей в обеспечении устойчивости сельских школ...

сельской школы для местного сообщества, все же говорит о недоверии к школе (администрации и педагогам) как препятствии для (более активного) участия в жизни школы. Вряд ли в данном случае решающее значение имеет фактор сельскости — скорее всего, данный показатель отражает общий высокий уровень социетального недоверия в российском обществе: школа в любом случае воспринимается как достаточно закрытая институциональная структура, на повседневную деятельность и управление которой родители считают невозможным (или сомнительным) повлиять. «Объективный» характер данного сдерживающего фактора подтверждает и то, что количество назвавших его близко к доле тех, кто сослался на однозначно объективный фактор транспортной доступности: каждый пятый респондент объяснил свое неучастие в школьной жизни этой причиной (удаленность образовательного учреждения, расположенного в другом населенном пункте, — не причина не давать ребенку школьное образование, но значимый фактор экономии времени и сил за счет отказа от своего участия в школьной жизни). В сельских районах в целом плохо развита транспортная инфраструктура и мало маршрутов общественного транспорта, нельзя забывать и об уровне жизни сельских семей, который не позволяет многим из них иметь машину.

Специфический для Башкортостана фактор родительского неучастия в школьной жизни и управлении — языковой барьер, который назвал каждый седьмой опрошенный родитель (15%). Данная проблема, особенно остро проявляющаяся именно в сельских поселениях, обусловлена сложным этнокурным составом населения отдельных районов: в многонациональных семьях дети-билингвы спокойно говорят на русском и родном языке, тогда как их родители могут испытывать трудности в общении на русском языке, который используется в школе (учителя и администрация могут просто не владеть тем языком, на котором родителям комфортно осуществлять повседневное взаимодействие, поскольку принадлежат к другим этнокультурным/языковым сообществам).

Таким образом, разведывательное социологическое исследование роли родителей обучающихся сельских школ в преодолении управленческих рисков (а) подтвердило общеизвестные оценки объективных ограничений, в которых вынуждены работать школы во многих российских сельских районах, (б) обнаружило специфические вызовы, с которыми приходится сталкиваться сельским родителям в отдельном регионе-«кейсе», и (в) показало значительный нереализованный потенциал их участия в школьной жизни и школьном управлении в интересах всех сельских «стейкхолдеров». В отличие от городских школ, где участие родителей ограничено финансовой поддержкой и формальными мероприятиями, в сельских школах родители чаще вовлечены в повседневную жизнь школы как минимум по двум причинам: с одной стороны, это объективные управленческие проблемы (материально-технического, ор-

ганизационного и финансового плана), без решения которых сельские поселения рискуют остаться вообще без школ, что буквально вынуждает родителей школьников проявлять здесь посильную для себя «активность»; с другой стороны, в сельских поселениях сохраняется дух коллективной ответственности за «нашу» школу, «наших» детей, «наше» село, что объясняет искреннюю готовность родителей поддерживать своих «соседей» (в широком смысле слова — по сельскому сообществу, а не в буквально-физическом смысле). Иными словами, отсутствие финансов, недостаток кадров и ограниченная материально-техническая база сельских школ отчасти компенсируются материальным, социальным и символическим вкладом родительского сообщества, причем от расширения этого вклада родителей удерживают те же объективные причины, что порождают те проблемы сельских школ, которые родители хотят решать.

Библиография

- Божков О. Б., Никулин А. М., Полещук И. К. (2020). Сельская кооперация в Северном Нечерноземье: официальные и неформальные практики // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 20. № 4.
- Божков О. Б., Троцук И. В. (2018). Тенденции развития сельских районов России: постановка исследовательской задачи и первые результаты повторного кейс-стади // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 18. № 4.
- Васильев Е. В., Шулаев А. В., Васильев В. В. (2024). Кластеризация факторов риска, связанных с образом жизни у детей и подростков в сельской местности // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. № 2.
- Гусева А. П. (2020). Применение риск-ориентированного подхода при построении системы менеджмента качества в образовательной организации // Экономика и бизнес: теория и практика. № 1—1.
- Данилов С. В., Шустова Л. П. (2024). Анализ факторов риска учебной неуспешности обучающихся в школах с низкими образовательными результатами (на примере школ Ульяновской области) // Поволжский педагогический поиск. № 1.
- Джембек Ю. И., Моторина П. А., Ефремова А. В., Аникин А. Н., Мосинцев Д. Д., Виталева Я. В. (2024). Выявление факторов риска развития и определение «групп риска» среди обучающихся среднего звена сельской школы // International Journal of Medicine and Psychology. Т. 7. № 4.
- Егорышев С. А. (2023). Эмоциональное выгорание учителей как фактор снижения эффективности их профессиональной деятельности // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 23. № 1.
- Ефанов А. А., Буданова М. А., Юдина Е. Н. (2020) Уровень цифровой грамотности школьников и педагога: компаративистский анализ // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 20. № 2.
- Ефимова Г. З., Семенов М. Ю. (2018). Социальный портрет женщины-учителя (на примере Тюменской области) // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 18. № 3.
- Игнатов А. М., Тяпкина А. П., Лаврухина Ю. И., Тяпкин А. С. (2020). Состояние, проблемы современной сельской школы, направления их решения // Ученые записки Орловского государственного университета. № 2.
- Ишмухаметов Р. Р. (2025). Самоуправление как инструмент преодоления рисков в управлении школой // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 25. № 3.

- Кашаев А. А. (2021). Сельская школа против низких результатов обучения // Педагогика сельской школы. № 1.
- Киселева Г. Н., Турянская О. Ф. (2021). Эффективное управление образовательным учреждением как условие обеспечения качества образования // Russian Journal of Education and Psychology. Т. 12. № 4–2.
- Коршунова О. В. (2022). Сельская школа: вхождение в эпоху цифромодернизма // Ярославский педагогический вестник. № 4.
- Крюкова Е. М., Щербина Е. Ю. (2023). Образовательный менеджмент: аспекты парситипативного управления // Современное образование: актуальные вопросы и инновации. № 3.
- Мельничук В. А. (2023). Компетентность в вопросах управления риском при организации и руководстве образовательной деятельностью // Наукосфера. № 4–1.
- Немирич Т. Н. (2023). Пилотные и другие эксперименты в управлении школой-хозяйством // Народное образование. № 8.
- Обносов В. Н. (2022). Социально-психологические проблемы сельской школы // Наука и образование. Т. 5. № 3.
- Овчинцева Л. А. (2020). Метод кейс-стади в исследованиях российской сельской кооперации // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 20. № 3.
- Панцевич А., Шебловинская И. (2021). Знакомьтесь: современная сельская школа! // Искусство в школе. № 4.
- Пожидаева Т. А. (2021). Формирование системы риск-ориентированного внутреннего контроля в образовательных организациях // Экономический анализ: теория и практика. Т. 20. № 12.
- Попова Т. И., Попов А. С., Гусева С. Ю. (2023). К вопросу подготовки школьников к выбору профессии для работы на селе // Наука и образование. Т. 6. № 2.
- Тимченко В. В. (2023). Управление образованием в условиях неопределенности (в контексте взаимодействия школы и вуза) // Управление качеством образования: теория и практика эффективного администрирования. № 8.
- Троцук И. В. (2007). Возможности метода кейс-стади в изучении социальных проблем села // Вестник РУДН. Серия: Социология. № 4.
- Троцук И. В. (2017). «Природный альтруизм» или вынужденная рациональность? Должное, ожидаемое и реальное в (не)формальной экономике // Крестьяноведение. Т. 2. № 4.
- Троцук И. В., Дурсина А. Н. (2025). Цифровой вектор развития коммуникации между властью и населением в современном российском обществе // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 25. № 1.
- Darling-Hammond L. (2010) The Flat World and Education: How America's Commitment to Equity Will Determine Our Future, Teachers College Press.
- Epstein J. L. (2001) School, Family, and Community Partnerships: Preparing Educators and Improving Schools, Westview Press.
- Henderson A. T., Mapp K. L. (2002) A New Wave of Evidence: The Impact of School, Family, and Community Connections on Student Achievement, National Center for Family and Community Connections with Schools.
- Hoover-Dempsey K. V., Sandler H. M. (2005) Why do parents become involved? Research findings and implications // Elementary School Journal. Vol. 106. No 2.

The role of parents in ensuring sustainability of rural schools (results of an exploratory study in the Republic of Bashkortostan)

Rustam R. Ishmukhametov, PhD (Sociology), Associate Professor, Institute of Education Development of the Republic of Bashkortostan. Mingazheva St., 120, Ufa, Bashkortostan, 450005, Russia. E-mail: rustish@list.ru

Abstract. The article presents, on the one hand, the author's analytical findings based on the participant observation in his home region (Republic of Bashkortostan), where he has long been involved in addressing issues of school management, professional development, and retraining of school teachers and administrators to prevent and overcome management risks in the school education system at the municipal and regional levels; on the other hand, the results of an exploratory study conducted in several northern districts of Bashkortostan with survey, focus groups, and expert semi-structured interviews to identify the main categories of risks in school management from the perspective of schoolchildren's parents and to assess the potential of the parent community to overcome them. The author previously published the general findings of another exploratory study, conducted in the same districts with the same methods but to understand how schoolchildren's parents perceive the realities and potential of school self-government and their participation in it (Ishmukhametov, 2025). This article presents the results of a similarly designed but thematically different study conducted in some rural communities. While recognizing the limited generalizability of empirical data in an exploratory project with a small, biased sample (the opinions of the most interested and responsible parents were taken into account), the author notes both the well-known objective limitations of schools in peripheral (according to various criteria) areas and the specific problems of rural schools in the region-case under study; both the significant involvement of parents in school life, especially compared to the urban situation, and the potential for expanding parental participation; both the proactive and forced-compensatory functions of parents in supporting the functioning of rural schools.

Key words: rural school, school management, parent community, management risks, exploratory research, Republic of Bashkortostan

References

- Bozhkov O. B., Nikulin A. M., Poleschchuk I. K. (2020) Selskaya kooperatsiya v Severnom Nechernozemye: ofitsialnye i neformalnye praktiki [Agricultural cooperation in the Northern Non-Black-Earth Region: Formal and informal practices]. *RUDN Journal of Sociology*, vol. 20, no 4.
- Bozhkov O. B., Trotsuk I. V. (2018) Tendentsii razvitiya selskikh rayonov Rossii: postanovka issledovatel'skoy zadachi i pervye rezultaty povtornogo keys-stadi [Tendencies of the Russian rural areas development: The research task and first results of the comparative case-study]. *RUDN Journal of Sociology*, vol. 18, no 4.
- Vasilyev E. V., Shulaev A. V., Vasilyev V. V. (2024) Klasterizatsiya faktorov riska, svyazannykh s obrazom zhizni u detey i podrostkov v selskoy mestnosti [Clustering of lifestyle-related risk factors for children and adolescents in rural areas]. *Sovremennyye Problemy Zdravookhraneniya i Meditsinskoy Statistiki*, no 2.
- Guseva A. P. (2020) Primenenie risk-orientirovannogo podkhoda pri postroenii sistemy menedzhmenta kachestva v obrazovatel'noy organizatsii [Application of a risk-oriented approach in the quality management system of educational organization]. *Ekonomika i Biznes: Teoriya i Praktika*, no 1–1.
- Danilov S. V., Shustova L. P. (2024) Analiz faktorov riska uchebnoy neuspeshnosti obuchayushchikhsya v shkolakh s nizkimi obrazovatel'nymi rezultatami (na primere shkol Ulanovskoy oblasti) [Analysis of risk factors for student failure in schools with low educational results (on the example of the Ulyanovsk Region)]. *Povolzhsky Pedagogichesky Poisk*, no 1.
- Dzhembek Yu. I., Motorina P. A., Efremova A. V., Anikin A. N., Mosintsev D. D., Vitaleva Ya. V. (2024) Vyyavlenie faktorov riska razvitiya i opredelenie "grupp riska" sredi obuchayushchikhsya srednego zvena selskoy shkoly [Identification of risk factors for the development and identification of "risk groups" among middle school students in rural areas]. *International Journal of Medicine and Psychology*, vol. 7, no 4.

- Egoryshev S. A. (2023) Emotsionalnoe vygoranie uchiteley kak faktor snizheniya effektivnosti ih professionalnoy deyatel'nosti [Emotional burnout of teachers as a factor of their professional inefficiency]. *RUDN Journal of Sociology*, vol. 23, no 1.
- Yefanov A. A., Budanova M. A., Yudina E. N. (2020) Uroven tsifrovoy gramotnosti shkol'nika i pedagoga: komparativistskiy analiz [Digital literacy of schoolchildren and teachers: A comparative analysis]. *RUDN Journal of Sociology*, vol. 20, no 2.
- Efimova G. Z., Semenov M. Yu. (2018) Sotsialny portret zhenshchiny-uchitelya (na primere Tyumenskoj oblasti) [Social portrait of the female teacher (on the example of the Tyumen Region)]. *RUDN Journal of Sociology*, vol. 18, no 3.
- Ignatov A. M., Tyapkina A. P., Lavrukhina Yu. I., Tyapkin A. S. (2020) Sostoyanie, problemy sovremennoy selskoy shkoly, napravleniya ih resheniya [The state, problems of the contemporary rural school, and directions for their solution]. *Uchenye Zapiski Orlovskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, no 2.
- Ishmukhametov R. R. (2025) Samoupravlenie kak instrument preodoleniya riskov v upravlenii shkoloy [Self-management as a tool for overcoming risks in school management]. *RUDN Journal of Sociology*, vol. 25, no 3.
- Kashaev A. A. (2021) Selskaya shkola protiv nizkih rezultatov obucheniya [Rural school against low learning results]. *Pedagogika Selskoy Shkoly*, no 1.
- Kiseleva G. N., Turyanskaya O. F. (2021) Effektivnoe upravlenie obrazovatel'nyim uchrezhdeniem kak uslovie obespecheniya kachestva obrazovaniya [Effective management of educational institution as a condition for ensuring the quality of education]. *Russian Journal of Education and Psychology*, vol. 12, no 4–2.
- Korshunova O. V. (2022) Selskaya shkola: vkhozhdenie v epokhu tsifromodernizma [Rural school: Entering the era of digital modernism]. *Yaroslavsky Pedagogichesky Vestnik*, no 4.
- Kryukova E. M., Shcherbina E. Yu. (2023) Obrazovatel'ny menedzhment: aspekty parsitivnogo upravleniya [Educational management: Participative aspects]. *Sovremennoe Obrazovanie: Aktualnye Voprosy i Innovatsii*, no 3.
- Melnichuk V. A. (2023) Kompetentnost v voprosah upravleniya riskom pri organizatsii i rukovodstve obrazovatel'noy deyatel'nosti [Competence in risk management in organizing and managing educational activities]. *Naukosfera*, no 4–1.
- Nemirich T. N. (2023) Pilotnye i drugie eksperimenty v upravlenii shkoloy-khozyaystvom [Pilot and other experiments in the management of school-economy]. *Narodnoe Obrazovanie*, vol. 8.
- Obnosov V. N. (2022) Sotsialno-psikhologicheskie problemy selskoy shkoly [Social-psychological problems of rural schools]. *Nauka i Obrazovanie*, vol. 5, no 3.
- Ovchintseva L. A. (2020) Metod keys-stadi v issledovaniyah rossiyskoy selskoy kooperatsii [Case-study method in the studies of the Russian rural cooperation]. *RUDN Journal of Sociology*, vol. 20, no 3.
- Pantsevich A., Sheblovinskaya I. (2021) Znakomtes: sovremennaya selskaya shkola! [Meet the contemporary rural school!]. *Iskusstvo v Shkole*, no 4.
- Pozhidaeva T. A. (2021) Formirovanie sistemy risk-orientirovannogo vnutrennego kontrolya v obrazovatel'nykh organizatsiyakh [Formation of a risk-oriented internal control system in educational organizations]. *Ekonomicheskyy Analiz: Teoriya i Praktika*, vol. 20, no 12.
- Popova T. I., Popov A. S., Guseva S. Yu. (2023) K voprosu podgotovki shkol'nikov k vyboru professii dlya raboty na sele [How to help schoolchildren to choose professions for work in the countryside]. *Nauka i Obrazovanie*, vol. 6, no 2.
- Timchenko V. V. (2023) Upravlenie obrazovaniem v usloviyakh neopredelennosti (v kontekste vzaimodeystviya shkol'y i vuza) [Education management in conditions of uncertainty (in the context of interaction between school and university)]. *Upravlenie Kachestvom Obrazovaniya: Teoriya i Praktika Effektivnogo Administrirovaniya*, no 8.

- Trotsuk I. V. (2007) Vozможности metoda keys-stadi v izuchenii sotsialnyh problem sela [Possibilities of the case study method in the study of rural social problems]. *RUDN Journal of Sociology*, no 4.
- Trotsuk I. V. (2017) "Prirodny altruizm" ili vynuzhdennaya ratsionalnost? Dolzhnoe, ozhidaemoe i realnoe v (ne)formalnoy ekonomike ["Natural altruism" or forced rationality? The due, the expected, and the real in the (in)formal economy.]. *Russian Peasant Studies*, vol. 2, no 4.
- Trotsuk I. V., Dursina A. N. (2025) Tsifrovoy vektor razvitiya kommunikatsii mezhdru vlastiyu i naseleniem v sovremennom rossiyskom obshchestve [Digital trend in the development of communication between Russia's authorities and population]. *RUDN Journal of Sociology*, vol. 25, no 1.
- Darling-Hammond L. (2010) *The Flat World and Education: How America's Commitment to Equity Will Determine Our Future*, Teachers College Press.
- Epstein J. L. (2001) *School, Family, and Community Partnerships: Preparing Educators and Improving Schools*, Westview Press.
- Henderson A. T., Mapp K. L. (2002) *A New Wave of Evidence: The Impact of School, Family, and Community Connections on Student Achievement*, National Center for Family and Community Connections with Schools.
- Hoover-Dempsey K. V., Sandler H. M. (2005) Why do parents become involved? Research findings and implications. *Elementary School Journal*, vol. 106, no 2.

Р. Р. Ишмухаметов

Роль родителей в обеспечении устойчивости сельских школ...

Взаимосвязь экономического и духовно-аксиологического аспектов в жизни российского села (поисковый проект в региональном «кейсе»)

О. С. Батурина

Оксана Сергеевна Батурина, кандидат психологических наук, начальник научного отдела Бирского филиала Уфимского университета науки и технологий и директор малого инновационного предприятия «Академия личностного и корпоративного развития». Интернациональная ул., 10, Бирск, Республика Башкортостан, 452451, Россия. E-mail: baturina.os@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты поискового разведывательного социологического исследования, направленного на выявление взаимосвязи экономических детерминант и аксиологически-духовных ориентиров сельского населения (на примере отдельного регионального «кейса»). Обосновав в первой части статьи категориальный аппарат, концептуальные основания и критерии построения выборки эмпирического исследования, во второй части автор кратко суммирует полученные данные, показывая, что финансовое благосостояние местного сообщества оказывает непосредственное влияние на социальную активность и коммуникативную насыщенность сельской жизни, уровень социетального доверия и мотивацию участия в общественных инициативах. Напряженное противостояние экономической рациональности (прагматических соображений) и нравственно-моральных ориентиров совместной жизнедеятельности оказывается определяющим фактором сохранения или разрушения/утраты локального ценностного уклада и культурно-исторического наследия, а, значит, и восприятия традиционных устоев (на шкале от «священных» до «утилитарных»), провоцируя ценностные коллизии. С одной стороны, исследование подтверждает общеизвестные принципы устойчивости местного сообщества, например, благоприятные экономические условия как фактор удержания молодых кадров и эффективного воспроизводства социального и человеческого капитала сельских территорий. С другой стороны, автор фиксирует выраженные противоречия между (а) декларируемыми представителями сельского населения ценностями экологической ответственности и традиционного коллективизма и (б) реальной экономической ситуацией, характеризующейся недостатком материальных, финансовых, ресурсных возможностей для реализации декларируемых жизненных приоритетов, что приводит к деградации социального капитала, размыванию местной идентичности, усилению патерналистской ориентации и снижению уверенности в способности влиять на ситуацию, что ослабляет потенциал сельских самоуправленческих институций. Улучшение экономических условий жизни интерпретируется сельскими респондентами не только как необходимое средство достижения материального благополучия, но и как важнейший инструмент восстановления социального и культурного потенциала местного сообщества.

Ключевые слова: российское село, экономическое развитие, социальное благополучие, традиционный уклад, духовно-нравственные ценности, кейс-стади, социальный/культурный/человеческий капитал

EDN: VSYEDO

Сельская местность — не просто периферия по отношению к городским центрам, но сложная социокультурная система, обладающая собственной динамикой, ценностями и укладом жизни (см. напр.: Троцук, 2023; Kowalczyk, Kwasek, 2020; Nikulin, Trotsuk, 2024). Являясь носителем уникальных культурных кодов и традиционных ценностей, село представляет особую систему жизнедеятельности, однако сегодня испытывает постоянное давление глобализации, цифровизации и экономических трансформаций (см., напр.: Hebinck, van der Ploeg, Schneider, 2015; Marsden, Lamine, Schneider, 2020; van der Ploeg, 2018). Сельские сообщества все чаще сталкиваются с уникальными (с точки зрения имеющегося исторического и повседневного опыта) вызовами, требующими адаптивной и комплексной политики, и в этом контексте духовно-аксиологический вектор политики, направленный на сохранение и развитие духовно-нравственных основ (как сельского, так и всего российского) общества, сегодня занимает центральное место в государственном дискурсе. Однако без учета состояния экономики эта политика рискует остаться декларативной (см., напр.: Pylypets, Dubrovsky, 2024), поскольку ее успешность напрямую зависит от состояния экономики сельских территорий. В этом смысле можно говорить об индикаторе «экономика» как принципиальном в композиции духовно-аксиологической политики на сельских территориях, поскольку этот индикатор во многом определяет жизнеспособность и устойчивость всей системы жизнедеятельности локального сельского сообщества (см., напр.: Mazur, Tomashuk, 2020).

Несомненно, сегодня на российских сельских территориях экономические перспективы выступают основным фактором, влияющим на миграционные настроения, а отток молодежи ставит под угрозу воспроизводство сельских сообществ и их культурной самобытности; экономическая жизнеспособность сел напрямую связана с возможностью поддерживать и развивать традиционные промыслы, ремесла и культурные практики, обеспечивая экономическую основу для их преемственности; уровень доходов, занятость, доступ к качественному образованию, здравоохранению и инфраструктуре — важнейшие экономические индикаторы, определяющие уровень жизни и «уровень» социальной справедливости на селе. Соответственно, современная экономическая политика должна ориентироваться (а) на бережное использование ресурсов, внедрение «зеленых» технологий и принципов циркулярной экономики (в интересах сохранения природного ландшафта и экологического баланса), (б) развитие аграрного сектора, обеспечение продовольственной безопасности и экономической самодостаточности сельских территорий, (в) сбалансированное социокультурное и социально-экономическое села для снижения межрегиональных и межпоселенческих диспропорций, т.е. выравнивание уровня и качества жизни

О. С. Батурина

Взаимосвязь экономического и духовно-аксиологического аспектов в жизни российского села...

ни городских и сельских поселений (см., напр.: Трейвиш, 2016; Nikulin, Trotsuk, 2017; 2023).

Чтобы оценить влияние экономических факторов на аксиологически-духовные ориентиры сельского населения, определив роль финансового благополучия в создании условий для сохранения традиций, культурного наследия и устойчивого развития сельских территорий, поняв, как дефицит экономических ресурсов и ограниченные возможности влияют на психоэмоциональное состояние, морально-нравственный климат, социальную активность и чувство доверия в сельских сообществах, было проведено разведывательное (в силу своего ограниченного характера) социологическое исследование, сочетающее методы анкетирования и экспертного интервью (с марта по август 2025 года). Выборку опроса составили 126 жителей (18+, квотирование по критериям пола и уровня образования) 12 сел в северных районах Республики Башкортостан, в которых представлены самые разные типы экономической активности (аграрные, туристические, с развитой переработкой, с преобладанием личных подсобных хозяйств и т.д.).

В отборе сел использовались принципы дизайна кейс-стади (см., напр.: Божков, Троцук, 2018; Овчинцева, 2020; Троцук, 2007) — чтобы показать, как разные подходы к экономике села влияют на его духовно-аксиологическую сферу. Было обозначено четыре «кейса»: «экономически отсталое село» — характеризуется низкой занятостью, оттоком молодежи, слабо развитой инфраструктурой, поэтому духовно-аксиологическая проблематика (и политика в широком смысле этого слова) здесь сводится к традиционным праздникам, но не имеет глубокого проникновения, поскольку люди по объективным причинам озабочены экономическими проблемами; «экономически развитое село» — отличается успешно развитым сельским туризмом, поддержкой местных ремесел, наличием современных коммуникаций, здесь наблюдается высокий уровень социальной вовлеченности, активное участие жителей в сохранении традиций и высокий уровень удовлетворенности жизнью, т.е. экономическое благополучие создает основания для укрепления духовных и ценностных ориентиров; «село в окрестности гор» — известно своими уникальными ремеслами, характеризуется целенаправленной поддержкой ремесленников посредством создания мастерских и брендирования их продукции, развития агро- и этнотуризма, проведения мастер-классов разной тематики — такая экономическая стратегия возрождает интерес к традициям, повышает рост самосознания жителей, способствует передаче знаний молодым поколениям, т.е. экономический аспект способствует сохранению традиций, обеспечивая материальные условия для продолжения дела предков; и, наконец, «село, расположенное вблизи крупного города», — экономически связано с крупным агропроизводством, ориентировано на привлечение

внешних инвесторов, но не всегда учитывает (стремится опираться на и поддерживать) местные ценности и экологические особенности, что может повлечь конфликт (прагматических) экономических принципов и (идеалистических) ценностных приоритетов (приток внешних людей меняет традиционный уклад жизни, порождает экологические проблемы, снижает роль местного сообщества в управлении).

Прежде чем суммировать результаты исследования, уточним его концептуальные основания и категориальный аппарат. Духовно-аксиологическая политика — это комплекс мер, направленных на формирование, сохранение и трансляцию ценностных ориентиров, моральных норм и культурных традиций. К социологическим концепциям и подходам, которые позволяют рассматривать экономику села через призму духовно-аксиологической политики, можно отнести: теорию модернизации и ее критику с позиций оценки влияния модернизации на трансформацию традиционных ценностей и социальных структур села; концепцию социального капитала (см., напр.: Блок, Головин, 2015; Булина, Мозговая, Пахнин, 2020; Бурдые, 2002; Коулман, 2001; Патнэм, 1996; Сорокин, Попова, 2022; Троцук, 2023; Яшкова, 2018; Trotsuk, 2024), оценивающую воздействие экономического развития на формирование доверия, сетей взаимопомощи и солидарности в сельских сообществах; теорию «культурного капитала», показывающую, как экономические ресурсы могут быть конвертированы в такие формы культурного капитала (знания, навыки, предпочтения), которые способствуют сохранению и развитию местных ценностей; концепцию локальной идентичности и развития «мест», сосредоточенную на выявлении того, как экономическая деятельность (например, сельский туризм или брендинг местной продукции) укрепляет чувство принадлежности и гордости за малую родину; теорию устойчивого развития, позволяющую увидеть интеграцию экономических, социальных и экологических целей — село выступает важнейшим фактором в обеспечении продовольственной (и иных типов) безопасности и сохранении природных (и иных типов) ресурсов; и, наконец, концепцию «экономики, основанной на знаниях», изучающей, как развитие новых компетенций, технологий и инноваций влияет на экономическую и духовную жизнь села.

В контексте села духовно-аксиологическая политика имеет свою специфику, которая состоит в поддержке традиционных ценностей (семья, трудолюбие, взаимопомощь, уважение к старшим, связь с землей) (см., напр.: Тощенко, 2016; Utechenko, 2021), сохранении культурного и исторического наследия, формировании у молодого поколения гражданской идентичности и патриотизма, уважения к традициям, труду и природе, поддержки религиозных, этических и общественных локальных институций. Экономический фактор — одна из фундаментальных связующих основ

для духовно-аксиологической политика, поскольку именно экономическая стабильность и развитие обеспечивают селу ресурсную базу и финансирование программ, направленных на сохранение культуры, поддержку образования, здравоохранения и социальной сферы; мотивацию к труду и творческому созиданию (экономическая успешность способствует формированию позитивного отношения к труду, ответственности и предприимчивости); социальную стабильность, выражающуюся в снижении уровня бедности и безработицы, сокращении миграции, укреплении семейных, межличностных и межгрупповых связей в сельском сообществе; сохранение традиций через поддержку народных промыслов, ремесел, сельского туризма, фольклорных коллективов и местных обычаев; экологическую устойчивость — возрождение, сохранение или внедрение «зеленых» технологий и принципов устойчивого развития.

Итак, экономическое благополучие выступает важным фактором духовно-аксиологической политики, поэтому приоритетной задачей было выявление его уровня у сельских респондентов через следующие показатели: уровень удовлетворенности доходом, связь дохода с будущим села, понимание «достойного заработка», вызовы для семейных ценностей. Результаты анкетирования показали, что только 18% респондентов полностью удовлетворены своим текущим доходом, считая его достаточным для достойной жизни и развития, у каждого второго (55%) доход едва покрывает базовые потребности, а 27% указали на хроническую нехватку средств. В группе респондентов, не удовлетворенных своим доходом, 65% испытывают чувство безысходности, апатии, хронического стресса и/или повышенной тревожности, и это состояние *«лишает сил и желания думать о чем-то, кроме выживания»*, значительно снижая мотивацию к участию в общественной и культурной жизни. Напротив, среди тех, кто удовлетворен своим доходом, 78% настроены оптимистично, строят планы на будущее, готовы инвестировать в него силы и время, активно участвовать в развитии села, видя в этом личный смысл, т.е. связывая свое благополучие с благополучием своего сельского сообщества.

Следует отметить, что для 60% опрошенных достойный заработок — это не только покрытие базовых нужд, но и возможность получать качественные медицинские услуги (35%), обеспечить хорошее образование детям (25%), позволить себе культурный досуг и хобби (20%), а также помогать нуждающимся соседям (10%), т.е. чисто экономический фактор (доход) оказывается связан с такими аксиологически насыщенными понятиями, как здоровье, образование и саморазвитие, — экономические возможности расширяют «аксиологический горизонт», позволяя не декларировать, а реализовать в повседневной жизнедеятельности ценности заботы, альтруизма и социальной ответственности. 45% опрошенных

сельских жителей с низким доходом признались, что финансовые трудности — основная причина семейных конфликтов (25%) или вынужденного разделения семей (20%), когда один из супругов или старшие дети уезжают на заработки в город или другие регионы, что приводит к ослаблению семейных связей и нарушению традиционного семейного уклада.

75% респондентов считают, что основная причина отъезда молодежи из сел — отсутствие высокооплачиваемой работы и перспектив карьерного роста, 15% назвали неразвитую социальную инфраструктуру, 10% — отсутствие возможностей для культурного досуга: *«если нет денег, неважно, сколько кружков и концертов, ты все равно уедешь»*. Готовы остаться в селе 40% опрошенных молодых респондентов в возрасте 18–35 лет, но только если будут созданы достойные экономические условия (зарплата не ниже средней по региону, доступная жилищная ипотека, возможность развивать собственный бизнес). Причем 70% из них выразили сильную эмоциональную привязанность к малой родине и желание сохранить ее уникальность.

82% опрошенных высоко ценят чувство принадлежности к родному селу, его историю и традиции, но для 58% из них это чувство не является достаточным для преодоления острых экономических проблем. Старшее поколение (55+) демонстрирует безусловную привязанность к селу (90%), но часто выражает разочарование в его экономических перспективах: *«после нас никого не останется, кто будет это все хранить»*. Каждый третий опрошенный (чаще это молодые сельские жители) признался, что постоянное сравнение с городским уровнем жизни, отсутствие экономических перспектив и ощущение «отсталости» своего села подрывают гордость за малую родину и ослабляют позитивное чувство локальной идентичности, заменяя его неприятным чувством «провинциальности».

В то же время абсолютное большинство опрошенных (90%) считают важным сохранение местных традиций, фольклора и народных промыслов, хотя только треть (35%) из них готова активно участвовать в их сохранении, если подобная деятельность не приносит прямого дохода. Если же сохранение традиций может стать источником дохода (например, через развитие сельского туризма, продажу ремесленной продукции, проведение платных мастер-классов и пр.), то готовность к такой деятельности в интересах села возрастает до 70%, что подчеркивает значение экономической мотивации, особенно в условиях ограниченных ресурсов, — по сути, экономическая мотивация оказывается основой для поддержания аксиологических ценностей.

65% жителей села считают, что объекты культурного наследия (старинные церкви, усадьбы, памятники архитектуры и зодчества и т.д.) могут стать источником дохода для сельских сообществ, привлекая туристов, но для этого необходимы серьезные инвестиции

и организационная поддержка, что вновь возвращает нас к экономическому «обеспечению» сельского культурного капитала. 40% опрошенных считают, что коммерциализация традиций (продажа сувениров, билетов на фестивали и мастер-классы и пр.) необходима для их сохранения, 20% опасаются, что коммерциализация в сфере сельской культуры может привести к утрате подлинности и духовного смысла сельских традиций, превращая их в *«показуху для туристов»*, что, по сути, свидетельствует о конфликте вынужденного экономического прагматизма и искренних аксиологических принципов.

В селах с относительно более высоким уровнем занятости и доходов 60% опрошенных регулярно участвуют в общественных собраниях, субботниках и культурных мероприятиях. В экономически депрессивных селах этот показатель падает до 20%, что говорит о прямой корреляции между экономическим благополучием и уровнем социального капитала местного сообщества. Доверяют своим соседям и готовы к взаимопомощи 70% опрошенных в экономически благополучных селах, тогда как в бедных селах этот показатель снижается до 35%. 45% опрошенных сельских жителей, не участвующих в общественной жизни, объясняют свою социальную пассивность нехваткой времени по причине необходимости зарабатывать, а 30% — неверием в возможность хоть как-то изменить ситуацию: *«от нас ничего не зависит, все решают сверху»*. 65% респондентов в экономически стабильных селах регулярно оказывают помощь соседям, не ожидая за это никакой платы, а в проблемных с социально-экономической точки зрения селах этот показатель снижается до 30%, и взаимопомощь здесь чаще всего носит характер «услуга за услугу» или «в долг», что свидетельствует об ослаблении неформальных связей и традиционной сельской солидарности в ситуации жестких экономических ограничений.

80% респондентов выразили готовность осваивать новые технологии и проходить обучение, если новые знания и навыки будут гарантировать получение более высокооплачиваемой работы или новые возможности для ведения собственного хозяйства, — саморазвитие без четкой экономической выгоды интересно лишь 15%. 92% считают, что качественное образование детей — приоритетная ценность, но для 55% это означает отправку детей на обучение в город (в колледжи и вузы) по причине отсутствия соответствующих возможностей в сельских районах. Часто именно это обстоятельство — причина оттока наиболее активной и образованной части сельского сообщества (молодежи), а также ослабления духовной связи с родной землей.

Безусловно, даже уехав из села, молодежь может поддерживать связь с родными благодаря современным информационно-коммуникативным технологиям. Активно используют интернет для работы и досуга 70% опрошенных молодых жителей села

(до 35 лет), у старшего поколения (55+) этот показатель падает до 25%, что говорит о наличии цифрового разрыва, препятствующего полноценной интеграции общих для разных поколений экономических и культурных проектов в интересах местного сообщества и регионального социума. Тем более что государственные программы поддержки села далеко не всегда достигают адресатов: недостаточно эффективными их считают 40% опрошенных, каждый третий упомянул бюрократические барьеры при попытке воспользоваться льготами (или другими возможностями, формально предоставляемыми государством). Тем не менее, 70% опрошенных сельских жителей ждут от властей (очевидно, что речь здесь не может идти о местном уровне с его скудными ресурсами — подразумеваются региональные и федеральные институты) создания условий для развития экономики (новых рабочих мест, поддержки малого бизнеса), а затем уже — улучшения инфраструктуры и расширения возможностей культурной жизни.

Положительно оценивают предпринимательскую активность на селе, если таковая создает рабочие места и не наносит вреда экологии, 55% респондентов, но каждый четвертый (25%) относятся к предпринимателям с недоверием, подозревая в недобросовестности или стремлении к быстрой наживе, что говорит о проблемах с социальным уровнем доверия и, соответственно, о крайне низком потенциале для развития внутри- и межгрупповой кооперации. Более того, каждый третий (особенно представители старшего поколения) продолжает придерживаться патерналистских установок, утверждая, что именно государство должно обеспечивать рабочие места и социальные блага всем своим гражданам. В то же время опрошенные сельские жители демонстрируют гражданскую зрелость в экологическом смысле: 88% считают бережное отношение к природе важной ценностью, нарушать или игнорировать которую человека могут заставить лишь сложные жизненные обстоятельства: 30% фермеров признались, что по причине экономических трудностей иногда вынуждены использовать более дешевые, но менее экологичные методы ведения хозяйства. 60% сельских жителей видят потенциал социально-экономического развития (не только для своего поселения) в развитии экотуризма, но для его реализации требуются инвестиции и обучение, что вновь возвращает нас к экономической составляющей любых аксиологически нагруженных проектов и инициатив, напоминая о дилемме ценности и выгоды.

Таким образом, результаты даже небольшого разведывательно-анкетирования в конкретном региональном «кейсе» (сельские поселения в северных районах Республики Башкортостан) убедительно показывают, что экономический фактор сегодня играет ведущую роль в композиции духовно-аксиологической политики села. Общеизвестен и не нуждается в дополнительных эмпири-

ческих подтверждениях тот факт, что экономическое благополучие прямо влияет на психическое здоровье, моральный дух, социальную активность, уровень доверия (и социального капитала) и желание участвовать в жизни (местного или районного или регионального) сообщества, соответственно, в условиях депривации возрастает риск социально-психологической аномии и выученной беспомощности.

Экономическая целесообразность — не единственное, но определяющее условие для сохранения сельских традиций и культурного наследия, которое трансформирует их нынешнее восприятие в направлении «от сакрального к прагматичному», что порождает ценностные конфликты. Так, экономические перспективы — главный, если не единственный, фактор удержания молодежи и воспроизводства социального/человеческого капитала, критически важный для будущего российского села, а отсутствие экономических перспектив ведет к деформации локальной идентичности и социокультурному отставанию. В результате в российском обществе на самых разных уровнях наблюдается постоянный и достаточно острый конфликт между искомыми/желаемыми аксиологическими ценностями (экологическая ответственность, аутентичность традиций, локальная солидарность и др.) и экономическими реалиями, зачастую требующими таких прагматичных решений и компромиссов, которые противоречат традиционным ценностным устоям местного сообщества и регионального социума. Низкий уровень экономического развития ведет к эрозии социального капитала и локальной идентичности, усилению патерналистских настроений и снижению веры в собственную способность влиять на ситуацию, подрывая основы для самоуправления и саморазвития.

Хотя большинство сельских жителей глубоко ценят малую родину и ее традиции и стремятся к социальной гармонии, экономическая неустроенность часто вынуждает их жертвовать этими ценностями или лишает ресурсов для их поддержания, поэтому улучшение экономического положения села — не только путь к материальному благополучию, но и необходимая предпосылка для возрождения духовности, укрепления социальных связей и сохранения уникальной сельской культуры. Без целенаправленного, системного и социально ориентированного подхода к созданию устойчивой и разнообразной сельской экономики любые усилия по укреплению духовно-аксиологических основ российского общества рискуют столкнуться с апатией, миграцией и постепенным угасанием уникальной сельской культуры.

Исходя из упомянутых выше принципов дизайна кейс-стади, можно попробовать смоделировать кейс успешного села будущего: это село с хорошим уровнем информационно-коммуникативных и цифровых технологий; его экономическая стратегия основана на поддержке удаленных работников, развитии IT-кластеров

и онлайн-сервисов, связанных с сельским хозяйством и/или не-сельскохозяйственными видами деятельности; социально-аксиологический эффект комплексной экономической стратегии будет выражаться в привлечении молодых, хорошо образованных поколений — за счет новых связей и обмена знаниями возрастет уровень, «объем» и внутренняя сетевая дифференциация и связность социального капитала; параллельно потребует активная работа по интеграции «новых» и адаптации «старых» жителей села в интересах сохранения локальной идентичности.

Разработка локальных стратегий экономического развития с акцентом на социокультурных аспектах их последующего внедрения позволит привлечь местных жителей через общественные слушания и используемые в социологических исследованиях форматы групповых обсуждений (см., напр.: Kusio, 2023) — чтобы совместно определить приоритеты, учитывающие как экономические, так и духовные ценности, в тесном взаимодействии местного сообщества с представителями власти, бизнеса и других значимых для локального и регионального контекстов институций. Роль государства — целевая финансовая поддержка проектов с планируемым двойным эффектом: грантовые и кредитные программы для проектов будут одновременно способствовать экономическому росту и сохранению культурного наследия, укрепляя социальный капитал, решая экологические проблемы (см., напр.: Sava et al, 2020), расширяя кругозор и развивая практические навыки сельских жителей, востребованные в современных реалиях (управление малым бизнесом, цифровые технологии, агротуризм, современные методы ведения сельского хозяйства, маркетинг местной продукции и т.д.), продвигая местную продукцию и культурные события, создавая позитивный и привлекательный имидж «нового села» в цифровом пространстве (см., напр.: Троцук, Дурсина, 2025). Безусловно, потребуются расширить тематический спектр и методическое обеспечение социологических исследований в интересах обеспечения всех перечисленных мер — для отслеживания в мониторинговом режиме изменений в экономике, социальных отношениях и ценностных ориентациях сельского населения, оценки влияния цифровых технологий на экономику села, его духовные ценности и местное самоуправление, а также понимания взаимосвязи и механизмов взаимной конвертации экономического, социального и культурного капиталов сельских сообществ.

СОВРЕМЕННОСТЬ

- Блок М., Головин Н. А. (2015). Социальный капитал: к обобщению понятия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. № 4.
- Божков О. Б., Троцук И. В. (2018). Тенденции развития сельских районов России: постановка исследовательской задачи и первые результаты повторного кейс-стади // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 18. № 4.
- Булина А. О., Мозговая К. А., Пахнин М. А. (2020). Человеческий капитал в теории экономического роста: классические модели и новые подходы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. Т. 36. № 2.
- Бурдые П. (2002). Формы капитала // Экономическая социология. Т. 3. № 5.
- Коулман Д. (2001). Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. № 3.
- Овчинцева Л. А. (2020). Метод кейс-стади в исследованиях российской сельской кооперации // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 20. № 3.
- Патнэм Р. (1996). Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М.
- Сорокин П., Попова Т. (2022). Качество человеческого капитала — ответ на вызовы социальной политики в условиях деструктуризации // Журнал исследований социальной политики. Т. 20. № 1.
- Тощенко Ж. Т. (ред.) (2016). Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа). М.
- Трейвиш А. И. (2016). Сельско-городской континуум: судьба представления и его связь с пространственной мобильностью населения // Демографическое обозрение. Т. 3. № 1.
- Троцук И. В. (2007). Возможности метода кейс-стади в изучении социальных проблем села // Вестник РУДН. Серия: Социология. № 4.
- Троцук И. В. (2023). Сельский человеческий капитал в концептуальной оптике: континуум и/или пост-изм? // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 23. № 2.
- Троцук И. В., Дурсина А. Н. (2025). Цифровой вектор развития коммуникации между властью и населением в современном российском обществе // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 25. № 1.
- Яшкова М. (2018). Социальный капитал: эволюция концепта // Неприкосновенный запас. № 3.
- Hebinck P., van der Ploeg J. D., Schneider S. (Eds.) (2015) .Rural Development and the Construction of New Markets. Routledge.
- Kowalczyk S., Kwasek M. (2020). Relations: agriculture — economy in the theory of economics // Problems of Agricultural Economics. Vol. 365. № 4.
- Kusio T. (2023). Rural entrepreneurship // Economics and Law. Vol. 22. № 4.
- Marsden T., Lamine C., Schneider S. (2020). A Research Agenda for Global Rural Development. Edward Elgar Publishing.
- Mazur K., Tomashuk I. (2020). Governance and regulation as an indispensable condition for developing the potential of rural areas // Baltic Journal of Economic Studies. Vol. 5. № 5.
- Nikulin A. M., Trotsuk I. V. (2017). Utopian visions of contemporary rural-urban Russia // Third World Thematics: A TWQ Journal. Vol. 1. № 5.
- Nikulin A. M., Trotsuk I. V. (2023). Two and a half undeservedly forgotten conceptual foundations of rural sociology // RUDN Journal of Sociology. Vol. 23. № 3.
- Nikulin A. M., Trotsuk I. V. (2024). Some (relatively) new conceptual 'frames' supplementing the study of human capital in rural sociology // RUDN Journal of Sociology. Vol. 24. № 1.
- Pylypets S., Dubrovsky O. (2024). Key factors in the development of rural areas: Economic, social and environmental aspects // Actual Problems of Economics. № 1.

Sava A., Biskup V., Petruk I., Pokotylska N., Fuhelo P. (2020). Substantiation of models for forecasting the regional social-economic rural development // Independent Journal of Management & Production. Vol. 11. № 8.

Utechenko D. (2021). The influence of socio-demographic factors on the reproduction of human capital in rural areas // Agribusiness Economics and Management. № 2.

van der Ploeg J. D. (2018). The New Peasantries: Rural Development in Times of Globalization. Routledge.

The relationship of economic and spiritual-axiological aspects in the life of the Russian village (an exploratory project in a regional 'case')

Oksana Sergeevna Baturina, PhD (Psychology), Head of the Scientific Department, Birk Branch of the Ufa University of Science and Technology; Head of the small innovative enterprise "Academy of Personal and Corporate Development". Internatsionalnaya St., 10, Birk, Republic of Bashkortostan, 452451, Russia. E-mail: baturina.os@mail.ru

О. С. Батурина

Взаимосвязь экономического и духовно-аксиологического аспектов в жизни российского села...

Abstract. The article presents the results of an exploratory sociological study aimed at identifying the relationship between economic determinants and axiological-spiritual orientations of the rural population (on the example of a specific regional case). In the first part of the article, the author explains the categorical apparatus, conceptual foundations and sampling criteria for the empirical study, in the second part briefly summarizes its findings, showing that the financial well-being of the local community has a direct impact on social activity and communicative richness of rural life, level of societal trust, and motivation to participate in public initiatives. Tense confrontation between economic rationality (pragmatic considerations) and moral-ethical guidelines for collective life proves to be a determining factor in the preservation or destruction/loss of local value systems and cultural-historical heritage, and, consequently, in the perception of traditional foundations (on the scale from 'sacred' to 'utilitarian') and in value conflicts. On the one hand, the study confirms well-known principles of local community sustainability, such as favorable economic conditions as a factor in retaining young workers and effectively reproducing social and human capital in rural areas. On the other hand, the author identifies significant contradictions between (a) the values of environmental responsibility and traditional collectivism declared by rural representatives and (b) the actual economic situation characterized by a lack of material, financial and resource opportunities to realize the declared life priorities. This leads to the degradation of social capital, erosion of local identity, strengthening paternalistic orientation, and decreasing confidence in the ability to influence the situation, which weakens the potential of rural self-government institutions. Thus, rural respondents consider the improvement of economic living conditions not only as a necessary means of achieving material well-being but also as a crucial tool for restoring social and cultural potential of the local community.

Key words: Russian village, economic development, social well-being, traditional way of life, spiritual-moral values, case study, social/cultural/human capital

References

- Blok M., Golovin N. A. (2015) Sotsialny kapital: k obobshcheniyu ponyatiya [Social capital: On the generalization of the concept]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Seriya 12: Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika*, no 4.
- Bourdieu P. (2002) Formy kapitala [Forms of capital]. *Ekonomicheskaya Sotsiologiya*, vol. 3, no 5.
- Bozhkov O. B., Trotsuk I. V. (2018) Tendentsii razvitiya selskih rayonov Rossii: postanovka issledovatel'skoy zadachi i pervye rezul'taty povtornogo keys-stadi [Tendencies

- of the Russian rural areas development: The research task and first results of the comparative case-study]. *RUDN Journal of Sociology*, vol. 18, no 4.
- Bulina A. O., Mozgovaya K. A., Pakhnin M. A. (2020) Chelovechesky kapital v teorii ekonomicheskogo rosta: klassicheskie modeli i novye podkhody [Human capital in the theory of economic growth: Classical models and new approaches]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Ekonomika*, vol. 36, no 2.
- Coleman J. (2001) Kapital sotsialny i chelovechesky [Social and human capital]. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost*, no 3.
- Hebinck P., van der Ploeg J. D., Schneider S. (Eds.) (2015) *Rural Development and the Construction of New Markets*, Routledge.
- Kowalczyk S., Kwasek M. (2020) Relations: agriculture — economy in the theory of economics. *Problems of Agricultural Economics*, vol. 365, no 4.
- Kusio T. (2023) Rural entrepreneurship. *Economics and Law*, vol. 22, no 4.
- Marsden T., Lamine C., Schneider S. (2020) *A Research Agenda for Global Rural Development*, Edward Elgar Publishing.
- Mazur K., Tomashuk I. (2020) Governance and regulation as an indispensable condition for developing the potential of rural areas. *Baltic Journal of Economic Studies*, vol. 5, no 5.
- Nikulin A. M., Trotsuk I. V. (2017) Utopian visions of contemporary rural-urban Russia. *Third World Thematics: A TWQ Journal*, vol. 1, no 5.
- Nikulin A. M., Trotsuk I. V. (2023) Two and a half undeservedly forgotten conceptual foundations of rural sociology. *RUDN Journal of Sociology*, vol. 23, no 3.
- Nikulin A. M., Trotsuk I. V. (2024) Some (relatively) new conceptual 'frames' supplementing the study of human capital in rural sociology. *RUDN Journal of Sociology*, vol. 24, no 1.
- Ovchintseva L. A. (2020) Metod keys-stadi v issledovaniyah rossiyskoy selskoy kooperatsii [Case-study method in the studies of the Russian rural cooperation]. *RUDN Journal of Sociology*, vol. 20, no 3.
- Putnam R. (1996) *Chitoby demokratiya srahotala. Grazhdanskie traditsii v sovremennoy Italii* [Making Democracy Work. Civic Traditions in Modern Italy], Moscow.
- Pylypets S., Dubrovsky O. (2024) Key factors in the development of rural areas: Economic, social and environmental aspects. *Actual Problems of Economics*, no 1.
- Sava A., Biskup V., Petruk I., Pokotylska N., Fuhelo P. (2020) Substantiation of models for forecasting the regional social-economic rural development. *Independent Journal of Management & Production*, vol. 11, no 8.
- Sorokin P., Popova T. (2022) Kachestvo chelovecheskogo kapitala — otvet na vyzovy sotsialnoy politiki v usloviyah destrukturatsii [The quality of human capital — a response to the challenges of social policy under destructuring]. *Zhurnal Issledovaniy Sotsialnoy Politiki*, vol. 20, no 1.
- Treivish A. I. (2016) Selsko-gorodskoy kontinuum: sudba predstavleniya i ego svyaz s prostanstvennoy mobilnostiyu naseleniya [Rural-urban continuum: The fate of representation and its connection with the spatial mobility of the population]. *Demograficheskoe Obozrenie*, vol. 3, no 1.
- Trotsuk I. V. (2007) Vozmozhnosti metoda keys-stadi v izuchenii sotsialnykh problem sela [Case-study's potential in the study of social problems of the village]. *RUDN Journal of Sociolog*, no 4.
- Trotsuk I. V. (2023) Selsky chelovechesky kapital v kontseptualnoy optike: kontinuum i/ili post-izm? [Rural human capital in the conceptual optics: Continuum and/or post-ism?]. *RUDN Journal of Sociology*, vol. 23, no 2.
- Trotsuk I. V. (2024). A few methodological notes based on the field observations of rural human capital in the Russian Non-Black Earth Region. *Russian Peasant Studies*, vol. 9, no 2.
- Trotsuk I. V., Dursina A. N. (2025) Tsifrovoy vektor razvitiya kommunikatsii mezhdu vlastiyu i naseleniem v sovremennom rossijskom obshchestve [Digital trend in the develop-

- ment of communication between Russia's authorities and population]. *RUDN Journal of Sociology*, vol. 25, no 1.
- Utechenko D. (2021) The influence of socio-demographic factors on the reproduction of human capital in rural areas. *Agribusiness Economics and Management*, no 2.
- van der Ploeg J. D. (2018) *The New Peasantries: Rural Development in Times of Globalization*, Routledge.
- Yashkova M. (2018) Sotsialny kapital: evolyutsiya kontsepta [Social capital: Evolution of the concept]. *Neprikosnovenny Zapas*, no 3.

О. С. Батурина

Взаимосвязь экономического и духовно-аксиологического аспектов в жизни российского села...

Состояние сельского модерна в современной Индии¹

Рецензия на книгу: Jena S. Agrarian Modernity and Development in India: Postcolonial Rurality. Cambridge Scholars Publishing, 2024.

А. А. Куракин

*Александр Александрович Куракин, старший научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20.
E-mail: chto-delat@yandex.ru*

EDN: WWDHLV

На сегодняшний момент Индия является одной из крупнейших экономик мира и чрезвычайно важной страной в международных отношениях. Однако, несмотря на это, Индия накопила целый ряд новых внутренних проблем и не избавилась от многих старых. Вопрос сельского развития является одним из таких наболевших вопросов. Книга Шибсанкара Джены «Аграрный модерн и развитие в Индии: постколониальная сельская местность» продолжает традицию критического анализа процесса модернизации и капиталистического развития в странах бывшего колониального мира.

Прежде всего, нужно понимать, что Индия до сих пор является страной сельской, т.к. большая часть ее населения проживает в сельской местности. Разумеется, здесь существуют определенные неточности в статистике, которая недостаточно учитывает развитие малых городов внутри провинциальной Индии². Однако, несмотря на это, по разнообразным оценкам, можно смело утверждать, что уровень урбанизации Индии еще явно невысокий относительно развитых стран, а сельская местность характеризуется значительным количеством жителей, которых мы можем отнести к традиционному крестьянству. Следовательно, аграрный вопрос в его классическом понимании хорошо применим к современной Индии. Ключевым его моментом оказывается дискурс модернизации сельского хозяйства и села в целом. В марксистском понимании мо-

1. Работа осуществлена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2025 году.

2. Middle India and Urban-Rural Development: Four Decades of Change / B. Harris-White (ed.). Springer, 2016.

дернизация связана не только с переходом на новые технологии, но и со сменой традиционной модели сельского хозяйства и сельской жизни на модель капиталистического способа производства и общественных отношений.

Автор монографии отмечает, что про модернизацию сельской Индии опубликовано уже довольно много исследований, однако большинство из них либо сугубо экономические, либо политико-экономические. Поэтому Джена сетует на то, что из виду часто упускается культурная составляющая в определении и переопределении аграрного модерна и аграрного капитализма. В своем исследовании он закрывает этот пробел, анализируя аграрный вопрос и изменение способа производства (в марксистском понимании данного термина) с социологической точки зрения, беря в расчет культуру и социальный статус как две ключевые переменные.

Главный тезис автора состоит в том, что социальный статус и культура совокупно определяют значение и престиж крестьянина/фермера и фермерской деятельности в индийском обществе. Культурно-статусные соображения влияют на самоопределение, понимание аграрного модерна и в конечном счете мотивацию сельских жителей к сельскохозяйственной занятости. Соответственно, в центр исследования автор поместил взаимоотношения и взаимовлияния между культурным самоопределением крестьянина, социальным статусом, демонстрируемым через управление впечатлениями, производимыми на окружающих, и множественными аграрными дискурсами на фоне изменяющегося способа производства в постколониальной сельской Индии.

Эти на первый взгляд абстрактные выводы автор делает на основе эмпирического исследования социальной жизни отдельно взятой индийской деревни. В качестве кейс-стади выбрано поселение Мерибахал округа Балангир штата Одisha на востоке Индии. Разумеется, Индия является большой страной во всех смыслах: территориальном, климатическом, демографическом, культурном, религиозном, экономическом, социальном и всех прочих. Поэтому данное поселение следует рассматривать в качестве модельного для засухливых восточных регионов Индии.

Аграрную модернизацию и аграрное развитие в Индии автор рассматривает как продукт взаимодействия трех составляющих индийского общества, а социально-экономические изменения в сельской Индии — через призму данной триады: 1) аграрный модернизационный дискурс, определяющий государственную аграрную политику; 2) социальная структура сельских сообществ Индии, определяющая социальный статус крестьянина; 3) сельская культура, формирующая самоопределение крестьянина и крестьянского труда.

Первым элементом этой триады является государственно-политическая составляющая, в которой формируется аграрный дискурс и государственная аграрная политика. Именно этот дискурс

определяет модернизационные проекты в сельской Индии. В свой постколониальный период Индия вошла под флагом идеологии государственного девелопментализма и «высокого модернизма»³. Применительно к сельскому хозяйству это означало производить больше с использованием достижений науки и технологий. За это время в Индии произошла «зеленая революция», повысившая производительность сельского хозяйства, была фаза государственных программ поддержки сельского хозяйства, и, наконец, неолиберально-рыночная стадия государственной политики. Общим для всех этих этапов была центральная роль государства как главного агента модернизации.

Помимо общенационального аграрного дискурса и модернизационного проектирования, существует и локально-культурный уровень сельской Индии, т.е. того объекта, на который и направлен этот модернизационный порыв. Здесь вступают в дело социокультурные особенности традиционного индийского общества, которые при столкновении с глобальным модернизационным проектом превращают его в ряд локальных или альтернативных модернизмов⁴. Автор и прослеживает социокультурные основания сельской Индии на примере локального сельского сообщества деревни Мерибахал.

Одной из широко известных особенностей индийского общества является ее кастовая система. Может показаться, что это уже пережиток прошлого, который существует только номинально, как многие монархии в европейских странах. Однако это далеко не так. Касты до сих пор влияют на социальную стратификацию и социальные взаимоотношения в индийском обществе, хотя и не так интенсивно, как это было в эпоху расцвета кастовой системы.

В аграрных сообществах Индии касты обычно определяются как своего рода сословные группы, границы которых обуславливаются происхождением (родословной), родом деятельности (профессией) и территорией. Касты выстроены в иерархический порядок согласно ритуальным представлениям о «чистом» и «грязном». Внутри каждой касты существуют свои обычаи на разные случаи жизни, а также мифологические представления об истории происхождения своей касты. На первый план стоит поставить обычаи относительно трудовой деятельности (профессии) и вступления в брак. Традиционно представитель касты был ограничен в выборе профессии (выбирал среди подходящих занятий для данной касты) и должен был

3. Скотт Дж. (2005). Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты по улучшению условий человеческой жизни. М.: Университетская книга.

4. Appadurai A. (1991). Global ethnoscaples: Notes and queries for a transnational anthropology // *Recapturing Anthropology* / R. G. Fox (ed.). Santa Fe: School of American Research Press; Shivaramakrishnan S., Agrawal A. (2003). *Regional Modernities: The Cultural Politics of Development in India*. Stanford: Stanford University Press.

вступать в брак только с представителем своей касты (кастовая эндогамия). И если в современной Индии выбор профессии стал менее подвержен влиянию касты (хотя все еще существует), то влияние касты на брачное поведение остается еще значительным.

Как в колониальный период, так и в постколониальное время власти (сначала британские, затем индийские) старались реформировать традиционную социальную структуру сельских сообществ в Индии, однако кастовая система оказалась довольно устойчивой и смогла пережить многочисленные государственные реформы. Хотя было бы неверным сказать, что в современной сельской Индии касты функционируют точно так же, как и в далеком прошлом, но они (особенно в сельской Индии) остаются ключевым принципом социальной стратификации. В экономическом плане принадлежность к касте определяет набор прав и доступ к земле и другим ресурсам. Главенствующие касты до сих пор являются основной силой в экономических и политических вопросах. Например, члены главной землевладельческой касты получили наибольшую выгоду от первой волны «зеленой революции» в сельском хозяйстве Индии. Именно из членов этой касты образовался класс фермеров-предпринимателей⁵. Такая аккумуляция ресурсов и возможностей в руках главенствующих каст происходит не только на макроуровне, но и на уровне отдельной деревни. Чем выше каста, тем больше альтернативных ресурсов она способна привлекать в своих интересах.

На кастовую структуру накладывается еще и этническое (племенное) разнообразие. В совокупности эти два фактора образуют кастово-племенную структуру локального сельского сообщества. Например, в деревне Мерибахал насчитывается более 38 каст и этнических групп (племен), некоторые из них составляют значительную часть населения деревни (18 или 15%), а некоторые составляют доли процента. Сюда добавляется еще и языковое разнообразие, хотя некоторые племена деревни являются билингвами и общим языком является ория. Эта кастово-племенная структура не навязана сверху, она глубоко укоренена в сознании местного населения, так что каждый житель деревни может сказать, к какой касте или племени он принадлежит, а также представляет, какие касты являются выше или ниже его собственной в социальной иерархии.

Каждая каста и племя деревни образуют собственное сообщество, которое диктует своим членам правила поведения, включая брачные и родственные отношения, различные ритуалы по случаю рождения, смерти и т.п. В сообществе обычно есть позиции главы, секретаря и казначея. Такие сообщества на уровне отдельного поселения образуют сетевые связи с аналогичными сообществами других поселений в регионе. Более того, существуют пе-

5. Vasavi A. R. (2012). *Shadow Space: Suicides and the Predicament of Rural India*. New Delhi: Three Essays Collective.

риодические собрания кастовых сообществ на районном уровне и даже выше, куда каждое локальное кастовое сообщество отправляет своих представителей. Эти собрания проходят попеременно в одной из деревень района (обычно раз в год). На этих собраниях решаются как внутренние вопросы жизни сообществ, так и вопросы взаимоотношения с государственными органами и отстаивания своих интересов.

Кастово-племенная социальная структура деревни не означает закрытость этих социальных образований друг от друга. Отношения дружбы и соседства существуют поперек кастовых и племенных границ. Такие личные связи оказываются особенно важными в кризисные периоды: смерть кормильца семьи, засуха, финансовые проблемы и т.п.

В гендерном отношении кастово-племенные сообщества деревни являются традиционно патриархатными. Разделение труда носит четкий гендерный характер: есть мужские и женские занятия. В принятии решений доминируют мужчины. Женщины исключены из собраний этих сообществ. При этом сами женщины считают, что политика — это дело мужчин. Это справедливо по отношению ко всем кастовым и племенным сообществам деревни Мерибахал без исключения. Несмотря на то что главой муниципалитета в Мерибахале является женщина, она играет роль прокси-главы для своего мужа, который и принимает все решения⁶. Такая практика саботажа на местах попыток государства усилить положение женщин и низших каст и племен⁷ является довольно распространенной в сельской Индии. Это яркий пример того, как традиционализм сопротивляется проектам модернизации.

Несмотря на то что кастовые и племенные границы не являются непроницаемыми барьерами, они все-таки сильно структурируют социальную жизнь деревни. В Мерибахале это четко выражено в пространственной организации домохозяйств. Домохозяйства, принадлежащие к одному кастовому или племенному сообществу, располагаются рядом друг с другом, образуя своего рода кастовый или племенной район, а расстояния между этими «районами» порой довольно значительны. Нередко кастовые «районы» отделены друг от друга сельскохозяйственными угодьями или лесными массивами. Сами представители кастовых сообществ дают такому раздельному расселению еще и социально-экономическое обоснование. Так как этот район Индии является засушливым, то плотное расселение представителей одной касты объясняется тем, что так легче переносить периоды засухи, когда домохозяйства активно распре-

6. Орган местного самоуправления в Индии называется панчаят, а глава панчаята сарпанч. Сарпанч — это выборная должность.

7. Такие касты и племена называются зарегистрированными.

деляют еду между собой, т.е. вовлечены в то, что Дж. Скотт называл моральной экономикой⁸.

Подобная кластерная структура расселения внутри деревни характерна не только для Мерибахала, но и практически для всех остальных деревень этого региона Индии. Различные проекты модернизации в постколониальный период, реализуемые государством через различные программы развития, не разрушили этих кастово-племенных барьеров, но все-таки повлияли на культуру, сознание и поведение сельских жителей. Кастовые и племенные сообщества сельской Индии все больше становятся политическими сообществами, готовыми влиять в своих интересах на проводимые реформы. Традиционно высокая внутригрупповая солидарность была механизмом адаптации к периодическим засухам. Теперь же, создав плотную сеть между кастовыми сообществами на уровне района и выше, данные группы обрели возможность на политические действия.

Подобные плотные, порой «удушающие», внутригрупповые связи, с одной стороны, консервируют сельские сообщества и затрудняют реформирование сельской местности. С другой стороны, ослабление этих связей приводит к процессу «раскрестьянивания» и пауперизации наиболее уязвимых сельских домохозяйств в кризисные периоды, например, во время засух. Обычно процесс социальной дифференциации (или классового расслоения, если обсуждать этот процесс с марксистских позиций) связывают с развитием капиталистических отношений в традиционной сельской местности, т.е. используют исключительно экономический взгляд на общество. Однако изменения в социальных отношениях на микроуровне могут также сильно повлиять на этот процесс.

Помимо кастовой кластеризации деревня обладает еще и формальным статусом в государстве как единое поселение. Следовательно, в Мерибахале есть свой орган управления и публичная сфера со своими ресурсами. Однако и эта публичная сфера управляется на основе кастового принципа, в том смысле, что решения принимаются представителями господствующих каст или какой-либо одной касты. Управляющий орган (комитет) может состоять из представителей разных каст и племен, но, как правило, представители более низких каст ходят туда просто для того, чтобы послушать, но не повлиять на принимаемые решения. Тем не менее публичное пространство деревенского пруда, созданного для купания и запаса воды на случай засухи, стирает кастовую иерархию. Правда, гендерное разделение все же остается, т.к. пруд поделен на четыре угла, два из которых мужские, а два женские.

Доминирующие локальные касты оказывают сильное влияние

А. А. Куракин

Состояние сельского
модерна
в современной
Индии

8. *Scott J.* (1976). *The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia*. New Haven and London: Yale University Press.

на процессы модернизации в индийской деревне, так как именно доминирующие касты получили наибольшие преимущества от «зеленой революции». Во-первых, традиционный классовый подход в данном случае сталкивался с иной реальностью в виде кастовой структуры. Во-вторых, сами касты в результате модернизационных процессов стали приобретать черты классов. В-третьих, в разных районах могут доминировать разные касты. Доминирование определяется не только положением в общей иерархии каст, но и численностью той или иной касты в определенной местности. Следовательно, доминирование разных каст в различных локальностях усиливает разнообразие и неоднородность последствий модернизационных процессов. В итоге именно кастовая структура стала одной из главных причин фрагментации модернизационного проекта в сельской Индии.

Кроме того, модернизационные процессы стали менять имидж и самосознание традиционных доминирующих каст. Популярность приобретают такие понятия, как «класс собственников», «богатые крестьяне», «прогрессивные капиталистические фермеры», «капиталистические сельскохозяйственные предприниматели».

В Мерибахале доминирующая каста составляет 15% от населения и владеет половиной земель поселения⁹. Она активно вовлечена в коммерческое сельское хозяйство в виде производства хлопка из гибридных семян. Представители этой касты могут себе позволить расходы на гибридные семена и удобрения, т.к. имеют доступ к дешевым кредитам в банках и по государственным программам, реализуют ирригационные проекты государства в деревне, т.к. именно они контактируют с государственными агентами. Они обладают развитым социальным капиталом в виде связей на внешних рынках и в государственных учреждениях. Также и культурным капиталом в виде образа «хорошего фермера», которому с готовностью дают кредиты и осуществляют государственные программы в его интересах. «Хороший фермер» — это образ деловитого сельского предпринимателя, опирающегося на современные знания, опыт и организаторские способности вести прибыльный сельскохозяйственный бизнес. Этот образ транслируется не только вовне, но и оказывает деморализующее влияние внутри самой деревни, демотивируя представителей других каст даже участвовать в обсуждениях государственных программ в деревне. Кастовое доминирование приводит к процессу классовой дифференциации, раскрестьянивания и миграции представителей подчиненных каст в города в виде наемных работников.

«Зеленая революция» в сельском хозяйстве Индии и процессы коммерциализации сельскохозяйственных земель запустили клас-

9. Мы не будем здесь приводить названия каст и племен, чтобы не запутывать читателя подробностями, за которыми можно обратиться непосредственно к книге.

совую дифференциацию сельских сообществ¹⁰. Это, в частности, означает формирование класса наемных работников из числа мелких крестьян. В Индии этот процесс происходил и происходит под воздействием существующей кастовой структуры, когда группа наемных работников формируется преимущественно из числа представителей низших каст. В Мерибахале большинство семей из низших каст и племен в настоящее время полагаются исключительно на наемный труд и лишь немногие совмещают его с сельскохозяйственной занятостью на собственной земле. Расставание с крестьянским трудом вызвано недостаточностью финансовой поддержки для приобретения сельскохозяйственного оборудования и удобрений, отсутствием политических связей и изоляцией от политических процессов в поселении, в результате чего эти семьи остаются за бортом государственных программ и кредитных ресурсов. Господствующие касты, напротив, это все имеют и вытесняют остальных из сельскохозяйственной сферы. Все это происходит на фоне коммерциализации сельского хозяйства, что приводит к новым, более жестким, требованиям к эффективности и прибыльности производства. Наемный труд этих семей носит сезонный и во многом precarious характер: в сельскохозяйственные сезоны они трудятся на фермах у господствующих землевладельцев, в другие периоды заняты на земляных работах, прокладке дорог, строительстве, в ремесленном производстве и т.п. В деревне распространена сезонная трудовая миграция.

Модернизационные процессы затрагивают не только традиционную кастово-племенную организацию сельской Индии, но и само сельскохозяйственное производство. В данном случае модернизация означает переход от традиционных форм земледелия к современному, капиталоемкому, высокопродуктивному и прибыльному коммерческому сельскому хозяйству. В Мерибахале символом таких перемен стал постепенный переход от выращивания зерновых к возделыванию хлопка как более коммерчески выгодной культуре. В «физическом» плане такой переход означал переоценку ценности имеющихся сельскохозяйственных земель, т.к. одни типы земель лучше подходят для хлопка, нежели другие. В ментальном плане эти изменения также означают перестройку традиционного крестьянского сознания на коммерческий лад.

И здесь автор антропологически подробно описывает, что представляет собой это традиционное крестьянское сознание жителей Мерибахала, которое призван изменить модернизационный проект¹¹. Оно выражается в локальном знании, институтах и сельскохозяйственных практиках крестьян Мерибахала, которые вместе

10. Jodhka S. (2003). Agrarian structures and their transformations // Oxford India Companion to Sociology and Social Anthropology. Vol. 2 / ed. by Veena Das. New Delhi: Oxford University Press.

11. Мы не будем здесь подробно описывать содержание этого сознания.

составляют ту самую моральную экономику и этику выживания, описанную еще Скоттом¹². Локальное знание, которое призвана заменить современная агрономия, состоит из наблюдений за закономерностями природы, которые можно использовать для получения хороших и, что даже более важно, стабильных урожаев. Различные типы земель получают свое локальное название, крестьяне хорошо понимают, для каких культур какая земля лучше подходит с поправкой на сезоны. К типам земель привязаны сельскохозяйственные культуры и разные типы севооборотов. Социальная категоризация времени также жестко привязана к сельскохозяйственным работам.

Особая важность придается явлениям дождя и засухи, т.к. Мерибахал находится в засушливом районе Индии, и все, что связано с водой, очень подробно отражено в крестьянском сознании жителей Мерибахала. Крестьяне различают семь типов дождей, в зависимости от того, когда те выпадают, и могут точно объяснить, для чего каждый тип дождя нужен. Соответственно, они стараются подгадать наиболее подходящую последовательность культур в севообороте в зависимости от того, выпал тот или иной тип дождя либо нет. Автор описывает различные ритуалы, связанные с сельскохозяйственными практиками, которые важны для жителей деревни вне зависимости от касты. Адаптация к засухам также является важной частью жизни крестьян Мерибахала. Она сильно укоренена в опыте, порой горьком, предыдущих поколений и коллективной памяти и закреплена в сельскохозяйственных практиках и местной мифологии. Например, голод 1899 года до сих пор присутствует в бытовом общении в виде присказок и поговорок. Локальное знание крестьян содержит точные инструкции по тому, что на каком типе земли сеять и в какой последовательности в ситуации засухи и голода.

Несмотря на кастово-племенные барьеры и порой непростые взаимоотношения между этими социальными группами, в Мерибахале традиционно существовала локальная солидарность на основе общего крестьянского труда и угрозы засухи и голода. Согласно принципам моральной экономики, в периоды голода сильные не давали слабым умереть. Эта традиционная локальная солидарность начала размываться в ходе процессов модернизации индийской деревни.

Модернизационный процесс в сельской Индии, изначально призванный гомогенизировать социально-экономическое пространство, породил различные формы сельского модерна, столкнувшись с локальным крестьянским сознанием, культурой и социальной структурой. Модернизация в виде триады науки, технологий и рынка

12. *Scott J.* (1976). *The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia*. New Haven and London: Yale University Press.

призвана заместить собой традиционную сельскую агрономию и заодно перестроить социальную структуру индийской сельской местности. В случае Мерибахала это предполагает забвение традиционного крестьянского мастерства, продовольственного суверенитета и связанных с ним практик и переход на монокультуру хлопка, ориентированного целиком на внешний рынок. Переход на хлопок, прежде всего, приводит к переоценке качества земли, т.к. традиционно самый низкокачественный тип земли в Мерибахале лучше всего подходит для выращивания хлопка. Это привело к попыткам господствующих групп перераспределить землю в своих интересах, а также открыло возможности для низших слоев войти в коммерческое сельское хозяйство со своими наделами земли, которая прежде считалась бросовой. Проводятся попытки конвертировать ранее престижные типы земли в «хлопковый» земельный тип, а также получить «хлопковую» землю за счет вырубки леса. Традиционные ритуалы и практики, связанные с землей, теряют свою актуальность в новых условиях. Соответственно, вся социальная организация, выстроенная вокруг традиционного сельского хозяйства, также постепенно теряет свою функциональность.

В Мерибахале коммерциализация сельского хозяйства и переход на хлопок существенно поменяли традиционное крестьянское сознание и практики, особенно молодого поколения. Среди молодых крестьян занятие хлопком стало престижным и признаком высокого статуса. Однако у старшего поколения и малоземельных крестьян все еще сохраняется ориентация на избегание риска, поэтому они стараются сочетать занятие хлопком и выращивание традиционных культур, не переводя всю землю под хлопок и не меняя ее качества. Понимая свое невыгодное положение по сравнению с господствующими кастами (доступ к дешевым кредитам, семенам и удобрениям по выгодным ценам и т.п.), представители низших каст и племен рационально и критически относятся к внешнему давлению по переходу к коммерческому сельскому хозяйству, сознавая свои повышенные риски.

Кастово-племенные отношения также накладывают свой отпечаток на процессы модернизации. Если во многих регионах сельской Индии господствующие касты начали переориентироваться с сельского хозяйства на современные городские занятия, оставляя в сельской местности вакуум для других каст, то в Мерибахале такого не случилось. Господствующая каста стала переориентировать свое производство под коммерчески выгодный хлопок, используя свой обширный социальный и символический капитал для привлечения поддержки от государства и внешних коммерческих структур. Однако у нее неожиданно появился конкурент в виде одного из местных племен (низкого по статусу в иерархии, но многочисленного), тоже ставшего активно заниматься выращиванием хлопка. Представители этого племени исторически владели землей самого низкого качества, но она как раз и подходит лучше всего для

возделывания хлопка. Поэтому они стали объектом внимания хлопковых компаний и посредников, которые помогли им войти в этот бизнес. В итоге в Мерибахале появились два типа коммерчески ориентированных фермеров: один в лице традиционной господствующей касты, а другой — в лице маргинального племени. Автор образно называет первых «системными», а вторых «анархическими», в том смысле, что первые полагаются на систему своих социальных связей и общественное положение, а вторые — исключительно на нестабильные отношения с внешними рыночными агентами.

Перестройка принципов ведения сельского хозяйства на рыночно-ориентированный лад приводит к двум главным социальным последствиям. Во-первых, традиционная система избегания риска заменяется на систему, где риск является неотъемлемой ее частью. Автор называет это состояние чувством «онтологической незащищенности». Наиболее сильно это отражается на мелких и маргинальных крестьянских хозяйствах, которые могут не пережить даже одной неудачи в рамках такой системы. Неудивительно, что все это приводит к процессу раскрестьянивания в этих социальных группах. Во-вторых, в крестьянской среде распространяется неолиберальный принцип «сделай себя сам». Такая индивидуализация в рамках сельской среды приводит к сочетанию, с одной стороны, личных амбиций и стремлению показать себя другим, а с другой — к потере коллективной поддержки и анонии, что нередко приводит к печально известному феномену фермерских самоубийств¹³.

Rural modernity in contemporary India

Book review: Jena S. (2024) *Agrarian Modernity and Development in India: Postcolonial Rurality*, Cambridge Scholars Publishing.

Alexander A. Kurakin, Senior Researcher, Laboratory for Studies in Economic Sociology, National Research University Higher School of Economics. Myasnitckaya St., 20, Moscow, 101000, Russia. E-mail: chto-delat@yandex.ru

13. См. также: *Suthar S. K. (2022). Dilapidation of the Rural: Development, Politics, and Farmer Suicides in India. London: Palgrave Macmillan.*

Между «агентами модернизации» и крестьянской инициативой: неразрешенные вопросы истории российской кооперации

Рецензия на книгу: Сафронова А. Блеск и нищета российской кооперации. Как народ приучали к современности, 1860–1930. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 448 с. ISBN 978-5-4448-2583-9

А. Н. Зубков

*Артем Николаевич Зубков, председатель Комитета Воронежской областной думы по вопросам местного самоуправления и средствам массовых коммуникаций.
394018 г. Воронеж, ул. Кирова, д. 2. E-mail: art-zubkov@yandex.ru*

EDN: XJABOU

Монография Анны Сафроновой, вышедшая в 2024 году в русском переводе с французского оригинала 2023 года, представляет радикальный пересмотр устоявшихся представлений о российском кооперативном движении. Книга заслуживает особого внимания не только как первая попытка цельного анализа российской кооперации от истоков в 1860-х годах до сталинского «великого перелома» 1929–1930 годов, но и как вызов традиционной историографической трактовке кооперативов как воплощения гражданского общества и низовой демократической самоорганизации.

Центральный тезис Сафроновой провокационен: кооперативы в России были не столько проявлением автономной гражданской активности, сколько гибким инструментом модернизации в руках просвещенных элит, причем эта функциональная логика сохранялась как при царской, так и при большевистской власти. Автор утверждает структурную преемственность между дореволюционной и советской кооперацией, выявляя общий паттерн «приучения к современности» — навязывания «отсталым» массам новых форм экономического поведения агентами модернизации. Подобная интерпретация резко контрастирует с влиятельной традицией, восходящей к работам А. В. Чаянова и его последователей, рассматривавших кооперацию как органическую форму крестьянской самоорганизации и альтернативу капиталистическому развитию деревни.

Методологическая оригинальность исследования состоит в отказе от нормативного подхода к кооперации. Сафронова демонстрирует эпистемологическую слабость идеализированного образа

«настоящего» кооператива, восходящего к рочдельским принципам 1844 года. Она предлагает рабочее определение кооператива как многофункционального инструмента модернизации — совокупности практик и дискурсов конкретной социальной группы (агентов модернизации), направленных на преобразование общества. Такой подход позволяет включить в анализ весь спектр организаций, называвших себя кооперативами, от кредитных товариществ до гаражных кооперативов, от потребительских обществ до промысловых артелей.

Впрочем, именно здесь возникает первая серьезная проблема, на которую обратил внимание в своей критической рецензии Штефан Мерль. Немецкий историк-русист указывает, что определение Сафроновой слишком широкое и не учитывает базовые характеристики кооператива: автономию членов в принятии решений, добровольность членства и намерение предоставить преимущества своим участникам¹. Мерль справедливо замечает, что советские потребительские кооперативы с обязательным членством и сельскохозяйственные кооперативы, после 1927 года вынужденные выполнять обязательные государственные заказы в ущерб интересам членов, не должны классифицироваться как кооперативы. Отказ от минимальных критериев превращает понятие «кооператив» в аналитически бесполезную категорию, охватывающую любые организации, использовавшие это самоназвание.

Более того, Мерль выявляет ключевую фактическую ошибку в аргументации Сафроновой. Ее утверждение о «централизованном управлении» кооперативами в царской России не соответствует действительности: центральной организации кооперативов до 1912 года не существовало². Министерство внутренних дел блокировало создание союзов из страха перед революционными силами. Петербургский комитет содействия сельскохозяйственным кооперативам, на который ссылается Сафронова, был общественным институтом без административных или финансовых ресурсов для «контроля» над кооперативами. Московский союз потребительских обществ, основанный в 1898 году, до 1912 года объединял лишь около 5% потребительской кооперации. Это подрывает центральный тезис книги о сходе «контроля» над кооперативами при царизме и большевиках.

Действительно, как показывают современные исследования российской кооперации, ситуация была гораздо сложнее. А. В. Соболев, В. М. Пахомов и А. С. Рыкалин в своей работе о фундаментальных проблемах кооперативов подчеркивают, что российская кооперация развивалась в русле двух теоретических парадигм —

1. *Merl S.* (2025). [Рец.] Сафронова А. Блеск и нищета российской кооперации. Как народ приучали к современности, 1860–1930 // Пути России. Т. 3. № 3. С. 236.

2. Там же. С. 235–236.

неоклассической экономической теории и новой институциональной экономики³. Если в неоклассической традиции кооперативы рассматривались как форма вертикальной интеграции крестьянских хозяйств (концепция И. В. Емельянова), то неоинституциональная теория акцентирует внимание на проблемах прав собственности, трансакционных издержек и институциональных разрывов между формальными правилами и неформальными практиками. Сафронова фокусируется исключительно на дискурсивном уровне, игнорируя реальные экономические функции кооперативов и их значение для крестьянских хозяйств.

Еще одна серьезная проблема связана с тем, что Сафронова уделяет недостаточно внимания реальным интересам и практикам рядовых членов кооперативов. Как справедливо отмечает Мерль, книга сосредоточена на «кооперативном дискурсе» элит, тогда как голос «простых людей» остается почти неслышимым. Между тем современные полевые исследования российской кооперации демонстрируют иную картину. О. Б. Божков, А. М. Никулин и И. К. Полещук в своей работе о сельской кооперации в Северном Нечерноземье показывают важность «симбиоза» формальных и неформальных практик кооперации на местах⁴. Авторы вводят понятие «эксполярных экономик» (Т. Шанин), подчеркивая, что между глобальными институциональными силами государства и рынка присутствует богатый мир неформальных экономик домохозяйств и сообществ, часто со своими кооперативными практиками. Именно эти низовые практики взаимопомощи и солидарности, не всегда оформленные юридически, обеспечивали выживание и развитие сельских территорий.

Концепция «агентов модернизации» Сафроновой, безусловно, продуктивна для анализа российской модернизации в целом. Она объединяет разнородные социальные группы — аграрных экономистов-либералов, умеренных социал-демократов, немарксистских социалистов, большевиков-кураторов — выявляя их общую функцию воздействия на «темные массы» во имя их блага, но без учета их собственных интересов и смыслов. Однако, как показывает Мерль, инициатива создания кредитных кооперативов после 1904 года исходила не от кураторов или государственных инспекторов, а от особой группы посредников — сельских учителей и священников, живших в прямом контакте с крестьянами. Министерство финансов осознавало необходимость таких местных инициаторов

А. Н. Зубков
Между «агентами модернизации» и крестьянской инициативой: неразрешенные вопросы истории российской кооперации

3. Соболев А. В., Пахомов В. М., Рыкалин А. С. (2020). Сельскохозяйственные кооперативы: институциональный и региональный подтекст // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. № 1. С. 29–48.
4. Божков О. Б., Никулин А. М., Полещук И. К. (2020). Сельская кооперация в Северном Нечерноземье: официальные и неформальные практики // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 20. № 4. С. 889–904.

и даже оказывало давление на Православную церковь и Министерство образования, чтобы разрешить священникам и учителям заниматься организацией кооперативов и брать на себя оплачиваемую работу бухгалтеров.

Принципиально важным представляется вопрос о различии между «контролем» при царизме и при большевиках. Сафронова утверждает, что паттерн был схожим в обоих случаях. Мерль убедительно опровергает это утверждение. При царизме кооперативы сохраняли автономию от государства, даже если получали государственные займы. Райффайзеновские кредитные кооперативы не требовали паевых взносов, но получали государственный заём в уставный капитал, и именно поэтому государственный банк предписывал контроль над их финансами. Однако инспектора государственного банка не могли вмешиваться в решения общего собрания кооператива — они лишь предлагали решения для голосования. Этот контроль имел позитивный эффект: он способствовал формированию доверия к кредитным кооперативам, члены начинали вносить свои сбережения в качестве вкладов, усиливая их работу. При большевиках ситуация была принципиально иной: государство не уважало автономию членов, навязывало выполнение государственных заказов, нарушая интересы членов, и связывало кооперативы с классовой политикой, исключая «классово чуждых». Союзы превратились в организации контроля над кооперативами и их членами.

Французская исследовательница Каролин Файоль в своей рецензии на французское издание книги Сафроновой подчеркивает центральный парадокс: «В то время как рабочая автономия находится в сердце ассоцианистского идеала, поддерживаемого социалистами в Западной Европе, российский пример особенно показателен для возможного присоединения кооперативного движения к проекту “модернизации”, подразумевающему конфискацию власти действия у народных классов»⁵. Это наблюдение указывает на специфику российского кооперативного движения, но не отрицает того факта, что многие кооперативы все же предоставляли реальные преимущества своим членам и формировались по инициативе снизу.

Исследование Сафроновой игнорирует важные типы кооперативов. Как отмечает Мерль, автор практически не рассматривает сельские потребительские кооперативы (тип, существовавший только в России) и сберегательно-судные кооперативы, работавшие с паевыми взносами. Между тем эти формы организации развивались преимущественно снизу и не вписываются в схему «контроля элит». Сафронова уделяет внимание малочисленным промысловым

5. *Fayolle C.* (2024). Anna Safronova, Histoire des coopératives russes et soviétiques (1860–1930). Moderniser le peuple // *Revue d'histoire du XIXe siècle*. No. 69. P. 206.

артелям, которые едва ли были частью кооперативного движения, но упускает из виду массовые формы кооперации.

Вместе с тем нельзя отрицать значительные достоинства монографии Сафроновой. Книга опирается на впечатляющую источниковую базу: законодательные акты, делопроизводственную переписку министерств, отчеты политической полиции, сводки ГПУ, отчеты инспекторов кооперации 1896–1929 годов, протоколы собраний местных кооперативов, кооперативную периодику. Автор впервые вводит в научный оборот обширный массив документов, позволяющих реконструировать не только официальный дискурс, но и реальные практики, нарушения, конфликты. Отчеты инспекторов обнажают разрыв между формальными правилами и повседневным функционированием кооперативов: невыборность правлений, отсутствие собраний членов, использование средств не по назначению, фальсификацию отчетности.

Особую ценность представляет анализ периода НЭПа и перехода к сталинской коллективизации. Сафронова убедительно демонстрирует, как инструментализация кооперативов большевиками сопровождалась эрозией ассоциативных практик: плохое функционирование потребительских кооперативов дискредитировало их в глазах населения, цели производственных кооперативов извращались в интересах нечестных предпринимателей. Постепенное закрытие сельскохозяйственных кооперативов как «нерентабельных» подготовило почву для насильственной коллективизации. Как отмечает Файоль, после сталинского «великого перелома» мечта о «третьем пути» между либеральным капитализмом и коллективизмом оказалась «окончательно разбитой».

Данная книга вносит важный вклад в дискуссию о соотношении инклюзивных и экстрактивных институтов в российской истории. Опираясь на концепцию Д. Аджемоглу, С. Джонсона и Д. Робинсона (лауреатов Нобелевской премии по экономике 2024 года), можно сказать, что кооперативы в принципе являются инклюзивными институтами, нацеленными на включение широких слоев в экономическую и социальную жизнь⁶. Однако в российских условиях они часто превращались в экстрактивные институты, направленные на исключение большей части общества из процесса принятия решений и распределения доходов. Сталинская коллективизация довела эту тенденцию до логического завершения.

Сафронова справедливо критикует три историографических мифа: о кооперации как проявлении гражданского общества, о непреодолимой границе между обществом и репрессивной властью, о радикальном разрыве между дореволюционной и советской кооперацией. Однако, развенчивая эти мифы, автор создает новый — о тотальном контроле элит над кооперативным движением.

6. Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2021). Почему одни страны богатые, а другие бедные. М.: АСТ.

А. Н. Зубков
Между «агентами модернизации» и крестьянской инициативой: неразрешенные вопросы истории российской кооперации

ем. Реальность была гораздо более сложной и противоречивой. Как показывают современные исследования, в российской кооперации сосуществовали различные модели: от действительно подконтрольных государству или предпринимателям «карманных» кооперативов до подлинно низовых инициатив.

Особенно важным представляется вопрос о роли неформальных практик кооперации. Соболев обращает внимание на то, что в современной России кооперативы часто носят неформальный характер, значительно отклоняясь от классических кооперативных канонов, но главное, что такая кооперация обеспечивает выживание и развитие местных домохозяйств, малых форм бизнеса и локальных сообществ⁷. Этот феномен «симбиоза» формальных и неформальных практик требует чрезвычайно гибкой кооперативной политики, призванной преодолеть наследие исключительного бюрократического советского регулирования и возродить историческое наследие местной самоорганизации сельских сообществ. Сафронова фиксирует этот разрыв между формальным и неформальным, но недостаточно анализирует его значение для выживания кооперативных практик.

Монография Сафроновой ставит фундаментальный вопрос: возможно ли подлинное самоуправление «сверху»? Исторический опыт российской кооперации 1860–1930-х годов свидетельствует о глубоком противоречии в самой логике инициированного государством самоуправления. Навязывание формальных структур без органической социальной базы, финансовая зависимость от государства и использование в качестве инструмента контроля неизбежно ведут к имитации активности и дискредитации идеи самоорганизации. Впрочем, этот вывод требует существенной корректировки: государственная поддержка кооперации не всегда была негативным фактором. Как показывает Мерль, при условии соблюдения автономии членов ограниченная государственная поддержка на начальном этапе могла иметь позитивные эффекты и способствовать развитию подлинных кооперативов.

Современные исследования подтверждают сложность этого вопроса. Александр Куракин в своей рецензии на книгу М. П. Антоновой, Е. А. Гатаулиной, А. А. Потаповой и С. Н. Скоморохова о проблемах сельскохозяйственной потребительской кооперации отмечает, что «одной государственной поддержки здесь мало, какой бы продуманной и эффективной она ни была. Нужен еще запрос на кооперацию на низовом уровне, который в современной России выражен довольно слабо»⁸. Это обусловлено более фундаменталь-

7. Соболев А. В. (2024). Фундаментальные проблемы, концепции и области развития кооперативов // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. № 4. С. 30.

8. Куракин А. А. (2023). Потребительская кооперация на селе: причины неудач. Рецензия на книгу: Антонова М. П., Гатаулина Е. А., Потапо-

ными факторами, имеющими социально-экономическую и историческую природу, преодолеть которые существенно тяжелее, чем проблемы в законодательстве. Куракин ставит провокационный вопрос: «А нужна ли сельская кооперация, если население в ней не заинтересовано?» Однако он же отмечает, что кооперация — это не физиологическая потребность, которая самоочевидна для организма. Точно так же как людей обучают грамоте, кооперация нуждается в пропаганде и положительных примерах. Это прекрасно понимали еще российские теоретики кооперации начала XX века.

Название книги — «Блеск и нищета российской кооперации» — метафорически точно описывает траекторию движения. «Блеск» — впечатляющая экспансия (первое место в мире по темпам роста к 1914 году), развитая теоретическая школа (Туган-Барановский, Чаянов, Кондратьев), масштабная организационная структура, охватывавшая к 1914 году около 18,6 млн человек. «Нищета» — структурная зависимость от государства, разрыв между идеологией и практикой, неспособность стать автономной силой гражданского общества, трагический финал в виде сталинской коллективизации. Однако это описание не учитывает того факта, что 17 миллионов членов кооперативов к 1914 году — слишком большое число, чтобы объяснить его только административным принуждением и материальными стимулами. Вероятно, кооперативное движение было более гетерогенным, чем представляет Сафронова.

Название книги Сафроновой отсылает не только к историческим реалиям российской кооперации, но и к знаменитому роману Оноре де Бальзака «Блеск и нищета куртизанок». Эта литературная аллюзия глубоко символична. Критики кооперации часто подчеркивали сервильный, обслуживающий характер кооперации в интересах либо капиталистического рынка, либо социалистического государства. С этой точки зрения замечательные кооперативные организации оказываются как бы «куртизанками», обслуживающими не просто своих кооперативных членов, но своих истинных хозяев (капитализм или социализм) и зависящими от них. Подобно героиням Бальзака, российская кооперация демонстрировала внешний «блеск» успешности и респектабельности, скрывая внутреннюю «нищету» несвободы и зависимости. Эта метафора подчеркивает двойственность положения кооперативного движения: формально провозглашая автономию и самоуправление, оно фактически оставалось инструментом в руках более могущественных сил.

Книга оставляет без ответа ряд важных вопросов. Какова была степень автономии самих крестьян и рабочих — насколько они были пассивными объектами воздействия, а насколько активными субъектами, использовавшими кооперативы для реализации соб-

ва А. А., Скоморохов С. Н. (2022). Почему не развивается сельскохозяйственная потребительская кооперация в России? // Крестьяноведение. Т. 8. № 1. С. 168.

ственных стратегий? Почему в одних регионах России кооперативы сохранялись и развивались, а в других быстро исчезали? Какова роль гендерного фактора в кооперативном движении? Как различались модели кооперации на западных окраинах империи (Польша, Прибалтика, Финляндия), в Средней Азии, на Кавказе, в Сибири? Эти вопросы требуют дальнейших исследований.

Любовь Овчинцева в своём обзоре конференции, посвященной Международному дню кооперативов 2025 года, отмечает, что на примере развития кооперации в сельском хозяйстве были проанализированы проблемы развития кооперативов: дефицит управленческих кадров, необходимость создания скоординированной системы кооперативного образования, распространения информации, формирования кооперативной базы данных⁹. Эти проблемы имеют глубокие исторические корни, уходящие в период, исследованный Сафроновой. Вопрос о том, почему российская кооперация так и не смогла создать устойчивую систему низовой самоорганизации, остаётся открытым.

Монография Сафроновой представляет значительный вклад в историческую социологию российской модернизации, несмотря на отмеченные недостатки. Книга обязательна для чтения исследователям кооперации, крестьянства, истории российской модернизации, гражданского общества и социальных движений. Она открывает новые перспективы для изучения взаимоотношений власти и общества в России, заставляя критически переосмыслить устоявшиеся представления о природе самоорганизации и роли государства в её развитии. Вместе с тем критические замечания Мерля и данные современных исследований российской кооперации требуют существенной корректировки основных выводов Сафроновой. Будущие исследования должны сочетать анализ дискурсов элит с изучением реальных практик рядовых членов кооперативов, учитывать региональное разнообразие и институциональную гетерогенность российского кооперативного движения.

Between “agents of modernization” and peasant initiatives: Unresolved issues in the history of Russian cooperation

Book review: Safronova A. (2024) *Splendor and Misery of Russian Cooperatives. How the People Were Accustomed to Modernity, 1860–1930*, Moscow: NLO.

Artem N. Zubkov, Chairman of the Voronezh Regional Duma Committee on Local Government and Mass Communications. Kirov St., 2, Voronezh, 394018, Russia.
E-mail: art-zubkov@yandex.ru

9. Овчинцева Л. А. (2025). Международный день кооперативов 2025 // Крестьяноведение. Т. 10. № 3. С. 356.

Юбилей В. А. Ильиных

16 октября отметил 70-летний юбилей замечательный российский историк, специалист по аграрной истории России советского периода, член редакционного совета журнала «Крестьяноведение» Владимир Андреевич Ильиных. Научная жизнь Владимира Андреевича связана с Институтом истории Сибирского отделения РАН, в котором он уже много лет заведует сектором аграрной и демографической истории. Его перу принадлежат более 330 научных работ, в том числе авторские монографии «Коммерция на хлебном фронте: Государственное регулирование хлебного рынка в условиях нэпа, 1921–1927 гг.» (1992), «Масляная война» 1923–1928 гг. в Сибири (государство, кооперация и частный капитал на заготовительном рынке в условиях нэпа)» (1996), «Хроники хлебного фронта: заготовительные кампании конца 1920-х гг. в Сибири» (2010), «Налогово-податное обложение Сибирской деревни. Конец 1920-х — начало 1950-х гг.» (2004), «Сельскохозяйственная статистика в Сибири (1920–1930-е гг.)» (2020) и др., а также ряд книг в соавторстве, выход каждой из которых становился событием для нашей историографии. Основным объектом его исследований выступает аграрно-экономическая политика Советского государства периода НЭПа и коллективизации и ее результаты. Хотя его работы всегда имеют привязку к Сибири, они не замыкаются в этих географических рамках и через историю Сибири выходят на общероссийские и общеисторические проблемы. Его «Коммерция на хлебном фронте» — исследование, раскрывающее сущность и противоречия НЭПа, «Хроники хлебного фронта» рассказывают о сути коллективизации, пожалуй, больше, чем многие работы иных историков, посвященные собственно коллективизации. В поле зрения Владимира Андреевича не только 1920–1930-е годы, изученные им особенно подробно, но и аграрная история второй половины XX века, не только фактически пройденный крестьянством и сельским хозяйством путь, но и проекты преобразований аграрного строя, рождавшиеся в XX веке и оставшиеся невоплощенными. С его трудами, концептуальными построениями и выводами можно полемизировать, но невозможно отрицать их значимость и позитивное влияние на развитие постсоветской аграрной историографии. Редколлегия журнала «Крестьяноведение» присоединяется к многочисленным поздравлениям юбиляра и желает ему новых творческих успехов.

Крестьяноведение

2025. Том 10. №4

Учредитель: Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

119571, Москва, пр-т Вернадского, 84, корп. 9, оф. 2003
Редакция журнала «Крестьяноведение»
<http://peasantstudies.ru>
E-mail: harmina@yandex.ru

Подписано в печать 29.12.2025. Формат 70×100/16.
Усл. печ. л. 14,7. Заказ 22
Тираж 64 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии РАНХиГС

Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Коммерческий центр
тел. (495) 433-25-10, 433-25-02
delo@ranepa.ru
www.ranepa.ru